IMT Nuremberg Archives

H – 1210

International Court of Justice

H-1210

H1210 – 0002

С Т Е Н О Г Р А М М Ы

ЗАСЕДАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Том 32-й

Экз. 2-ой

С о д е р ж и т:

9 июля - утреннее и вечернее заседания

10 июля - утреннее заседание

11 июля - утреннее и вечернее заседания

12 июля - утреннее и вечернее заседания

15 июля - утреннее и вечернее заседания

16 июля - утреннее и вечернее заседания.

Страницы: с 15289-й по 15938-ю
включительно.

H1210 – 0003

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяю, что данный том, пронумерованный с 15289 стр. по 15938 стр., озаглавленный "Русские стенограммы" содержит в себе стенографическую запись судебных заседаний Международного Военного Трибунала по делу Германа Вильгельма Геринга и других на русском языке за период времени с 9 июля 1946 г. по 16 июля 1946 г.

Указанная запись на русском языке составлена на основании стенографических записей и сверена с электрозвукозаписью производившихся в суде.

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ:-
М а й о р: А. Полторак
/А.ПОЛТОРАК/

"24" декабря 1946 г.
г. Нюрнберг.

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 9 июля 1946 года.

/ Утреннее заседание/.

Встать! Суд идет!

КОМЕНДАНТ СУДА: Господа судьи, подсудимые Фриче и Гесс отсутствуют на сегодняшнем заседании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я должен зачитать распоряжение Трибунала. Трибунал постановляет:

I/ Ходатайство о вызове свидетелей по делу об организациях, которые должны быть заслушаны Трибуналом в открытом заседании, согласно 5 параграфу постановления Трибунала от I3 марта 1946 г.,должны быть переданы Генеральному Секретарю как можно в более короткий срок и во всяком случае не позже,чем 20 июля.

2/ Трибунал полагает,что в виду того,что большое количество свидетельских показаний уже было снято и в большом масштабе теперь,будет достаточно вызвать по каждой организации всего несколько свидетелей.

НЕЛЬТЕ: Господин председатель, господа судьи! Я вчера остановился на проблеме - Кейтель и поход в Россию. В связи с этим я напоминаю о том,что говорил Кейтель у свидетельского пульта о так называемых идеологических приказах. Он говорил: " Я знал их содержание,я передавал их дальше,несмотря на мое отрицательное отношение к ним,хотя я знал о тяжелых последствиях,которые могли вызвать эти приказы".

Я хотел предпослать это свое замечание моему дальнейшему изложению,чтобы сделать его более понятным,главным образом, в отношении его об'ема. Итак,я перехожу к странице II2-й, 4-й абзац.

Таким образом, с течением времени возникло мнение,которое распространилось во всей армии,что фельдмаршал Кейтель

H1210 – 0004

H1210 – 0005

является "поддакивателем", инструментом Гитлера, что он предает интересы армии. То, что этот человек изо дня в день вел по самым различным вопросам постоянную борьбу с Гитлером и теми силами, которые оказывали на него со всех сторон влияние, эти генералы не видели, да они и не интересовались этим.

Это представление, которое, как здесь подробно изложено, совершенно не соответствовало, в особенности в области стратегических операций - планирования и осуществления их - личности Кейтеля, стало искаженным представлением, которое сохранило свое действие до данного процесса, возможно, не без вины подсудимого Кейтеля. Относительно правильности его понимания служебного долга нельзя спорить по принципиальным соображениям, она была убедительно доказана здесь свидетелем адмиралом Шульте-Ментинг также и в отношении подсудимого гросс-адмирала Редера. Не подлежит сомнению, что и остальные адмиралы и генералы придерживались в основном той же точки зрения, что в военной сфере невозможно критиковать решение начальника, нашедшее свое выражение в приказе, его нельзя критиковать перед подчиненными даже в том случае, если сам имеешь сомнения в отношении этого приказа.

Можно возразить, что любой принцип, любое положение следует истолковывать и применять разумно, что любой перегиб хорошего принципа означает его обесценивание. Это возражение перерастает в деле Кейтеля в проблему его ответственности и вины вообще:

является ли виной просмотр пункта, в котором был сделан перегиб принципа, по своему существу правильного, при котором были подвергнуты опасности те ценности, которые этот принцип должен охранять?

В деле Кейтеля мы должны рассматривать этот принципиальный вопрос для военного сектора: мысли и представления, ко-

торые были у подсудимого Кейтеля в этой связи, заключались в следующем:

Неоспоримо то, что для любой армии необходим принцип повиновения; можно сказать, что повиновение - в гражданской жизни оно является добродетелью и поэтому более или менее неопределенно в своем применении - должно быть основным элементом характера солдата, а именно потому, что без этого принципа повиновения цель, которая должна быть достигнута армией, не могла бы быть достигнута. Эта цель - безопасность страны, защита народа, сохранение величайших национальных ценностей - настолько священна, что никак нельзя переоценить значения принципа повиновения. Отсюда для тех, которые призваны сохранить национальный инструмент армии в духе его высшей задачи, вытекает долг обращать внимание на значение повиновения. То, что, однако, требует генерал от солдат, так как это необходимо, он должен отнести также и к себе. Это относится также к принципу повиновения.

Далее, было бы опасно ослаблять приказ или даже важный принцип тем, что с самого начала указывать на перегибы и принимать их во внимание. Такое ослабление поставило бы принцип в зависимость от решения индивидуума, то-есть от его усмотрения. Возможны такие случаи, когда решение зависит от данной обстановки или может быть поставлено в зависимость от нее. В принципе такое ослабление привело бы к обесцениванию, даже к ликвидации этого принципа. И для того, чтобы предотвратить эту опасность и ликвидировать какие-либо сомнения в его абсолютном значении, принцип повиновения в военной сфере развили до "безусловного повиновения" и включения его в воинскую присягу. Это относится к генералу в такой же степени, как и к простому солдату. Подсудимый Кейтель не только вырос в духе этих идей, он до 1938 г., за 37 лет его военной службы, включая мировую войну, пришел к

15291

H1210 – 0006

H1210 – 0007

убеждению, что этот принцип повиновения является самой прочной опорой, на которой виждется армия и тем самым безопасность страны.

Глубоко проникнутый значением своей профессии, он служил на основе этого принципа Кайзеру, Эберту и фон Гинденбургу.

В то время, однако, как они в качестве представителей государства были для Кейтеля в некоторой степени обезличены и носили характер символов, Гитлер в начале 1934 года, повидимому, выступал для него в той же роли, несмотря на упоминание его фамилии в воинской присяге в роли представителя государства, и он не имел с ним личного контакта. В 1938 году Кейтель в качестве начальника ОКВ вошел в непосредственное окружение и сферу личного воздействия Гитлера. Мне кажется, что для дальнейшего хода рассуждений и для оценки Кейтеля важно вспомнить, что Кейтель вследствие изложенного, особо развитого у него чувства воинского повиновения, с этого момента находился в сфере непосредственного воздействия личности Гитлера. Я склоняюсь к мнению, что Гитлер во время предварительных переговоров с Кейтелем, которые привели к указу фюрера от 4.П. 1938 года, хорошо понял, что Кейтель был человеком, которого он мог использовать для своих планов; человеком, на которого он в любое время мог рассчитывать, как на солдата, который был ему предан в духе непоколебимой воинской верности, который мог достойно представлять армию в его окружении, то-есть в целях представительства, который, согласно имевшейся у него характеристике /по докладу фельдмаршала фон Бломберга/ обладал исключительной работоспособностью в области организации.

То, что Гитлер оказывал сильное влияние на этого человека, который честно восхищался им и окончательно подчинил его себе, является фактом, который признал сам Кейтель.

15291

H1210 – 0008

Это нужно принять во внимание, если хотят понять, как могло произойти, что Кейтель составлял и рассылал приказы Гитлера, которые были несовместимы со взглядами германского офицера, как, например, приказы, пред'явленные советским обвинением./Документы С-50 и ПС-447 и другие/.

Гитлер умел, используя готовность к выступлению в защиту Германии, существование которой он мог, безусловно, предположить у всех генералов, замаскировать свои установки, обусловленные партийно-политическими планами, защитой национальных интересов и изображать предстоящую войну с Советским Союзом, как непредотвратимый конфликт, даже как якобы на основании достоверных сообщений, как навязанную оборонительную войну, во время которой речь шла о том, быть или не быть Германии.

Тем самым Гитлер поставил вопрос о судьбе страны. То, что у Кейтеля, несмотря на это, заговорила совесть старого офицера, когда он неоднократно, хотя и безуспешно возражал против проектов приказов, подтвердил здесь у свидетельского пульта генерал-полковник Йодль.

Подсудимый Кейтель открыто заявил во время перекрестного допроса, произведшегося представителем американского обвинения, что он сознавал преступный характер этих приказов, но думал, что он не может уклониться от выполнения приказов командующего сухопутными войсками и главы государства, который имел право на последнее слово при рассмотрении всех возражений.

"Я не знаю, почему вы ломаете себе голову. Вы же не несете ответственности. Я несу ее один перед немецким народом".

Это - анализ действий Кейтеля по отношению к так называемым идеологически обусловленным приказам Гитлера.

Последняя, и во многих случаях обоснованная надежда Кейтеля состояла в том, что командующие и подчиненные им командиры вооруженных сил на практике в пределах своего усмотре-

ния и своей ответственности вообще не будут применять этих суровых, даже бесчеловечных приказов или будут выполнять их с умеренностью.

Кейтель при занимаемом им положении стоял перед дилеммой: либо неповиновение, выражающееся в отказе передавать приказы, или выполнение указаний о передаче приказов. Мог ли или должен ли он был что-либо сделать и что именно, я подвергну рассмотрению в другой связи. Здесь речь идет о том, чтобы выяснить, как получилось, что Кейтель передавал приказы, которые бесспорно являлись санкциями для военных преступлений и преступлений против человечности, и что он не увидел того пункта, в котором должен был кончиться и долг повиновения солдата в его наиболее строгой трактовке, вследствие того, что он считал необходимым соблюдать долг повиновения и верность, в которой он присягнул верховному главнокомандующему, а также вследствие того, что он видел в приказе главы государства освобождение от собственной ответственности.

Все солдаты, которые здесь выступали в качестве подсудимых или свидетелей, ссылались на свой долг верности. Все они, даже если они рано или поздно пришли к убеждению, что Гитлер втянул их самих и армию в свою эгоцентрическую игру ва-банк, рассматривали свою присягу, как присягу, данную на верность стране, и считали, что они были обязаны при известных обстоятельствах продолжать выполнять свой долг, что для нас и для них самих, после того, как они узнали о свершившемся несчастьи, должно казаться непостижимым. Не только такие солдаты, как Редер, Дениц и Иодль, а также и Паулюс сохранили свое положение и остались на своем посту. О других подсудимых мы слышали то же самое. Сломляющее впечатление произвели показания подсудимых Шпеера и Иодля по этому вопросу.

Необходимо проверить, освобождают ли эти факты подсудимого Кейтеля от уголовной ответственности.

15234

H1210 – 0009

H1210 – 0010

Кейтель не оспаривает того, что он несет тяжелую моральную ответственность. Он признал, что тот, кто в этой ужасной драме играл хотя бы самую небольшую роль, не может чувствовать себя свободным от моральной ответственности за действия, в которые он был втянут.

Если я, несмотря на это, сошлюсь на соображения правового характера, то я это делаю потому, что судья Джексон в своей обвинительной речи в ясной форме ссылался на нормы права, как основу для оценки состава преступлений - нормы международного права; нормы внутригосударственного права отдельных государств и нормы права, которые державы-победительницы установили в Уставе.

Я при этом не буду рассматривать тот факт, что подсудимый Кейтель признал, что приказы Гитлера нарушали нормы международного права. Устав установил, что солдат не может для своего оправдания ссылаться на приказ своего начальника или правительства. Я в начале своей речи просил проверить, является ли независимо от положений Устава непреложным принцип, заключающийся в том, что масштаб, определяющий справедливость и несправедливость, обусловлен национальными рамками.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, я вижу, что через несколько следующих страниц вы переходите в область метафизики. Не полагаете ли вы, что эта часть может не быть зачитана Вами перед Трибуналом? Вы должны помнить, что вы начали свою речь вчера до утреннего перерыва и остается еще больше 70 страниц из вашей речи, которую вы должны огласить.

НЕЛЬТЕ: Я сокращу эту часть моей речи и до обеда окончу ее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Вы считаете необходимым зачитывать эти части о метафизических силах и нельзя отделить от них отдельных личностей.

НЕЛЬТЕ: Я хочу именно на этих страницах показать, что это именно не метафизические силы и что отдельное лицо не

H1210-0011

может для своего оправдания ссылаться на метафизические силы.

Я затем, очевидно, буду продолжать со страницы I2I-й. Я на предшествующих страницах, которые я не буду оглашать, говорил о личности Гитлера. Я начну, если вы разрешите, со страницы I20-й внизу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо, что вы собираетесь сократить свою речь. Мне кажется, что вы вчера начали в четверть первого. Теперь продолжайте, как у вас намечено, но постарайтесь ограничивать себя и переходите теперь к странице I20-й.

НЕЛЬТЕ: Итак, я перехожу к странице I20-й, третий абзац.

Гитлер был представителем одной идеи. Он был не только представителем одной партийно-политической программы, но и мировоззрения, которое отделяло его и немецкий народ от идеологии остального мира. Убежденный противник парламентарной демократии, одержимый правильностью своего мировоззрения, он был чужд всякой терпимости, всякого компромисса. Это привело к формированию его эгоцентрического мировоззрения, которое признавало только его собственную идею и его собственное решение. Оно привело к "фюрерскому государству", в котором он, как воплощение этой идеи, стоял на ~~одинаковой~~ высоте недоступный для всех сомнений и возражений, недоверчивый по отношению ко всем, о которых он предполагал, что они могли стать опасными для его власти, и жестокий, в тех случаях, когда что-либо преграждало путь его идеям.

Эта характеристика, обоснованная пред'явленными доказательствами, находится в непримиримом противоречии с предположением обвинения о том, что Гитлер и подсудимые могли представлять собой общность. Гитлер и люди, которые якобы, были его советчиками, не представляли собой общности, и не создавали общих планов. Иерархия государства, построенного на принципе фюрерства, в сочетании с приказом фюрера № I, который ярче всего отражает распределение функций, допускает

H1210 – 0012

только один выход: так называемые сотрудники были лишь исполнителями или орудием всесильной воли,а не людьми,которые проводят в жизнь свою собственную волю. Поэтому может быть поставлен лишь один вопрос, виновны ли эти люди в том, что они предоставили себя в распоряжение этой системы и преклонялись перед волей такого человека,как Гитлер?

Эта проблема требует особого рассмотрения по отношению к солдатам, так как это "преклонение перед волей одного человека", которое не свойственно свободному человеку, для солдата является основным элементом его профессии: который состоит в повиновении и верности, которые обязательны для солдат во всех политических системах.

Правовая проблема заговора, в том разрезе,в котором ее оставило Обвинение, рассмотрена моим коллегой д-ром Штамером и д-ром Хорном. Я хочу остановиться в связи с вопросом об индивидуальной ответственности подсудимого Кейтеля на двух положениях его речи в качестве отправного пункта для моих высказываний:

I. "Недостаточно того,что этот план был общим для всех, они должны были знать об этой общности и каждый должен был добровольно признавать этот план своим планом".

2. "Поэтому заговор с диктатором во главе содержит в себе внутреннее противоречие. Диктатор не может составить заговора со своими подчиненными,он не заключает с ними соглашения, он диктует"./Конец цитаты/.

Д-р Штамер указал на то,что человек, действующий под давлением или в силу давления, не может поэтому быть заговорщиком. Я хочу рассмотреть, каким образом это применимо к области,к которой принадлежал подсудимый Кейтель. Было бы неправильным освещением действительного положения дела утверждать, что подсудимые-военнослужащие действовали в силу давления или под давлением. Правильнее сказать,что солдаты действовали не добровольно, т.е. не по доброй воле.Они доля-

1522

H1210 – 0013

ны были делать то, что им приказано было,причем независимо от того,согласны ли они с этим или нет.Таким образом, в то что делают солдаты, их воля или,во всяком случае, учет их воли исключается; она исключается всегда и везде в связи с характером отдачи военных приказов и не может выступать при применении абсолютного принципа фюрерства в армии,в качестве причинного фактора составления и выполнения приказов.В этой военной области речь идет, таким образом, не о дедукции понятия и,тем самым, теоретической дедукции, а о выводе, со всей очевидностью вытекающем из практики военной деятельности, и я констатирую: "Деятельность подсудимого Кейтеля основывалась на принципе отдачи военных приказов.Деятельность подсудимого Кейтеля в отношении подготовки приказов, распоряжений и других мероприятий Гитлера, также и в тех случаях,когда они были преступными,не может быть рассмотрена поэтому, как совместная деятельность,т.е. как результат совместного планирования в духе заговора.

Деятельность Кейтеля в отношении выполнения приказов в стратегическом секторе представляла собой передачу приказов по инстанции; в военной администрации, т.е. в так называемом министерском секторе - выполнение указаний, данных в приказах".

Как бы ни квалифицировалась эта деятельность с точки врения уголовного права, обвинение, как я полагаю, до сих пор не пред'явило никаких материалов, которые могли бы опровергнуть эту точку врения на заговор.

Этот принцип является солдатским принципом и он действует повсюду там,где действует система военных приказов. Особое значение это утверждение приобретает в деле подсудимого Кейтеля. Можно было бы возразить на такую аргументацию,что подсудимый Кейтель не был солдатом или, во всяком случае, был не только солдатом,и что в соответствии с этим, выводы, вытекающие из системы приказов в ее чистом виде, не от-

носятся к нему. Роковое сочетание функций в его должности и разносторонние,хотя и не всегда поддающиеся систематизации задачи начальника ОКВ,мешают сделать примерный вывод относительно подсудимого Кейтеля,а именно: что бы ни делал Кейтель,с какой бы инстанцией или организацией он ни вел бы переговоров или ни соприкасался,он выступал всегда в качестве солдата,независимо от того руководствовался ли он при этом общим или специальным приказом Гитлера, который требовал его появления и деятельности.

Мне кажется,что сам характер заговора с ~~ф~~ семантической и логической точки зрения не совместим с задачами солдата и должностью Кейтеля в качестве начальника ОКВ:

Во всех случаях,которые упоминуты в высказываниях Обвинения относительно заговора,как общего плана /Rojudiz /, речь идет,при рассмотрении цели заговора о деятельности,которую решили вести участники заговора,чтобы совершать действия,не являвшиеся отклонениями от их нормальной деятельности в качестве частных лиц.Из этого,напротив, вытекает,что если кто-либо выполняет функции,которые он должен выполнять в силу своей профессии, своей должности,эта деятельность не может являться заговорщической деятельностью.В отношении солдата к этому надо добавить,что он действует не свободно, а по приказу. Таким образом,хотя солдат и может быть участником заговора, направленного против его обязанностей,которые он взял на себя как солдат, однако, никогда его деятельность,как солдата, не может быть названа заговорщической деятельностью.

Военное командование на Востоке очень мало соприкасалось с ОКВ,в том числе со штабом оперативного руководства. Когда я говорю здесь ОКВ,я имею в виду штаб ОКВ,ибо всем известно,что Гитлер,как ОКВ, т.е. верховный главнокомандующий вооруженными силами, занимался всеми вопросами руковод-

15299

H1210 – 0014

H1210 – 0015

ства войной,своей идеологической войной, и вмешивался во все. Гитлер поддерживал постоянный контакт с главнокомандующим сухопутными силами и его штабом,пока в декабре 1941 года он не взял на себя обязанности непосредственного командования сухопутными силами.

Об'единение должности верховного главнокомандующего вооруженными силами /ОКВ/ и деятельности главнокомандующего сухопутными силами в одном лице послужило,повидимому,источником многих ошибок, приведших к обвинению в совершении тяжелых преступлений ОКВ,как штаба и в аналогичном обвинении Кейтеля,как начальника этого штаба.

Все,что Кейтель откровенно заявил здесь,давая свидетельские показания,по всему комплексу вопросов, связанных с войной с Россией,возлагает на него уже достаточно большую ответственность, и он чувствует это.Понятно,что защита не только стремится,но и считает своим долгом четко установить в общем составе преступления по совершению ужаснейших зверств и неимоверных бесчеловечных злодеяний границы ответственности Кейтеля.

Чтобы облегчить понимание зачастую запутанных функций Кейтеля, я представил Трибуналу его аффидевид № К-IO. Я сослался на этот документ, не зачитывая его.

Мне кажется важным указать только на то,что война с Советским Союзом с самого начала велась по трем линиям:

I. По оперативной линии и по линии отдачи приказов действовало главное командование сухопутных сил.

2. По экономической линии - управление по четырехлетнему плану.

3. По идеологической линии - организации"СС".

ОКВ /Кейтель/ не имело никакого влияния в соответствии со своими функциями,на эти три фактора и не имела права давать указания.Тем не менее нельзя оспаривать,что при упомянутом уже ранее анархическом методе работы Гитлера,в руках

H1210 – 0016

которого сосредотачивались все нити, ОКВ и Кейтель привлекались иногда для передачи указаний Гитлера. Это, однако, не может служить основанием для снятия общей ответственности Кейтеля.

Учитывая тот обширный материал, который предоставило советское обвинение, в своей речи я могу остановиться только на сравнительно небольшой части документов и кратко резюмирую документы, рассмотренные мною на стр. I26-I36.

Прежде всего я хочу остановиться на документах СССР-90, 386, 364, 366, I06 и 407 и детально доказать, что обвинение против ОКВ и Кейтеля, основанное на этих документах, лишено всякой доказательственной силы.

Затем на странице I30 я ссылаюсь на одну категорию документов, причем я уже раньше говорил, во 2-й части моей речи, об этих официальных документах. И если я в этой связи говорю об официальных отчетах комиссии по расследованию, то я говорю о них не из-за их фактического содержания, а из-за того, что они были пред'явлены в качестве документов, обличающих Кейтеля, фактически же доказывают, что обвинения пред'явленные Кейтелю и ОКВ, как штабу, не обоснованы в этих весьма сложных обстоятельствах дела. Из большого количества этих документов, я рассмотрел документы СССР-4, 9, 35 и 38. В этих официальных отчетах, в которых выдвигаются обвинения против ОКВ, нет никаких конкретных данных о том, что штаб ОКВ и Кейтель являются ответственными за организацию и осуществление этих злодеяний. Я не говорю здесь о фактической стороне этих документов, я указываю только на то, что Кейтель, находясь на своем посту, не имел ни полномочий, ни возможности отдавать приказы, которые привели к совершению этих преступлений.

Итак, я перехожу к странице I34, I-й абзац. В перечисленных документах Кейтель или ОКВ по крайней мере названы в качестве несущих ответственность. Но имеется и большое число

H1210 – 0017

таких официальных документов,которые приводились в речах обвинения в качестве доказательств вины Кейтеля и в которых даже не упоминается имя подсудимого и нет указаний на ОКВ. Я здесь ссылаюсь на документы СССР-8, 29, 45, 46 и 63. Я могу только попросить Трибунал просмотреть и остальные документы на тот предмет,чтобы установить,являются ли эти документы,пред'явленные в качестве доказательств вины Кейтеля и ОКВ,действительно таковыми. В этой связи я хотел бы еще сказать о том, что я не буду здесь говорить о ссылке на документ СССР-3,стр. I34 внизу. Я перехожу к странице I37-й. Здесь говорится об <u>экономической эксплоатации оккупированных областей</u>. После того,как защита останавливалась на этой проблеме, в основном мне пришлось бы повторяться,если бы я говорил об этом.

Я, однако, сошлюсь на содержание этого места моей речи и прошу принять его к сведению.

На I43-й странице и далее,я говорю о тех обвинениях,которые предствило французское обвинение,об участии ОКВ и Кейтеля в событиях в Орадуре и Тулле.

Французское обвинение выдвигает против подсудимого Кейтеля индивидуальные обвинения в военных преступлениях и преступлениях против человечности. Речь идет об обвинении в убийстве французских гражданских лиц без суда. При этом особо выделяются события в Орадуре и Тулле. Они изложены в докладе французского правительства /док. Ф-236/.

Французское обвинение заявило: "Вина Кейтеля во всех этих событиях установлена".

Моей задачей не является говорить в этой связи об ужасных событиях в Орадуре и Тулле. Как защитник подсудимого Кейтеля я должен исследовать, обосновано ли утверждение обвинения о том,что подсудимый Кейтель виновен в этих чудовищных событиях или несет за них ответственность. Вы поймете,почему подсудимый Кейтель придает особое значение дока-

153202

H1210 – 0017

H1210 – 0018

зательству того, что он не несет ответственности за эти ужасные события; он далее стремится доказать,что в тех случаях, когда он узнавал о таких фактах,он прилагал усилия к тому, чтобы они были расследованы с тем, чтобы были привлечены к ответственности лица действительно виновные.

Бесспорно,что Кейтель не принимал непосредственного участия в этом преступлении. Таким образом,вывод о виновности подсудимого может быть сделан только на основании занимаемого им поста. Обвинением не было пред'явлено никаких приказов,которые имели бы подпись Кейтеля,таким образом,если вообще можно говорить о непосредственной ответственности,то Кейтель не принадлежит к кругу непосредственно ответственных лиц.

Ужасные страдания,которые пережили многие французские деревни,описаны в нотах генерала Берар от 6 июля и 3 августа 1944 года. Я уже при пред'явлении этого документа указывал на то, что пред'явление только этих нот,содержащих жалобы,т.е. без одновременного пред'явления находящихся в распоряжении обвинения ответных нот, не может дать об'ективной картины действительного положения для оценки вины подсудимого Кейтеля. Так как подсудимый Кейтель, в виду отсутствия права отдавать приказы, никогда не был автором приказов,которые могут быть здесь рассмотрены и которые привели к жалобам,ответственность и вина Кейтеля могут состоять только в том, что он после того,как он узнал о них через германскую комиссию по соблюдению условий перемирия,не распорядился о принятии необходимых мер о том,что сделал и чего не сделал Кейтель,можно судить только по ответным нотам и распоряжениям.ОКВ германской комиссии по соблюдению условий перемирия. Я опускаю следующую фразу.

Выдвижение защитительных аргументов было бы для подсудимого Кейтеля также и в этом случае невозможно,если бы французское обвинение само не пред'явило документа Ф-673.

который должен был послужить доказательством индивидуальной вины Кейтеля. Этот документ был уже зачитан французским обвинением на заседании от 31 января 1946 года. Поэтому я перехожу к странице 147 и из этого документа главного командования, подписанного Кейтелем, следует:

1. ОКВ после получения французской ноты 26 сентября 1944 г. поручило германской комиссии по соблюдению условий перемирия расследовать и рассмотреть это дело.

2. Германская комиссия по соблюдению условий перемирия вслед за тем просила расследовать эти случаи командующего Западным фронтом.

3. ОКВ после получения письма из группы армии "Б" заявило: " В интересах Германии нужно было возможно скорее ответить на это обвинение".

" Расследование этого дела показывает, что повидимому существует серьезное непонимание необходимости опровергать все обвинения, выдвигаемые против германской армии и противодействовать всякой вражеской пропаганде, а также немедленно опровергать утверждения о мнимых немецких зверствах".

" Германской комиссии по соблюдению условий перемирия поручается энергично продолжать расследование этого дела.

Просьба к соответствующим организациям оказывать ей в этом всяческую поддержку, в особенности для ускоренного расследования дел, относящихся к сфере их деятельности. Тот факт, что шестая танковая армия вышла из подчинения командующего Западным фронтом, не является препятствием для того, чтобы продолжать необходимые расследования для выяснения и опровержения обвинений, выдвинутых французами".

Тем самым я считаю доказанным, что подсудимый Кейтель в случае, когда он получал соответствующие сведения, со всей энергией делал то, что он обязан был делать, как начальник ОКВ, в рамках своих прав, и все, что он мог сделать.

H1210 – 0019

H1210 – 0020

Тем самым отпадает утверждение обвинения в той мере, в какой оно касалось виновности подсудимого Кейтеля. Одновременно, однако, при рассмотрении этого случая сам подсудимый Кейтель может сделать вывод в том, что он в данном случае действовал также, как и в других случаях.

Господин председатель! Я хочу теперь, перед тем, как начать рассмотрение вопроса о заложниках, с разрешения суда остановиться на тяжелых обвинениях, связанных с приказом "Мрак и туман" на стр. 154.

Пожалуй, нет ни одного приказа, который во время разбирательства перед Трибуналом сильнее врезался бы в память, чем приказ - "Мрак и туман". Речь идет о распоряжении, вызванном борьбой с актами саботажа и движением сопротивления во Франции. Вследствие отвода войск, в связи с походом против Советского Союза, покушения на безопасность находившихся во Франции германских войск, в частности, диверсии на коммуникациях усиливались изо дня в день. Вследствие этого возникла необходимость в усиленной деятельности отделов контрразведки, которая повела к процессам и приговорам военных судов против членов движения сопротивления и их пособников. Эти приговоры были очень строгими. Наряду с большим количеством смертных приговоров, выносились также приговоры о лишении свободы. Почти ежедневные сообщения при обсуждении обстановки вели к частым спорам, во время которых Гитлер по своей привычке искал виновника, которым в этом случае, по мнению Гитлера, являлась слишком растянутая процедура военного судопроизводства. Обладая вспыльчивым и неуравновешенным характером, он приказывал разрабатывать директивы, которые должны были повлечь за собой быстрое, эффективное и длительное устрашение. Он заявлял, что приговор о лишении свободы вообще не может рассматриваться, как эффективная мера для устрашения. На возражения Кейтеля, что ведь невозможно всех людей приговорить к смерти и что

15205

H1210 – 0021

военные суды не будут этого делать, он ответил, что это не имеет для него значения; когда будет доказано совершение настолько тяжелого преступления, что смертный приговор может быть вынесен без длительного судебного разбирательства, нужно действовать как и раньше, т.е. путем привлечения виновного к судебной ответственности. Но в других случаях, когда это не так - он приказывает, чтобы подозрительные лица тайно отправлялись в Германию и об их местопребывании не давалось никаких сведений, так как об"явление о наказании, а именно - лишении свободы, - не может действовать устрашающе в оккупированных областях, вследствие скидывающейся амнистии по окончании войны.

Вслед за тем, подсудимый Кейтель имел совещание с начальником юридического управления вооруженных сил и начальником отдела разведки и контрразведки Канарисом, который являлся автором письма от 2 февраля 1942 г. / документ УК-35/ о том, что надо делать. Неоднократные представления Гитлеру о том, чтобы он отказался от этого способа действия, или, по крайней мере, несколько ослабил абсолютную его секретность, не имели успеха и поэтому, в конце концов, был представлен проект, пред"явленный здесь в виде указа от 7 декабря 1941 года.

Референты и подсудимый Кейтель добились того, что лица, отправленные в Германию, подпадали под юрисдикцию имперской юридической администрации / последняя фраза директивы от 7 декабря 1941 года/. Кейтель подкрепил это постановление также с помощью первой рабочей инструкции к этим директивам, раз"ясняя в четвертом абзаце, параграф 1-й, последнее предложение, что в случае, если ОКВ не прикажет ничего противоположного, то дело, согласно параграфу 3-му, абзацу 2-ому, предложению второму военного уголовного кодекса, должно быть передано в гражданский суд.

Тем самым подсудимый Кейтель считал, что он по меньшей мере добился того, что дела этих лиц будут рассмотрены в обычном судебном порядке и что, согласно германским предписаниям о размещении

и обращении с лицами, находящимися в предварительном заключении, и лицами, в отношении которых вынесен приговор, не может существовать опасности для их жизни. Кейтель и его референты считали, что они могут утешаться тем, что, как ни ужасны мучения и неизвестность для этих лиц, по крайней мере будет спасена их жизнь.

В этой связи указывается также на текст письма от 12 декабря 1941 года. Как показал во время своего допроса подсудимый генерал-полковник Йодль, существовала известная формулировка, которая избиралась в тех случаях, когда хотели показать, что ни один подписавший не согласен с передаваемым им приказом. Эта формулировка начинается словами:

" Согласно тщательно взвешенному желанию фюрера..."

Заключительное предложение гласит:

" Прилагаемые директивы ... соответствуют этому мнению фюрера".

Получатели такого письма вникли в формулировки, что речь снова идет о приказе фюрера, от которого нельзя уклониться, и делали из этого вывод, что надо выполнять этот приказ по возможности мягче.

Письмо от 2 февраля 1942 года исходит из управления разведки и контрразведки и в подлиннике, который был Вам предъявлен, повидимому, подписано Канарисом. Подсудимый в это время не был в Берлине, где рассматривалось это дело после издания указа от 7.XII-1941 года. Кейтель не узнал о содержании этого письма в главной ставке фюрера. В связи с только-что сказанным, вывод о возможности более мягкой трактовке приказа, делался на основании вводной формулировки, в которой говорилось, что органы контрразведки / я цитирую/ "должны были заботиться о том, чтобы перед арестом был представлен по возможности достаточный доказательственный материал для ареста преступника". /Конец цитаты/.

15307

H1210 – 0022

H1210 – 0023

Также перед арестом должна была быть установлена связь с соответствующим военным судом для того, чтобы установить, достаточен ли доказательственный материал.

В Германии эти лица должны были передаваться юридической имперской администрации. То, что это предположение подсудимого Кейтеля верно, явствует уже из того факта, что Канарис при своей, известной суду, позиции, никогда не распорядился бы о передаче кого-либо гестапо.

Как уже было сказано, подсудимому Кейтелю не было известно письмо от 2 февраля 194 2 года.

Хотя подсудимый Кейтель считал, что для обеспечения безопасности затронутых лиц он достиг всего, что можно было достигнуть, приказ "Мрак и туман", как его называли впоследствии, лежал тяжелым грузом на его совести. Кейтель не оспаривает, что этот приказ был недопустим с точки зрения международного права, и что это ему было известно.

Но Кейтель оспаривает то, что он знал или узнал до этого процесса в Нюрнберге о том, что эти люди после прибытия в империю задерживались полицией и направлялись в концлагери. Это противоречило смыслу и цели этого приказа. Подсудимый Кейтель не мог об этом ничего узнать, так как с момента передачи указанных лиц соответствующими представителями военного суда полиции для перевозки их в Германию в целях передачи их юридической администрации, они выходили из ведома вооруженных лиц, если их дела не требовали разбирательства в военном суде. Каким образом получилось так, что такое огромное количество людей было брошено в концлагери и с ними, согласно приказу "Мрак и туман" обращались, как это описали здесь свидетели, подсудимый Кейтель по собственному опыту не знает. Судя по результатам представления доказательств перед Трибуналом, следует полагать, что полицейские инстанции без ведома воен-

ных властей рассматривали всех политически подозрительных лиц, которые на основании политических мер были перевезены из оккупированных областей в Германию и там помещены в концлагери, как заключенных, согласно приказу "Мрак и туман", ибо, судя по показаниям свидетелей в отношении заключенных в лагерях "Мрак и туман", речь идет большей частью о людях, которые не были в результате обычного разбирательства в военных судах оккупированных областей приговорены к высылке в Германию.

Поэтому ясно, что полиция в оккупированных областях превышала свои полномочия в отношении выполнения этого приказа, не обращая внимания на исключительную юрисдикцию военных командных инстанций и на предписание этим последним процессуальные правила, используя его для всеобщего разрешения депортации населения.

То, что это вообще было возможно без ведома инстанций вооруженных сил в оккупированных областях, об"ясняется исключительно тем обстоятельством, что командующие войсками в оккупированных областях были лишены полицейской исполнительной власти, вследствие назначения начальников СС и полиции. Эти начальники СС и полиции получали свои приказы непосредственно от рейхсфюрера СС.

Никогда ОКВ не признавало за рейхсфюрером СС и начальниками СС и полиции право на провещение в жизнь этого указа, предназначенного только для вооруженных сил, путем полицейских исполнительных мер. Указ имел силу только для инстанций вооруженных сил, имеющих соответствующую юрисдикцию и был ограничен только ими.

То, что ОКВ действительно не знало об этом злоупотреблении указом от 7 декабря 1941 года, явствует из письма гер-

15209

H1210 – 0024

H1210 – 0025

манской комиссии по соблюдению условий перемирия от 10.УШ-1944 года / документ 834-ПС/. Там сказано. Я цитирую:

"... что причины для ареста изменились в том отношении, что если первоначально речь шла об отдельных случаях и выступлениях против империи или против оккупационных властей, т.е. арестовывались элементы, которые принимали активное участие в определенных действиях / и тем самым подлежали наказанию на основании Гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны/, то теперь также в Германию отправляется большое количество лиц, которые в качестве превентивной меры, должны быть удалены из Франции на основании их антигерманских настроений..." /Конец цитаты/.

В § 4 этого отношения сказано следующее. Я цитирую. Цитата:

" Вышеупомянутый указ исходит в своих предпосылках из того, что арестованные должны быть преданы суду. Как стоя вероятным, что при таком количестве случаев, особенно в рамках превентивных мер, такие суды в настоящее время не будут проводиться часто и арестованные будут направляться в концентрационные лагери, а не в следственные или постоянные тюрьмы германских судебных органов. Также и в этом отношении произошло значительное изменение по сравнению с первоначальными предпосылками указа".

В ответном отношении ОКВ от 2.1Х.1944 года за подписью доктора Лемана категорически указывается на положения указа фюрера от 7.XII.1941 года - так называемого приказа "Мрак и туман". В нем ничего не сказано о том, что первоначальные предпосылки для высылки в Германию были изменены ОКВ.

Этот ответ без ведома подсудимого Кейтеля был отправлен из Берлина, куда, очевидно, было написано также отношение комиссии по соблюдению условий перемирия; юридическое управление вооруженных сил находилось в Берлине. Сам Кейтель находился

в главной ставке фюрера и он ничего об этом не знал.

Здесь следует отметить, что было большим недосмотром, что на отношение германской комиссии по соблюдению условий перемирия от 10.УШ.1944 г. не было немедленно дано ответа, что здесь речь идет о злоупотреблении указом от 7.XII.1941 г. и изданными в связи с ним рабочими инструкциями. Необходимо было немедленно распорядиться о проведении расследования, чтобы привлечь к ответственности виновных в этом злоупотреблении.

В той степени, в какой военный штаб Гитлера будет рассматриваться судом в качестве несущего ответственность, подсудимый Кейтель берет на себя эту ответственность в пределах своих компетенций, как начальник ОКВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, сейчас удобно об"явить перерыв.

/ Перерыв 10 минут /

Встать ! Суд идет !

НЕЛЬТЕ: Господин председатель, господа судьи !

Обвинение вменяет в вину подсудимому Кейтелю, что он якобы, участвовал в депортациях в целях использования людей на работах. Относительно этого Кейтель показал, что в его ведение не входило получение, вербовка и вывоз людей из оккупированных областей, а также направление полученной таким образом рабочей силы на военные предприятия. Подсудимый Заукель в качестве свидетеля дал здесь 27 мая 1946 года об этом показания.

Господин председатель ! Я прошу принять к сведению следующие высказывания, не вошедшие в текст моей речи. Мой коллега, доктор Сервациус, в соответствии с достигнутым ими соглашением, опишет взаимоотношения между организацией комплектования вооруженных сил и получением рабочей силы генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы. Я должен, однако, разобрать некоторые документы, которые Французское Обвинение представило для обвинения ОКВ и Кейтеля в активном участии в депортации. Это документы: 1292-ПС, 3819-ПС, 814-ПС и 824-ПС.

15311

H1210 – 0026

H1210 – 0027

Первый документ - запись начальника имперской канцелярии д-ра Лammерса о совещании у Гитлера, на котором обсуждался вопрос о получении рабочей силы на 1944 г. Подсудимый Кейтель участвовал в этом совещании.

К этой записи прилагается письмо подсудимого Заукеля от 5.1.1944 г., в котором последний резюмирует результаты совещания от 4.1 и предлагает издать указ фюрера. Я цитирую из этого письма следующее место:

" § 5. Фюрер указал на то, что необходимо убедить все немецкие учреждения в оккупированных областях и союзных странах в том, что нужно привлекать иностранную рабочую силу для работы в Германии, чтобы оказывать единодушную поддержку генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы в проведении необходимых организационных, пропагандистских и полицейских мер".

§ 2, предпоследний абзац. Цитирую:

" Следующие учреждения, мне кажется, в первую очередь следует направить этот указ"...

Затем § 3-й.

" Начальник ОКВ, генерал-фельдмаршал Кейтель, к сведению командующих во Франции и Бельгии, командующего Юго-Восточным фронтом, уполномоченного генерала при фашистско-республиканском правительстве Италии и командующих фронтами на Востоке..."

Следовательно, этот документ доказывает:

1/ что фельдмаршал Кейтель принимал участие в этом совещании, не высказывая своего мнения относительно проблемы получения рабочей силы;

2/ что фельдмаршал Кейтель должен был быть поставлен в известность о приказе фюрера для того, чтобы он мог довести его до сведения командующих. Тем самым подтверждается то, что

H1210 – 0028

признал и сам подсудимый Кейтель в неоглашенной части моей речи, говоря о том, что он сталкивался с этим вопросом. Второй и третий документы также относятся к совещанию в имперской канцелярии от 11 июля 1944 года, в котором фельдмаршал Кейтель не принимал участия.

Обвинитель от Франции заявил, что эта телеграмма является распоряжением фельдмаршала Кейтеля командующим о том, что необходимо выполнять решения совещания от 11 июля. Господи Герцог при этом сказал, что приказ Кейтеля датирован 15 июля 1944 г. Беглый просмотр этого документа - фотостата показывает, что здесь речь идет о телеграмме от 9 июля, которая содержит приглашение начальника имперской канцелярии д-ра Ламмерса на совещание от 11 июля. Это приглашение и было передано Кейтелем командующим. Таким образом, здесь имеет место заблуждение. Следовательно, отпадает и тот вывод, который сделало обвинение на основании этого документа. Но этот документ представляет интерес и по другой причине.

В нем дословно говорится следующее:

"Для позиции командующих или их представителей действительны следующие директивы: я указываю на мои директивы относительно сотрудничества вооруженных сил при получении рабочей силы из Франции".

Подсудимый Кейтель просил меня по следующей причине обратить внимание Трибунала на именно эту формулировку. Здесь было пред"явлено бесчисленное количество документов с подписью "Кейтель". Положение Кейтеля, о котором здесь уже говорилось и которое не давало ему права издавать приказы, привело к тому, что он никогда не говорил в первом лице в своих сообщениях или при передаче приказов. Кроме этого документа, обвинение представило еще одну телеграмму, в которой встречается первое лицо. Учитывая все те многочисленные документы, которые подтверждают

153/13

это утверждение Кейтеля, остается только поверить ему, что здесь речь идет о передаче приказа фюрера, о чем свидетельствуют и формулировки этого документа. Я это сейчас цитировал. В соответствии с этим, генерал Варлимонт / док. 3819-ПС/ на совещании 11 июля сослался также на "недавно изданный приказ фюрера", содержание которого он передает точно так, как оно передано в телеграмме, подписанной Кейтелем. Важным и подтверждающим аргументацию подсудимого Кейтеля является также и новый документ 824-ПС / Кр-1515/, пред"явленный здесь. Это - письмо от 25 июля 1944 года, написанное командующим Западным фронтом фон Рундштедтом, который к этому времени об"единил под своим командованием командующих войсками во Франции и Бельгии. В этом письме говорится, что

" по приказу фюрера следует выполнять требования генерального уполномоченного по использованию рабочей силы и Шпеера",

далее будут даны распоряжения относительно вербовки рабочих на работу при отступлении из района операций; наконец, приказано доложить в ОКВ о проведенных мероприятиях.

Ссылка на приказ фюрера сразу же после 11 июля 1944 г., как и замечания Варлимонта, показывают, что таких директив Кейтеля или ОКВ вообще не существовало. Таким образом можно считать доказанным, что сам Кейтель или ОКВ не участвовали в мероприятиях по вербовке и мобилизации рабочей силы. ОКВ было учреждением, через которое проходили приказы, которые издавались Гитлером, как начальником Заукеля, и которые он /Гитлер/ направлял командующим войсками. Это учреждение не имело полномочий и не несло юридической ответственности.

В этом комплексе вопросов дело обстоит не так, как в тех областях, которыми ведало ОКВ, как министерство, ибо в этой области оно имело по крайней мере функции эксперта, что давало возможность высказывать свои соображения и опасения по тому или иному вопросу.

15314

H1210 – 0029

В области использования рабочей силы Кейтель имел с деятельностью Заукеля следующие точки соприкосновения:

а/ Кейтель подписал указ фюрера от 21 марта 194 2 года о создании должности генерального уполномоченного по использованию рабочей силы;

б/ он направлял командующим войсками в оккупированных областях приказ Гитлера об оказании поддержки деятельности генерального уполномоченного по использованию рабочей силы в соответствии с особыми директивами.

Французское обвинение, выступая на заседании Трибунала 2.II-1946 г. по вопросу о депортации евреев, в связи с ответственностью подсудимого Кейтеля, заявило следующее: /Цитата/.

"Я позднее буду говорить о приказах об угоне евреев и я докажу, что этот приказ был результатом совместных действий военной администрации, дипломатических органов и полиции безопасности, так, как это было во Франции. Из этого следует, что: 1/ начальник ОКВ и далее, имперский министр иностранных дел и 3/ начальник полиции безопасности и главного имперского управления госбезопасности ГСПД только эти 3 лица должны были быть все время в курсе дела и вынуждены были согласиться с этим мероприятием; ибо совершенно ясно, что они, занимая эти должности, должны были знать, что подобные мероприятия по важным делам проводились в жизнь и что решение принималось каждый раз совместно отдельными звеньями трех различных ведомств.

Эти три человека, следовательно, ответственны и виновны..." /конец цитаты/.

Если вы проверите это детальное рассмотрение этого пункта обвинения, вы установите, что ОКВ здесь не упоминается и что не представлено ни одного документа, который бы исходил из ОКВ или от подсудимого Кейтеля. Из письменных показаний Кейтеля, данных под присягой /2-ая книга документов/, следует, что командующий войсками во Франции, который здесь неоднократно упоминался, не был подчинен ОКВ. 15345

Обвинение, рассматривая этот вопрос, попыталось доказать, что имело место сотрудничество "армии", как говорил г-н Фор, с министерством иностранных дел и полицией, оно считает возможным переносить это сотрудничество и на высшие инстанции, т.е. в "армии" на ОКВ и, таким образом, на Кейтеля. Такая аргументация ошибочна. Для того, чтобы раз"яснить это, я должен указать на то, что во Франции имелся командующий войсками. Этот командующий имел функции в области гражданской и военной администрации. Он представлял таким образом, наряду с военными задачами, государственную власть и он имел полицейские и политические функции. Командующие войсками назначались командованием сухопутных сил /ОКХ/ и от ОКХ они и получали приказы. Отсюда следует, что ОКВ не имело непосредственного отношения к этому вопросу. Так как подсудимый Кейтель, будучи начальником ОКВ, не был подчинен ОКХ, ни одна из этих инстанций не была непосредственно подчинена другой.

К сожалению, г-н Фор был прав, заявив здесь следующее:

"Во Франции появилось много учреждений, тенденции которых отличались друг от друга, даже больше того - противоречили друг другу; сферы их компетенций часто перекрещивались". /Конец цитаты/.

В действительно ОКВ и подсудимый Кейтель не имели никакого отношения к разрешению еврейского вопроса во Франции, к высылке евреев в Освенцим и в другие лагери; они не имели никаких полномочий на издание приказов, а также полномочий осуществлять контроль. Поэтому они не могут нести за это ответственности.

Для точки зрения, которой придерживается все Обвинение в отношении предполагаемого участия подсудимого Кейтеля в этой деятельности, характерно то, что буква К, которая имеется на телеграмме от 13 мая 1942 года / документ 1215-ф/, была расшифрована, как - Кейтель. К счастью, представитель обвинения от

15316

H1210 – 0031

H1210 – 0032

Франции исправит эту ошибку и устранит это заблуждение.

Вопрос о военнопленных.

Судьба военнопленных испокон веков волновала умы человечества.

Стремлением всех цивилизованных народов являлось обеспечение попавшим в руки врага воинам льгот, которые можно было бы совместить с интересами ведения войны. Важнейшим достижением культуры в этой области считалось то, что было достигнуто соглашение даже на тот случай, когда народы шли друг на друга для борьбы не на жизнь, а на смерть.

Мучительная неизвестность относительно судьбы этих солдат казалась устраненной, человечное обращение с ними гарантированным, защита достоинства безоружного противника обеспеченной. Наша вера в это достижение человеческого общества, как и во многое другое, была поколеблена. Если вновь и вновь удавалось формально сохранить ее путем единодушного сопротивления генералитета, мы все же должны признать, что суровая установка, забывавшая сынов своего народа, не видящая ничего, кроме своих принципов, пренебрегала во многих случаях святостью Красного Креста и написанными законами человечности.

Рассмотрение ответственности подсудимого Кейтеля в общем комплексе вопросов о военнопленных складывается из следующих отдельных разделов:

1/ Общие правила обращения с военнопленными, т.е. изданные по этому вопросу немецкие законы о военнопленных.

2/ Право отдачи распоряжений лагерям для военнопленных, которые делились на оflаги / офицерские лагери /, сталаги /стационарные лагери/ и дулаги / пересыльные лагери/.

3/ Наблюдение и контроль за изданием и исполнением законов.

4/ Отдельные случаи, на которых останавливалось обвинение во время пред"явления доказательств.

15217

Ввиду того, что организация управления лагерями военнопленных в процессе пред"явления доказательств была изложена, я могу ограничиться констатацией того, что ОКВ /Кейтель/ в пределах своих задач, как военного ведомства, на основании приказа от 4-го февраля 1938 г., по поручению Гитлера было ответственно:

а/ в связи с правом давать распоряжения, за все вопросы деятельности на местах, причем оно было частично ограничено сотрудничеством и совместной ответственностью по вопросам привлечения военнопленных к труду.

б/ за общее распределение прибывающих в Германию военнопленных по военным округам; в то же время ОКВ не имело права отдавать распоряжения лагерям военнопленных и по делам военнопленных вообще.

в/ за общий надзор над лагерями в пределах компетенции ОКВ, /за исключением районов операций, тыловых районов фронтов, областей, входящих в компетенцию командующих войсками, лагерей военнопленных, военно-морского флота и ВВС/.

Инстанцией, занимавшейся этим вопросом в ОКВ, являлся "начальник управления по делам военнопленных", которому обвинение неоднократно инкриминировало совершение преступлений. Подсудимый Кейтель считает необходимым подчеркнуть, что начальник управления по делам военнопленных был подчинен ему через общее управление вооруженных сил.

Отсюда вытекает, естественно, ответственность подсудимого Кейтеля в этой области даже в случаях, когда он лично не подписывал эти приказы и распоряжения.

Основные установки ОКВ об обращении с военнопленными были изложены:

1/ В изданных начальником ОКВ наставлениях в связи с обычной подготовкой к мобилизации, как для сухопутных сил, так и для

15318

H1210 – 0033

H1210 – 0034

военно-морского флота и авиации.

2/ В положениях Женевской конвенции, на которые обращалось особое внимание в наставлениях.

3/ В регулярно издаваемых общих распоряжениях и приказах.

За исключением обращения с советскими военнопленными, к которым относились совершенно особые правила и к которым я еще возвращусь, руководствовались положениями наставлений, отвечавшими международному праву, т.е. Женевской конвенции.

ОКВ наблюдало за точным соблюдением этих наставлений через инспектора по делам военнопленных и с 1943 года - еще через одну контрольную инстанцию " генерал-инспектора по делам военнопленных."

Следующими контрольными инстанциями были представители держав, представлявших интересы своих стран, и международный Красный Крест, которые, безусловно, сообщали различным правительствам сведения о результатах проверки и посещения лагерей в соответствии с положениями Женевской конвенции.

Представителями обвинения здесь не были пред"явлены такие доклады; к жалобам, пред"явленным здесь французским обвинением, я еще возвращусь.

15319

Но тот факт,что английское и американское обвинение не предоставило таких докладов, позволяет сделать вывод,что державы, представлявшие интересы воюющих сторон, не установили никаких серьезных нарушений,касающихся лагерей военнопленных. Обращение с военнопленными,которое в первые годы войны с западными державами не послужило причиной для серьезных протестов - я исключаю отдельные случаи,как события в Дьеппе - было для ОКВ с каждым годом все труднее,так как в этом секторе сильнейшее влияние начали оказывать политические и экономические факторы. Рейхсфюрер СС пытался взять в свои руки ведение военнопленными. Возникшая на этой почве борьба за полномочия привела в октябре 1944 г. к тому, что Гитлер передал их в ведение Гиммлера ,якобы,потому,что вооруженные силы оказались слишком слабыми и были связаны соблюдением норм международного права.

Другим существенным фактором было влияние,оказываемое на Гитлера, а через него на ОКВ со стороны органов по использованию рабочей силы и промышленности,производящей вооружение,вследствие все усиливавшегося недостатка в рабочей силе.

Партийная канцелярия,Германский трудовой фронт и министерство пропаганды также ведали этими чисто военными вопросами. ОКВ вело со всеми этими учреждениями,которые по преимуществу имели более сильное влияние,чем ОКВ,непрестанную борьбу.

Все эти обстоятельства должны быть учтены в том случае, если хотят правильно понять и оценить показания подсудимого Кейтеля. В виду того,что он выполнял свои функции "по поручению",так как Гитлер, по изложенным причинам,держал вопрос о военнопленных под личным контролем,подсудимый Кейтель почти никогда не мог добиться принятия во внимание своих личных,т.е. военных возражений по поводу приказов,т.е. и распоряжений.

15320

H1210 – 0035

H1210 – 0036

Обращение с французскими военнопленными

В результате соглашения в Монтуаре, основным принципом в отношении к французским военнопленным был "коллаборационизм".В рамках этого принципа и проводилось обращение с ними,и в результате переговоров с послом Скапини были достигнуты очень существенные облегчения в их положении. Я сошлюсь в этой связи на ответы на опросный лист,данные под присягой послом Скапини,который заявил между прочим следующее:

"Правильно,что генерал Рейнеке,начальник управления по делам военнопленных,осуществлял контроль по этим вопросам об'ективно и без предвзятости и что он пробовал их рационально регулировать,если это зависело только от его компетенции.Он занимал другую позицию,когда давление на ОКВ со стороны органов трудовой повинности,т.е. Управления по использованию рабочей силы и иногда со стороны партии становилось ощутимым".

Военнопленные,используемые на работах,почти не охранялись. Французские военнопленные,работавшие в сельском хозяйстве,имели почти полную возможность свободно передвигаться.На основании непосредственного соглашения с правительством Виши были введены значительные льготы по сравнению с положениями Женевской конвенции,после того, как на основании соглашения о перемирии,в результате возвращения бывших военнопленных на родину общее количество военнопленных значительно снизилось.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, на следующих страницах есть что-нибудь существенное, или вы можете перейти сразу к 183-й странице?

НЕЛЬТЕ: Здесь рассматриваются обвинения,выдвинутые Обвинением Франции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но вы здесь рассматриваете вопрос в

H1210 – 0037

очень узких рамках,мне кажется, нам нужно перейти к странице I83-й,где вы рассмотрите дело о Сагане. Уже I2 часов, доктор Нельте.

НЕЛЬТЕ: Я думаю,что я до I часу закончу, господин председатель, или я должен понимать ваше замечание в том смысле,что вы хотите сократить срок произнесения моей речи,установить время,когда я должен кончить? В своем ходатайстве я просил дать мне 7 часов и Вы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы помните,каково было решение Трибунала?

НЕЛЬТЕ: Да, вслед за этим я направил суду свою просьбу а я полагал,что Вы удовлетворили ее,в виде исключения.Если это не так,я буду следовать вашим указаниям.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо,Трибунал даст вам еще полчаса,до половины первого, для того,чтобы вы смогли сделать все ваши замечания. Я вновь хочу вам указать,что,по моему мнению нет ничего особенного между страницами I78 и I83.

НЕЛЬТЕ: Господин председатель,я надеюсь,что это не означает,что разделы моей речи,помещенные на этих страницах, не относятся к делу.Я полагаю,что я могу выразить свою субективную точку зрения?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет,я сказал, что здесь нет никакой краеугольной проблемы.

НЕЛЬТЕ /продолжает речь/: Я не хотел бы пройти мимо событий, которые неоднократно и справедливо были предметом обсуждения на этом процессе,а именно случая с 50-ю летчиками Королевских воздушных сил, позорного дела,Сагана. Он особенно касается нас,немцев, так как в нем выражена вся беспринципность приказов и характера Гитлера,который ни на минуту не задумывался над вопросом чести германской армии, принимая свои внезапные решения.

Перекрестный допрос подсудимого Кейтеля представителем английского обвинения выявил, в какой степени его имя свя-

153222

H1210 – 0038

зано с этими потрясающими событиями. Хотя в процессе пред'явления доказательств со всей очевидностью было установлено, что Кейтель не слышал и не передавал приказов Гитлера об убийствах, что ни он, ни вооруженные силы ни в какой степени не были связаны с проведением данного приказа в жизнь и что, наконец, он всеми средствами препятствовал передаче совершивших побег офицеров Риммлеру и по крайней мере добился того, что возвращенные обратно в лагери были спасены, все-таки у него остается удручающее чувство виновности за то, что он тогда не понял, какой ужасный удар был нанесен по престижу германской армии в мире, в результате такого мероприятия.

В связи с рассмотрением событий в Сагане, французское обвинение пред'явило подсудимому Кейтелю документ I650-ПС, касающийся обращения с бежавшими военнопленными.

Здесь, господин председатель, речь идет о так называемом "указе о пуле". Я хотел бы сократить рассмотрение этого случая для экономии во времени, однако, я должен рассмотреть его, так как он является одним из самых важных и тяжелых обвинений, выдвинутых против моего подзащитного. Я буду резюмировать. Кейтель во время перекрестного допроса показал следующее: "Этот документ I650-ПС издан полицейской инстанцией и содержит ссылку на ОКВ в следующих словах: ОКВ распорядилось о следующем" Кейтель заявил: "Я определенно не подписывал этого приказа, не видел его, в этом не может быть никакого сомнения. Я не могу этого раз'яснить, я могу лишь высказать предположение, при каких обстоятельствах этот приказ был издан в Главном имперском управлении госбезопасности Мюллером". Затем он в своих показаниях останавливается на различных возможностях того, каким образом такой приказ мог быть передан тем инстанциям, которые издали его. Далее, он сослался на документ I544-ПС, это документ, в котором содержатся все приказы и распоряжения относительно

15323

военнопленных,но в нем нет приказов относительно военнопленных - офицеров и унтер-офицеров,совершивших побег. Я продолжаю на стр. 186-а. Свидетель Вестгоф подтвердил,что ни ему,ни Управлению ОКВ по делам военнопленных не было известно понятие "3-я степень" и его значение. Он также заявил,что он при вступлении на пост начальника управления I апреля 1944 г. не обнаружил приказов такого рода, а следовательно, и никакой записи об этом документе. Мне было совершенно неясно,что имелось в виду под этим "Указом о пуле". Мне кажется,однако, что на основании показаний одного свидетеля было выяснено, что это за указ, а именно на основании показаний подсудимого Кальтенбруннера о том, что он никогда не говорил по этому вопросу с подсудимым Кейтелем.

Перехожу к стр. 187,где имеется заявление Кальтенбруннера. "Я слышал название "Указ о пуле",которое мне совершенно ничего не говорило,когда я начал свою деятельность в Управлении,поэтому я спросил,что это такое. Он сказал мне,что это приказ фюрера, больше он ничего об этом не знает. Я не удовлетворился этими сведениями и в тот же день направил Гиммлеру телеграфный запрос с просьбой ознакомить меня с приказом фюрера,под названием "Указ о пуле". Через несколько дней ко мне явился Мюллер с заданием Гиммлера и ознакомил меня с одним приказом,который исходил,однако, не от Гитлера,а от Гиммлера и в котором Гиммлер заявлял,что он передает мне устный приказ "фюрера". На этом основании можно предполагать,что Гитлер,не говоря с подсудимым Кейтелем и не поставив его в известность об этом, отдал Гиммлеру устный приказ в том виде, в каком он передан в документе I650-ПС.

Теперь я перехожу к стр.I90, заключительной части моей речи.

Для субъективной стороны преступлений, о которых здесь

05324

H1210 – 0039

H1210 – 0040

утверждается, один элемент имеет особое значение: элемент знания. Этот элемент важен не только для понятия виновности но и для вывода, сделанного из него: о согласии, терпении, а также о неоказанном противодействии.

Сущность знания охватывает:

I. Знание вещей,

2. Понимание целеустановки,

3. Понимание методов и

4. Представление и возможность представления последствий.

Еще при рассмотрении вопроса о том, в какой степени подсудимый Кейтель на основании знания текста программы национал-социалистской партии и на основании книги Гитлера "Моя борьба" мог судить о намерении насильственного претворения в жизнь пунктов программы, я доложил о причинах, по которым Кейтель не знал о намерении насильственного их осуществления.

Осведомленность о намечавшихся агрессивных войнах подсудимый Кейтель отрицал до периода войны с Польшей, что было также подтверждено гросс-адмиралом Редером. Эта позиция безусловно суб'ективно правильна, поскольку Кейтель серьезно не верил в войну с Польшей, не говоря уже о войне, в которую бы вступили Франция и Англия. Это мнение Кейтеля, как и у других военных, опиралось на тот факт, что военный потенциал был по имевшемуся опыту недостаточным для ведения войны с надеждой на успех тем более, что она должна была стать войной на двух фронтах. В этом смысле он видел подтверждение также в договоре о ненападении с Советским Союзом, заключенном 23 августа 1939 года. Но это не является основным пунктом проблемы. Речи Гитлера перед генералитетом, начиная с речи от 5 ноября 1937 года, на которой Кейтель не присутствовал, позволяли с каждым разом все яснее и яснее установить, что Гитлер намерен так или иначе, т.

15325

H1210 – 0041

если не путем мирных переговоров,то путем войны или,во всяком случае, путем использования вооруженных сил в качестве средства нажима,добиться своих целей. В этом не может быть сомнения. Поэтому можно спорить о том,правильно ли передан текст речей Гитлера, официальных записей которых или протоколов не существует. В чем,однако,не может быть сомнения, это в том,что они ясно дают понять намерения Гитлера.

Соответственно этому необходимо различать,можно ли было верить в проведение в жизнь определенного плана или можно было на основании этого установить существование общего агрессивного замысла. Если такого понимания не существовало,то это можно об'яснить только тем,что генералы, вследствие их принципиальной точки зрения, не размышляли над вопросом о войне или мире. По их мнению,это был политический вопрос,в котором они считали себя некомпетентными так как,как здесь было уже сказано, им не были известны причины, могущие привести к такому решению и,как заявил подсудимый Кейтель,генералитет должен был питать доверие к государственному руководству относительно того,что оно прибегнет к войне только под давлением обстоятельств. Это – следствие традиционного принципа, заключающегося в том,что вооруженные силы являются инструментом политики,но не могут сами заниматься политикой. Этот принцип был воспринят Гитлером и проводился им крайне последовательно. Пусть Трибунал решит,можно ли считать это оправданием.

У свидетельского пульта Кейтель заявил,что он знал о приказах,директивах и распоряжениях, которые имели такие ужасные последствия и что он составлял и подписывал их,не задумываясь над возможными результатами.

Эти показания оставляют открытыми три вопроса.

I. Вопрос о методах выполнения приказов,

2. Вопрос о предвидении фактически наступавших послед-

H1210 – 0042

ствий и

3. Вопрос о "долус эвентуалис".

В своем аффидевиде /книга документов № П, № I2 /подсудимый Кейтель описал,в связи с комплексом вопросов о так называемых идеологических приказах, влияние органов полиции СС на ведание войны и привлечение вооруженных сил к участию в событиях. Представление доказательств показало,что многие командующие войсками частично вообще не применяли,частично применяли в более смягченной форме под свою собственную ответственность приказы, которые сами по себе были преступными. Методы СС, придававшие приказам их ужасную эффективность,были чужды и поэтому непонятны солдату Кейтелю,с его устаревшими взглядами по некоторым вопросам. Согласно его показаниям,последствия этих приказов в таких ужасных масштабах не были ему известны.

То же самое относится к приказу фюрера "Мрак и туман", о котором я только что говорил. Но если он не задумывался над "возможными" последствиями, передавая эти приказы по инстанции,то нельзя утверждать о наличии "долус эвентуалис" в результате наступивших последствий. Скорее следует предположить,что если бы он мог распознать их ужасное действие, он,несмотря на запрещение подачи заявлений об отставке,сделал бы вывод,который бы освободил его от ужасных угрызений совести и противодействовал бы втягиванию его из месяца в месяц в водоворот событий.

Пусть это будет гипотезой,представление доказательств дало для подтверждения ее правильности известные отправные пункты. Попытка уйти со своего поста, предпринимавшаяся им пять раз,и решение покончить жизнь самоубийством,о котором дал свидетельские показания генерал-полковник Йодль, дают вам возможность установить наличие серьезных намерений Кейтеля в этом отношении.

Если эти намерения не претворялись в жизнь,то это об'-

15827

ясняется теми обстоятельствами,на которых я уже останавливался: непременный и,как говорит Кейтель, неотъемлемый долг солдата быть верным своей присяге,верно выполнять свой долг до горького конца.

Эта точка зрения будет неправильной,если исходя из нее будут впадать в крайности,могущие привести к преступлению. Но также и в отношении такого солдата необходимо учесть, что в войне он привык применять другие масштабы. Если все высшие офицеры,в том числе и фельдмаршал Паулюс,выразили здесь одну и ту же точку зрения,то,возможно,конечно, что это трудно понять,но нельзя отказать им в честности их убеждений.

Подсудимый Кейтель на вопрос, который так часто ставился на этом процессе о том,почему он

а/ не отказался от повиновения Гитлеру,или

б/ не выступил против Гитлера,

ответил,что над этим вопросом он не задумывался ни одной минуты. По его словам и по его поведению он является честным солдатом.

Разве такое поведение может говорить о его виновности?

Возникает совершенно общая проблема, имеет ли право генерал совершать государственную измену или должен он ее совершать, если он осознает,что проведение в жизнь приказа или мероприятия,нарушит международное право или ведет к преступлению против человечества.

Разрешение этой проблемы предполагает ответ на предварительный вопрос, какое учреждение "дает разрешение или приказ" на совершение государственной измены,состав которой определен уголовным кодексом. Этот вопрос кажется мне значительным потому,что необходимо установить законность действий того,кто может разрешить или приказать генералу совершить государственную измену, кто может "обязывать и разрешать".

15328

H1210 - 0043

H1210 – 0044

В виду того,что государственная власть того времени, представлявшаяся в данном случае главой государства,являвшимся одним лицом с верховным главнокомандующим вооруженными силами,не рассматривается здесь, спрашивается, имеется ли над суверенным государственным авторитетом или вне его власть,могущая "обявывать или разрешать". В виду того, что борьба за власть между папой и кайзером, царившая в средневековье,не имеет теперь никакого актуального вначения в государственно-правовом смысле, эта власть может быть только безличной и моральной: высший завет неписанного извечного права, которое наш немецкий поэт Шиллер выражает словами:

"Власть тирана тоже имеет границы..."

Это только одно из поэтических откровений,так часто встречающихся в мировой литературе,которые выражают глубокую тоску всех народов по свободе.

Если существует неписанный закон, неоспоримо соответствующий убеждениям всех людей, то это только тот закон, который признает, что при всей необходимости признания государственного порядка, имеется граница для ограничения свободы. Если она перейдена, то наступает состояние войны между государственным порядком и надгосударственной силой мировой совести.

Итак,важно установить,что до сих пор не существовало такого принципа международного права. Это и вполне понятно, так как относительность понятия свободы в различных государствах и забота всех государств о сохранении своего суверенитета находится в непримиримом противоречии с признанием надгосударственной власти.

Сила "обявывающая и разрешающая", оправдывающая нас перед богом и людьми,- это - мировая совесть,живущая в каждом отдельном человеке. Он должен поступать согласно этой совести.

15329

H1210-0045

Подсудимый Кейтель не слышал предостерегающего голоса мировой совести. Принципы его солдатской жизни так глубоко укренились в нем, настолько сильно завладели его мышлением и поступками, что он был глух ко всем соображениям, которые бы могли его увести с пути повиновения и верности в том смысле, как он их понимал.

Это поистине трагическая роль, которую сыграл подсудимый Кейтель в этой самой ужасной драме всех времен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кауфман, пожалуйста, начинайте.

КАУФМАН /защитник подсудимого Кальтенбруннера/:

Господин председатель! Разрешите мне сначала заметить, что я внес несколько небольших изменений, на которые я буду в каждом отдельном случае ссылаться. Я займу всего около двух часов.

Защитительная речь адвоката Кауфмана по делу подсудимого КАЛЬТЕНБРУННЕРА

Господин председатель, Высокий Суд!

Этот процесс является мировой историей, но мировой историей, полной революционных напряжений: духи, к которым взывало человечество, сильнее, чем вов истязаемых народов о справедливости и мире. Со времени обожествлении человека и унижения бога, хаос, как необходимое последствие и наказание, карающее человечество войнами, революциями, голодом и отчаянием. Если мера вины моей родины не имеет предела, то и величайшее искупление, которое когда-либо нес какой-либо народ, она несет непрерывно.

Средства для восстановления столь горячо желаемого благополучия неверны, так как они второстепенны. Ни один из моих слушателей не в состоянии обвинить меня во лжи, если я скажу, что этот процесс начинается не в конце периода несправедливости, чтобы закончить его, а окружен волнами бушующего потока, на поверхности которого безнадежно плавают

H1210-0046

остатки сохраняемой веками цивилизации и на глубоком демоническом дне которого выкидают люди,ненавидящие истинных богов,враги христианской религии и тем самым противники всякой справедливости.

Европейский международный порядок,частью которого была моя родина, тяжело болен. Он болен духом отрицания и унижения достоинства человеческой природы. Руссо проклял бы основные принципы своего учения,если бы он пережил радикальные извращения своих тезисов в эти годы двадцатого столетия. Народы провозгласили "свободу" великой революции,но в течение лишь I50 лет они во имя именно этой свободы создали то чудовище порядка, лишенного свободы,порядка жестокого порабощения и бесбожия,которое сумело избежать земной справедливости, однако, не ушло от бессмертного бога.

Этот Трибунал в сознании своей задачи и миссии,однако, предстанет перед испытующим оком истории. Я не сомневаюсь в том,что избранные судьи стремятся служить справедливости,которой они должны руководствоваться.Но разве эта задача тем не менее неразрешима? Американский главный обвинитель заявил, что в его стране процессы большого значения редко начинаются раньше,чем до истечения одного - двух лет. Мне не нужно освещать глубокую истинность этой практики . Может ли земной человек с его раздвоенностью между любовью и ненавистью,справедливостью и местью непосредственно после величайшей из известных до сих пор катастроф человечества и постоянно подгоняемый изложенным в уставе требованием о быстром разборе дела провести процесс таким образом,чтобы еще заслужить благодарность народа и тогда,когда воды этого второго потопа вернутся в свое старое русло?

Разве не следовало бы именно этот процесс провести под знаком упомянутой выше идеи разделения временем преступления от искупления?

15331

H1210 – 0046

H1210 – 0047

Право может создаваться лишь в том случае,если суд обладает той внутренней свободой и независимостью,которые чувствуют себя подчиненными только совести и самому богу, и больше ничему. На моей родине была забыта эта священная заповедь и,прежде всего, она была забыта в высших политических кругах нации. Гитлер унизил право до средства для достижения своих целей. Но этот суд хочет показать миру,что польза народа заключается только в самом праве.Никакая другая мысль не может вызвать у всех добропорядочных людей большую радость и уверенность,чем мысль о бескорыстной справедливости. Я, не подвергая критике основные положения Устава, поднимаю вопрос о том,было ли когда-либо в мире найдено право и можно ли было найти его вообще,если даже власть и отдала дань разуму,в результате того,что она предоставила своим противникам право на судебное разбирательство в соответствии с существующими нормами права, но не могла принять решение о том,чтобы увенчать свою дань разуму учреждением подлинного международного суда; ибо даже если 19 наций заявили о своем согласии с правовыми установками Устава - применять установленные нормы права значительно труднее.

Американский главный обвинитель подчеркнул,что он не имеет в виду обвинить весь немецкий народ,но стенограммы этого Трибунала,которые когда-либо будут тщательно рассмотрены историей, содержат очень много неправильных утверждений, о которых нам, немцам, очень тяжело слышать,они содержат в себе,к сожалению,также неоднократно ясно поставленные вопросы французского обвинения о том,в какой степени,например,были известны населению эти преступления против человечности на территории Германии и других стран; французское обвинение даже категорически поставило вопрос: "Могли ли эти зверства в общем оставаться неизвестными всему не-

15332

мецкому народу,или он узнал о них?" Эти и подобные им вопросы, не могут послужить для решения этой тяжелой трагической проблемы, которое хотя бы в самой незначительной степени находилось бы в соответствии с истиной.Поскольку в народе берет верх зло,которое органически растет и дает о себе знать,поскольку всякий разумный человек несет вину за катастрофы своего народа.Но даже эта,лежащая в области метафизики вина не могла бы стать общей виной народа,если бы каждый отдельный представитель этого народа не навлек на себя индивидуальную вину. Но кто вправе установить таковую без детальной проверки тысяч отдельных обстоятельств.Но эта проблема становится ~~все~~ еще труднее, если /что должно явиться целью этой проверки/ пытаются установить,так называемую вину народа за конкретные преступления против мира, человечества и т.д.,которые были совершены в последние годы всемогущим государством в какой бы форме оно ни выступало. Нужно детально представить себе положение империи до 1933 года. Здесь уже достаточно говорили на эту тему и мне нет необходимости говорить об этом. Гитлер претендовал на то,чтобы высокие понятия были свойственны ему одному: общеизвестное германское прилежание,простота,любовь к семье,самопожертвование, благородство труда и сотни других качеств. Миллионы верили,миллионы не верили. Лучшие люди не отказывались от надежды на то, что они смогут предотвратить предчувствуемую ими трагедию. Они бросались в поток событий,собирали все доброе и явно или тайно боролись против зла.Разве можно ставить в вину простому человеку то,что он не был склонен немедленно отказать во всяком доверии Гитлеру,который выдавал себя за искателя правды и который все время показывал миролюбивым народам высокоподнятую пальмовую ветвь. Кто знает,не был ли он сам в начале уверен,что он сможет усилить свое государство без войны?

После прихода его к власти широкие круги немецкого на-

15333

H1210 – 0048

H1210 – 0049

рода могли почувствовать себя равными в семье других народов земли. Таким образом, неудивительно, что Гитлер с согласия или благодаря попустительству остальных стран постепенно завоевал себе ореол вечного человека. Только немец, который в минувшие годы жил в Германии, а не смотрел из-за границы на события в Германии в бинокль, имеет в конце концов полное право судить об исторических фактах, свидетельствующих о существовании непроницаемой завесы тайны, о психозе страха и фактической невозможности изменения режима и тем самым выполнить требование Ранке, пред'явленное им историкам, и установить "как было".

Разрешите мне сказать несколько слов об этом сохранении тайны.

Этот процесс со всей ясностью показал, что само государство умело скрывать факты, которые могли подорвать его престиж и выдать его истинные намерения. Даже обвиняемые здесь люди, которых обвинение называет заговорщиками или, может быть, большинство из них, в большей или меньшей степени стали жертвами этой извращенной системы сохранения тайны. Особое место в этой системе сохранения тайны имел план биологического уничтожения еврейского населения, задуманный Гитлером и осуществлявшийся Гиммлером, Эйхманом и небольшим числом, посвященных в него лиц, который в течение многих лет скрывал под ничего не говорящим наименованием "окончательное решение" ужасные намерения. Народ рассматривал решение вопроса о евреях...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кауфман! Трибуналу кажется, что это очень длинное введение к защите подсудимого Кальтенбруннера, о котором Вы даже еще ни разу не упомянули. Не пора ли уже перейти к делу подсудимого, которого Вы защищаете? Мы ведь не разбираем дело по обвинению германского народа, мы разбираем дело по обвинению подсудимых.

КАУФМАН: Господин председатель! Еще пару предложений и,

я кончу свои высказывания по этому вопросу. Но я прошу понять меня,что центральным пунктом обвинения в моем деле является веское слово гуманности и,мне кажется, что я - единственный из защитников, который подробно останавливается на этом. Я прошу дать мне возможность высказаться. Я сейчас же перейду к делу Кальтенбруннера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На странице 8-й у вас есть заголовок:"Духовно историческое развитие в Европе". Нам кажется,что это несколько далеко от тех вопросов, которые мы сейчас разбираем.

КАУФМАН: Господин председатель! Разрешите напомнить о том, что этот вопрос обсуждался также главным обвинителем, особенно господином де Ментоном. Я думаю,что я не смогу выполнить полностью свою задачу,если я стану рассматривать эти чудовищные преступления лишь как эмпирические факты. Нужно дать немцу возможность познать развитие,происшедшее в короткий срок - а он действительно короток. Через несколько минут я перейду к делу Кальтенбруннера и моя защитительная речь будет так или иначе самой короткой из всех речей, которые будут здесь произнесены. /Пауза,совещаются/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кауфман. Трибунал предлагает,насколько это возможно,разрешать разбираемые вопросы,на основании законов,а не на основании крайне общих,туманных и пространных философских доктрин, которые вы,повидимому, разбираете на первых двенадцати страницах.вашей речи. Поэтому Трибунал желал бы,чтобы вы не зачитывали эту часть вашей речи. Трибунал ~~хрхлхлхлхх~~ полагает,что эти высказывания не имеют отношения к делу подсудимого Кальтенбруннера. И Трибунал предпочел бы,чтобы вы начали со страницы 13-й,где Вы действительно переходите к рассмотрению дела подсудимого.

КАУФМАН: Господин председатель. Мне,конечно,очень трудно еще больше сократить защитительную речь,которая уже сама по себе очень коротка. Я думаю,что суд это тоже поймет...

15335

H1210 - 0050

H1210 – 0051

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кауфман. В том,что вы зачитывали до сих пор, не содержало какого-либо обобщения. Ваши высказывания носят общий характер.

КАУФМАН: Тогда разрешите,может быть, зачитать под заголовком несколько строк о защите. Они начинаются словами...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть вы можете обобщить ваши соображения общего характера до того,как вы перейдете непосредственно к делу подсудимого Кальтенбруннера?

КАУФМАН: Да, я попытаюсь это сделать. Из короткой главы в которой говорится о задачах защиты,я хочу зачитать всего лишь несколько предложений для понимания общей связи. Я говорю,что защита установлена Уставом и я ставлю вопрос,как перед лицом таких эксцессов защита может вообще выполнять какую-либо задачу.

Далее я хочу сказать,что на этом процессе действительность и заблуждения таинственно перепутаны между собой,в значительно большей степени,чем,пожалуй, на любом другом большом процессе. Задача установить истину поднимает защитника до уровня помощника Суда и дает право защитнику не только ставить под сомнение показания свидетелей,но также и документы и,прежде всего,правительственные отчеты. Она позволяет защитнику заявить,что такие отчеты, хотя они допущены Уставом в качестве доказательств,могут быть приняты лишь с большими сомнениями. Ни один обвинитель,ни один защитник, ни один нейтральный уполномоченный,не могли оказать влияния на их составление. Безусловно, эти показания лежат в области права, но также и в области власти.

Народ или большая часть народа в своем стремлении найти счастье и мир, сделал своим фюрером поборника лже-учения и этот фюрер злоупотребил доверием народа.Этот народ не нашел силы для своевременного оказания сопротивления и, так сказать,рухнул в огромную пропасть уничтожения всего

15336

H1210 – 0052

своего народного,политического, духовного и экономического существования. Все это трагично в истинном смысле этого слова. Если бы спросили человека на улице,мать в доме и ее сыновей и дочерей,хотят ли они мира или войны,они добровольно никогда бы не избрали жребий войны. Недостатком данного процесса является отсутствие мнения такого человека...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кауфман.Вы сейчас читаете какую-нибудь часть Вашей речи?

КАУФман: Да, я зачитываю несколько предложений,господин председатель. В моем немецком экземпляре эта страница 7-ая.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Быть может,Вы обобщите ваши доводы,о которых вы сейчас говорите?

КАУФМАН: Господин председатель, я прошу сказать мне, еще раз,желает ли суд,чтобы я совершенно не освещал этот духовно-исторический фон, который дает возможность понять бытие, преступления против человечности,нарушения мира. Если суд заявит мне, что он не желает вообще подобных рассуждений, то я безусловно подчинюсь желанию Трибунала. Но такой феномен...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, доктор Кауфман, если Вы считаете необходимым зачитывать эту часть Вашей речи,Вы можете поступить таким образом, но,как я указывал, Трибунал считает, что это имеет очень отдаленное отношение к тем вопросам,которые мы здесь рассматриваем.

КАУФМАН: Благодарю Вас. Тогда я выпущу несколько страниц и только суммирую высказывания,изложенные на четырех-пяти страницах о теме, которую я сейчас затронул. Здесь имеется заголовок:"Духовно-историческое развитие в Европе!

Взлет и по своим размерам и последствиям единственный в истории крах Гитлера нужно, с какой бы стороны ни рассматривать...

H1210 – 0052

H1210 – 0053

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На какой странице Вы читаете, доктор Кауфман?

КАУФМАН: Господин председатель, 8-я страница немецкого текста: "Духовно-историческое развитие в Европе".

Из перспективы исторического обозрения германской истории или мнимой необходимости развития экономических сил социологического расслоения людей, национального склада и особенностей характера немцев или ошибок, которые совершили другие, живущие в том же доме, братья и сестры семьи народов в области политики, все это, конечно, округляет картину анализа, но все время требует частичного познания и частичных истин. Глубочайшая и одновременно роковая причина появления Гитлера, как явления, лежит в области метафизики. Вторая мировая война в конечном результате была неизбежна. Тот, кто видит мир и его явления лишь с точки зрения экономических проблем, тот может думать, что война, как первая, так и вторая мировая война, могла бы быть избегнута при разумном распределении богатств нашей земли. Рассматриваемые изолированно экономические предпосылки никогда не смогут изменить лицо земли. Поэтому изменение внешних жизненных условий немецкого народа, их ухудшение, деморализация национальной души вследствие Версальского договора, инфляция, безработица и многое другое были внешним поводом для Гитлера. Пожалуй, можно было оттянуть катастрофу на несколько лет или десятилетий, если бы известные внешние жизненные условия существования народов и людей внешне сложились бы более счастливо. Никогда нельзя уничтожить больную идею путем только экономических мер и разоблачить ее вред для отдельных людей и народов, разве, что люди преодолевают и заменяют эту идею лучшей. В том, как произносят люди и народы имя божее, говорит знаменитый Доносо Кортес, "заключается решение самых опасных проблем". Здесь мы имеем об'яснение миссий отдельных народов, рас, великих переломов исто-

H1210 – 0054

рии,расцвета и падения империй,завоеваний и войн, различных национальных складов,особенностей наций,даже их переменчивого счастья.

Г-н де Ментон сделал попытку идеологического анализа национал-социализма. Он говорил о "прегрешении против духа" и видел глубокие причины возникновения национал-социализма в отходе от христианства. В связи с этим - несколько слов. Гитлер не был метеором,падение которого нельзя было предусмотреть и заранее рассчитать. Он был представителем по существу своему атеистического материалистического мировоззрения.

Достаточно причин для того,чтобы подумать о том,что хотя национал-социализм стерт с лица земли,вследствие полного разгрома германской империи,и весь мир, таким образом, освобожден от провозглашенной всеми народами германской опасности,не наступило решительного поворота к лучшему. Мир не наполнил сердца, покой не занял своего места в каком-либо уголке земного существования. Конечно, разгром мощного государства со всеми его силами физического и духовного характера всегда долго еще будет вызывать волны точно так же, как на поверхности моря возникают волны, если в спокойную воду кинуть большой камень. Все,что происходит в настоящее время в Европе и во всем мире - это значительно больше и нечто совершенно иное, чем только отзвуки такого события. Волны моря, имея в виду то же сравнение,вновь возникают из глубин; они питаются таинственными,все вновь появляющимися силами; это те полные беспокойства идеи, ведущие к международной катастрофе,о которых я говорил,и никто не может обвинить меня во лжи,если я утверждаю,что все победители и побежденные переживают кризис,который,как ужасный и,повидимому, неотвратимый кошмар,привлящий в беспокойство совесть отдельных людей и народов и позволяющий кроме наказания от-

1529

H1210 - 0054

H1210 – 0055

дельных виновных людей искать те средства, которые могли бы избавить человечество от еще большей катастрофы.

В своей "Исповеди революционера" Прудон, остроумный социалист, написал слова, над которыми следует задуматься: "Каждый крупный политический вопрос всегда включает в себе также и теологический вопрос". Эти слова он написал сто лет назад. Весьма актуально то, что британский генерал Мак Артут при подписании условий капитуляции Японии повторил глубокий смысл этих слов, сказав: "Если мы не сумеем создать лучшую и более крупную систему, то смерть будет стоять у наших дверей. Эта проблема, собственно говоря, в своей основе является проблемой теологической".

Изменения религиозных ценностей определяют историю. Они являются сильнейшими движущими силами культурного развития человечества. Разрешите мне в общих чертах указать на духовно-исторические корни национал-социализма.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кауфман, уже час дня и я должен сказать Вам, что последние две страницы, которые вы только что зачитали, не имели совершенно ничего общего, по моему мнению, с преступлениями против человечности, или с каким-либо делом, которое мы здесь рассматриваем. На следующих страницах Вы говорите о Ренессансе, суб'ективизме, Французской революции, либерализме и национал-социализме. Мне кажется, что эти страницы в равной степени совершенно не относятся к делу. Так полагает Трибунал.

Сейчас мы об'явим перерыв.

/Об'является перерыв до 2-х часов/.

15340

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНА от 9/УП-1946г.

(Вечернее заседание).

Встать, Суд идет!

КАУФМАН. Господин председатель, я пропускаю изложение части, озаглавленной "Возрождение, суб"ективизм, французская революция, либерализм, национал-социализм". Содержание этой части можно вкратце передать в 2-3 предложениях. Я попрошу принять лишь эту часть к сведению. Я указал на то, что причиной всех этих роковых движений было то идеологическое направление, которое К Маритэн называет антропоцентрическим гуманизмом.

Сейчас я продолжаю на стр.13 немецкого текста.

С этой общей духовной ситуацией связана личность доктора Кальтенбруннера. Тысячи душевных ран родины кровоточили. Виновен ли этот человек? Он отрицает свою вину, но и признает ее. Посмотрим, что же здесь правильно.

Как я уже подчеркнул вначале, Кальтенбруннер до 1943 года был по сравнению с остальными подсудимыми почти неизвестным в Германии человеком, во всяком случае, одним из тех, кто не имел тесной связи как с германской общественностью, так и с видней-шими деятелями режима. В то время, когда германский народ в военном, экономическом и политическом отношении уже с огромной скоростью катился в пропасть, ненависть и страх перед испол-нительной властью достигли кульминационного пункта, тем более, что парализующее чувство бесперспективности всякого сопротив-ления террору режима начало исчезать, ведь тогда уже оконча-тельно отвернулись от провозглашенной пропагандой легенды о

15341

H1210 – 0056

H1210 – 0057

непобедимости. Так сказать, неожиданно и без наличия особых способностей, не говоря уже о его стремлении, Кальтенбруннер, уединенно живший, и, пожалуй, что, несмотря на австрийский аншлюсс, незапятнанный, с точки зрения международного уголовного права, был, я дополняю, бона фиде (bona fide) запутан в сеть крупнейшего помощника крупнейшего убийцы – не добровольно, наоборот, напарекор своему сопротивлению и наперекор своим стремлениям отправиться в действующую армию.

Я вполне понимаю, если мне скажут, что перед лицом моря крови и слез, мне не следовало-бы освещать особенности души и характера этого человека. Но, в конце концов, и я прошу не понять это превратно, мною, как защитником этого человека, движет широкий, едва-ли понятный для современного, отвернувшегося от бога, поколения тезис великого Августина: "Ненавидь ошибку, но люби человека". Любовь? Да, в той степени, в какой она должна пропитывать собой справедливость, ибо справедливость без этого благородства любви становится простой местью, от которой, как утверждает в категорических словах Обвинение, оно отказалось. Поэтому ради этой справедливости я должен показать Вам, что Кальтенбруннер не является сыном духа, как его называло неоднократно Обвинение, он не является маленьким Гиммлером, его "доверенным", "вторым Гейдрихом". Я думаю, что он не является тем холодным как лед существом, о котором, правда, основываясь только на слухах, говорил в таких абсолютно отрицательных тонах д-р Гизевиус. Подсудимый Йодль показал здесь перед Вами, что Кальтенбруннер не относился к доверенным лицам Гитлера, которые после ежедневных обсуждений общей обстановки собирались вокруг последнего в главной ставке фюрера. В противоположность ему, свидетель д-р

Мильднер заявил, по собственным наблюдениям (Обвинение не подвергло сомнению его показания), следующее:

"По собственным наблюдениям я могу подтвердить: я знаю подсудимого Кальтенбруннера лично. В своей личной жизни он был безупречным человеком. По моему мнению, назначение его, высшего полицай - и СС-фюрера, на должность начальника полиции безопасности и СД произошло потому, что Гиммлер после смерти своего главного соперника Гейдриха в июне 1942 года не желал иметь рядом с собой или в своем подчинении человека, который смог бы угрожать его положению. Для Гиммлера подсудимый Кальтенбруннер без сомнения был наименее опасным человеком_. У Кальтенбруннера не было честолюбия в отношении того, чтобы с помощью особых действий приобрести вес и, возможно, вытеснить Гиммлера. О стремлении к власти в отношении его не может быть и речи. Неверно называть его "маленьким Гиммлером".

В том же духе высказались свидетели фон Эберштайн, Вонек и д-р Хоттль.

Несмотря на все, этот человек взял все-таки на себя руководство главным имперским управлением безопасности; да, он действительно взял его на себя в полном об"еме, несмотря на свою договоренность с Гиммлером.

Я знаю, что этот человек сегодня тяжело страдает из-за катастрофы своего народа и из-за беспокойства, вселившегося в его собственную совесть; ничто не может быть понятнее того, что д-р Кальтенбруннер, сознательно или бессознательно, больше не может сознавать, что он когда-то действительно руководил управлением, о зверствах которого

15343

H1210 - 0058

H1210 – 0059

если бы это было возможно, заговорили камни, ибо личность и сущность этого человека должны быть охарактеризованы иначе, чем это сделало Обвинение.

Для психолога встает вопрос, как человек, скажем, с обычными буржуазными добродетелями мог взять под свой верховный контроль управление, ставшее нарицательным именем человеческого порабощения 20 века, во всяком случае, тогда, когда речь идет о Германии. Для все-таки имевшего место занятия этой должности могут существовать две причины. Одна заключается в том, что доктор Кальтенбруннер, хотя бы и тесно сроднившийся с политическими и культурными интересами своей австрийской родины, в общем относился положительно к национал-социализму. Ведь прежде чем вступить на окольный путь с его секретами, он шагал в ногу с тысячами и сотнями тысяч других немцев, которые не желали ничего другого, как только освобождения от господствовавших тогда всевозможных течений, по широкой дороге, на которую мог смотреть весь мир. Он, например, без сомнения был приверженцем антисемитизма, однако, он был антисемитом, который хотел лишь ограничить размеры чужеродного влияния на германский народ. Но он остро осуждал все безумие преступления, заключавшегося в физическом уничтожении еврейского народа, как об этом со всей ясностью показал д-р Хоттль.

Кальтенбруннер, конечно, положительно относился к личности Гитлера, пока он постепенно не стал проявлять свои абсолютно античеловеческие, а тем самым и ненемецкие стороны. Одобрял также, как он признал это при своем допросе, принципиальные меры, предпосылкой к проведению

15344

которых было более или менее значительное насилие, например, создание воспитательно-трудовых лагерей. Поэтому ни один разумный человек не станет оспаривать, что он в принципе считал вполне допустимым, по крайней мере, на время войны, создание концлагерей; ведь по ту сторону германских границ это уже давно имело место.

Создание концлагерей, или как бы там ни называли эти учреждения, при упоминании о которых слушатель невольно вспоминает слова Данте, к сожалению, имело место во многих государствах. История знает о них по Южной Африке уже много десятилетий назад, по России, Англии и Америке во время этой войны, в которые, между прочим, заключались также люди, которые по различным идеологическим причинам не желают служить войне. В Баварии, в стране, в которой в настоящее время заседает Трибунал, также имеются подобные лагери, баварцам известен также так называемый "автоматический" арест известных групп немцев. Под заголовком: "Политические принципы" в параграфе "B" 5 текста совместного заявления трех руководящих государственных деятелей на Потсдамской конференции от 17 июля 1945 года содержится постановление, что все лица, которые могут быть опасны для оккупации или ее целей, должны быть арестованы или интернированы.

Тем самым признается ся нажущаяся необходимость лагерей подобного характера. Я сам ненавижу эти учреждения человеческого порабощения, но я открыто говорю, что и эти учреждения находятся на том же пути, который, если продумать все до конца, может принести с собой и приносит мучения людям иных убеждений, чем то желательно государству. Тем самым, однако, преступления против человечности в немецких

15345

H1210 – 0060

H1210 – 0061

концентрационних лагерях ни в коей мере не умаляется. Что касается Кальтенбруннера, то этот человек, по моему убеждению, подтвержденному также многими свидетелями, в своей сущности и в своем внешнем поведении, ставшем заметним с 1943 г., является одним из национал-социалистских вождей, который лишь с отвращением констатировал общий курс террора и порабощения, нараставшего в Германии из года в год.

Поэтому я считаю также важным сослаться на показания свидетеля Айгрубера, из которих вытекает, что утверждение обвинения: "Кальтенбруннер создал Маутхаузен", - является неверным.

Вторая причина заключена в теме двух бесед с Гиммлером, о которых говорил Кальтенбруннер во время своего допроса. Кальтенбруннер был готов взять на себя руководство управлениями внутригерманской и иностранной службы информации в главном имперском управлении безопасности. Он был готов с разрешения Гиммлера организовать центральную службу информации с помощью слияния и установления связи между политической службой информации и бывшей военной службой информации адмирала Канариса. Не подлежит никакому сомнению правильность того факта (это подтверждают также свидетели Ванек, д-р Хоттль, д-р Мильзнер, Сленкорф и даже само обвинение), что Гиммлер, выполняя это желание Кальтенбруннера, с момента убийства Гейдриха сам взял на себя исполнительную власть, так что в Германии в области исполнительной власти не мог произойти какой-либо, хоть сколько-нибудь незначительный случай, без того, чтобы Гиммлер не сказал заключительного слова и тем самым отдал бы окончательный приказ.

15346

Свидетель Ванек высказался о теме этих двух бесед Кальтенбруннера с Гиммлером в следующих словах, которые я дословно цитирую в виду их важности:

"При столкновении по деловым вопросам Кальтенбруннер часто говорил о том, что они с Гиммлером пришли к соглашению, смысл которого заключался в том, что он, Кальтенбруннер, должен больше работать во внешнеполитическом секторе службы информации, а Гиммлер больше желал иметь влияние на исполнительную власть. По моим сведениям Гиммлер тем более был согласен с таким урегулированием, что он мог положиться на политический инстинкт Кальтенбруннера во всех внешне-политических вопросах. Это можно было усмотреть из различных замечаний Гиммлера".

То, что Кальтенбруннер в силу своих внутренних склонностей, в действительности занимался главным образом службой информации внутри страны и за границей и тем самым все больше приобретал влияние на внешнюю и внутреннюю политику, к которому он стремился, показали различные свидетели. Я напомню о Ванеке, д-ре Хоттль, а также о подсудимом Йодле, Зейсс-Инкварте и Фриче. Д-р Хоттль показал: "Кальтенбруннер, по моему мнению, никогда полностью не господствовал в огромном главном имперском управлении безопасности и вследствие отсутствия интереса к задачам полиции и исполнительной власти значительно больше занимался службой информации и оказанием влияния на всю политику. В этой области он был царем".

Из показаний генерал-полковника Йодля я подчеркиваю следующую фразу: "Уже до того, как Кальтенбруннер принял от Канариса службу информации, он время от времени посылал мне

15347

H1210 – 0062

H1210 – 0063

очень хорошие отчеты о положении на юго-востоке. Это заставило меня обратить внимание на его опытность в делах информации... У меня сложилось впечатление, что он понимает толк в деле. С тех пор я постоянно, как и раньше от Канариса, получал доклады от Кальтенбруннера и причем не только сами донесения агентов, но время от времени он присылал мне также, если можно так выразиться в данном случае, политический обзор на основании отдельных донесений агентов. Эти доклады о политическом положении во всех иностранных государствах особенно бросились мне в глаза, так как они с невозможной при Канарисе откровенностью показывали трезво всю серьезность нашего общего военного положения."

Результат, к которому я непроизвольно прихожу на основании представления доказательств, является, таким образом, следующим: Кальтенбруннер, благодаря желательному ему разделению службы информации и полицейской исполнительной власти в главном имперском управлении безопасности действительно занимал позицию, имевшую своей целью, главным образом, обеспечение работы службы информации и дальнейшее расширение последней.

Это было жизненной профессией этого человека, впрочем он и желал иметь ее на время войны. Он лично жил на небольшие материальные средства. Будет правдой, если я скажу, что он таким же бедным покинул сцену политической жизни, каким и вступил на нее. Свидетель Ванек передал характерное для Кальтенбруннера высказывание, что он, Кальтенбруннер, после войны полностью уйдет со своей работы, чтобы крестьянином вернуться к себе на родину.

Лишь с глубоким сожалением обозреватель может констатировать, что этот человек затем под давлением политических и военных событий не сохранил желательного ему разделения функций. Его послушание Гитлеру, а тем самым и Гиммлеру, в 1943-1945 г.г. подчинилось кажущейся необходимости гарантировать стабильность внутригерманского положения с помощью полицейского насилия. Тем самым он оказался среди виновных; ведь ясно, что он может рассчитывать на мягкое решение вопроса о виновности со стороны мировой совести только в том случае, если бы он смог доказать, что он действительно отмежевался от 1У управления (управления тайной государственной полиции), которое вполне заслуживает имени демонического управления, если бы он никоим образом не был причастен к идеям и методам, которые, как я считаю, в конце концов привели к данному процессу. Я не могу отрицать фактов,—он не отмежевался от этого управления. В этом направлении не было предпринято ничего определенного, даже его собственные показания говорят против него. Этим следует об"яснить, пожалуй, сделанное им в начале допроса перед Трибуналом заявление, которое я хотел бы назвать его тезисом о виновности:

"Вопрос. Ясно ли вам, что против Вас выдвинуто совершенно особое обвинение. Представители обвинения ставят Вам в вину преступления против мира, а также вашу идеологическую причастность или соучастие в преступлениях против человечности и военных преступлений. Наконец, обвинение связывает ваше имя с террором гестапо и жестокостями в концентрационных лагерях? Я спрашиваю вас: берете ли вы на себя ответ-

15349

H1210 - 0064

H1210 – 0065

ственность в рамках этих широко представленных и известных вам пунктов обвинения?"

Ответ Кальтенбруннера. "В первую очередь я хотел бы заявить суду, что я полностью сознаю всю тяжесть выдвинутых против меня обвинений. Я знаю, что против меня направлена ненависть мира, тем более, что Гиммлера, Мюллера и Поля уже нет в живых, и я один должен дать ответ миру и суду... Но я хотел бы в самом начале заявить, что я беру на себя ответственность за все несправедливости, совершенные в рамках деятельности этого управления с момента моего назначения начальником главного имперского управления безопасности и, если это произошло под моим фактическим руководством, т.е. если я знал о совершавшемся или должен был знать".

Таким образом, задачи защиты распадаются на 2 части, для выяснения которых следует задать следующие вопросы:

1. Что хорошего и плохого сделал Кальтенбруннер с момента его назначения на пост начальника главного имперского управления безопасности, т.е. с 1 февраля 1943 года?

2. В какой степени можно с основанием утверждать, что он не имел достаточных сведений о всех преступлениях против человечности и военных преступлениях, причем об основных моментах этих преступлений?

3. В какой степени можно говорить о его виновности, если смотреть на все с той точки зрения, что он должен был знать о тяжелых преступлениях против международного права, в которых принимало непосредственное и косвенное участие IУ управление главного имперского управления безопасности (гос. тайная полиция)?

15350

1. Что сделал Кальтенбруннер?

Я пропускаю инкриминируемое ему участие в событиях при оккупации Австрии и Чехословакии, ибо с какой бы энергией он ни преследовал своей цели - присоединить свою австрийскую родину к империи и для достижения этой цели использовать руководимые им силы СС,-эта цель не может осуждаться совестью мира как преступная.

Нельзя установить наказуемой вины в связи с теми средствами насилия, которые были применены для осуществления исторически обусловленного и желательного миллионам австрийцев присоединения Австрии. Для этого Кальтенбруннер имел слишком небольшое значение. Тяжелое экономическое положение, движение за аншлюсс + национал-социализм - это был путь большинства австрийцев, но не национал-социалистская идеология, ибо сам Гитлер с точки зрения австрийского народа был ренегатом в духовном и политическом отношении. Весь австрийское движение за аншлюсс было народным движением до того, как национал-социализм в Германии приобрел какое-то значение. Австрия хотела защитить себя от запрета аншлюсса, выраженного в договорах в Версале и Сен-Жермене, с помощью плебисцита по провинциям.

После того, как в Тироле и Зальцбурге 90% голосов за "аншлюсс" державы-победительницы пригрозили прекратить продовольственные поставки. Приход Гитлера к власти в 1933 г.

15351

H1210 – 0066

H1210 – 0067

парализовал надпартийное движение за аншлюсс, но тяжелое положение в Австрии продолжало усиливаться, что привело к изоляции режима Дольфуса-Шушнигга.. Воссоединение с Германией в экономическом отношении, ликвидация массовой безработицы при этом, – вот чем питались надежды тяжко страдавшего австрийского народа, вот в чем, он усматривал единственный выход на ~~собственную~~ свободную дорогу. Волна восторга, прокатившаяся 10 октября 1938 г. по всей Австрии, была искренней. Оспаривать это сейчас означало бы фальсифицировать историю. Не правительство Дольфуса – Шушнигга было законным с точки зрения демократии, а аншлюсс.

Мне кажется, что на основании вышеупомянутых мною причин можно в такой же малой степени ответить утвердительно на вопрос о наказуемой вине Кальтенбруннера в связи с его, якобы имевшей место деятельностью в чехословацком вопросе. По моему мнению, дискуссия о вине и искуплении, может возникнуть и стать весьма жаркой только в связи с событиями после 1 февраля 1943 г. Возмущение германского народа против одного из самых отвратительных средств террора – превентивного заключения – было колоссальным еще до этого времени. Правильно ли сказать, что Кальтенбруннер, чьи приказы о превентивном аресте, т.е. приказы о превентивном заключении, снабженные его подписью, представлены суду, сам чувствовал внутренне отвращение к такому виду насилования человеческой свободы?

15352

Разрешите мне сослаться на некоторые места из его допроса.

„ВОПРОС. Было ли Вам известно, что превентивное заключение вообще допустимо и что оно часто применялось?

ОТВЕТ. О понятии "превентивного заключения", как я уже сообщил ранее, я беседовал с Гиммлером еще в 1942г., но мне кажется, что уже и до этого времени я вел довольно подробную переписку относительно этого понятия как с ним, так и с Тираком. Я считаю превентивное заключение в таком виде, в каком оно использовалось в Германии, лишь в очень небольшом количестве случаев - государственной необходимостью или, лучше сказать, мерой, оправдываемой войной. В остальном я в принципе выступал против этого понятия и против применения превентивного заключения, давая своему мнению глубокое обоснование с юридическо-исторической точки зрения. Я сделал на эту тему несколько докладов Гиммлеру, а также Гитлеру. На одном собрании прокуроров, кажется, в 1944 г., я публично выступил против превентивного заключения, так как я всегда стоял на той точке зрения, что свобода человека относится к его величайшим благам и что только законный, созданный конституцией, суд и его приговор могут ограничить или лишить человека свободы."

Здесь тот же самый человек высказывает принципы, следование которым избавило бы германский народ и весь мир от громных несчастий. Непретворение в жизнь этих принципов ставится в вину этому человеку, так как он, несмотря на свое верное понимание этих принципов, действовал нередко так, как это ему диктовала государственная необходимость. Тем самым он невольно подчинился

15353

H1210 – 0068

H1210 - 0069

принципу ненависти, который рано или поздно должен разрушить до основания фундамент даже самого сильного государства "Справедливым должно считаться то, что приносит пользу народу", - провозгласил Гитлер. Я думаю, что Кальтенбруннер сейчас глубоко сожалеет о том, что он слишком долго следовал этому принципу без оказания должного сопротивления.

Обвинение не смогло представить ни одного приказа о превентивном аресте с подлинной подписью подсудимого, и я не считаю показания Кальтенбруннера недостоверными, когда он говорит, что он сам никогда не подписывал подобных приказов ~~о превентивном аресте; вследствие того, что~~ Эти приказы имели своим последствием колоссальные трагедии. Но я не буду терять лишних слов на рассуждения о том, отпадает — совсем или значительно уменьшается его вина из-за того, что такие приказы подписывались, может быть, без его ведома; тогда, естественно, тотчас же возникает вопрос о том, как это оказалось возможным в таком все-таки исключительно крупном управлении. Как бы там ни было: в вопросах, которые имеют такие последствия и которые так трагичны по своей природе, не желают делать почти никаких различий между знанием и незнанием по небрежности, так как они, эти чувства, хотят привлечь к ответственности любого руководителя управления за то, что в нем делается. Это положение является также смыслом цитированного ранее заявления Кальтенбруннера по вопросу о его принципиальной ответственности. Если речь идет о счастье и смерти живых людей, то не может быть ссылок на незнание, для того чтобы избегнуть наказания, или смягчить последнее. Это знает и подсудимый. Приказы о превентивном аресте были роковыми предвестниками концентрационных лагерей, и я не открою какого-нибудь секрета, если я скажу, что ответственнос

за издание приказа о превентивном аресте обосновывает начало ответственности за судьбу потерпевших лиц в концлагерях. Я никогда не соглашусь с тем, что д-р Кальтенбруннер знал бы во всех ужасных подробностях о страданиях тысяч людей, томившихся в концентрационных лагерях, ибо, как только за ними захлопывались ворота концентрационного лагеря, они подпадали под полную власть так частно упоминавшегося здесь главного экономического и административного управления. Вместо того, чтобы ссылаться на показания многих свидетелей по этому вопросу, я укажу на показания д-ра Лоттля, который ответил на вопрос о порядке подчинения следующим образом:"концлагери подчинялись главному экономическому и административному управлению СС, то-есть не главному имперскому управлению безопасности , а поэтому и не Кальтенбруннеру. Он не имел права отдавать приказы в этой области, он не имел также никаких компетенций в ней". Другие свидетели показали, что Кальтенбруннер должен был знать печальное положение в концлагерях, но нет сомнения в том, что комендаты концентрационных лагерей сами весьма рьяно заботились о том, чтобы не сообщить даже своему начальству о наказуемых эксцессах со стороны своих охранников. Далее является фактом то, что при вступлении на территорию Германии союзники столкнулись с таким положением, которое почти исключительно было последствием катастрофического военного и экономического положения в последние недели войны и на основании которого мир неверно вывел заключение, что так было и раньше. Показания коменданта лагеря Освенцим Хесса, который вследствие своей прежней деятельности в отделе концлагерей главного управления по хозяйству и администрации имел хороший обзор, в полном об"еме подтверждает вышестоящее утверждение. У Хесса нет никакой внутренней причины давать неверные показания. Над

15355

H1210 – 0070

H1210 – 0071

тем, кто, как он, посылал на смерть миллионы людей, суд творят уже не люди; никакие человеческие критерии на него распространяться не могут. Хесс показал: "Так называемые истязания и мучения в концентрационных лагерях не были, как это полагают, методом; это скорее были эксцессы отдельных командиров, младших командиров и рядовых по отношению к заключенным". Эти элементы, по заявлению Хесса, сами привлекались за это к ответу. Я думаю, что мне не надо подробно рассматривать того, что, по показаниям различных свидетелей, посетители концлагерей поражались хорошему состоянию, чистоте и порядку в лагерях и поэтому не могли заподозрить, что заключенные подвергались каким-то особым мучениям. Но было бы более чем бестактно оспаривать, что начальник службы информации, например, на основании заграничных сообщений о зверствах, якобы не должен был бы в силу чисто человеческих побуждений позаботиться о выяснении всех вопросов и устранении возможных сомнений в этом направлении. Мне кажется, показание доктора Мейера из Международного Красного Креста, подтверждает факт неосведомленности Кальтенбруннера в этом направлении, ибо разрешение Международному Красному Кресту посетить еврейский лагерь в Терезиенштадте и снабдить концентрационный лагерь продовольствием и медикаментами является доказательством плохого состояния, в котором находились лагери в последние месяцы войны; однако никто не разрешит заглянуть в лагерь нейтральным и тем самым посторонним наблюдателям, если он знает, что в лагерях, как утверждает обвинение, преступления против человечности были, так сказать, в порядке дня. Таким образом, я ни в коем случае не прихожу к заключению о полном знании Кальтенбруннера так называемого "положения" в концлагерях, но

пожалуй, прихожу к тому выводу, что он обязан был наводить справки о судьбе заключенных. Кальтенбруннер узнал бы тогда, что довольно большая часть заключенных была обязана за свое пребывание в лагере совершенным ими уголовным преступлениям, а значительно меньшая часть - своему политическому или идеологическому умонастроению или расе и т.д. Но тот факт, что он при этом узнал бы тогда также и об этих примитивных преступлениях против человечности, этих эксцессах и об общем бедственном положении людей, - я буду оспаривать в согласии с Кальтенбруннером. Путь для установления истины был в Германии сложен, и даже для начальника главного имперского управления безопасности вставали почти непреодолимые препятствия в виде иерархии компетенций власти и подведомственности третьих управлений и лиц. Но улучшить общую печальную судьбу заключенных в 1943 году было задачей, решить которую можно было только путем устранения самих ~~~~ лагерей. Но Германия последних 12-ти лет без концлагерей означает утопию. Кальтенбруннер был в этом механизме, рассматривая его в общем, лишь небольшим колесиком.

Выше я разбирал вопрос о приказах о превентивном заключении и его последствиях.

Д-р Кальтенбруннер признавал необходимость исправительно-трудовых лагерей вследствие общих, господствовавших тогда в империи, условий, недостатка рабочей сили и многого другого, как он ~~~~~ показал при своем допросе. И если я не ошибаюсь, - убедительных доказательств об истязаниях и жестокостях в этих лагерях представлено не было. Возможно, это об"ясняется тем, что эти лагери были схожи в некоторых отношениях с концлагерями, но не были приравнены к ним.

15357

H1210 - 0072

H1210 – 0073

Кальтенбруннер, используя все доказательные средства, выступил против обвинения в том вопросе, что он якобы подписывал приказы об экзекуциях. Свидетели Хесс и Цуттер утверждают, что в отдельных случаях они видели подобные приказы. Обвинение, как мне кажется, также не доказало, что подобные приказы были изданы без судебного приговора или оправдывающих казнь причин, за исключением одного особого случая, о котором говорил здесь свидетель Цуттер, адъютант коменданта лагеря Маутхаузен, основываясь /при этом на слухах. Он говорил, что в телеграмме за подписью Кальтенбруннера стояло разрешение проводить экзекуцию парашютистов весной 1945 года. Нет никакого следа от подлинной подписи Кальтенбруннера. Я добавляю, что Кальтенбруннер оспаривал свою осведомленность в этом вопросе. Мне кажется, что я могу утверждать, что он не подписывал таких приказов, где решался вопрос о жизни и смерти, так как он не имел права их подписывать. Свидетель д-р Хотель показал: "Нет, Кальтенбруннер не отдавал таких приказов и, по моему мнению, не мог сам давать таких приказов /об умерщвлении евреев/".

А Ванек категорически подтверждает:

"Мне известно, что Гиммлер лично выносил решения о жизни и смерти и иных наказаниях заключенных в концлагерях". Тем самым, пожалуй, доказано исключительное право Гиммлера в этой печальной области.

Но было бы неверно, если бы я хотел полностью отрицать вину Кальтенбруннера в этом пункте. Если такие приказы, например, на основании т.н. приказа Гитлера о "командос" от 18 октября 1942 года, приводились в исполнение по отношению к подданным иностранных держав, то встает вопрос об ответственности того лица, имя которого стоит в

подобном приказе, так как могло быть , что подчиненные злоупотребляли этим именем. Совершенно установлено, что Кальтенбруннер не оказал ни малейшего влияния на составление приказа о "командос". Но едва ли может быть поставлено под сомнение то, что этот приказ нарушает положение международного права. Превращение второй мировой войны в войну тотальную, естественно, привело к появлению ряда новых военных хитростей. Если эти последние осуществлялись обычными солдатами, то даже человечески вполне понятный мотив ожесточения из-за бандитского поведения этих отрядов и многое другое, не могут оправдать этот приказ. К счастью, жертвами этого приказа Гитлера пало лишь очень немного людей.

Может быть, меня спросят, обязан ли я, или это просто смелость с моей стороны, рассматривать инкриминируемые моменты, как я это только что сделал, ибо ведь это-дело обвинения; на это я отвечаю: если защита настолько прямодушна, что признает все отрицательное за каким-то человеком, то ее тем больше будут слушать, если она обратится к суду с просьбой оценить все значение того положительного, которое свойственно тому же самому человеку. Но есть ли вообще что-либо положительное в данном случае? Мне кажется, что я могу ответить на этот вопрос положительно. Я уже указал на многие факты, связанные с моментом назначения на эту должность Кальтенбруннера. В течение короткого времени своей деятельности, а именно в течение двух лет, этот человек стал носителем очень гуманных и удачных идей. Я напомню о его отношении к приказу Гитлера о суде Линча над сбитыми вражескими летчиками. Свидетель, генерал авиации Коллер, описал достойное поведение Кальтенбруннера, которое повело к полному саботажу этого приказа. После того, как

15359

H1210 – 0074

H1210 – 0075

Коллер сперва изложил содержание приказа Гитлера и угрозы Гитлера, сделанные им на совещании по обсуждению общей обстановки, причем смысл этих угроз заключался в том, что каждого, кто саботирует этот приказ, надо также расстреливать, он передает высказывания Кальтенбруннера. Я позволю себе процитировать несколько фраз из показаний Коллера. Кальтенбруннер сказал:

"Задачи СД постоянно неправильно понимаются. Подобные вещи не являются делом СД. Да и вообще ни один немецкий солдат не сделает того, чего требует фюрер: он не убьет ни одного пленного, а если это попытаются сделать отдельные фанатики вроде г-на Бормана, то немецкий солдат выступит против этого. Кроме того, я сам не буду ничего делать в этом направлении...".

Таким образом, Кальтенбруннер и Коллер были едины во мнении по этому вопросу. Это положительное действие Кальтенбруннера, имеющее большое значение для оценки его личности, не одиноко. Свидетель д-р Хотшль подтвердил, что Кальтенбруннер в вопросе будущей судьбы Германии доходил до пределов, граничащих с государственной изменой, если даже не перешел их. Этот свидетель подтверждает, например, что Кальтенбруннер сумел побудить Гитлера к умеренности в венгерском вопросе в марте 1944 года и воспрепятствовал вступлению в Венгрию румынских соединений; что при его поддержке долгое время не назначалось намеченное национал-социалистское венгерское правительство. Д-р Хотшль говорит дословно следующее:

"С 1943 г. я защищал перед Кальтенбруннером ту точку зрения, что Германия должна попытаться закончить

любой ценой войну заключением мира. Я сообщил ему о своей связи с одним американским учреждением в Лиссабоне. Я также ориентировал Кальтенбруннера в том, что я через австрийское движение сопротивления установил новый контакт с одним американским учреждением заграницей. Он из"явил готовность поехать со мной в Швейцарию и лично взять в свои руки дело переговоров с американским уполномоченным, чтобы избежать дальнейшего бессмысленного кровопролития".

В том же духе дал показания свидетель д-р Нойбахер. Но этот свидетель сверх того дал показания о важном положительном действии Кальтенбруннера, преисполненном духом гуманности. На вопрос, поддерживал ли Кальтенбруннер свидетеля в том, чтобы, по возможности, ослабить террор в Сербии, д-р Нойбахер ответил /я цитирую дословно/ следующее: "Да, в этой области я многим обязан поддержке Кальтенбруннера./[illegible]/ Германские полицейские инстанции в Сербии знали от меня и от Кальтенбруннера, что он, как начальник заграничной информационной службы, полностью поддерживал мою политику на юге-востоке. Благодаря этому мне удалось завоевать влияние на полицейские власти; поддержка Кальтенбруннера была ценной для моих устремлений свергнуть с помощью отдельных офицеров существовавшую систему коллективной ответственности и репрессалий".

Я упоминаю далее кампанию помощи, которую оказал женевский Красный Крест по инициативе Кальтенбруннера. Свидетели профессор Буркхардт, д-р Бахман, д-р Мейер описали деятельность подсудимого в этом направлении. Благодаря ей многие тысячи смогли сменить плен на свободу.

H1210 – 0076

H1210-0077

Я хотел бы обратить внимание на те немногие слова, которыми ограничился подсудимый Зейсс-Инкварт по этим двум пунктам. Он упомянул, что Кальтенбруннер выступал за полную автономию польского государства, а также за введение независимости обеих христианских церквей.

Здесь я также добавлю, что по показаниям свидетеля доктора Хотля, д-р Кальтенбруннер с самых первых дней борьбы натолкнулся на сопротивление Бормана и других лиц.

Кальтенбруннер не только в этой области пытался претворить в жизнь свои гуманные устремления. Поэтому мне кажется, что имеет смысл указать на его усилия раз"яснить гаулейтерам Австрии, что всякое сопротивление войскам западных держав бессмысленно и не следует давать безответственных приказов о сопротивлении в этом направлении. Это подтвердил свидетель Банек.

Обвинение возложило на Кальтенбруннера ответственность за эвакуацию и преднамеренное уничтожение известных концлагерей. Я считаю, что это доказательство следует рассматривать не только как не удавшееся, но и как выявившее совершенно обратную картину. На заданный д-ру Хотлю вопрос - приказал ли Кальтенбруннер коменданту лагеря Маутхаузен передать лагерь приближавшимся войскам - он ответил следующее: "Это верно, что Кальтенбруннер дал такой приказ. Он продиктовал его в моем присутствии для передачи коменданту лагеря" В дополнение к этому Кальтенбруннер при своем личном допросе очень логично заявил: "Если уж лагерь Маутхаузен, полный тяжких преступлений, не должен быть эвакуирован по его приказу, то приказ об эвакуации Дахау, безобидного,

по сравнению с Маутхаузеном, заведения, лишен всякого основания". Уничтожения концентрационного лагеря Дахау с обоими его дополнительными лагерями хотел, по свидетельству борона фон Зберштайн, тогдашний гаулейтер Мюнхена Гисслер.

В заключение свидетель Ванек также подтвердил, что ему не был известен подобный приказ Кальтенбруннера, но что он при своем тогдашнем положении при Кальтенбруннере узнал бы, если бы он отдал подобный приказ или даже только обдумывал его.

Кто действительно отдал приказ, никогда нельзя будет установить определенно. Свидетель Хесс при своем допросе упоминал приказы об эвакуации как Гиммлера, так и непосредственно Гитлера.

15363

H1210 – 0078

H1210 – 0079

В этой связи мне кажется уместным указать на соучастие Кальтенбруннера в печальном деле Саган, о котором говорило здесь обвинение. При ссылке на подтвержденное допрошенным здесь свидетелем Вилен заявление Кальтенбруннера, мне кажется доказанным, что Кальтенбруннер лишь через несколько недель после окончания трагедии занялся этим делом.

Мне кажется также сомнительным, чтобы так называемые оперативные группы, созданные на основании приказа Гиммлера о комиссарах от 1941 г., существовали с теми же функциями, что и в начале и после вступления Кальтенбруннера в свою должность. Некоторые данные говорят за, другие - против. Кальтенбруннер отрицает существование этих групп во время своей деятельности в качестве начальника главного имперского управления безопасности. Я не хотел бы теряться в деталях, но я хотел бы обратить внимание суда на это сомнение. То же самое верно и в отношении так называемого указа "пуля" /кугельэрласс/. Документ ПС-1650, США-246, свидетельствует, что соответствующие распоряжения подписал не Кальтенбруннер, а пресловутый начальник IУ управления Мюллер, тогда как документ ПС-3844, США-801, говорит о подписи самого подсудимого. Мне кажется, что первый документ заслуживает предпочтения. Разрешите, в заключение, обратить ваше внимание на такие документы, которые обладают малой доказательной силой, потому что они основаны только на косвенных данных. Я думаю, что Суд имеет настолько большой опыт в оценке документальных доказательств, что мне не надо дальше аргументировать по этому вопросу. В этой связи я имею в виду, например, документ ПС-3870.

Ранее я прямодушно признал все отрицательное, чтобы иметь большее внутреннее право подчеркнуть также и положительные моменты в личности Кальтенбруннера. Но в какой степени я вправе заявить, что Кальтенбруннер действительно не имел

H1210 – 0080

достаточно сведений о многих военных преступлениях и преступлениях против человечности, которые были совершены в течение двух последних лет войны при каком-либо участии IУ управления /Тайная государственная полиция/. Будет ли такая защита иметь надежду в значительной степени оправдать начальника главного имперского управления безопасности? Кальтенбруннер признал во время своего допроса, что он узнавал о приказах, распоряжениях, директивах и т.д., которые были изданы задолго до его вступления на должность, некоторые из них даже за несколько лет до вступления его на должность, очень поздно; так, об отдельных приказах он узнал лишь в 1944 г., в 1945 г.

Я здесь добавлю. На этом месте я хотел особенно подчеркнуть, что все приказы, которые противоречат международной морали и гуманности, были изданы в то время, когда доктор Кальтенбруннер находился еще в Австрии.

Я в настоящий момент не буду предпринимать попытки доказать детально правильность этого утверждения Кальтенбруннера. Обвинение поставило вопрос исключительно в той плоскости, что выполнялись ли подобные приказы, указы, директивы и т.д. также и во время пребывания подсудимого на должности начальника главного имперского управления безопасности.

Часто для защитника также очень трудно следовать за подсудимым по тайным каналам его знания и незнания. Может быть, и защитнику нехватает перед лицом миллионов жертв на целом континенте необходимого для свободной оценки расстояния, и он поступает невольно неправильно по отношению к подсудимому. Я дополню - он предоставляет оценку личности подсудимого слишком позднему суду истории, т.к. защитник также не может быть непогрешимым при объяснении психики своего собственного подзащитного.

Во время своего допроса перед Трибуналом Кальтенбруннер описал всю трудность своего положения, которое он застал

15365

при своем вступлении на должность 1 февраля 1943 г., и я надеюсь, что никто не истолкует неверно эту ситуацию. Импе - рия ведь еще защищалась и даже в 1943 г. была опасной для любого противника, которому приходилось сталкиваться с ней. Но это уже была борьба за цель, лежавшую явно в недосягаемой дали. Кто попытается схватить за спицу колесо экипажа, не - сущегося навстречу пропасти, тот погибнет. С этой безвыход- ной ситуацией была ~~также~~ тесно связана несозидательная, основан - ная на нервозной неуверенности жизнь во всех областях лич - ной и общественной жизни. Кальтенбруннер сказал в отношении этого положения: "Я прошу представить себя в моем положении. В начале февраля 1943 г. я прибыл в Берлин. За исключением нескольких визитов в связи с приемом должности, я начал свою деятельность в мае 1943 г. На четвертый год войны при - казы и указы германской империи, также и в секторе исполни - тельной власти, тысячами скопились на столах и в шкафах у чиновников. Почти невозможно было одному человеку прочитать все это до конца даже за год. Даже если бы я чувствовал се - бя обязанным сделать это, я не смог бы узнать о существова - нии всех этих приказов". Я в этой связи напоминаю о том, что, согласно показаниям свидетеля д-ра Хоттля и других, во вре - мена Кальтенбруннера главное имперское управление безопас - ности в Берлине охватывало около 3000 служащих всех катего- рий и что, по показаниям того же свидетеля, Кальтенбруннер никогда полностью не господствовал в этом управлении. Никто не будет оспаривать справедливость следующего вопроса, не был ли Кальтенбруннер обязан получить в кратчайшее время информацию, по крайней мере, о важнейших событиях во всех управлениях главного имперского управления безопасности, и разве он не узнал бы тогда довольно быстро, например, об

15366

H1210 – 0081

H1210 - 0082

антиеврейских мероприятиях Гиммлера и Айхмана и о некоторых других тяжких террористических мерах. Разрешите напомнить вам о том, что Кальтенбруннер неоднократно и со всей категоричностью заявлял в ответ на мои вопросы перед этим Трибуналом, что он постоянно, узнав о таких событиях, делал представления Гиммлеру и даже Гитлеру, но это, однако, имело лишь очень малый успех и то спустя продолжительное время. Так например, подсудимый заявляет, что имевшее место в октябре 1944 г. прекращение уничтожения евреев произошло по его инициативе, приказ на это был дан Гитлером. Как ни тяжело судить, достаточно ли было силы и влияния отдельного человека для отмены такой вступившей в последнюю стадию программы уничтожения целого народа, я думаю, что я могу сказать, не впадая в ошибку, что многие десятки тысяч евреев могут быть благодарны этому человеку за то, что они избежали ада Освенцима и еще видят свет солнца.

Из показаний господина доктора Бахмана и доктора Мейера из Международного Красного Креста следует, что Кальтенбруннер просил Международный Красный Крест организовать посылку продовольствия в большой еврейский лагерь в Унскирхене вблизи Вельса.

Свидетель Ванек следующим образом охарактеризовал отношение Кальтенбруннера к разрешению еврейского вопроса Гиммлером. Он сказал: в ежедневной суете нашей совместной работы во внешнеполитическом секторе и совещаний мы не наталкивались на еврейскую проблему. К моменту вступления на должность Кальтенбруннера разрешение данного вопроса находилось уже на такой стадии, что Кальтенбруннер не мог больше оказывать на него влияния. Если Кальтенбруннер вообще высказывался по этому вопросу, то лишь в том духе, что здесь совершена ошибка, которую нельзя будет исправить. Этот свидетель подтверждает далее, что все мероприятия, связанные с разрешением еврейского вопроса, проводились самостоятельно, что Гиммлер непосредственно передавал приказы Айхману, что доминирующее положение Айхмана при жизни Гейдриха со временем еще более усиливалось, так что в конце концов он совершенно самостоятельно действовал во всем секторе по еврейскому вопросу.

Я хотел бы здесь заметить, что, согласно показаниям Хесса, единственного оставшегося в живых человека, который знаком с этим вопросом, одно в одном случае совершенно ясно, что этот демонический приказ, который обсуждался всего лишь 10-15 минут, а затем был отдан 2-300 лицам, имел своим последствием 4 миллиона жертв. Я добавляю: об этих жертвах едва ли знал 180-миллионный германский народ, и о событиях, разыгравшихся в юго-восточной части империи, едва ли кому-либо было известно.

Профессор Буркхардт показал, что Кальтенбруннер при обсуждении еврейского вопроса заявил: "это-величайшая глупость. По моему личному мнению, следовало бы отпустить всех евреев."

Но, несмотря на это, в связи с проблемой о виновности остается принципиальный вопрос: может ли большое должностное лицо и руководитель влиятельного управления, подчиненные которого в широкой иерархии постоянно совершают преступления против человечности и правил международного права, вообще вступать на такой пост, или оставаться на таком посту, хотя он осуждает эти преступления? Но, может быть, это что-то иное, если этот человек имел намерение сделать все, что ~~стоит~~ в силах человеческих, чтобы разорвать цепь преступлений и тем самым стать в конце концов благодетелем людским? На последний вопрос, по-моему, надо ответить в общем утвердительно. Его надо оценивать только с точки зрения высших этических принципов. Мое мнение по этому вопросу следующее: тот, кто ссылается на такое благодетельное намерение, не виновен, если он с первого дня вступления на такой пост отрицает всякое активное участие в непосредственном выполнении несправедливости, но сверх того еще и использует всякую возможность ... и даже ищет ее, чтобы

15368

H1210 – 0083

H1210 – 0084

с помощью постоянного непрекращающегося нажима или всех родов человеческой хитрости добиться устранения несправедливых приказов.Это все подсудимый сам ясно понял и прочувствовал.Ввиду важности этого вопроса разрешите мне сослаться на его допрос:

"Вопрос: Я спрашиваю Вас,существовала ли для вас возможность при постепенном ознакомлении с положением вещей в тайной государственной полиции и концентрационных лагерях и т.д. добиться изменения? Если такая возможность существовала,то,пожалуйста,скажите,было ли улучшено положение в этой области,вследствие вашего пребывания на должности?"

Ответ Кальтенбруннера: "Я неоднократно просил послать меня на фронт,но мучий вопрос,который я лично должен был решить,заключался в том,что будет ли тем самым положение улучшено,смягчено или изменено,или ты обязан сделать все на этом посту,что может повести к изменению описанных здесь положений? После неоднократного отклонения моих просьб об использовании меня на фронте,я поэтому не мог сделать ничего иного,как лично выступить за то,чтобы изменить систему, духовный и правовой фундамент которой я уже не мог изменить,— фундамент,созданный всеми представленными здесь приказами, изданными до моего вступления на эту должность; так что я мог лишь попытаться смягчить эти методы,чтобы помочь впоследствии окончательно устранить их".

Вопрос: Таким образом,вы считали, что вы со спокойной совестью можете оставаться на этом посту?

Ответ: При возможности постоянно воздействовать на Гитлера,Гиммлера и других лиц,я,по моему мнению,не мог с чистой

~~той~~ совестью оставить этот пост.Я считал своим долгом лично выступать против несправедливости".

Таким образом,подсудимый ссылается на свою совесть,и вы должны решить вопрос,была ли у него эта совесть,учитывая его долг по отношению к собственному государству,но также и по отношению ко всему миру.Обязательство противиться приказам,продиктованным злом,существует само по себе для каждого человека,независимо от его положения; оно признается также Кальтенбруннером.Тот,кто занимает посты в государстве,должен в первую очередь суметь доказать,что он внес свой вклад в дело прекращения подобных гигантских несправедливостей,которые имели место в Европе;он должен доказать,что он выступил сразу против них,как только он узнал о них,если он не хочет отказаться виновным.Представил ли доктор Кальтенбруннер достаточно доказательств? Ответ на этот вопрос я предоставляю Вам.Но одно я хотел бы выразить в качестве собственного мнения: этот человек не был заговорщиком,он был лишь лицом,который получал приказания,он был лицом,которого принуждали действовать тем или иным образом.Приказ Гиммлера,несмотря на имевшую место договоренность,говорил все-таки о занятии Кальтенбруннером должности начальника всего главного имперского управления безопасности. Верно ли,что отданный приказ изменяет основу проблемы?Это тягучий вопрос.Устав этого Трибунала отказывает в праве ссылаться на полученный приказ в целях избежания наказания. Обоснование,данное этому положению главным американским обвинителем,исходило из предполагаемого знания преступлений

15370

H1210 – 0085

H1210 – 0086

или их причин высшими руководителями,которое поэтому лишает их права ссылаться на отданный приказ.Красной нитью через этот процесс проходит тот факт,что ни один ответель,какой бы пост в общественной жизни он ни занимал, не вступил бы на свой пост без приказа высшего представителя государственного авторитета, ибо неизбежная судьба империи,выяснившаяся за последние три годы войны, означала для лица,занимавшего высокий пост,отказ от тех сторон жизни,которые,как говорят некоторые,составляют смысл всей жизни.Как железное кольцо,держал приказ руководителей на своих постах также и во время войны.Также нет сомнения в том,что лицо,не исполняющее приказ,особенно в последние годы войны,должно было опасаться за собственную жизнь и за существование всей своей семьи.С какой бы стороны ни подходили к проблеме приказа в Германии с 1933 года,нельзя все-таки отказывать подсудимому в праве ссылаться на вышеупомянутое положение,ибо этот принцип,присущий немецкому уголовному праву,а также,пожалуй,и уголовному праву всех культурных народов,основан на утверждении свободы человека, необходимой для всякой виновности.

Если преступник больше не может действовать свободно,так как кто-то другой лишает его этой свободы с помощью угрозы его существованию,то в принципе отпадает всякая вина.Я не хочу в данный момент исследовать,существовала ли в германской действительности последних лет такая непосредственная опасность собственному существованию таких

1537/1

людей: ~~безу~~ Все всякого сомнения, такое ограничение свободы лица, подчиняющегося приказам, существовало в той или иной степени. Мне кажется ясным, что Гиммлер рассматривал бы категорический отказ Кальтенбруннера взять на себя руководство главным имперским управлением безопасности, как саботаж, и в качестве необходимого последствия уничтожил бы его.

Гитлер был одним из величайших правонарушителей, известных в мировой истории, как это показал данный процесс. Многие дают положительный ответ на вопрос об обязанности уничтожить подобное чудовище, чтобы тем самым гарантировать миллионам людей право на свободу и жизнь. На этом процессе были высказаны самые различные мнения со стороны свидетелей и подсудимых относительно путча и в особенности относительно убийства тирана. На вопрос об обязанности я не могу дать положительного ответа, но право на это оспаривать во всяком случае нельзя. Если насилие над человеческой свободой происходит путем издания явно незаконного, античеловеческого приказа, то в возникающем конфликте между повиновением и совести свободой весы склоняются в сторону последней. Даже так называемая присяга на верность не может оправдать иную позицию, ибо, как всякий это ощущает, верность предусматривает обязательство со стороны обоих партнеров, так что тот, кто топчет ногами обязательства об уважении человеческой совести в лице подчиненного, в тот же момент теряет всякое право требовать послушания. Страдающая совесть становится свободной и разрывает оковы, наложенные присягой. Может быть, некоторые исследователи этой проблемы найдут, что я не прав, указав на необходимость общего порядка и святость повиновения именно в интересах этого порядка или на мудрость приказывающего и на возможность рассмотреть и оценить по достоинству все причины издания та-

15372

H1210 – 0087

H1210 – 0088

кого приказа настолько,насколько это мог сделать приказывающий, на любовь к собственному отечеству и на многие другие точки зрения.

Как бы верно это ни было,все-таки существует непреложная обязанность сопротивляться исполнению приказа,который,как это вполне ясно подчиненному,имеет своей целью насаждение зла и который очевидно оскорбляет здоровое чувство гуманности и мира между народами и людьми. "В борьбе народа не на жизнь, а на смерть не существует законности" - является тезисом,не продуманным до конца и неправильным к тому же,который не стоит того,чтобы его опровергать,кто бы его ни сказал. Даже непосредственная опасность для жизни,угрожающая тому, кто отдает приказ,не может меня заставить изменить свое мнение. Доктор Кальтенбруннер не станет оспаривать,что тот,кто стоит во главе управления,имеющего огромное значение для всего народа,обязан при выше упомянутых предпосылках пожертвовать даже своей жизнью.Если,таким образом,даже непосредственная реальная опасность для его собственной жизни и жизни его семьи не может извинить его,то она все-таки смягчает его вину; только на эту моральную и юридическую оценку своего положения хочет указать Кальтенбруннер.Тем самым он подчеркивает исторически установленный факт,который явился одной из глубочайших причин краха империи; ведь ни один человек не может принести какому-либо обществу свободу,мир и благосостояние,если он сам лишь с отвращением носит цепи и потерял свободу,которая является одним из самых главных признаков существ,обладающих человеческим лицом.Мне кажется, что Кальтенбруннер хотел бы родиться вновь,и я знаю,что тогда бы он своей кровью стал защищать ту свободу.Кальтенбруннер виновен,но размер этой вины меньше,чем это кажется обвинению.Сейчас он,как последний представитель зловещей силы

15343

из самых мрачных и тяжелых времен империи, будет ожидать Вашего приговора. Раньше же и он был человеком, трагичность положения которого была понятна всякому, кто мог с ним сталкиваться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал об'является перерыв.

(Об'является перерыв на 10 минут).

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста, доктор Тома.

(К микрофону подходит защитник подсудимого Розенберга доктор Тома).

ТОМА. Высокий Суд! Господин председатель! Документальный фильм, который демонстрировался по данному делу и который должен был показать "Подъем и конец национал-социализма", начинается с речи подсудимого Розенберга о развитии партии до прихода к власти. При описании мюнхенского восстания Розенберг говорит, что он утром 9 ноября 1923 года на Людвигштрассе в Мюнхене видел, как там сосредоточивались полицейские машины с пулеметами, и он знал, что угрожало походу к Фельдхеррнхалле. Несмотря на это, он маршировал в первых рядах. Такую же позицию занимает мой подзащитный и сегодня перед обвинением, состоящим из представителей обвинения об'единенных наций.

15-374

H1210 - 0089

H1210 – 0090

Он не хочет изобразить события так,будто бы никто не внимал его речам и книгам. Он и сегодня не хочет казаться никем иным,чем тем,кем он однажды был,- борцом за сильные позиции Германии в мире,за сильные позиции германской империи,в которой национальная свобода должна об'единиться с социальной справедливостью.

Розенберг - по происхождению балтийский немец - уже в детстве научился говорить по-русски.После переезда высшего технического училища из Риги в Москву во время первой мировой войны он держал в Москве экзамены,интересовался русской литературой и искусством,имел знакомых - русских и считал загадочным,почему русским народом,названным Достоевским "народом-богоносцем", овладел дух материалистического марксизма.Он считал непонятным и несправедливым,что многим народам Восточной Европы,которые были завоеваны царизмом/только еще в XIX веке,несмотря на данные обещания о праве на самоопределение, никогда это право добровольно не предоставлялось.Розенберг пришел к убеждению,что большевистская революция была направлена не только против временных политических явлений, но и против всего национального наследия,против религиозных убеждений,против старого крестьянского уклада народов Восточной Европы и против идеи частной собственности вообще.В конце 1918 года он приехал в Германию,где также увидел опасность большевистской революции.Он видел,что вся духовная и материальная культура Запада находится в опасности, и считал,что в борьбе с этой опасностью в качестве привер-

15375

женца Гитлера он нашел свою жизненную задачу.Это была политическая борьба против фанатичного и хорошо организованного противника,в распоряжении которого находились международные источники и международное прикрытие с тыла и который действовал по принципу: "Бейте фашистов везде,где вы их встретите". Однако,так же,как из этого лозунга нельзя сделать вывод о советских планах военной агрессии против фашистской Италии,так же и борьба национал-социалистов против большевизма не означала подготовки агрессивной войны против СССР.Для подсудимого Розенберга военный конфликт с Советским Союзом,в особенности агрессивная война с ним,была настолько же маловероятной,как и для каждого германского или иностранного политического деятеля,читавшего книгу "Майн Кампф".Неправильно утверждение,что он был в какой-то степени посвящен в план агрессии против Советского Союза; он,наоборот,открыто высказывался за корректные отношения с Москвой (Док.Роз.7 б,стр.147).

Розенберг никогда не требовал военной интервенции против Советского Союза,однако,он,наоборот,опасался вторжения Красной Армии в государства-лимитрофы,а затем в Германию. Когда Розенберг в августе 1939 года узнал о заключении пакта о ненападении между Германской империей и Советским Союзом,- о предварительных переговорах,как и о всех других внешнеполитических мероприятиях фюрера,он не был информирован, - он мог бы пойти к фюреру и протестовать против этого.Он этого не сделал и вообще не произнес ни слова против этого пакта.Свидетель Геринг подтвердил это,сославшись на соответствующие высказывания Гитлера.

15376

H1210 - 0091

H1210 – 0092

Розенберг, выступая в качестве свидетеля (стенограмма от 16 апреля 1946 г.) показал, что он в начале апреля 1941 года был неожиданно вызван к Гитлеру, который заявил ему, что он считает военное столкновение с Советским Союзом неизбежным. В обоснование Гитлер привел два момента:

1. Военная оккупация части территории Румынии, а именно Бессарабии и Северной Буковины,

2. Продолжающаяся уже в течение длительного периода сильная концентрация частей Красной армии вдоль демаркационной линии и на всей советской-русской территории вообще. Эти вещи настолько бросаются в глаза, что он уже отдал необходимые в этой связи военные и другие приказы и что он хочет использовать Розенберга в той или иной форме в качестве политического советника. Розенберг оказался тогда, как он об этом сообщил далее в своих свидетельских показаниях, перед совершившимся фактом и его попытка вообще что-либо сказать по этому поводу была пресечена фюрером, сделавшим замечание, что приказы все равно уже отданы и что дела не изменишь. Вслед за этим Розенберг созвал нескольких своих наиболее близких сотрудников, так как он ведь не знал, начнутся ли военные действия в ближайшее время или некоторое время спустя. При этом он предложил несколько проектов для решения политических проблем и отдал распоряжение о разработке иных проектов по другой части этих проблем. 20 апреля 1941 года Розенберг получил от Гитлера предварительное поручение – создать Центральное учреждение по восточным проблемам и установить контакт с соответствующими высшими имперскими учреждениями по этим вопросам (документ № 86-ПС).

Если эти показания Розенберга сами по себе недостаточны для опровержения обвинения о том, что Розенберг несет "личную

ответственность за планирование и проведение агрессивной войны с Россией" (Брудно, 9.1.1946г., протокол, ст.2278), что он представлял себе "агрессивный, грабительский характер предстоящей войны" (Генерал Руденко, 7.1У.1946 года, протокол стр. 8016), и если, прежде всего, не хотят признать, что Розенберг был убежден в том, что предстоит агрессивная война Советского Союза против Германии, то я могу привести еще четыре момента для доказательства правильности показаний подсудимого.

1. Розенберг не присутствовал на известном совещании в имперской канцелярии 10 ноября 1937 года ("Госбахский документ" № 386-ПС, США-25), когда Гитлер впервые раскрыл свои военные планы; это было в то время, когда Розенберг играл еще некоторую роль в политике или когда по крайней мере казалось, что он играл такую роль. Если вообще он когда-либо играл ~~какую-то, то роль, то~~ какую-то роль тайного политического вдохновителя, — он должен был играть именно в то время.

2. Свидетель Ламерс показал на данном процессе, что все значительные решения Гитлер принимал сам, таким образом, также и решение о войне с Россией (стенограмма, стр.7363).

3. Геринг 16.3.1946г. на данном процессе ответил на мой вопрос о влиянии Розенберга на внешнеполитические решения Гитлера следующее: "Я считаю, что мнение внешнеполитического отдела партии после прихода фюрера к власти никогда не заслушивалось по внешнеполитическим вопросам и было создано только для того, чтобы централизованно разрешать некоторые внешнеполитические вопросы, возникавшие внутри партии. К разрешению политических вопросов после прихода Гитлера к власти

15378

H1210 – 0093

H1210 – 0094

Розенберг, насколько я знаю, определенно не привлекался". Конец цитаты.

Это подтвердил здесь также Нейрат во время выступления в качестве свидетеля по своему собственному делу, 26 июня 1946 года.

В качестве 4 аргумента я хотел бы еще указать на "Краткий отчет о деятельности внешнеполитического отдела "НСДАП" (Документ № 003-ПС, 603-США). Там кратко упоминается о "ближнем Востоке", причем в такой безобидной форме, что не стоит терять слов по этому поводу. В секретных отчетах 004-ПС и 007-ПС также не говорится о подготовке нападения на Советский Союз.

Администрация на востоке.

Было бы легкомыслием и несправедливостью утверждать: 1) Территории на востоке были оккупированы в результате агрессивной войны; таким образом, все, что делала там германская администрация, было преступным; 2) Розенберг, как имперский министр по делам оккупированных восточных областей, был ответственным министром, следовательно, он должен быть наказан за все преступления, которые были там совершены, по крайней мере, за все то, что происходило в рамках функций и полномочий административных органов. Я докажу, что это утверждение является неправильным с правовой и фактической стороны.

Розенберг был организатором и главным ответственным лицом за администрацию на Востоке. 17 июля 1941 года он был назначен имперским министром по делам восточных оккупированных областей. Он еще до этого времени, согласно данному ему поручению, проводил подготовительную работу, связанную с проблемами восточно-европейского пространства, путем установления контакта с соответствующими имперскими учреждениями

(документ № 1039-ПС, США-146). Он запла ировал и создал свое учреждение, ведавшее центральной разработкой всех вопросов, связанных с восточно-европейским пространством (док. № 1024-ПС, США-278). Он отдал распоряжение о составлении предварительной инструкции для рейхскомиссаров (документ № 1030-ПС, 144-США). Он выступил с программной речью от 20.У1.1941 г.) и, главное, участвовал в совещании у фюрера от 16.УП.1941 г. (Л-221, США-317).

В присутствии Розенберга, Ламерса, Кейтеля и Бормана Гитлер сказал тогда, что не следует сообщать всему миру о действительных целях войны с Россией; присутствующие должны уяснить себе, что мы никогда не уйдем из новых восточных областей; все, что будет сопротивляться нам, будет уничтожено; необходимо предотвратить консолидацию армии западнее Урала, никто кроме немца не должен никогда носить оружия.

Гитлер провозгласил о порабощении и эксплоатации восточных территорий, сделав, таким образом, высказывания, противоречащие тому, что Розенберг до этого говорил ему о своих планах на Востоке, и против чего он тогда не возражал.

Таким образом, Гитлер, возможно, имел программу порабощения и эксплоатации. Со всей очевидностью напрашивается следующее высказывание: уже до того, как Розенберг стал министром, он знал, таким образом, о целях Гитлера на востоке, а именно: 1) овладеть им, 2) управлять им, 3) Эксплоатировать его. Таким образом, он не только виновен в преступлении, состоящем в заговоре против мира, но он сам также ответственен за преступления против человечности, которые чинились в восточных областях, так как Розенберг имел на Востоке всю полноту власти, наивысший авторитет.

15380

H1210 – 0095

H1210 – 0096

Вопрос об автоматической ответственности Розенберга, как главноначальствующего в восточных областях, я рассмотрю де юре и де факто позже. Вначале я хочу рассмотреть вопрос о его индивидуальной ответственности. Ее можно было вывести по двоякой причине: 1) потому, что он, якобы, участвовал в подготовке агрессивной войны с Советским Союзом; я уже показал, что это утверждение неправильно. Розенберг не принимал ни идеологического, ни фактического участия в подготовке агрессивной войны; 2) так как он, якобы, поддерживал захватнический план Гитлера с помощью составления планов, своих речей и организации администрации.

Если министр или полководец разрабатывает планы на случай возможных конфликтов в будущем или проводит подготовительные организационные мероприятия по поручению главы государства, то эта деятельность не может рассматриваться как преступная, если при этом затрагиваются интересы других стран, и даже в том случае, если эти планы, приготовления и мероприятия проводятся на случай войны. Только тогда, когда соответствующий министр или полководец преследует цели, которые, согласно здоровому человеческому разуму, другу порядочности и международному чувству справедливости, должны рассматриваться как преступные, – он может нести личную ответственность. Розенберг словом и делом непрестанно доказывал, что традиционные взгляды на право являются также и его взглядами и что он намеревался действовать в соответствии с ними. Его положение, правда, было особенно тяжелым, так как его высший начальник в своих идеях, целях и планах находился, собственно говоря, по ту сторону границы. Его положение было особенно тяжелым также и (потому, что наряду с

15381

ним действовали еще и другие крупные силы, которые срывали и саботировали хорошие и честные намерения Розенберга, как, например, Борман, Гиммлер и гаулейтер Эрих Кох.

Таким образом, мы видим странную картину, когда, с одной стороны, у власти находится министр, который частично не понимал и не одобрял намерений главы государства, а частично и вообще ничего не знал о них, и когда, с другой стороны, глава государства назначил министра, который хотя и был его старым и верным политическим соратником, но с которым он не имел больше никакого внутреннего контакта. Было бы ошибочно подходить к такого рода отношениям упрощенно, с демократическими понятиями об ответственности министров. Розенберг не мог просто уйти в отставку, он чувствовал себя, однако, также обязанным бороться за взгляды, которые казались ему правильными и добропорядочными.

В своей речи от 26.VI.1941 г. Розенберг заявил, что обязанностью немцев является подумать над тем, что Германия не должна бороться каждые 25 лет за свое существование на Востоке. Но он ни в коей мере не желал уничтожить славянские народы. Он желает способствовать развитию всех народов Восточной Европы, развитию их собственных государств, но не уничтожению. В документе № 1058, США-147 он требует "дружественного отношения" к украинцам, обеспечения "национального и культурного существования" для кавказцев. Он подчеркивал, что "мы даже во время войны не являемся "врагами русского народа", большие заслуги которого мы признаем". Он выступал за "национальное право на самоопределение народов", которое является одним из важнейших моментов во всей советской революции.

15382

H1210 – 0097

H1210 – 0098

Это была его идея, за которую он с упорством выступал до конца. В этой речи имеется также тот пункт, который обвинение особо вменяет ему в вину и который заключается в том, что, по его словам, снабжение германского народа в эти годы несомненно будет составлять одно из главных германских требований к Востоку и что южные области и Северный Кавказ должны поддерживать на определенном уровне снабжение германского народа.

Затем Розенберг продолжает в следующих выражениях: "Мы отнюдь не считаем, что мы обязаны снабжать русский народ продуктами из этих областей, располагающих излишками. Мы знаем, что это представляет собою жестокую необходимость, исключающую любые чувства. Безусловно, возникнет необходимость в эвакуации большого масштаба, и русским предстоит пережить тяжелые годы. В каком размере там будет сохранена промышленность, будет решаться позже". Этот момент является совершенно неожиданным и стоит изолированно в длинной речи. Ясно чувствуется: он просто втиснут в общий контекст, это не голос Розенберга. Розенберг не провозглашает здесь своей собственной программы, а лишь только констатирует факты, которые не зависят от его воли. В первоначальных директивах министерства по делам восточных областей (док. № 1056-ПС) снабжение населения продовольствием определяется как насущная задача, точно также и предоставление ему средств медицинской помощи.

Истинное лицо Розенберга проявляется на совещании от 16.УП.1941 г., когда он, вопреки планам Гитлера, напоминал о Киевском университете, о независимости и

15383

культурном развитии Украины, когда он выступал против предусмотренного полновластия полиции и, прежде всего, против назначения Эриха Коха гаулейтером Украины (док. № 221-Л) Могут сказать: какая польза от возражений и протестов, от тайного несогласия и от лишь внешнего выполнения намерений Гитлера, ведь Розенберг участвовал во всем. Поэтому он несет ответственность.

Как и в какой степени Розенберг участвовал в проведении политики на Востоке, чего он не совершил, против чего он сопротивлялся, что он сам планировал и чего желал,—я позже еще изложу весьма подробно для того, чтобы защитить его от тяжелого обвинения в ответственности за эксплоатацию и порабощение Востока, о котором здесь говорилось. Я бы тут хотел указать лишь на следующее. Отнюдь не было бесполезно беспрекословно соглашаться со всеми пылкими высказываниями Гитлера в надежде и с намерением достичь обратного в последующее время.

Вопреки заявлению Гитлера: "никто, кроме немца, никогда не должен носить оружие на Востоке", потребовалось немного времени для того, чтобы по ходатайству Розенберга были сформированы добровольческие легионы из народов востока и, вопреки желанию Гитлера, в конце 1941 г. был издан эдикт о веротерпимости в отношении церквей на Востоке (док. № 1517).

Если Розенберг сначала ничего не добился в отношении автономии восточных народов, то он все-таки строил планы на будущее. Сначала он занялся животрепещущими аграрными вопросами. Был разработан новый порядок организации сельского хозяйства, который 15.П.1942г. был доведен до сведения фюрера и одобрен им, без внесения каких-либо изменений.

15384

H1210-0099

H1210 – 0100

Этот новый порядок организации сельского хозяйства не являлся орудием эксплоатации, а представлял собою акт свободного построения сельского хозяйства в разгаре ужаснейшей из всех войн. Во время войны восточные области получили не только новый порядок организации сельского хозяйства, но и сельскохозяйственные машины. Профессор Денкер в своих свидетельских показаниях, данных под присягой, привел следующие цифры поставок в оккупированные советские области, включая бывшие лимитрофы: 7.000 тракторов, около 5.000 молотилок, около 200.000 предметов инвентаря для обработки земли, около 24.000 газогенераторов для немецких и русских тракторов, около 85.000 уборочных машин, итого около 180.000.000.

Я не думаю, что можно было бы сказать, что эти поставки делались в целях эксплоатации. Следовательно, Розенберг и в данном случае проделал благотворную созидательную работу.

Сейчас я перейду к вопросу об автоматической ответственности Розенберга, как министра по делам восточных областей, т.е. к вопросу о его уголовной ответственности, которую он несет в силу занимаемой им должности.

17 июля 1941 года Розенберг был назначен имперским министром по делам оккупированных восточных областей. В качестве двух суверенных территориальных областей были созданы два рейхскомиссариата: Остланд (Эстония, Латвия, Литва и Белоруссия) с рейхскомиссаром Лозе во главе и Украина, подчинявшаяся рейхскомиссару Коху. Рейхскомиссариаты были разделены на генералбецирке (генеральные округа) и на области. Министерство по делам восточных областей с самого начала было задумано не как широко разветвленное административное учреждение, а как центральный орган, как высшая

15385

инстанция, которая должна была ограничивать свою деятельность основными постановлениями и принципиальными директивами, а в остальном должна была заботиться о снабжении всем материалом и кадрами. Само же управление было делом рейхскомиссара, он был сувереном в своей области.

Особое значение имеет далее то обстоятельство, что Розенберг в качестве министра по делам восточных областей не являлся главой всей администрации на Востоке, что одновременно существовало несколько иных лиц. Уполномоченный по четырехлетнему плану Геринг был ответственен за руководство экономикой во всех оккупированных областях и в этом отношении он являлся начальником министра по делам восточных областей, ибо Розенберг мог лишь только с согласия Геринга издавать распоряжения по экономическим вопросам. Начальник германской полиции Гиммлер был один ответственен за обеспечение полицейского порядка в оккупированных восточных областях. В министерстве по делам оккупированных ватосних областей вообще не было полицейского управления, точно также и рейхскомиссары не располагали таковыми. Затем компетенция Розенберга также умалялась "рейхскомиссаром по консолидации германского народа" Гиммлером, Шпеером, в пользу которого на основании указа фюрера из компетенции администрации по делам восточных областей была выделена вся промышленность, и, кроме того, Геббельсом, который оставил за собой пропаганду также и в восточных областях.

Розенберг был все-таки ответственным министром по делам оккупированных восточных областей. В этой связи нужно

15386

H1210 – 0101

H1210-0102

подчеркнуть следующее: на этом процессе Розенберг не привлекается к политической ответственности, потому что Высокий Суд не является парламентом; он не привлекается к уголовной ответственности по уголовным законам государства, так как Высокий Суд не является государственным трибуналом; речь идет также не об ответственности подсудимого, вытекающей из гражданского права, а лишь только об уголовной ответственности, о его ответственности за те преступления, которые он якобы совершил сам, и за преступления других. Мне не нужно более подробно раз"яснять, что для привлечения к уголовной ответственности и для осуждения подсудимого нужно доказать, что он, нарушив закон, совершил наказуемые преступные действия и что его можно лишь только тогда наказать за бездействие, т.е. за упущение, когда будет доказано, что он был правообязанным лицом, которое должно было действовать; при таких обстоятельствах он может быть наказан в том случае, если результатом его невмешательства было преступление, если он, следовательно, обладал фактической возможностью воспрепятствовать преступлению.

Мне кажется, что решающее значение имеет то обстоятельство, что Розенберг являлся министром по делам восточных областей, но не был сувереном. Суверенами являлись рейхскомиссары колоссальных территорий "Остланда" и "Украины". Еще не были выработаны принципы будущего нового государственно-правового порядка в этих областях, но одно уже было ясно: рейхскомиссар являлся главой, он, например, при проведении таких важных мероприятий, как расстрел жителей области

за акты саботажа, выступал в качестве лица, которое обладает правом выносить окончательное решение. Я хочу добавить, что в действительности полиция была единственной инстанцией, у которой была сосредоточена вся компетенция такого характера. Правительство, а следовательно, и другие инстанции, обладали правом издания основных законов и правом верховного надзора. Положение Розенберга как министра по делам восточных областей можно изобразить, перефразировав известное изречение французского ученого в области государственного права Бенжамена Констана: "Король царствует, но не управляет" - следующим образом: "Министр управляет, но не царствует".

Существовала суверенная власть рейхскомиссара с центральным верховным надзором, осуществлявшимся министром по делам восточных областей; подобная картина наблюдается в некоторых доминионах Британской империи. Никому сегодня не придет в голову мысль привлекать к суду ответственного английского министра за то, что какой-нибудь губернатор в Индии приказал бомбардировать и сжечь деревню туземцев. Следовательно, я прихожу к тому выводу, что не может быть автоматической уголовной ответственности Розенберга за то, что он не воспрепятствовал совершению преступлений на Востоке, уже потому, что, хотя и в его руках был верховный надзор, он не являлся сувереном, суверенами были оба рейхскомиссара.

Далее следует выяснить и рассмотреть, несет ли подсудимый индивидуальную ответственность за преступную эксплоатацию и порабощение народов восточных областей, а также и за другие преступления. Таким образом, какова была

15388

H1210 - 0103

H1210 – 0104

его позиция, какова генеральная линия и каковы общие тенденции его политики, что положительного он сделал, чему он воспрепятствовал или пытался воспрепятствовать?

В балтийских странах была введена местная администрация (директории) под германским верховным надзором. Министр по делам восточных областей возлагал на германскую администрацию обязанность всесторонне итти навстречу выполнимым желаниям прибалтийских народов и стремиться к хорошему взаимоотношению с последними. Прибалтийские страны обладали независимой юстицией, школьной системой и культурой и были ограничены лишь только в области политики, экономики и полицейской власти. Аграрная реформа в Прибалтике после войны 1914-1918 г.г. была осуществлена почти исключительно за счет германской собственности, насчитывавшей 700 лет. Несмотря на это, Розенберг, как министр по делам восточных областей, издал закон о возвращении частным владельцам крестьянских дворов, которые были с начала 1940 г. уже частично коллективизированы Советским Союзом, и, вернув эту, когда-то отобранную у немецких владельцев землю, он как представитель германской империи проявил огромное великодушие. Свидетель Рике решительно подтвердил этот факт, как и введение вышупомянутого нового порядка организации сельского хозяйства. (протокол стр.8032)

В генералбецирке (генеральном округе) „Белоруссия" была создана самостоятельная администрация, подчинявшаяся генеральному комиссару Кубе.

15389

Был основан "Белорусский центральный комитет", затем белорус-ская вспомогательная организация /Хильфсверк/ и белорусский молодежный союз. Когда из поездки в империю вернулась делегация белорусской молодежи, Кубе сказал, что он и впредь будет заботиться о белорусской молодежи, как отец. В следующую ночь он был убит, но политический курс все-таки не изменился. Я, между прочим, должен заметить, что собственно русские области, расположенные между Нарвой и Ленинградом и вокруг Смоленска, в течение всего времени находились в ведении военной администрации. То же самое относится к районам вокруг Харькова и Крыма.

Что касается Украины, то Розенберг намеревался предоставить Украине в скором времени центральное суверенное самоуправление с обширными функциями, подобно директориям в балтийских странах, связав это с определенным развитием культурных и воспитательных потребностей народа. Розенберг сначала полагал, что Гитлер одобрит эту точку зрения, но оказалось, что верх взяла другая позиция, которая заключалась в том, что нужно было все ресурсы предоставить непосредственно военной экономике. Лишь одного мог достичь Розенберг и лишь одно он смог провести в жизнь - новый порядок организации сельского хозяйства от 15 февраля 1942 года, который предусматривал переход от коллективного хозяйства Советского Союза к системе личного пользования, а затем к крестьянской собственности. 23/VI-1943 года появилась в дополнение к вышеупомянутому декларация о собственности. Сначала не пришлось приступить к ее осуществлению из-за сопротивления райхскомиссара Коха, а затем военные события положили всему конец. Содержанием большого принципиального распоряжения, [illegible]

15390

H1210 – 0105

H1210 – 0106

которое Розенберг приказал разработать вследствие отказа рейхскомиссара Украины, является урегулирование школьного вопроса. Розенберг предусматривал создание народных школ и профессиональных школ с повышенным курсом; рейхскомиссар протестовал против этого.

В виду все более обострявшегося конфликта между Розенбергом и рейхскомиссаром Кохом, в июне 1943 года Гитлер дал следующее письменное указание: "Рейхскомиссар не смеет применять обструкцию, а имперский министр по делам восточных областей должен лишь ограничиваться принципиальными вопросами, и прежде, чем издать распоряжение, он должен дать возможность рейхскомиссару по делам Украины высказать свою точку зрения, что практически означало, что Розенберг должен был согласовывать все дела с Кохом.

Своеобразное государственно-правовое положение Розенберга в качестве имперского министра по делам восточных областей и его все уменьшавшееся политическое значение осветил свидетель Ломерс во время его допроса 7 апреля 1946г. Я хотел бы выделить следующие характерные и особенно важные показания свидетеля. Власть имперского министра по делам восточных областей подрывалась военными инстанциями /вермахт/, Герингом, как уполномоченным по четырехлетнему плану, Гиммлером, как начальником германской полиции, и как рейхскомиссаром по консолидации германского народа /Мероприятия по переселению/, Заукелем, как генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, Шпеером в области вооружения и промышленности и, наконец, разногласиями с Геббельсом, как министром пропаганды. Затем власть Розенберга была ограничена тем, что в оккупированные восточные области было назначено два рейхскомиссара - Лозе и Кох. Высший СС и полицай

- фюрер хотя и подчинялся "лично и непосредственно" рейхскомиссару, но, как показывает Ламерс, по деловым вопросам он получал приказы не от Розенберга и рейхскомиссара, а лишь только от Гиммлера. Далее Ламерс говорит, что Розенберг всегда хотел проводить на востоке умеренную политику. Он, несомненно, был против "политики истребления" и "политики угона", которые широко проповедовались другими. Он стремился привести в порядок сельское хозяйство путем введения нового порядка организации сельского хозяйства. Он пытался упорядочить школьную систему, разрешить церковный вопрос, привести в порядок школы и университеты. Розенбергу было трудно осуществлять все это, потому что, прежде всего, рейхскомиссар Украины просто не выполнял приказов Розенберга.

Розенберг был за создание определенной самостоятельности для восточных народов, особое внимание он обращал на удовлетворение культурных запросов этих народов. Ламерс говорит, что ////////// разногласия между Кохом и Розенбергом заполнили целые тома документов. Согласно показаниям Ламерса, Гитлер пригласил к себе Розенберга и Коха и решил, что они /т.е. Розенберг и Кох/ должны раз в месяц встречаться друг с другом и выяснять все вопросы. Ламерс справедливо говорил здесь, что для Розенберга , как начальника и министра, было совершенно невозможно в каждом отдельном случае согласовывать все с подчиненным ему имперским комиссаром. В последующий период выяснилось, что, несмотря на эти встречи, согласия между этими двумя людьми все же не было и что в конечном итоге г-н Кох оставался правым перед фюрером. Розенберг, как говорит Ламерс, в последний раз был принят фюрером в кон-

15392

H1210 – 0107

H1210 – 0108

-це 1943. года, но до этого ему было трудно добиться приема у фюрера. Заседания имперского кабинета с 1937 года прекратились.

Гитлер в своих идеях все больше следовал за Борманом и Гиммлером. Восток превратился в опытное поле. Этому кругу лиц казалось, а сегодня это стало вполне ясным, что добиться взаимопонимания с Розенбергом по вопросу о желаемом развитии империи-совершенно безнадежное дело. Розенберг не имел никакого представления о том, каковы были масштабы той борьбы, которая велась против него. Его споры с имперским комиссаром Кохом, представлявшим Гиммлера и Бормана, доказывают то, что он был в неведении, и также доказывают последовательность Розенберга.

14.12.1942 года Розенберг издал инструкцию имперскому комиссару Украины, остальные инструкции, к сожалению, не найдены. Розенберг в этой инструкции требует от руководителей администрации хорошего поведения и хороших установок, он требует справедливости и человеческого отношения к населению, которое уже с данных пор видело в лице ~~У~~ Германии носителя законного порядка /док. № 194-ПС/. Правда, война приносит с собой ужасные жестокости, но каждый проступок должен быть справедливо рассмотрен и справедливо наказан. Наказание не должно быть слишком тяжким, если для этого нет всех оснований. Также недопустимо, чтобы немецкие учреждения употребляли пренебрежительные выражения по отношению к населению. Господином можно стать только с помощью своего поведения и своих действий, но не с помощью внешнего проявления насилия. Наше поведение должно завоевать уважение к немцам, и с теми руководителями администрации, которы

показали себя недостойными этой задачи, которые злоупотребляли доверенной им властью и своим наносящим вред поведением и показали себя недостойными нашей формы, - с такими руководителями следует поступать соответствующим образом, их следует отдать под суд или ~~уничтожить~~ отправлять в Германик

То эхо, которое находили эти указы у Коха, с и с выражено в его меморандуме от 16.Ш.1943г. /док. 192-ПС/. Кох пишет: "Очень странно , что в отношениях с украинцами требуют не только корректности, но и/ вежливых форм обращения в сочетании с готовностью оказать им в любой момент помощь." Далее Розенберг требует уважения к высокоразвитому самосознанию украинского народа; Розенберг желает для украинцев самоуправления и культурном отношении, ибо такой народ, как украинский, не может быть все время зависимым народом; поход на восток является политическим походом, а не экономическим, грабительским походом. При этом Кох цинично говорит Розенбергу, что его отношение к украинской эмиграции достигло своего апогея. И другие указы Розенберга критикуются Кохом. Так, например, указом от 18.6.1942 года Розенберг предоставил за счет бюджета имперского комиссариата ~~предоставил~~ 2,3 миллиона рейхсмарок на издание украинских учебников, причем сделано это было без ведома Коха. Должно было быть издано: 1 миллион букварей, 1 миллион таблиц для чтения, 300 тысяч учебников, 300 тысяч учебников по языку, 300 тысяч задачников, причем в такой период, когда немецким школьникам не доставало необходимой бумаги.

Далее, Кох говорит: " Нет необходимости в том, чтобы в многочисленных указах Вашего министерства, а также и устных заявлениях по телефону все время говорилось о том, что всякое насилие при вербовке рабочих недопустимо

15394

H1210 - 0109

H1210 - 0110

и что даже восточное министерство требует, чтобы о каждом отдельном случае применения насилия сообщалось ~~в~~ министерству". В другом указе Коха упрекают в том, что по его инициативе были закрыты специальные /профессиональные/ школы; там говорится, что Розенберг приказал генеральным комиссарам проводить другую политику в области школьного образования; при этом он не учитывает полномочий имперского комиссара."

/ См. след.страницу/.

15395

Кох заканчивает это свое обращение скрытой угрозой, говоря, что ему, как старому гауляйтеру, нельзя закрыть дорогу к фюреру.

Какая вызывающая и резкая критика Розенберга, какая невольная похвала и какое доказательство того, что Розенберг вел себя как порядочный человек и, будучи начальником администрации на Востоке, руководил этим аппаратом как дальноворкий государственный деятель!

Последним документом, освещающим борьбу Розенберга против Коха, является сообщение от 2 апреля 1943 г. относительно рейхскомиссара Коха и лесной области Цумань / док. 032-ПС, об этом сообщении Розенберг, выступая в качестве свидетеля, ~~дал~~ дал исчерпывающие показания/. Именно здесь особенно ясно выявилась добросовестность Розенберга / стенограмма стр. 7930 и 8019-8021/.

И теперь, наконец, другая сцена, которая еще раз должна пройти перед нашим взором, ибо Обвинение придает ей особенно большое значение.

В июле 1942 года Борман пишет Розенбергу. Розенберг отвечает. Третье лицо, доктор Маркулл, сотрудник Розенберга по министерству, пишет на это критику /стенограмма стр.7971 и следующие/. По словам доктора Маркулла, смысл этого письма Бормана, которое в оригинале больше не существует, сводился к следующему: славяне должны на нас работать, а те, кого мы не можем использовать, пусть умирают. Заботиться об их сохранении здоровья излишне. ~~Не~~ Плодовитость славян нежелательна. Образование опасно. Достаточно будет, если они будут уметь считать до ста. Каждый образованный человек - наш враг в будущем. Религию мы оставим им, как средство отвлечься. Что касается их снабжения, то обеспечить их надо только самым необходимым. Мы - господа и должны получать все в первую очередь".

15396

H1210-0111

H1210 – 0112

На это письмо ближайшего сотрудника Гитлера Розенберг мог дать только один ответ: - внешнее согласие и кажущаяся уступка. Такая удивительная внешняя перемена в установках начальника вызвала озабоченность в самом восточном министерстве. Эта озабоченность и нашла свое выражение в меморандуме доктора Маркулла от 5.9.1942 г. Розенберг, давая свидетельские показания, сказал, что он только потому согласился с этим, чтобы успокоить Бормана и Гитлера. Если без какой-либо предвзятости прочесть этот документ, не остается никакого сомнения в том, что это именно так. Он хотел защитить себя от нападок из главной ставки фюрера, которых он, Розенберг, мог с уверенностью ожидать,ибо он, как говорилось, больше делает для восточных народов, чем для немецкого народа. Он требовал больше врачей, чем имел сам германский народ для своих больных, и т.д. Меморандум Маркулла является самым ясным отображением личности и деятельности Розенберга, ибо здесь обеспокоенный подчиненный умоляет своего министра остаться таким, каким он его знает, и таким, каким он научился его любить. Он просит его не поддаваться чуждому влиянию, которое, кажется, повеяло на него.Там сказано, что эти установки, хотя и соответствуют политике имперского комиссара Коха, но не находятся в соответствии с указами министра и с мнением, по крайней мере, 80% областных комиссаров и управляющих делами, которые надеются на своего министра и считают, что с народом на Востоке следует обращаться хорошо и предусмотрительно, что этот народ обладает удивительной культурной одаренностью, что результаты работы хорошие, но что мы именно сейчас намереваемся растранжирить драгоценный капитал благодарности, любви и доверия. Там говорится, что противоречия, имеющиеся между министром и имперским комиссаром, известны во всех высших имперских инстанциях и что известно, что ми -

нистерство не может проводить свою политику из-за имперских комиссаров и что имперские комиссары считают восточное министерство совершенно лишним. Послание Бормана дезавуирует всю политику министра и создается впечатление, что Кох прав перед Гитлером, а не министр. Министерство со времени его создания все больше и больше теряет свои полномочия. Высшие СС и полицей-фюреры отклоняют всякое обычное право генеральных комиссаров, не посылают им,например, донесений и т.д. Высшими имперскими инстанциями одно за другим уничтожаются полномочия министра по делам восточных областей. В берлинских учреждениях открыто говорят о том, что следует ожидать перестройки министерства в оперативный штаб. С другой стороны, министерство по делам оккупированных восточных областей в лице его руководителя пользуется чрезвычайным кредитом в общественности.

Доктор Маркулл умоляет министра придерживаться своих первоначальных концепций и говорит, что следует отвергнуть эту несчастную концепцию господства, как и то мнение, что интеллигенция не нужна народу. Надо учитывать влияние духовных сил. Германия должна быть "справедливым судьей" и должна признавать национальные и культурные права народов. Это и есть концепция министра, которой он придерживался до сих пор и которой он должен придерживаться и впредь.

И,действительно, позиция Розенберга не изменилась и как раз именно в то время он отдал приказ ~~распоряжение~~ разработать распоряжение относительно школьного образования. Позднее он добился открытия профессиональных школ и в первую очередь высших медицинских школ. В мае 1943 года дело, наконец, дошло до конфликта с фюрером.

12.X.1944 г. Розенберг через Ламмерса передал фюреру свое прошение об отставке, в виду того, что общая политика

15398

H1210 – 0113

H1210-0114

на Востоке и обращение с восточными народами в политическо-психологическом разрезе особенно противоречили его с самого начала высказанной точке зрения, его плану автономии восточных народов и развития этих народов в семье всех европейских народов. В душе он чувствовал, что его дело кончено, что большая программа государственного деятеля не увенчалась успехом. Он мог только принимать меморандумы своих близких сотрудников, говорящие о том, что в его стране проводится политика порабощения и эксплоатации, или в лучшем случае он мог бы продолжать борьбу на бумаге с такими людьми, как Кох; эта борьба стала теперь безнадежной. У него не было достаточно сил, чтобы выступить против тех слепых планов, которые хотели осуществить на Востоке; он был бессилен против их действия, причем в то время ему еще не были известны все те полицейские и военные приказы, которые здесь были предъявлены Трибуналу.

Когда Розенберг однажды напомнил Гитлеру о том, что в Киеве следует открыть университет, Гитлер, видимо, согласился на это; когда Розенберг вышел и Гитлер остался с Герингом, Гитлер сказал: "У этого человека тоже особые заботы. У нас есть сейчас более важные дела, чем университеты в Киеве" /стенограмма от 16.III-1946 г./.

Ни один эпизод лучше, чем документы, не освещает темы: Розенберг и положение на Востоке и другой темы - Розенберг — якобы "вдохновитель" Гитлера.

Не получив ответа на свое прошение об отставке, Розенберг неоднократно пытался поговорить лично с Гитлером, но безуспешно.

11.XII-1945 г. господин Додд сказал: "Система ненависти, варварства и отрицания прав личности, которую заговорщики сделали государственной философией Германии, последовала

за своими национал-социалистскими хозяевами, когда они наводнили Европу. Иностранные рабочие стали рабами народа господ, миллионы были угнаны и порабощены". А генерал Руденко 8.П-1946 г. говорил: "В длинном ряду злодейских преступлений, совершенных немецко-фашистскими оккупационными войсками, особое место занимает насильственный угон мирных граждан в рабство и крепостничество в Германию". За эти бесчеловечные и варварские распоряжения, объявления и приказы гитлеровского правительства, издание которых, имело своей целью - угон советских людей в немецкое рабство, возлагают в первую очередь ответственность на Геринга, Кейтеля, Розенберга и Заукеля.

1. Полномочия Заукеля.

Я уже говорил о формальной и индивидуальной ответственности Розенберга, как имперского министра по делам восточных областей. Я также уже говорил и о том, что в области использования рабочей силы не Розенберг, а Заукель, как генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы, являлся главным и ответственным лицом на основании указа фюрера от 21.Ш-1942 г. /документ № 580-ПС/. Таким образом, Заукель в этой области стоял выше Розенберга, т.е. Розенберг был ему подчинен. 8.Ю.1942 г., он, например, писал Розенбергу /документ № 017-ПС/:

"Фюрер представил новые срочные программы вооружения.

15400

H1210 - 0115

H1210-0116

Для выполнения этой программы необходимо срочно достать еще два миллиона иностранных рабочих. Во исполнение своего указа от 21.Ш-1942 г.фюрер предоставил мне новые полномочия. Для выполнения моих новых задач, он, в частности, уполномочил меня принять по моему собственному усмотрению все необходимые меры в империи ... и в оккупированных восточных областях для того, чтобы при всех условиях обеспечить планомерное использование рабочих в немецкое военной промышленности". В своей "Программе использования рабочей силы" от 24.1У.1942 года (Документ № 016-ПС) он подчеркивает, что все мероприятия технического и административного порядка в области использования рабочей силы входят в компетенцию одного лишь генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, областных бирж труда и бирж труда. За все эти мероприятия ответственны они. В мою задачу не входит защищать Заукеля, /на то/ но я позволю себе указать, что и он не подходил к разрешению своей большой и трудной задачи с чувством ненависти и с желанием поработить народы. В его только что упомянутой программе использования рабочей силы, между прочим, говорится следующее: "Нужно избегать всего того, что, выходя за рамки обусловленных войной ограничений и трудностей, может усложнить и внушить отвращение к пребыванию в Германии иностранным рабочим. Поэтому заветы разума требуют сделать их пребывание и работу в Германии по возможности сносными, без нанесения ущерба себе". В этом отношении Заукель и Розенберг придерживались единого мнения.

В мою задачу не входит излагать и доказывать, что мно-

гим сотням тысяч иностранных рабочих в Германии в действительности выпала хорошая доля,что бесконечно большому количеству людей в Германии жилось на самом деле намного лучше,чем на родине.В мою задачу входит лишь разбор вопросов о всех неисправностях и неполадках,которые непосредственно вменяются в вину подсудимому Розенбергу.

Я перехожу к вопросу о центральной инстанции,занимавшейся вопросом восточных народов.Высокий Суд,несколько дней назад я передал суду письменные показания под присягой д-ра Альберта Бейля.В основном в этом документе содержится заявление вполне авторитетного лица по этому вопросу.

Поэтому я сейчас не буду говорить об этой теме, т.е. о центральной инстанции,занимавшейся вопросами восточных народов,и прошу Суд считать эту тему разобранной.

Для того,чтобы опровергнуть заявление обвинения о том=,что Розенберг являлся представителем системы ненависти и варварства,подавления личных прав и рабства,мне следует остановиться еще на других моментах.Розенберг получал и в дальнейшем отчеты,в которых говорилось о плохом состоянии дел.

Так,7.X.1942 года он получил отчет о плохом обращении с украинскими специалистами (054-ПС,США-198).Там обращалось внимание на отдельные недопустимые явления при вербовке и неполадки при перевозе рабочих.

H1210 -0117

H1210 - 0118

Там сообщалось, что рабочих нередко ночью вытаскивали из постели и запирали в подвалах для последующей отправки. Угрозы и применение физической силы со стороны сельской милиции были частыми явлениями. Нередко милиция отбирала у специалистов те продукты, которые они брали с собой; на пути следования сопроводительные группы позволяли себе отдельные перегибы, небрежное обращение и так далее.

Розенберг не имел никаких полномочий для оказания помощи в этих вопросах. Однако он попытался это сделать с помощью письма к Заукелю от 21 декабря 1942 года (018-ПС, США-186). Вначале Розенберг подчеркивает свое принципиальное согласие с Зукелем, спустя же некоторое количество вежливых, и, в сущности, пустых фраз, которые свидетельствуют ни о чем другом, как о такте, он настойчиво жалуется на применяемые при мобилизации рабочей силы методы. Я цитирую: "Я, в силу возложенной на меня ответственности за оккупированные восточные области, должен со всей настойчивостью просить о том, чтобы при наборе должных контингентов исключались такие методы, последствия которых в один прекрасный день могут быть поставлены в вину мне и моим сотрудникам" (Конец цитаты).

Далее Розенберг заявляет, что он уполномочил рейхскомиссара Украины применять свою верховную власть, если это окажется необходимым, и заботиться о ликвидации таких методов вербовки, которые противоречат интересам военного руководства и военной экономики в оккупированных областях. Розенбергу, ему и рейхскомиссарам должно казаться странным, что в многочисленных случаях он узнавал о мероприятиях, которые должны были быть отклонены гражданскими властями, только через полицию или другие инстанции... Без согласования

15403

обоюдосторонних желаний ему, Розенбергу, к сожалению, невозможно взять на себя ответственность за последствия, которые вытекают из вышеописанных явлений. В конце Розенберг говорит о своем желании, чтобы в обоюдосторонних интересах такому положению дел как можно скорее был положен конец.

Во время устных переговоров с Заукелем Розенберг пытался и заставил Заукеля обещать себе, что последний будет делать все для того, чтобы обеспечить разрешение всех этих вопросов в духе порядочности (беседа от 14 апреля 1942 года). Сделать что-нибудь больше было для Розенберга невозможно, ибо это выходило за границы его сил и власти. Рейхскомиссар Кох был его тайным и поддерживаемым высшими инстанциями противником; Кох является одним из главных виновников ~~—~~ ужасных методов вербовки и использования восточных рабочих, против которого Розенберг ничего не мог сделать.

Если господин обвинитель Брудно 9 января 1946 г. упрекает подсудимого в том, что если последний и протестовал, то он протестовал не по каким-либо гуманным соображениям, а в силу политической нецелесообразности, то я на это могу сказать следующее: не следует без уважительных причин отнимать у подсудимого Розенберга всех человеческих качеств.

В качестве примера особой жестокости подсудимого Обвинение неоднократно указывало на так наз. акцию "Сено" (хойаксион) (документ 031-ПС). Здесь речь идет о плане командования центрального фронта эвакуировать из зоны операций 40-50 тысяч детей, поскольку они являлись большим бременем в зоне операций, причем большинство из них не имело родительского ухода. За линией фронта должны были быть созданы деревни для

15404

H1210-0119

H1210 - 0120

детей, за которыми должны были наблюдать местные жители. В вопросе создания таких деревень для детей имелся уже хороший опыт. Существовали надежды отправить этих детей в первую очередь на учебу для дальнейшего использования их в германском ремесленном хозяйстве, с помощью организации ТОДТ, которая в силу своих технических и других возможностей была особенно подходящей. После двухлетнего обучения их можно было бы использовать в качестве специалистов. Розенберг, как имперский министр по делам восточных оккупированных областей, был в начале против этого, так как он боялся, что это мероприятие может быть рассмотрено как угон детей и, с другой стороны, потому, что эти дети не могут представлять собой значительного укрепления военной силы. Начальник оперативно-политического штаба связался с Розенбергом и изложил ему, что центральный фронт придает решающее значение тому, чтобы дети попали в империю не через генерального уполномоченного по вопросам использования рабочей силы, а через ведомство имперского министра по вопросам оккупированных восточных областей, поскольку он только в этом может усмотреть надежную гарантию для корректного обращения с ними. Фронт желает, чтобы это мероприятие было проведено при самых лояльных условиях, чтобы были созданы особые правила обращения с ними, почтовая связь с родителями и т.д. На тот случай, если эти области будут вновь отвоеваны, следует предположить, что министерство по вопросам восточных оккупированных областей возвратит этих подростков назад и они при восстановлении этих областей будут представлять вместе со своими родителями надежное политическое ядро.

15405

В обоснование своего повторного ходатайства перед министром было также добавлено, что подростки не представляют собой существенного укрепления военной силы, но что важным является уменьшение биологической силы противника на длительное время; такого мнения придерживается не только рейхсфюрер СС, но даже и сам фюрер. В конце концов, Розенберг дал свое согласие на проведение этого мероприятия. В этой связи следует сказать: здесь речь шла о таком круге вопросов, который по административной линии не входил в подчинение Розенбергу. Он не хотел уничтожить чужой народ, даже несмотря на то, что в качестве обоснования было приведено биологическое ослабление противника (причина, которая не нашла признания с его стороны); он хотел лишь воспитать детей, обучить их, чтобы в последующий период возвратить их на родину вместе с их родителями. Это является прямо противоположным тому, что вменяется в вину подсудимому, как преступление.

В последующий период (в конце лета 1944 года) Розенберг посетил заводы "Юнкерса" в Дессау, где работало около 4.700 молодых ремесленников из Белоруссии, и детский лагерь, где были помещены подростки из Белоруссии. Ремесленники были все безупречно одеты, они прилежно работали, с ними обращались самым наилучшим образом. С немецкими рабочими они были в очень хороших отношениях. Русские учительницы преподавали подросткам язык и математику, как в этом Розенберг убедился своими собственными глазами. За подростками следили белорусские матери и учительницы, которые находились в том же лесном лагере. Впрочем, цифра в 40.000 никогда не была достигнута, едва ли даже была достигнута половина.

15406

H1210-0121

H1210 – 0122

Попытка обвинения обратить с помощью этого примера весьма странным образом то человеческое, чем руководствовался подсудимый, ему во вред, по моему мнению, не может иметь успеха. Так, как раз этот пример обязывает меня особенно обратить внимание на следующее: мы находились в состоянии войны, которая велась обеими сторонами с ужасающей интенсивностью. Разве сама война не является "чудовищной жестокостью"? "Уменьшение биологической силы народов" - по сути является очень подходящим выражением для всех целей войны, так как на это направлены мечты и стремления обеих воюющих сторон. Было бы совершенно непонятно, если бы при оценке действий подсудимого это было бы забыто. Также совершенно невероятно обвинять подсудимых не только за развязывание войны, но также и за то, что война по своей сущности является величайшим преступлением человечества против самого себя и против законов жизни.

Обвинение считает Розенберга виновным потому, что он издавал нечеловеческие и варварские распоряжения, которые имели своей целью обеспечение угона советских людей в германское рабство. Поэтому мне сейчас придется заняться рассмотрением того вопроса, противоречили ли положениям международного права декрет о трудовой повинности от 19.XII. 1941 г. и другие декреты Розенберга о введении трудовой повинности для жителей восточных областей.

Управляемые Розенбергом восточные области были заняты в ходе военных действий. С помощью этой occupatio bellica (оккупацио беллика) Германия достигла фактического господства в этих областях и приобрела там верховную власть, как на своей собственной территории.

В то время, как старое международное право позволяло действовать оккупанту по своему собственному произволу, не заботясь о праве и законе, новейшее развитие международного права устранило этот принцип и обеспечило победу культурного и гуманного принципа; неограниченная до того власть превратилась в ограниченное право оккупанта. Гаагские правила ведения сухопутной войны, в частности, учредили правовые обязанности оккупантов. Но, с другой стороны, неправильно было бы думать, что эти правила ведения сухопутной войны представляют собой изложение лишь отдельных прав оккупантов. Эти правила лишь накладывают границы на неограниченное само по себе право оккупантов и их полномочия, вытекающие из управления занятыми областями.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас удобно об"явить перерыв.

(Перерыв до 10.00 часов утра 10 июля 1946 г.)

15-408

H1210 – 0123

H1210 – 0124

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 10 июля 1946 г.

(Утро)

Переводчики: Гофман, Валицкая.

Встать, Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сегодня, во второй половине дня будет закрытое заседание Трибунала. После часа открытого заседания не будет.

Доктор ТОМА. /Защитник подсудимого Розенберга/

Высокий суд, господин председатель! Я хотел бы говорить о юридическом характере распоряжений об использовании в качестве рабочих жителей восточных областей,- страница 33.

Таким образом, отсюда вытекает следующий принцип, признанный международным правом: мероприятия оккупантов являются законными в оккупированной области, если проведению их не препятствует какое-либо существующее положение международного права войны. Таким образом, это предположение говорит за полномочия оккупантов проводить без ограничений все меры, вытекающие из их суверенных прав в оккупированной области. По единодушному мнению специалистов по международному праву, оккупант действует в силу собственного права, которое гарантируется и определяется по содержанию международным правом, в собственных интересах ведения войны, также как и в интересах охраны, находящегося в оккупированных областях гражданского населения. Я цитирую ~~С. Гейланд~~,- "Справочник международного права". Жители занятых областей должны повиноваться оккупанту, а не

15409

враждебной суверенной власти, воля оккупанта в оккупированных областях является господствующей и имеет решающее значение, оккупант является исполнителем своей собственной воли, в деле осуществления своих суверенных прав, для него решающим является лишь его собственные интересы, поэтому он вправе действовать вопреки интересам государства противника." /Гейланд, стр.13 /.

Говорят, что статья 52 Гаагских правил ведения сухопутной войны не допускает насильственного привлечения к труду рабочих из оккупированных областей. Там говорится, что от жителей оккупированных областей можно требовать выполнения работы. Эта работа должна ограничиваться потребностями оккупационных войск и должна находиться в соответствии с рессурсами страны и быть такого рода, чтобы она не содержала в себе для населения обязанности принимать участие в военных мероприятиях против их отчизны. В этом положении я не могу усмотреть запрета использования рабочих в оккупированных областях, наоборот, я склонен думать, что на основании этого положения, трудовая повинность является вполне допустимой. Использование их в военной экономике, несомненно, соответствует потребностям оккупационной армии и, по моему мнению, совершенно не означает использование их для военных мероприятий. В Гаагских правилах ведения сухопутной войны ничего не говорится о том, можно ли заставлять этих людей работать только на собственной территории или же этих лиц можно также привлекать для выполнения определенных работ в стране, оккупировавшей их родину. Поэтому имеет силу всеобщий принцип, что это предположение говорит за право оккупанта неограниченно осуществлять все меры, вытекающие из суверенных прав.

Если встать на правильную точку зрения, что международное право войны должно содержать в себе тенденции,направленные

15410

H1210 – 0125

H1210 – 0126

на придание войне человеческого характера и на ограничение прав воюющих и должно развиваться и впредь в этом направлении, то с другой стороны, следует обратить внимание на то, что суровая действительность войны имеет противоположную тенденцию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Тома, Трибунал хотел бы знать, будете ли Вы утверждать, что Гаагскими правилами предусматривалась депортация мужчин, женщин и детей в другие страны для рабского труда в последних.

ТОМА. Господин председатель, я говорю о толковании гаагских правил ведения сухопутной войны и разбирая здесь вопрос, допустимо ли вывозить для нужд оккупационной армии жителей страны. Я стою здесь на той точке зрения, что рабочих также можно перевозить в страну оккупанта. Относительно детей я ничего не говорил, относительно евреев я также ничего не говорил, я говорил только о трудоспособных людях, которых обязали работать на потребности оккупационной армии. Я стою также на той точке зрения, что допустимо перевозить их в страну оккупанта. Я предоставляю этот вопрос на рассмотрение суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал хотел бы услышать о каком-либо авторитете в области международного права, на который Вы могли бы сослаться по этому поводу.

ТОМА. Господин председатель! Я укажу подробные цитаты из научных трудов по этому вопросу. Я также уже цитировал некоторые места по этому поводу. Я цитировал Гейланда, "Справочник по международному праву" и также приведу еще и в дальнейшем цитаты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажите, пожалуйста, на каком языке написана эта книга?

ТОМА. На немецком языке, господин председатель, а именно - "Справочник международного права", изданный Стир-Сомло, 1923 год.

Современная война никоим образом не является войной, как себе ее представляли в 1907 году; война приобрела харак - тер войны тотальной, характер борьбы не на жизнь, а на смерть, при которой мобилизуются все писхические и душевные силы на - рода и проигрыш которой, как показывает пример Германии, оз - начает полную капитуляцию и полное уничтожение государствен - ного существования побежденного.

Разве можно утверждать в этом случае, что германская империя в этой борьбе не на жизнь, а на смерть не имела права использовать признанное международными правилами право на са- мосохранение. /Я цитирую Струпа, "Справочник международного права", издано Стир-Сомло, Штутгарт, 1920 г., 3 раздел "Меж - дународные деликты", стр. 128/. Несомненно, что на карту было поставлено существование государства. Таким образом, имело место бедственное положение, которое оправдывало насильствен- ное использование рабочей силы, даже если бы это не было раз- решено международным правом. В самой сущности той великой аномалии, которая называется войной, заложено обоснование то- го, что в широчайшем объеме, как только наступает военное по- ложение, в интересах военных целей, и победы над врагом, меж- дународное право сбрасывает со счета. /Я цитирую Струпа, страница 172/. С прогрессом культуры во все возрастающем масштабе происходит изменение в духе смягчения этого восприя- тия, согласно которому, во время войны разрешается все, вплоть до уничтожения противника. Но право войны и на сегод - ня представляет собой компромисс между потребностями,которые диктуются военной необходимостью с ее принципиальной неогра - ниченностью,и мировоззрением, продиктованным гуманностью и

15412

H1210 - 0127

H1210 - 0128

цивилизацией. Однако одно совершенно ясно: истинное бедственное состояние допускает нарушение положений гаагских правил ведения сухопутной войны. Во время переговоров, которые предшествовали созданию статьи 46-й гаагских правил о ведении сухопутной войны, на пленуме конференции было дословно заявлено, и причем без возражений с какой-либо стороны, следующее: "Ограничения смогут помешать свободе действий воюющих сторон в определенных положениях вынужденного характера". Таким образом, если в крайне тяжелых положениях разрешается ссылка на бедственное положение, то такая ссылка на бедственное положение должна быть разрешена и агрессору, когда его существование подвергается непосредственной опасности, является общепризнанным в международном праве. /Ссылаюсь здесь на Струпа, страница 170/.

Дополняя, я бы хотел еще сказать в отношении главы об администрации в оккупированных областях, что, не указывая на все то, что заявил подсудимый по поводу документов, предъявленных Советским Обвинением, особенно докладов государственной комиссии и нот Молотова - СССР-39, 41, 751, 89, стенограмма от 16 апреля 1946 г., я прошу разрешения указать на то, что то, что сказал подсудимый по поводу предъявленных ему обвинений, а также фактические поправки, будут соответствующим образом оценены Судом.

Теперь я перехожу к новой теме.

В противовес утверждению обвинения Розенберг ни в коем случае не был вдохновителем преследований евреев, как и вообще не был руководителем и создателем политики, проводимой партией и германской империей, как это утверждало обвинение. /Уолш, 13.12-45. прот. стр. 1244/.

Розенберг был, конечно, убежденным антисемитом, который отразил свои убеждения и свои принципы в сочинениях и речах.

H1210 - 0129

Но антисемитизм не находится у него на переднем плане его деятельности. В его книге "Кровь и честь", которая содержит речи и статьи за 1919-1933 г.г., из 64 статей, например, только одна единственная имеет заголовок с указанием на еврейство. То же самое относится и к двум другим томам его речей. Он считал своими идеологическими предшественниками мистика мейстера Экехарта, Гете, Лагарде, Густона Стьварта Чемберлена; антисемитизм являлся для него отрицательным моментом. Его основным и положительным стремлением было провозглашение нового немецкого духовного направления и новой германской культуры. Так как он видел, что последние находятся в опасности после 1918 года, он стал противником ев - рейства. Даже такие личности, как фон Папен, фон Нейрат, Редер, сильно отличающиеся друг от друга по своим взглядам, также признали теперь, что засилие еврейского элемента в всей общественной жизни носило такой характер, что надо было добиться изменения. Но мне особенно важным кажется то, что его род антисемитизма был духовным; и, прежде всего, благородным. На партийном съезде 1933 года, он, например, говорил о рыцарском разрешении еврейского вопроса. Таких высказываний, как: "мы должны уничтожать евреев там, где мы их встречаем; мы предпримем действия, которые приведут к прочному успеху; мы должны избавиться от всякого сочувствия"- мы никогда не слышали от Розенберга. Обвинение само цитировало следующее в качестве программного высказывания Розен - берга:

"Еврейский вопрос после устранения евреев со всех общественных постов найдет свое окончательное разрешение в создании гетто". /Уолш. стр.1236./

РУДЕНКО. Господин председатель, я бы не хотел прерывать защитника и отнимать время у Трибунала. Но то, что я услышал сейчас, переходит все границы допустимого. Получается так, что подсудимый сидит на скамье подсудимых и слушает, как его защитник выступает здесь со своими фашистскими рас -

суждениями. До настоящего времени они не пресекались Трибуналом. Мне кажется абсолютно недопустимым, когда защитник использует трибуну суда для человеконенавистнической пропаганды

В самом деле, как иначе расценить утверждение защитника Тома, что, якобы, существует какой-то духовный, благородный антисемизм, представителем этого благородного антисемизма является Розенберг, что предложение Розенберга собрать всех евреев в гетто является рыцарским. Я прошу обратить внимание, что защитник в данном случае не цитирует высказываний нацистских главарей, а излагает свое мнение.

Я считаю своей обязанностью заявить решительный протест против использования защитником Трибуны Международного Военного Трибунала для антисемитской пропаганды. Я прошу суд обсудить это заявление и принять соответствующее решение.

ТОМА: Высокий Суд! Разрешите мне коротко остановиться на этом возражении.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не думаю, что в связи с этим Вас нужно беспокоить. Трибунал считает, что безусловно могут иметь место различные мнения в отношении применения слов во время представления Ваших доводов, но я не вижу оснований прерывать изложение Вами доводов, которые Вы представляете Трибуналу.

ТОМА: Благодарю Вас.

Высокий суд, я хочу в связи с заявлением генерала Руденко сделать лишь заявление о том, что, я, составляя свою защитительную речь, пытался лишь остановиться на утверждениях Обвинения. И далее - это выражение "рыцарское решение еврейского вопроса" является не моим выражением, я процитировал лишь высказывания Розенберга, которые он сделал задолго до того, как он очутился здесь, на скамье подсудимых. Само обвинение цитировало следующее: "Еврейский вопрос и т.д..." Это я как раз зачитал.

15415

H1210 - 0130

H1210 – 0131

Не случайно,что Розенберг не участвовал в бойкоте евреев в 1933 году,не был привлечен к разработке еврейских законов 1933,1934,1935 г.г. и т.д. (лишение гражданства,запрещение вступать в брак,лишение избирательных прав,исключение со всех значительных постов и учреждений).Он также не участвовал в мероприятиях против евреев в 1938 году,в разрушении синагог и в антисемитских демонстрациях.Он также не был закулисным руководителем,который подстрекал маленьких людей на действия или приказывал им совершать их.Розенберг был верным последователем Гитлера,который подхватывает даваемые Гитлером лозунги и передает их дальше.Например, такие лозунги,как: "Еврейский вопрос будет разрешен только тогда,когда последний еврей покинет Германию и европейский континент" или однажды лозунг об "истреблении еврейства".

Преувеличения издавна принадлежали к пропагандистскому оружию национал-социализма,речь Гитлера без ругани по адресу его внутренних и внешнеполитических противников,без угроз об уничтожении,была едва ли мыслима.После каждой речи Гитлера раздавалось миллионное эхо,начиная с Геббельса и кончая самым последним оратором партии в небольшом деревенском трактире; все время употреблялись те же самые предложения и те же самые слова,которые употребил Гитлер.Но не только во всех политических речах,но также и в германской печати,во всех передовых статьях и сочинениях,пока по истечении недель или месяцев не произносилась новая речь,вызывавшая новое эхо подобного рода.

Розенберг не был здесь исключением.Он,как и все,повторял лозунги Гитлера,также и о "Разрешении еврейского вопроса",а

15416

однажды и об "истреблении еврейства". Возможно, он при этом также много или также мало думал, как большинство приверженцев Гитлера, о том, что все эти речи, собственно говоря, неясны и имеют жуткий двойной смысл, а именно, что под этим подразумевается не только действительное выселение, но также и физическое уничтожение и убийство евреев.

Я хочу здесь, в качестве дополнения, напомнить о том, что Розенберг при своем допросе цитировал высказывания британского премьер-министра Чемберлена в официальной речи в Палате Общин в сентябре 1943 года о том, что прусский милитаризм и национал-социализм истребляются всеми средствами. Ни один немец не истолковывал его речи таким образом и я не думаю, что он ошибался в этом, что немецкие солдаты и национал-социалисты должны быть физически уничтожены.

Без ведома и воли немецкого народа, а также без ведома и воли подавляющей части руководства партии с 1941 г. было разработано и осуществлено массовое преступление, далеко оставившее за собой все понятия человеческого разума и морали. "Еврейский вопрос" развивался дальше и был доведен до так называемого "окончательного разрешения". Суд должен будет решить вопрос, ответственен ли также Розенберг, видный представитель партии, имперский министр по оккупированным восточным областям, за убийства евреев, в особенности за убийства евреев на Востоке; т.е. является ли он убийцей евреев, или нужно признать и согласиться с тем, что хотя он и находится на краю пропасти, но что всеже его ко всему этому привели исключительно внешние обстоятельства - обстоя-

15417

H1210-0132

H1210 – 0133

тельства, которые находятся за пределами его ответственности и его вины?

Я думаю, что могу сказать, что Розенберг никогда открыто или скрытно не содействовал физическому уничтожению евреев. Без сомнения, его сдержанность и умеренность не были лишь тактикой. Превращение антисемитизма в преступление имело место без его ведома и желания.

Один факт, что он проповедовал антисемитизм, так же мало оправдывает его наказание, как убийцы евреев, как если бы Руссо и Мирабо должны были отвечать за позднейшие ужасы французской революции. Как бы не вынуждало к такому выводу первое впечатление, нельзя установить его преступную вину также и на основании его положения, как имперского министра по делам оккупированных восточных областей. Как уже говорилось, "ответственный министр" не может без дополнительных условий нести ответственность за наказуемые действия в его сфере деятельности или территории. Уголовной ответственности подлежат, согласно германскому уголовному кодексу (§357), тогда, когда начальник учреждения сознательно терпит совершаемый его подчиненным наказуемый проступок и, если - это добавление дается в комментариях, - начальник в состоянии воспрепятствовать этому проступку.

Я хочу рассмотреть вопрос о его ответственности на основании представленных здесь документов.

1. <u>Еврейские погромы в Слуцке (документ № 1104-ПС).</u>

27 октября 1941 года в Слуцке полицейским батальоном силою в 4 роты среди местных евреев была учинена жуткая кровавая резня потому, что командир получил задание от вышестоящих органов освободить город от всех евреев без исключения.

Областной комиссар тотчас же заявил самый резкий протест, потребовал немедленного прекращения акции и дергал полицейских служащих, насколько он мог, под угрозой с помощью револьвера. Он сообщил генерал-комиссару Кубе в Белоруссию в Минск, который из-за "беспочвенного свинства" ходатайствовал перед рейхскомиссаром Остланда Лозе о наказании участвовавших в этом офицеров. Последний обратился к имперскому министру по делам восточных областей с просьбой, чтобы вышестоящие органы немедленно предприняли соответствующие меры.

Имперский министр по делам оккупированных восточных областей послал весь доклад начальнику полиции безопасности и СД Гейдриху с просьбой о дальнейших мерах.

Вследствие утонченной системы, создавшей полицию, не ответственную перед местным начальником администрации и даже не обязанную делать ему доклады, Розенберг в этом, как и в других подобных случаях, не был в состоянии предпринять какие-либо дальнейшие меры.

Он не был начальником полиции и мог надеяться, что будет достаточно передать сообщение Гейдриху для того, чтобы прекратить такие, по его мнению, региональные эксцессы полиции. Из возмущения всех административных органов по поводу этих событий следует, что они не имели об этом никакого представления, что это был не эксцесс, а мера, проведенная по приказу Гейдриха и Гиммлера. При всем отрицательном отношении Гейдриха и Гиммлера Розенберг не мог предполагать ничего подобного.

2. Документ № 3663-ПС также датирован октябрем 1941 г.; в нем "имперский министр по делам оккупированных восточных областей" подписал ...

15419

H1210-0134

H1210-0135

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторите еще раз номер документа.

ТОМА: № 3663-ПС, г-н председатель, в нем "имперский министр по делам оккупированных восточных областей" подписал "по поручению доктор Лейбрандт" вызов рейхскомиссара Остланда для доклада о том, что со стороны главного имперского управления безопасности подана жалоба на то, что рейхскомиссар Остланда запретил экзекуции евреев в Либаве. На это адресат ответил: "Я запретил проведение экзекуций евреев в Либаве потому, что они по роду их выполнения недопустимы". Далее следует просьба о дальнейших указаниях. Об этом документе, который подписан начальником отдела Лейбрандтом и который ни в каком отношении не указывает на осведомленность об этом подсудимого Розенберга, коротко следует сказать следующее: он не имеет смысла упрека имперского министра по делам восточных областей за то, что еврейские экзекуции не продолжались, а означает лишь передачу жалобы главному имперскому управлению безопасности с требованием сделать доклад по этому вопросу. Вероятно, жалоба была вызвана тем, что имперский комиссар Остланда вмешался в компетенции главного имперского управления безопасности и, вероятно, требование о предоставлении доклада было сделано в этом смысле. В письме от 18.XII.194[illegible] г. имперский министр по делам оккупированных восточных областей, также подписанном "По поручению - Брейтигам", просил имперского комиссара Остланда урегулировать возникающие вопросы непосредственно с высшими командирами СС и полиции.

Попытка идентифицировать Р. на этом документе как инициалы Розенберга, т.к. повидимому и обвинитель сомневался в том, знал ли Розенберг об этих вещах, также не удалась. Это Р. принадлежит не Розенбергу.

3. Документ № 3428-ПС касается письма генерального комиссара Белоруссии имперскому комиссару Остланда. Это — потрясающий документ о массовом истреблении евреев в Белоруссии. Однако для обвинения против Розенберга отсюда ничего нельзя взять, так как эти страшные события могли быть поставлены ему в вину только в том случае, если бы он знал о них и в нарушение служебного долга не выступил бы против них. Для утверждения о такой осведомленности не оказывается также и здесь отправного пункта.

Утверждение о том, что эти документы, якобы, были найдены у Розенберга, не может соответствовать фактам, так как они были адресованы имперскому комиссару в Риге.

4. В "заметках для фюрера от 18 декабря 1941 года" (док. № 001-ПС, США-282) подсудимый предложил следующее, что я цитирую дословно: "Покушения на германских военнослужащих не прекратились, они продолжаются. Здесь проявляется недвусмысленный план - помешать германо-французскому сотрудничеству, принудить Германию к мерам возмездия и тем самым вызвать новое сопротивление Германии со стороны французов. Я ходатайствую перед фюрером о том, чтобы вместо 100 французов всякий раз расстреливать 100 или больше еврейских банкиров, адвокатов и т.д." - В мою задачу не входит говорить здесь о допустимости расстрелов заложников, но ясно, однако, одно, что Розенберг был убежден в допустимости таких мер. Но тогда это предложение должно быть воспринято в этих рамках и, конечно, не может оцениваться как призыв к убийству. Предложение это, впрочем, не имело успеха. В своем ответном письме от 31 декабря 1941 года Ламмерс по поручению фюрера вернулся

H1210 - 0136

H1210-0137

вообще только к предложениж относительно использования мебели евреев, но не к вопросу о расстрелах заложников. Точно также не возвращался больше к этому и Розенберг.

Здесь я хотел бы добавить следующее. Представитель французского обвинения сказал Розенбергу, когда тот выступал в качестве свидетеля, что это было убийством.

Господа судьи! Убийством это не было уже потому, что не было ничего предпринято. Это также не было и подстрекательством к убийству. Подстрекать можно только такого человека, которого надо еще убедить. Однако, если главный виновник представляет собой лицо, готовое на все, "омно моро фактуро", то его нельзя подстрекать и остается лишь призыв к совершению наказуемого проступка, который, согласно германскому праву, подлежит незначительному наказанию, так как он не имеет последствий.

Как раз в этом месте, я хотел бы напомнить, что Розенберг, выступая как свидетель, заявил, что суд однажды присудил к смерти областного комиссара на востоке за то, что он у одной еврейской семьи, вымогал для себя ценные вещи и что приговор был приведен в исполнение. Я прошу не рассматривать это в качестве ложного аргумента защитника, если я скажу: "Не становится ли отсюда очевидным, что Розенберг чувствовал отвращение к преступным актам против евреев?"

5. Документ Р-135, СССР-289 касается доклада генерального комиссара в Белоруссии в Минске от 1 июня 1943 года о происходившем в минской тюрьме-относительно золотых пломб имперскому комиссару Остланда, который с негодова-

нием передал дальше доклад от 18 июня 1943 года.

Во время его допроса перед Высоким Судом 16 апреля 1946 года обвиняемый уже высказался по этому поводу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, что Вы говорите слишком быстро.

Д-р ТОМА. Хорошо, г-н председатель. Я хочу вкратце повторить это: 22 июня 1943 года он вернулся из служебной поездки по Украине и нашел множество донесений о совещаниях, много писем и, прежде всего, указ фюрера от середины июня 1943 года, в котором Розенбергу и приказывалось ограничиваться только принципиальными вопросами в законодательстве и не беспокоиться о деталях.

Господин Розенберг не читал письма, но он полагает - он не может об этом вспомнить, - что об этом письме ему докладывалось его бюро, вероятно, ему сообщили в ходе доклада о многих письмах, что имелись опять серьезные жалобы со стороны полиции и гражданских управлений и, вероятно, Розенберг сказал: отдайте это гаулейтеру Мейеру или передайте это офицеру связи для того, чтобы проверить эти вещи. Ужасные подробности иначе бы остались, конечно, в памяти Розенберга.

Никто не сомневается ни минуты в том, что ужасные преступления, которые ясны из этих документов и многие другие ужасные события, которые не могут быть доказаны никакими документами, но все же произошли, требуют искупления; никто не сомневается в том, что не только мелкие помощники палачей, которые действовали по высокому приказу должны быть наказаны, но и также и, прежде всего, должны быть наказаны те, которые издавали приказы, и те, которые

15423

H1210 – 0138

H1210 -0139

ответственны за эти преступления. Розенберг не издавал приказов об убийстве евреев - это,пожалуй, установлено. Является ли он, тем не менее ответственным за эти страшные убийства?

Нельзя установить собственноручной пометки подсудимого ни на одном из документов, относящихся к убийствам и также ни в одном случае нельзя было установить, что он вообще знал о происходившем. Можем ли мы, однако, на основании предполагаемой, вероятной осведомленности осудить Розенберга? Он вовсе не имел намерения вести трусливую и ложную игру в прятки за спиной своих референтов и служащих, но вспомним, при помощи какой утонченной системы, так называемые, экзекуции над евреями держались в тайне не только от общественности, но даже и от высших сотрудников Гитлера. Разве не только возможно, но и правдоподобно, что даже и как раз в отношении Розенберга велась игра в прятки? Мысли и намерения ни одного фюрера НСДАП не представлены так открыто и ясно перед всем миром, как мысли и намерения писателя Розенберга, ни о ком не знали так определенно, что он с возмущением отвергал все нечеловеческое, преступное.

Но сделаем еще один шаг дальше и предположим второе, что Розенберг прекрасно знал об этом величайшем преступлении. Это не доказано, но можно это предположить - ответственен ли он даже тогда? Своеобразной, даже утонченной была также, как мы знаем, подведомственность, а тем самым и ответственность в восточных государствах. Весь полицейский комплекс не входил в сферу влияния Розенберга, высшим руководителем был Гиммлер, а после него Гейдрих.

15424

Об их приказах и мероприятиях Розенберг,обычно, ничего не знал и не имел никакого представления. Низшие полицейские начальники и полицейские органы в деловом отношении были подчинены и ответственны перед своими полицейскими начальниками и больше никому. Было совершенно все равно - знал ли что-либо или нет Розенберг о мероприятиях полиции, он мог также мало изменить их, как и ~~в~~ какой-либо другой немец в третьей империи. Можно возразить: но все же он мог бы сделать представление Гиммлеру или Гитлеру, он мог бы уйти в отставку? Конечно, он мог бы это сделать. Но решающим моментом является не то, что он мог бы это сделать, а решающим является то, мог ли он тем самым достичь успеха, т.е. смог бы он этим самым воспрепятствовать экзекуции, так как только в таком случае можно бы было говорить о его ответственности на основании этого упущения и только в таком случае можно было бы говорить о причинной связи, без которой немыслима уголовная вина. Можно далее сказать, все еще предполагая осведомленность Розенберга об этих вещах: тогда Розенберг по крайней мере мог бы выступить против имперских комиссаров, которые очевидно были замешаны в эти дела. Мы знаем, что административная организация и разделение компетенций на Востоке по меньшей мере были неясными. Имперские комиссары являлись суверенными господами своих областей, которые решали сами, в качестве последней инстанции, вопросы о расстрелах заложников и других мерах возмездия большой важности. И каковы

15725

H1210-0140

H1210 – 0141

были фактические права власти? Если имперский комиссар был недоволен Розенбергом, а он был в большинстве случаев недоволен, то он обращался к Гитлеру. Думает ли кто-нибудь серьезно, что Розенберг при наличии разногласий с Кохом по вопросу об еврейских экзекуциях был бы прав при решении Гитлера? Опять-таки здесь отсутствует причинная связь, которая безусловно необходима для законного осуждения.

Я перехожу к оперативному штабу Розенберга. Не менее трех обвинителей выступали на данном процессе с обвинением против Розенберга в систематическом разграблении предметов искусства и науки на западе и на востоке. (Стори – 18.12.1945 года, Кертофер – 6.2.1946 г., Смирнов – 15.2.1946) Вначале я должен заняться рассмотрением совершенно явно преувеличенных и несправедливых обвинений, а именно утверждения о том, что деятельность особого штаба на западе распространялась без какого-либо различия на общественную и частную собственность (протокол стр.39-51), что Германия присвоила себе предметы искусства, которые превышают по ценности сокровища музея Метрополитена в Нью-Йорке, Британского музея в Лондоне, Парижского Лувра, Третьяковской галереи вместе взятых (протокол стр. 14-23). Я также должен назвать неправильным утверждение о том, что "программа разграбления" Розенберга имела своей целью лишение оккупированных областей всех сокровищ искусства и науки, накопленных в течение столетий. И, наконец, обвинение утверждает, что эти мероприятия Розенберга явились противоположностью к разграблению предметов искусств

в прошлых войнах; мотивами такого грабежа, обычно, было самолюбие, тщеславие, вкус или личная склонность завоевателя, а национал-социалисты, в первую очередь, руководствовались преступными мотивами - накопить ценные резервы (протокол стр.3965). Мне кажется, что нет никакой необходимости заниматься сейчас вопросом разграбления культурных ценностей в прошлые времена вплоть до наполеоновских времен, так как международные правила за это время изменились, но зато я хотел бы особенно обратить внимание на следующее:

а) сколько из самых знаменитых произведений искусства в самых знаменитых галереях мира попали туда военным путем и сколько попало туда мирным путем?

б) Я могу спокойно отнестись к тому, что обвинители отрицают у подсудимого Розенберга в качестве возможных мотивов к действию такие качества, как любовь к искусству, страсть к владению предметами искусства, так как Розенберг вообще не был грабителем предметов искусства.

Он не намеревался присваивать предметы искусства себе и кому-либо другому.

Так как же обстояло дело?

Оперативный штаб Розенберга действовал на Западе и Востоке, он имел две задачи: 1. Исследовать библиотеки, архивы и т.д. на предмет нахождения материала, который бы бы подходящим для планируемой "высшей школы партии", конфисковать этот материал и отправлять его, в целях исследования, в Германию. 2. Учитывать такие культурные ценности, которые находились во владении евреев или у которых не было владельца, а также такие культурные ценности, происхождение которых не было достаточно ясно

15427

H1210 - 0142

H1210 – 0143

установлено. Обвинение говорит: истинным и единственным мотивом, единственной и истинной целью этого "учета" был грабеж, о какой-либо предназначенной "охране" не может быть и речи.

20.8.1941 г. Розенберг пишет рейхскомиссару Остланда, что он категорически запрещает, чтобы какие-либо культурные ценности вывозились без разрешения рейхскомиссара какими-либо инстанциями /документ № 1015-Н-ПС/. Верховное командование сухопутных сил, в согласии с Розенбергом, издало 30.9.1942 г. приказ /документ № 1015-Н-ПС/, в котором говорится: "Кроме исключительных случаев, когда необходимо обеспечить сохранность культурных ценностей, которые подвергаются опасности, последние должны оставаться пока на своих местах". Далее говорится: "Войска и все военные инстанции в зоне операций получили категорическое указание по возможности щадить ценные памятники культуры и охранять их от разрушений и повреждений". Конец цитаты. В отчете Особого штаба по вопросам изобразительного искусства /рабочий отчет за время с октября 1940 г. до июля 1944 г. /док. № 1015-В-ПС/ говорится, что деятельность Особого штаба по вопросам изобразительного искусства ограничивалась в оккупированных восточных областях научным и фотографическим учетом публичных коллекций; уход за ними производился в сотрудничестве с военными и гражданскими инстанциями. Далее там говорится, что в ходе эвакуации данных областей несколько сот ценных икон и картин и т.д., в сотрудничестве с отдельными группами армий, были сохранены и отвезены на место их сохранения в империи. Наконец, 12 июля 1942 г. Розенберг издал циркуляр всем высшим имперским инстанциям, в котором говорится: "В оккупированных восточных областях целый ряд инстанций и отдельных

лиц занят охраной культурных ценностей. Они работают независимо друг от друга и руководствуясь различными установками. Для управления этими областями совершенно необходимо, чтобы была создана ясность в вопросе, какое количество предметов искусства имеется там в наличии. Кроме того, следует стремиться к тому, чтобы, как правило, они в настоящий момент оставались на старых местах. Поэтому я учредил центральную инстанцию для учета и охраны культурных ценностей на востоке, как особое управление в своем министерстве".

Таким образом, Розенберг, это доказано, придерживался той точки зрения, что культурные ценности должны были оставаться в стране и только лишь вследствие отхода германских армий несколько сотен ценных икон и картин были перевезены в Германию.

Культурные ценности, движимые и недвижимые, во время войны подвергаются такой же опасности уничтожения, как и все другие ценности. Розенберг предотвратил ненужные разрушения, разграбления и увоз; он централизовал все дело обеспечения сохранности культурных ценностей и отдал своему оперативному штабу на Востоке и на Западе приказ провести все необходимые для этого мероприятия (см. например, отчет Абельса о библиотеках в Минске, 076-ПС). Это вполне соответствует положениям международного права (Я ссылаюсь на Польца, Частная собственность в оккупированной и неоккупированной вражеской стране, Берлин, 1919 г., стр.36). Международное право не имеет ничего против того, чтобы оккупант заботился о сохранности и целостности предметов искусства, если это окажется возможным в данной ~~химии~~

15429

H1210-0144

H1210-0145

военной обстановке; даже больше - считается долгом культуры оккупанта спасать особо ценные предметы искусства из зоны огня и размещать их в наиболее безопасных местах. При определенных обстоятельствах правом и долгом оккупанта по международному праву, в интересах сохранения особо ценных, с научной точки зрения, предметов и культурных ценностей, является направлять последние к себе на родину. В этом нет ничего недопустимого (стр.56, абз.2-й Гаагских правил ведения сухопутной войны), так как под этими действиями понимаются лишь действия дружественные, но не враждебные культуре. (Я ссылаюсь на Ольца, стр.37)

Наконец, я указываю на документ № 1109-ПС, доклад, в котором говорится о том, что спасенные научные институты должны быть возвращены на Украине немедленно после нового ожидаемого вступления в эти районы. Я считаю, что совершенно невозможно на основании этого ясного текста говорить об ограблении.

Без сомнения, на востоке большое количество и значительные ценности культуры были уничтожены вследствие непосредственных военных действий или вследствие хулиганских разрушений и грабежей. Было бы принципиальным непониманием действительного положения вещей и большой несправедливостью, если бы эти потери были записаны на счет оперативного штаба Розенберга и его начальника, так как его деятельность была направлена как раз в противоположную сторону.

На западе (смотри показания свидетеля Роберта Ольц, от 19.5.46г. док. № РО-41) положение дел сложилось несколько иначе, но и здесь, по моему мнению, нельзя

обвинять подсудимого в разграблении и хищении произведений искусства. Когда летом 1940 года парижане, за исключением евреев, были возвращены в свой родной город, возникла мысль просмотреть оставшиеся без хозяев квартиры, дома и дворцы с целью обнаружения там книг и библиотек с тем, чтобы отправить этот научный материал, если он представляет собой интерес, в Германию. От различных воинских частей поступали сообщения, что коллекции произведений искусства чаще всего встречаются в квартирах евреев и что при длительной оккупации нельзя гарантировать их неприкосновенность. В ответ на это Розенберг предложил, чтобы его оперативный штаб обратил свое внимание и занялся также произведениями искусства, о чем Гитлер затем издал распоряжение. Что же сделал оперативный штаб с этими произведениями искусства? Он составил подробную картотеку с примечаниями о бывшем владельце каждой отдельной картины, сфотографировал эти произведения искусства и подверг их научной экспертизе, если необходимо, восстановил их с помощью специалистов, тщательно запаковал и отправил в баварские замки Нойшванштайн и Шимзее. В виду опасности воздушного нападения, они были впоследствии помещены в старых австрийских копях.

Розенберг особенно следил за тем, чтобы предметы, о которых заботился оперативный штаб, хранились в запертых помещениях и не перемешивались с теми большими закупками, которые делал Гитлер для намеченной к созданию галереи в Линце.

Разве это было разграблением, грабежом, кражей? Разграбление - это безразборное и бесконтрольное из"ятие предметов во время всеобщего бедствия и опасности;

15431

H1210-0146

H1210 – 0147

грабеж - отнятие силой. Во всех этих случаях должно иметься

намерение противозаконного присвоения или передачи другому лицу. Какие же намерения были у Розенберга? Он никогда не отрицал, что он и его сотрудники питали надежду, что картины останутся в Германии, возможно, как компенсация или как залог для мирных переговоров, однако, его намерение ограничивалось конфискацией предметов и их сохранением и, как было доказано, до конца остался открытым вопрос и не было принято принципиального решения о том, что сделать с этими конфискованными вещами. Совершенно очевидно, что Розенберг не намеревался присвоить эти вещи противозаконно или передать их в собственность другому лицу. Если бы Розенберг был грабителем произведений искусства, наверно он не делал бы точных записей дат и места конфискации и фамилии владельца. Предусмотрительно я хочу обратить Ваше внимание также и на то, что эти вещи, вследствие бегства их владельцев, не имели хозяев и что вопрос об отсутствии хозяев и вопрос о законности передачи их в распоряжение Розенберга, должен решаться не на основании нормальных отношений, а на основании чрезвычайных условий военного времени. Если обвинение утверждает, что без разбора разграблялись общественные и частные художественные ценности, то я хотел бы ответить на это, что конфисковалась лишь собственность евреев и при том, как отмечалось, собственность, не имевшая хозяев.

И прежде всего неверно заявление о том, что забиралась также государственная собственность. Наконец, он действовал не по своей инициативе, а в порядке проведения в жизнь государственного приказа. И,наконец,я прошу также учесть то обстоятельство, что Розенберг действовал без всяких эгоистических побуждений, он не присвоил себе ни одной картины, он не имел ни одной марки прибыли при перевозке этих ценностей на миллионные суммы и все культурные и художественные ценности были в конечном счете снова найдены в целости и сохранности. Я хотел бы выразить благодарность французскому обвинению за то, что оно официально признало это здесь.

Геринг поддерживал работу оперативного штаба и, как он показывает, "отделил" кое-что с согласия фюрера для своих собственных целей. Розенберга это очень беспокоило, так как оперативный штаб носил его имя, и он заявил о своем принципиальном нежелании отдать что-либо из музеев, в его задачи входит только регистрация и обеспечение сохранности, фюрер должен в конце концов решать, как поступить с этими произведениями искусства. Розенберг ничего не мог предпринять против Геринга, но он поручил своему уполномоченному Роберту Мольцу по меньшей мере точно регистрировать все, что переходит к Герингу, и требовать от него расписки в получении, что он и делал. Итак, совершенно определенно нельзя доказать намерение Розенберга противозаконно присвоить себе или передать другим лицам произведения искусства. Далее Роберт Мольц подтвердил, что Розенберг запретил также всем своим сотрудникам приобретать художественные и культурные ценности не по офи-циальному прейскуранту /док. № РС-41/.

Обвинение говорит, что с оперативным штабом Розенберга в дом искусств Европы ворвалась банда вандалов, чтобы

H1210-0148

H1210 – 0149

ограбить его варварским образом. Но, если подумать о той громадной работе по инвентаризации, каталогизации, реставрации и научному описанию произведений искусств, если, наконец, не упускать из поля зрения того факта, что все эти драгоценности тщательно сохранялись и перенесли войну значительно лучше, чем если бы германские власти не позаботились об этом, мне кажется, при объективном рассмотрении можно говорить о чем угодно, только не о "вандализме".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас мы об"явим перерыв.

/Об"является перерыв на 10 мин т/.

Встать! Суд идет!

ДОКТОР ТОМА. Я перехожу к мероприятиям касательно мебели. Розенбергу в особенности вменяется в вину, разграбление мебели и что он, будто бы, ограбил 79.000 еврейских квартир, из них 38.000 – в Париже и отправил их обстановку в Германию. Бесспорно, эти мероприятия были проведены в целях помощи пострадавшим от воздушных налетов; в разрушенных воздушными налетами городах для людей, потерявших кров, создавались новые квартиры.

То, что конфискация ограничилась имуществом евреев, соответствовало национал-социалистскому образу мышления и, конечно, должно быть морально осуждено. Однако существенным является вопрос законности конфискации вообще. Я избегал его во всей своей речи и не хотел бы затрагивать его и здесь: оправдывать слабую юридическую основу бедственным военным положением, так как, как говорит специалист международного права, "бедственное положение – это рычаг, при помощи которого можно снять с петель все военное право". Но разве в данном случае нет основания для оправдания на основе государственной

и военной необходимости, разве воздушная война не принесла Германии в высшей степени всеобщее бедственное положение? Можно было бы возразить: бедственное положение можно было бы устранить путем безоговорочной капитуляции. Но, по моему мнению, эта ссылка на безусловную капитуляцию , на отказ от независимости империи и ее собственных жизненных интересов, не ~~ффф~~ лишает подсудимого этого основания для оправдания. Использование частной собственности противника происходило в порядке осуществления права реквизаций, вышедшего за юридические нормы военного права и оправдывавшегося бедственным положением. Я беру на себя смелость утверждать, что этот акт конфискации мебели при учете опустошающего действия воздушной войны не противоречил - я цитирую - "обычаям цивилизованных народов", "законам человечности" и "требованиям общественной совести". /Положение Мартена в преамбуле к соглашению о законах и обычаях сухопутной войны, см. Польц стр. 173/.

Высокий суд! Я перехожу к кампании в Норвегии.

Обвинение называет Розенберга и Редера самыми энергичными заговорщиками в мероприятии против Норвегии и позднее называет Розенберга по этому же делу "посредником в государственной измене". Мнение обвинения, а также предположение современного норвежского правительства /норвежский доклад от 3.X.1945 г., док. TC-56/ сводятся со всей очевидностью к тому, что внешне-политический отдел партии, во главе которого стоял Розенберг, и Квислинг, путем обоюдостороннего заговора развязали войну против Норвегии. Я считаю, что из всех до сих пор разобранных обвинений против Розенберга ни одно не обосновано так слабо, как это обвинение. На основании тех немногочисленных документов, которые были

15435

H1210 - 0150

H1210 – 0151

пред"явлены Трибуналу, по моему мнению, это дело безсомнения было выяснено в пользу подсудимого.

Существовал "Внешнеполитический отдел партии", в задачи которого входила информация иностранных гостей по вопросам национал-социалистского движения, передача предложений официальным учреждениям, а также оно должно было играть роль центрального аппарата партии по внешнеполитическим вопросам. С особенным интересом, я бы мог сказать, с особой симпатией руководящие деятели партии и государства относились к северным государствам. Как раз в этом направлении внешнеполитический отдел партии главное внимание обращал на культурно политические вопросы.

Было расширено существовавшее уже нордическое общество; дни памяти великих северных исследователей и художников отмечались в Германии с особой торжественностью, было устроено большое празднество в честь музыки северных стран и т.д. Политический тон эти отношения приобрели только вследствии появления Квислинга, который в первый раз увидел Розенберга в 1933 году и затем в 1939 году, т.е. спустя шесть лет; - после с"езда нордического общества в Любеке он снова посетил его; он говорил об опасности осложнений в Европе и выразил свои опасения, что над Норвегией нависла опасность быть втянутой в эти осложнения. Он прежде всего боялся разделения своей страны между Советским Союзом на севере и Англией на юге.

Квислинг появился еще раз в Берлине у Розенберга в декабре 1939 года. Последний устроил ему беседу с фюрером. Гитлер заявил, что он больше всего хотел бы полнейшего нейтралитета Норвегии и что он не намеревается расширять театр военных действий и втягивать в конфликт другие нации, но что он сумее

противостоять дальнейшему окружению и угрозе Германии. Для создания противовеса растущей деятельности вражеской пропаганды Квислингу была обещена финансовая помощь для развития его движения, базировавшегося на Великогерманской идее.

Военная обработка возникших в связи с этим вопросом была поручена особому военному штабу. Политическую обработку этого вопроса должен был взять на себя Розенберг, назначивший своего сотрудника Шейдта связным между собой и Квислингом. Хагелин, норвежское доверенное лицо Квислинга, передал Розенбергу в январе 1940 года новые тревожные известия о возможном нарушении нейтралитета со стороны норвежского правительства, о чем Розенберг немедленно сообщил Гитлеру. После инцидента с "Альтмарк" Хагелин, вращавшийся в норвежских правительственных кругах, усилил свои предостережения. Союзники уже исследовали возможности высадки десанта/транспор-тировки в норвежских портах; норвежское правительство во всяком случае ограничилось бы бумажными протестами, и Квислинг приказал сообщить, что всякое промедление с началом германского контрнаступления означает чрезвычайный риск. Снова Розенберг немедленно ~~[illegible]~~ передал эти сообщения Гитлеру. Если бы он этого не сделал, то это было бы почти что изменой по отношению к своей стране. 9/IУ-1940 года последовал германский контрудар, о котором Розенберг, как любой рядовой гражданин государства, узнал по радио и из газет. После упомянутых сообщений, которые он делал в порядке выполнения своего долга, Розенберг не участвовал ни в дипломатической, ни в военной подготовке этой операции.

Если все еще существует сомнение в том, что Розенберг в случае с Норвегией был только передатчиком информаций Гитлеру и не был ни вдохновителем, ни заговорщиком или

15437

H1210 – 0152

H1210 – 0153

предателем, то я хотел бы указать на два документа. 30. Во-первых, на документ № С-65, запись Розенберга по поводу визита Квислинга. Это, по всей очевидности, сообщение Розенберга о Квислинге, которое от него требовал Гитлер. Если бы Розенберг находился с Квислингом в интимных отношениях , то он обязательно охотно сообщил бы об этом Гитлеру. Розенберг слышал лишь о фантастическом и практически неосуществимом плане путча Квислинга /захват важных центральных учреждений в Осло путем неожиданного выступления, поддержанного особо подобранными и обученными в Германии норвежцами, затем вызов германского флота вновь созданным норвежским правительством/. Однако, менее фантастичным Розенбергу показалось более раннее сообщение Квислинга о том, что офицеры западных держав - указывались имена - об"езжают Норвегию под видом чиновников консульства, устанавливают глубину воды в гаванях и осведомляются о поперечном сечении и высоте железнодорожных туннелей. Это было истинной и единственной причиной всего того, что предпринял Розенберг в норвежском деле. Второй документ является донесением о "Политической подготовке мероприятия — Норвегия" /документ № 004-ПС, ГБ-1305/, донесением Розенберга Гессу от 17/VI-1940г. И в этом внутриведомственном донесении нет ничего такого, что бы отклонялось от достоверного изложения Розенберга, что показало бы его как поджигателя войны и государственного изменника. Розенберг не привлекался ни к одному политическому или военному совещанию, касавшемуся вопроса о Норвегии. Что же преступного совершил Розенберг? Разве было преступным, то что он сделал попытку "завоевать влияние в Норвегии" /это документ ТС-56/ или что с его ведома министерство иностранных дел выдало

Квислингу субсидии? Наконец, мне бы хотелось указать еще на то, что Розенберг в дальнейшем, после удавшейся операции, не получал никакой должности или функции, которые бы касались Норвегии, что даже назначение имперского комиссара по Норвегии произошло без какого-либо контакта с ним. Я не хотел бы говорить здесь о деле министра Тога, но я прошу Трибунал считать, что я говорил о нем. Теперь я перехожу к теме: "Преследование церкви".

Обвинение утверждало, что Розенберг совместно с Борманом издавал распоряжения о религиозных преследованиях и побуждал других участвовать в этом преследовании религии. В продолжение всего этого времени не стало известно ни об одном распоряжении подобного рода. Были пред"явлены только письма Бормана частично Розенбергу, частично другим учреждениям, из которых ни в коем случае нельзя составить обвинение против Розенберга. Розенберга, наоборот, неоднократно упрекали, например, в том, что он однажды выразил перед Гитлером похвалу книге имперского епископа Мюллера /это док. № 100-ПС/. Другой раз его упрекали в том, что Розенберг поручил имперскому епископу Мюллеру разработать руководство для религиозного обучения в школах /док. № 098-ПС/. Еще его упрекали в том, что Розенберг поддержал произведение генерала Рабенау, носившее ярко выраженный христианский характер.

Розенберг сам в качестве свидетеля показал, /прот.стр. 7874,/что он отрицательно относился к пропаганде за выход из церкви и никогда не призывал к государственно-полицейским средствам для борьбы против своих теологических и научных противников, он, в частности,

H1210-0154

H1210 - 0155

никогда не использовал полиции для борьбы с противниками своего "Мифа". В декабре 1941 года он, как имперский министр по оккупированным восточным областям, издал эдикт о веротерпимости /док. 1517-ПС, 294-ПС/. Розенберг не имел ничего общего с арестами и высылкой священников, с преследованием церквей. Он не участвовал также ни в переговорах с Ватиканом о конкордате , ни в назначении протестанского имперского епископа, так же мало он участвовал во враждебных церкви мероприятиях, проводившихся позднее полицией; никогда он не участвовал в прочих административных и законодательных мероприятиях против церквей. На основании, что думал и говорил Розенберг по религиозно-философским вопросам - о чем я еще скажу - констатировать заговор с целью насильственно-политического подавления религии, я считаю невозможным ввиду отсутствия каких-либо оснований. Один единственный свидетельствующий об этом документ /130-ПС/-американское обвинение само взяло обратно прежде, чем я вынужден был указать на то, что здесь речь идет о сфабрикованной против Розенберга листовке.

Его книга "Миф XX века",изданная будто бы с целью реформации религии в духе германского христианства,обращена, главным образом,к тем,кто уже порвал с церковью. "Ни один немец,сознающий всю ответственность" - говорит там Розенберг - "не должен требовать выхода (из) церкви от тех,кто еще верой привязан к ней" (документ № РО-7,книга документов 1, страница 122).В другом месте он говорит: "Никогда наука не может развенчать настоящую религию" (тот же документ,стр. 125). Его труд обращен не к современному,верящему церкви поколению,чтобы сбить его с избранного пути внутренней жизни, а обращен к тем,кто уже порвал с верой. (док. №РО-7, книга док.1,стр.125).

В своих речах он выступал за то,что партия не имеет права устанавливать нормы в вопросах метафизики,отрицательно высказываться о бессмертии и т.д.

После того, как ему было поручено производить контроль над идеологическим воспитанием,он ясно заявил в речи в Берлине 22.П.1943 года следующее: "Ни одному национал-социалисту не позволено вести религиозные дискуссии в форме своего движения" и одновременно он сказал,что все добронамеренные должны стремиться к умиротворению всей политической и духовной жизни в Германии (Это документ Р-7А,книга документов стр.130). То,что и здесь развитие пошло в другом направлении, не было вызвано ни желанием,ни деятельностью Розенберга.

В остальном мне осталось лишь кратко указать на то, что здесь речь идет о тысячелетней проблеме отношений между церковной и так называемой светской властью: борьба императоров,королей и римских пап в средневековьи; французская революция и расстрел священников; распри Бисмарка с церковью;

15441

H1210 – 0156

H1210 – 0157

законодательство французской республики при Комба.

Господин председатель,я хотел бы сделать следующее заявление.Я уже закончил эту тему и не буду говорить далее о преследовании церкви.Сейчас я перехожу к теме "Мировоззрение и общая политика".

Мировоззрение и воспитание были будто бы только средством захвата власти и укрепления этой власти: унификация мышления была будто бы важной частью программы заговора; создание вооруженных сил было будто бы возможным только в связи с идеологическим воспитанием народа и партии - та-к говорит обвинение (Брудно,9.1.1946г.). И далее,выступая против Розенберга,обвинение говорит: идеи Розенберга составляли основу национал-социалистского движения; вклад Розенберга в заговор путем формулировки и распространения национал-социалистского мировоззрения был основным и создал его "философскую технику". Мне кажется,что при рассмотрении дела Розенберга следует остерегаться того,чтобы не пойти по пути известного примитивного образа мышления и не стать его жертвой.Сначала останавлюсь на преувеличении понятия мировоззрения и на неясном употреблении этого понятия.То,что сопровождало политические мероприятия Гитлера,было в лучшем случае политической философией,изложенной самим Гитлером в книге "Моя борьба",но это не было "мировоззрением" в широком смысле слова.Правда,национал-социализм прилагал усилия для создания своей собственной духовной философии и собственного мировоззрения,но он далеко еще не создал их.

"Миф XX века" Розенберга был <u>попыткой</u>, был выражением его собственного взгляда и не был обязательным при проведении политических мероприятий,так что его философия не

могла образовать идеологической основы национал-социализма. Кроме того,совершенно отсутствует доказательство тому,что между взглядами Розенберга и мнимыми и действительными преступлениями существует прямая духовная и причинная связь. Следует только потрудиться и разок перелистать "Миф",чтобы немедленно понять,что хотя здесь изложена философия в национал-социалистском духе,но что было бы фикцией утверждать, будто бы в этой книге в каких-то догмах сформулирована довольно приемлемая программа,будто бы в ней была основа деятельности ответственных руководителей германской империи в ходе этой мировой войны.

Во-вторых,другой ошибкой национал-социализма,возможно, была беспредельная унификация и упрощение; люди получали форму,мышление заключалось в форму,имелся только единый тип немца; осталась будто бы только одна национал-социалистская идея и одно национал-социалистское мировоззрение.И,несмотря на это,как теперь выяснилось,руководители часто не приходили к единому мнению по существенным вопросам.Я напоминаю только о восточной политике.Здесь также есть опасность руководствоваться этим образом мышления,все рассматривать через очки унификации и сказать: одна идея,одна философия, одна ответственность,одно преступление,одно наказание. Такое упрощение совершенно очевидно было бы,наряду с его примитивностью,тяжелой несправедливостью также и по отношению к подсудимому Розенбергу.

Когда,наконец,слышишь,как обвинение выступает "против германского христианства",против "языческого мифа крови" и ставит к позорному столбу заявление Розенберга: "Нордическая кровь - это та загадка,которая замкнила и преодолела

15443

H1210-0158

H1210 - 0159

древние таинства",тогда закрываешь на миг глаза,и кажется, тебе,что перед тобой средневековый суд инквизиторов,который должен приговорить Розенберга к сожжению на костре как еретика.Но ведь Трибуналу ничего так не чуждо,как желание дать место идее нетерпимости и тем менее,что несмотря на все попытки некоторых обвинителей,здесь обсуждается не мировоззрение,а преступление.

В деле подсудимого Розенберга обсуждается вопрос: виновен ли он в подготовке и поддержке преступлений при помощи своего учения.Обвинение выдвинуло в связи с этим аргументы, но не доказало этого,я же могу доказать обратное одним только указанием на деятельность Розенберга на Востоке.Если бы он был носителем и глашатаем преступной идеи,тогда ему самому была бы дана возможность,какой вероятно не было ни у одного преступника в мировой истории,развернуть свою преступную деятельность.Я подробно изложил,что фактически было наоборот.

Но,если сам носитель и глашатай этих идей в чрезвычайных обстоятельствах на практике сохранил свои личные и моральные качества,то и его ученье как таковое не может быть аморальным и преступным и,прежде всего,его нельзя тогда из-за его ученья наказывать как преступника за то,что выражающиеся в преступников лица применяли его на практике как мнимый национал-социализм, - нельзя наказывать Розенберга.Впрочем, речи Розенберга как претворение его учения в жизнь в течение 8 лет лежат перед нами в трех томах как свидетельство его честного стремления.

Итак,если отказаться от ошибочного представления о единстве: одна партия,одна философия,одно мировоззрение,одно преступление,а это надо сделать из-за того неоспоримого факта,что сам Розенберг не проводил политики уничтожения, искоренения и порабощения на Востоке, - если отказаться от этого, - следует признать: действительность ужасных центра-

15444

льных приказов об исполнении и философия Розенберга не были идентичны и уже по одной этой причине отпадают все выводы Обвинения.

Карл Маркс учит, что ход истории, что политически-социальная действительность обусловлена более случайной игрой материалистических сил. Признает ли Маркс самостоятельную деятельность человека и идей в истории, - это по меньшей мере сомнительно. Наоборот, Розенберг с ударением подчеркивает эффективность и необходимость высших идей в истории народов. Но Розенберг не упускает из вида того, что каждое явление в истории есть результат общности действующих сил. Воля, страсти и умы участвующих людей вместе создают необозримый для человеческого взгляда исторический процесс. Так же мало, как уже говорилось, как идеи Вольтера и Руссо могут быть признаны причинами французской революции и как лозунги свободы, равенства и братства - причинами террора якобинцев, так же, как нельзя говорить, что Мирабо и Сиес хотели кровавого пира или подготовляли его путем заговора, так же мало можно приписывать Розенбергу в качестве морального или даже уголовного преступления то, что превратился, наконе, национал-социализм в процессе его развития, продолжавшегося десятилетия. Итак, я считаю несправедливым и неисторическим сегодня с обратной силой приписывать отрицательным явлениям национал-социализма, которые были связаны с ужасным крахом, заранее обдуманный, преднамеренный план, который, в свою очередь, был вызван идеями Розенберга.

Итак, при рассмотрении деятельности Розенберга к ошибке не соответствующей ~~деятельности~~ действенности унификации, присоединяется

15445

H1210 - 0160

H1210 – 0161

ошибка механизирования,нет ни человека-машины ни механической истории.Но,наконец,конструкция Обвинения тоже абсолютно отрицательная,она рассматривает подсудимого с точки зрения политической полемики и находится под влиянием возбуждения людей в это [illegible]. Против этого искажения духовных черт подсудимого я и хочу кратко высказаться.

Нам слишком хорошо известно моральное положение времени после первой мировой войны и еще предшествующего времени, на основе которого выросли идеи подсудимого: потеря человеком морально-духовной почвы в век техники,его голод и жажда нового духа и новой души; "свобода" была лозунгом,а "новое начало" - импульсом воли молодежи.Ее привлекала и одухотворяла природа.Мысли и желания этого поколения попали на политические рельсы ввиду противоречий между богатством и бедностью,которые молодежью воспринимались как несправедливые и которые она стремилась преодолеть с помощью социализма и общности народов. В Германии это развитие в сторону политики было еще усилено национальным несчастьем 1918-19 гг. и Версальским договором,который также был воспринят как несправедливый.Идея создавать дальше историю Германии на основании соединения национализма и социализма бессознательно тлела в сердцах миллионов,как это доказывает неоспоримый,невероятный успех национал-социализма.Духовной основой была воля к внешнему и внутреннему самоутверждению и любовь к товарищам по народу и к самому народу,который был вынужден перенести столько мук и страданий в истории.

15446

Воля к самоутверждению и любовь к собственному народу и весь комплекс национал-социалистских идей затем необ"яснимым образом развился в огромный пожар, примитивнейшая ~~принимавшаяся~~ деятельность рассудка была, как в горячке, исключена; в полном ослеплении все было поставлено на карту и все было проиграно.

Вопросы совести, которые все время задавались Розенбергом, гласили, мог ли он служить больше для того, что он считал справедливым и достойным и что он запрещал, где он не сделал важного, где он сделал мало, с какими отрицательными явлениями, если он узнавал о них, он мог бы еще бороться. Могут ли такие вопросы, которые задает себе всякий подавленный несчастьем, служить доказательством об"ективной вины? Я не думаю...

Французский обвинитель господин де Ментон 17 января 1946 г. заявил следующее. Я цитирую: "Мы имеем дело с систематическими преступлениями, которые прямо и неизбежно вытекают из этого ужасного учения и совершались по воле руководителей нацистской Германии. Национал-социалистское учение непосредственно влечет за собою преступления против мира, которые были совершены". Конец цитаты. Для того, чтобы опровергнуть это утверждение, я должен кратко изложить это учение.

Я в соответствии с научными взглядами - отношу национал-социалистское мировоззрение к так называемому неоромантизму. Это закономерное и исторически оправданное течение, которое с начала этого столетия обошло весь цивилизованный мир, являясь реакцией на рационализм и век машин, отличается от старого романтизма тем, что оно восприняло

15447

H1210 - 0162

H1210 – 0163

натуралистическое и биологическое понимание человека и истории. Оно основано на твердой вере в ценность и смысл жизни и всей действительности. Оно отдает преимущество не чувству или рассудку, а сокровенной деятельности человека, сердцу, воле, вере. Эта философия приобретает национал-социалистский оттенок в результате того, что на первый план выдвигается таинственное значение наций и рас для всего человеческого существования и творчества. В нации, в общности крови, истории и культуры заложены корни всякой силы. Лишь путем участия в движении своего народа каждый отдельный человек служит всему народу.

Научный вклад Розенберга в расовое мировоззрение заключается в его трактовке развития и упадке великих исторических образований, как проявления деятельности рас и народов, которые повсюду определяли собою язык, нравы, искусство, религию, философию и политику.

По Розенбергу, в XX столетии происходит решающая борьба за самостоятельную человеческую личность. Розенберг считал, что сердцевину ее образует сознание чести. Миф национальной чести одновременно является мифом крови и расы, служащей высшей носительницей ценности, то-есть чести. Поэтому борьба за высшую ценность – за честь – одновременно является духовной борьбой с другими системами и их высшими ценностями Так интуиция противостоит интуиции, воля противостоит воле.

Розенберг выражает это следующим образом ("Миф", введение, стр.1 и 2): "История и задачи будущего больше не означают борьбы класса и против класса, борьбы между церковными догматами и догматами, а конфликт между

15448

кровью и кровью, расой и расой, народом и народом. А это означает: борьба духовных сил против духовных сил".

Так что у Розенберга вовсе нет геноцида, как это считает Рафаэль Лемкин в своей книге "Державы оси правят оккупированной Европой", прерывая ту же цитату после "раси и раси, народи и народи", - "а борьба духовних сил и духовних сил," т.е. духовный конфликт.

Я упомянул об этом умственном течении для того, чтобы об"яснить ту особенность национал-социализма, что рассудочные политические соображения зачастую отступали перед пафосом воли и веры. У Розенберга эта опасность проявлялась меньше. Считая самым основным "почву", то-есть родину, ее историю и крестьянство источником силы нации, он не выходит за пределы действительной жизни. Однако, возможно, не сознавая того, он был подхвачен общим течением. Встает вопрос какое действие оказывало это мировоззрение на политическую жизнь?

Совершенно очевидно, что акцентирование элементов воли и веры придавало политическим требованиям особую подчеркнутость. Политические требования Германии после Версальского договора были направлены на то, чтобы создать свободу и равноправие среди великих держав для подавленной Германии. Еще до Гитлера это являлось целью германских государственных деятелей. Другие великие державы противились тому, чтобы снова признать Германию великой державой. Розенберг боролся за устранение этих препятствий. Его оружием было перо. Высокий суд разрешил мне представить в качестве

1544 9

H1210 -0164

H1210 – 0165

доказательств выдержки из речей и произведений Розенберга. Я представил их в т.2 моей первой книги документов. Учитывая количество этого материала и мое намерение коснуться лишь важнейшего, я буду исходить из того, что суд ознакомится с моей книгой документов. Я хочу в первую очередь обратить внимание на то, какое влияние эти произведения оказали на немецкую молодежь. Разрешите напомнить о свидетельских показаниях фон Шираха. Цитирую дословно: "На с"ездах руководителей молодежи, на которых Розенберг выступал раз в год, он обычно избирал темы воспитательного характера. Например, он говорил об одиночестве и товариществе, о личности и чести и т.д. На этих с"ездах он не выступал с докладами, направленными против евреев, а также, насколько я помню, не затрагивал темы о религиозной проблеме среди молодежи. Я большей частью слышал его выступления на темы, о которых я только что говорил". (Конец цитаты).

И действительно, моральное состояние всей немецкой молодежи было лучше, чем до прихода к власти национал-социалистов. Окончилось безделье, эта причина всех зол. На его место пришли работа, выполнение долга и идеальные стремления, любовь к отечеству и желание выдвинуться. Роковым было и здесь то, что из-за гитлеровской политики эти ценности были неверно использованы.

Обвинение Розенберга в том, что он вступал за заговор против мира, за расовую ненависть, за уничтожение человеческих прав, тиранию, за господство страха, за насилие и бесправие - все выражения обвинения - я мог бы опровергнуть

15450

ссылками на выдержки из "Мифа XX века", представленного самим обвинением в подтверждение своих утверждений.

В опровержение выводов обвинения, каждого в отдельности, я указываю на следующие факты:

В доказательство того, что Розенберг честно боролся за мировую совместную жизнь народов, я ссылаюсь на речь, произнесенную им в Риме в ноябре 1932 г. в королевской академии (перепечатано в "Кровь и честь", книга документов № 1, документ № РО-7-б, стр.150). В этой речи в Риме Розенберг указывал на исторически решающее значение четырех великих держав и воскликнул: (Цитирую):

"Таким образом тот, кто всерьез стремится к тому, чтобы Европа представляла собою органическое единство сильных сторон, а не сумму разрозненных частей, должен признавать, что существование четырех великих наций определено самой судьбою и поэтому стремиться к тому, чтобы найти применение силе, излучающейся из их сердцевины. Разрушение одного из этих центров какой-либо силой привело бы к тому, что в результате существовала бы не "Европа", а хаос, в котором должны были бы погибнуть также и другие центры культуры. И, наоборот, только победа этой силы, излучаемой в тех направлениях, где

15451

H1210-0166

H1210 – 0167

четыре великих силы не сталкиваются друг с другом, означала бы наивысшую динамику созидательного существования, органический мир, вместо нынешнего напряженного, близкого к взрыву, состояния. Это обеспечило бы малым нациям более реальную безопасность, чем это возможно сейчас, когда идет борьба против стихийных сил".

Розенберг, будучи руководителем внешнеполитического отдела партии, оставался верен этому направлению. К сожалению, он мог отстаивать его лишь путем своих выступлений. Ни один свидетель здесь, в зале суда, не мог подтвердить того, что Розенберг имел влияние на реальную внешнюю политику, независимо от того, проводилась ли она Нейратом, Риббентропом, Герингом или самим Гитлером. Его имя не упоминалось в связи с обвинением в агрессивной войне ~~против~~ ни против Австрии, ни Чехословакии, ни Польши, ни России. Его всегда ставили перед совершившимися фактами. В войне против Советского Союза поручения были даны ему лишь тогда, когда война против России была признана реальной возможностью. Он не призывал к норвежскому походу, а лишь передавал, по долгу службы, личные сообщения.

15452

Что касается речей и статей Розенберга по вопросам общей внешней политики, то он представлял ту точку зрения, что присоединение насильственно отторгнутой от империи Австрии явилось поддержкой провозглашенного самими союзниками права наций на самоопределение. Пересмотр Версальского договора являлся требованием справедливости против нарушения договора от 11.11.1918 года. Отстаивание необходимости армии для Германии являлось, ввиду отказа остальных от разоружения, отстаиванием торжественно обещанного равноправия.

Я перехожу к обвинению в расовой ненависти. Взгляды Розенберга на расовый вопрос были результатом исследований ученых различных стран по вопросам расы. Розенберг неоднократно заявлял /я снова ссылаюсь на книгу документов 1,том 2/, что целью его расово-политических требований является не унижение, а уважение расы. Я цитирую на стр. 70:

"Основная мысль толкования мировой истории на основе закона наследственности присуща нам и нашему роду и полностью созвучна с истинным духом современного движения евгеники в отношении любви к отечеству, т.е. поддержание и развитие для нашего отечества лучших наследственных сил в духовном, моральном, умственном и физическом отношении: лишь таким путем наши учреждения смогут быть неприкосновенными сохранены в будущем". Эти слова являются основной мыслью требований Розенберга, но они принадлежат не ему, а Генри Фейрфилду Осборну, профессору колумбийского университета, и сказаны по поводу научного труда его ученого коллеги Мэдис Грант "Закат великой расы". Эти исследования, еще задолго до третьей империи, привели в других государствах к изданию евгенических законов, в частности, американского закона об иммиграции от 26 мая 1924 года, преследовавшего цель ограничения въезда из южных и юго-восточных стран Европы и усиления въезда из Северной и Западной Европы.

15453

H1210-0168

H1210 – 0169

Я думаю, что здесь нет нужды говорить об убийстве душевнобольных в Германии, как о евгеническом мероприятии. К тому же, Розенберг не имеет нималейшего отношения к этому обвинению.

Подсудимый Розенберг также стремился к духовному усилению и укреплению немецкого народа, т.е. арийской расы. Он просит рассматривать его идеологию и, в частности, "Миф 20-го столетия" именно в этом свете. Я еще раз отмечаю, что он подчеркивал историческое значение расы не ради расового презрения, а ради уважения к расе, а уважение к расе требует признания расовой идеи лишь от немецкого народа, но не от других народов. Он рассматривал народы арийской расы, как ведущие в истории. И если он при этом недооценивал значение других рас, в частности семитской, то при этом восхвалении арийской расы он имел ввиду не только немецкий народ, но и все европейские народы вообще. Я ссылаюсь на его римскую речь от ноября 1932 года.

Я не погрешу против исторической правды, если скажу, что антисемитизм не является изобретением национал-социализма. Еврейский вопрос в течение столетий является мировой проблемой. Он имеет иррациональный характер, постижимый только с точки зрения Библии. Розенберг был убежденным антисемитом, выражавшим свои воззрения и их обоснование в письменных произведениях и в речах. Я уже подчеркивал, что такие различные личности, как фон Папен, фон Нейрат, Редер, даже теперь не отказались от той мысли, что количество еврейских элементов во всех областях государственной жизни было так велико, что здесь необходимо было произвести изменение. Конкретные факты, а также то, что евреи в Германии умели рассчитываться за всякие нападки, обострили антисемитскую борьбу перед приходом к власти.

15454

Я хотел представить суду образчики еврейских литературных нападок на национальные чувства в то время, но Трибунал отклонил это ходатайство, как не относящееся к делу. Поскольку эти высказывания не были представлены в качестве доказательств, я не могу говорить о них. Однако несправедливо утверждение о том, что слепая ненависть против еврейского народа привела Розенберга к этой антисемитской полемике. У него перед глазами были конкретные примеры разлагающей деятельности евреев.

Казалось, что должна была осуществиться партийная программа, которая намечала великодушное распространение на евреев законодательства об иностранцах.

Правда, Геббельс объявил тогда на один день бойкот еврейским магазинам. Однако в своей речи, произнесенной 28 июня 1932 г. по поводу годовщины Версальского договора в зале заседаний рейхстага в опере Кролля, Розенберг заявил: "Больше нет необходимости в том, чтобы в столице империи 74% всех адвокатов составляли евреи и чтобы лечебные заведения Берлина насчитывали 80-90% врачей-евреев, 30% адвокатов-евреев будет для Берлина тоже достаточно". В своей речи на съезде партии в сентябре 1933 г. Розенберг сказал следующее /я цитирую/: "Германское правительство самым рыцарским образом исключило из (этого) процентного урегулирования тех евреев, которые сами воевали на фронте за Германию или потеряли в войне сына или отца" /док. № РО-76, представленный дополнительно, книга документов № 1, стр.153-а/.

В обоснование этого мероприятия Розенберг в своей речи, произнесенной в опере Кролль, указал, что это не должно дискриминировать целый народ, но что необходимо дать нашему молодому немецкому поколению, которое в течение многих лет голодало и просило милостыню, работу и хлеб. Но несмотря на свое резкое отрицательное отношение к евреям, он не требовал их

15455

H1210 - 0171

"истребления". В качестве ближайшей цели он выставлял лишение евреев политических прав, что означало поставить их в положение иностранцев. Он допускал определенный процент участия евреев в неополитических профессиях, причем этот процент был во много раз больше, чем тот процент, который составляло еврейское население в Германии по отношению к немецкому. Его конечная цель заключалась, правда, в выселении евреев из стран с арийскими народами. Он не понимал, какую потерю для арийских народов в культурном, экономическом и политическом отношениях означало подобное выселение. Но во всяком случае надо признать, что в его представлении такое выселение будет полезно и для самих евреев, потому что они, во-первых, не подвергались бы антисемитским преследованиям, и, во-вторых, будучи объединенными на небольшой территории, они только тогда смогли бы беспрепятственно жить так, как это соответствует их особенностям.

О том ужасном развитии, которое получил еврейский вопрос при Гитлере, и которое этот последний оправдывал как якобы реакцию на политику эмигрантов, никто не сожалеет больше, чем сам Розенберг, который сам упрекает себя в том, что он не протестовал против отношения позиций Гитлера, Гиммлера и Геббельса также, как против деятельности Коха на Украине.

Розенберг не оспаривает, что мысль, которую он подал Гитлеру, о том, чтобы за систематические убийства немецких солдат расстреливать не 100 французов, а 100 евреев, была, несмотря на формальную допустимость, несправедливостью, возникшей в горячую минуту, потому что, смотря на вещи чисто по-человечески, предпосылок к такому предложению, т.е. активного участия евреев в этих убийствах, не было.

Я возвратился к этому вопрому, потому что, по-моему, это единственный случай, когда Розенберг хотел расплаты смертью евреев. Напротив, со всей решительностью следует указать, что

15456

нет никаких доказательств того, что Розенберг знал об уничтожении 5 миллионов евреев. Обвинение ставит ему в вину то, что он еще в 1944 году готовил международный антисемитский конгресс, который не состоялся только потому, что помешали военные события. Какой смысл мог бы иметь такой конгресс, если бы Розенберг знал, что большинство евреев в Европе уже уничтожено?

Розенберг не доверял демократии, потому,что она привела Германию к огромной раздробленности в партиях, частой смене правительств и, наконец, сделала невозможным создание работоспособного правительства. Не имел доверия он к демократии еще и потому, что негерманские демократические державы во многих случаях не придерживались своих демократических принципов, когда они могли пойти на благо Германии, например, в 1919 году при стремлении Австрии к аншлюссу и потом при голосовании в Верхней Силезии. Однако, несмотря на это, Розенберг не обратился к тирании и, освещая 25-й пункт программы партии на стр. 46, он сказал по этому поводу: "Эта центральная власть - имеется в виду власть фюрера - должна иметь народные представительства, а также в качестве советчиков выросшие из органической жизни сословные палаты" /книга документов № 3, стр.6/. В своей речи "Немецкое орденское государство" в Мариенбурге 30 апреля 1934 г. он сказал: "Национал-социалистское государство должно быть монархией на республиканской основе"... Цитирую: "Государство этим самым будет не обожествляемой самоцелью, как и руководитель этого государства не будет цезарем, богом или наместником бога". /Книга документов 1, стр.1310/.

В речи "Германское право" от 18.12.1934 г. Розенберг подчеркнул, что фюрер в наших главах ни в коем случае не является тираническим властителем". /Книга документов I-я, стр.125./ Лишь в подобных высказываниях был возможен протест против развития тирании. Развитие обошло Розенберга и выродилось.

15457

H1210-0172

H1210-0173

Это Розенберг узнал сам, будучи министром по делам оккупированных восточных областей. Розенберг был идеалистом, он не был беспринципным человеком, толкающим государство или фюрера на преступления. Поэтому я считаю, что обвинение г-на Джексона в том, что Розенберг принадлежал к числу людей, являвшихся в Германии "идеологами расовой ненависти, господства, ужаса и насилия, безрассудства и жестокости власти", не соответствует существу дела.

Если перелистать написанное Розенбергом, у него найдется очень много высказываний и настроений, с начала до конца производящих впечатление терпимости. Он говорил, например, в своем "Мифе XX века" о народной церкви, к которой он стремился: "Немецкая церковь не может проповедывать насилие, в которое каждый ее приверженец принужден верить, даже теряя вечное блаженство". А в своей речи "Мировоззрение и вероучение" он 5 ноября 1938 года в университете Халле-Витенберг он потребовал от всех вероисповеданий терпимости с требованием "внутреннего уважения к каждой настоящей вере". /Книга документов 1, стр.156/.

В речи "За немецкую духовную свободу" от 6.7-1935 г. он выступил также за свободу совести. Не предъявлен ни один документ, содержащий ходатайство Розенберга об уголовном преследовании хотя бы одного из его многочисленных идеологических противников, хотя острое осуждение его взглядов с их стороны легко могло толкнуть его на это.

15458

Далее Розенберга обвиняют в милитаризме и солдатчине. Розенберг и действительно был почитателем солдата и солдатского героизма,но также и христианской жизни,как основы народа.Он поддерживал создание народного войска,во-первых, внешнеполитически для независимости Германии и,во-вторых, внутреннеполитически для под'ема духа и воспитания немецкого народа.Но он отрицает,что он думал о покорении мира. Я сошлюсь на его речь от 30.10.1933 года "О роли Германии в международной жизни",где он,в связи с выходом Германии из Лиги Наций предлагает мир с Советской Россией.(Книга документов 1,стр.147).Я цитирую это место потому,что оно одновременно доказывает нежелание национал-социализма вмешиваться во внутренние дела других государств: "Мы в любое время готовы поддерживать с Советской Россией вполне корректные отношения,ибо мы не собираемся обращать во внешнеполитических и межгосударственных отношениях на идеологию". В этой же речи он подчеркивает,что признание мировоззрения, которое он называет "расоведением",не должно являться "проповедью расовой ненависти,а,наоборот,проповедью уважения расы". ("Кровь и честь",стр.377).

Господин судья Джексон называет национал-социализм Розенберга "диким".Он был страстным.Но Розенберг хотел как раз этим преодолеть классовую борьбу,угрожающую жизни народов, и,кроме того,нужно сказать для ясности...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (Прерывая)д-р Тома,Трибунал хотел бы, чтобы Вы закончили свою речь сегодня до перерыва.Может быть, вы могли бы суммировать некоторые части Вашей речи,если это возможно.

15459

H1210 - 0174

H1210 – 0175

ТОМА: Я попытаюсь это сделать, г-н председатель.

Итак, я еще раз говорю об утверждении господина Докс-сона о том, что национал-социализм Розенберга был "диким". Я хочу сказать, что такой национализм, как явление компенсации, легко возникает в побежденном народе. Об обвинении в антихристианстве и новоязычестве я уже говорил и могу сослаться на это. О выражении "раса господ" я уже тоже говорил и сослался на то, что оно вообще не употреблялось Розенбергом в его произведениях.

Относительно партийной программы я сказал, что Розенберг не разрабатывал ее, а что он только написал к ней комментарий. И что важно не то, что написано в партийной программе, а то, какие она имела последствия. Я ссылаюсь в данном случае на свидетеля Функа, который заявил, что его действия, и его первая программа, как министра экономики, не опиралась на партийную программу, а что это была просто демократическая либеральная программа. Партийная программа не выполнялась ни в отрицательном, ни в положительном смысле. Управление осуществлялось, как и в других государствах, на основе общей необходимости.

Высокий Суд, я теперь перехожу к обвинению в том, что Розенберг, как уполномоченный фюрера, контролировал все идеологическое воспитание НСДАП. Я указал при зачтении аффидевита д-ра Эпп~~е~~но, что на этом посту Розенберг не имел никакой исполнительной власти и что Розенберг воспринял эту должность так, что он должен издавать журналы во всех экономических и художественных областях, в частности, национал-социалистские ежемесячники, полемическо-политическое содержание которых после 1933 года все больше уступало место

рассмотрению исторических,культурных и экономических тем.На основании всей имеющейся у нас литературы можно утверждать,что не соответствует действительности то утверждение,что Розенберг истолковал это свое поручение в том смысле,что надо сеять ненависть.Большая часть его работы после 1933 года,была посвящена углублению и великодушному распространению создаваемых политических документов.

Я далее говорил о том,что как раз это внешне-политическое управление сконцентрировало свою деятельность на том, чтобы регулирующе действовать на все культурные ценности, которые возникали.

Высокий Суд,теперь я перехожу к теме "Мораль,как основа обвинения".

Я просил бы Трибунал даже в том случае,если я не буду здесь оглашать эту часть,все же считать,что это зачитано, и я разрешу себе попросить высокий суд не оглашать этих страниц - 32а до 82г - полностью ввести эти страницы в документы процесса.

Я перехожу к заключению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Тома,вся Ваша речь считается представленной Трибуналу и мы принимаем к сведению всю речь,и поэтому она будет вся целиком включена в стенограмму, в независимости от того,что Вы ее суммируете.Трибунал учтет этот факт.

ТОМА: Благодарю Вас,господин председатель.

Итак,я перехожу к заключению.Я хочу сказать следующее (это на стр.83).

15461

H1210 - 0176

H1210 -0177

Розенберг вошел в судьбу своего народа в эпоху его тяжелой внешнеполитической подавленности и внутренних раздоров.Он боролся за культурную чистоту,социальную справедливость и национальное достоинство и со всей страстностью выступал против всего того,что шло в разрез с этими благородными идеалами или сознательно подрывало уважение к ним. В вопросах внешней политики он высказывался за достижение взаимопонимания,прежде всего,между четырьмя центральными державами европейского континента, признавая тяжелые последствия проигранной войны.

Он действовал лойяльно,уважая человека,который казалось облек его идеальные мысли в политическую форму и придал им все возрастающую силу.

После внутриполитической победы Розенберг выступил за преодоление полемики и форм времени борьбы за рыцарское разрешение назревшей еврейской проблемы,за широко поставленное духовное и культурное воспитание партии и причем - в противоположность обвинению - отрицая какое бы то ни было преследование религии.На него нельзя пенять за то, что он подчеркивал свое собственное определенное религиозно-философское мировоззрение.

15762

Вначале руководящие органы партии в своей практической деятельности приняли многие его концепции, но затем ими стали пренебрегать во все большем размере, особенно с началом войны. Как это вскрылось теперь, во многих случаях они превратились, наконец, в противоположность того, за что боролся Розенберг.

До 17 июля 1941 года Розенберг не принимал никакого участия в государственном законодательстве. Рассматривая события под углом зрения личной ответственности Розенберга, надо сказать, что его речи и статьи, произнесенные и написанные им до этого времени, представляют собою неофициальные публицистические работы, которые может произносить и писать любой политический деятель и писатель, что Суд признал общим явлением для государственных деятелей всех государств в период их неофициальных выступлений. Это обстоятельство приобретает тем большее значение, что Розенберг и как частное лицо, никогда не призывал к войне или к каким-либо другим бесчеловечным поступкам или насилию.

Являясь министром по делам оккупированных восточных областей, он ратовал за такое разрешение проблем, которое отвечало всем понятным национальным и культурным желаниям народов Восточной Европы. Он боролся за это, пока имелась надежда на успех. Когда же он понял, что Гитлера убедить не удается, он попросил об отставке. Розенберг не смог воспрепятствовать многим ужасным вещам на Востоке, но за это нельзя привлекать его к уголовной ответственности. Ему не подчинялась ни армия, ни полиция, он не ведал вопросами использования рабочей силы. Узнавая о безобразиях и эксцессах разного рода, он делал все, что мог, чтобы прекратить их.

15463

H1210 - 0178

H1210 – 0179

В течение почти целого года Розенберг прилагал усилия к тому, чтобы сохранить добровольность при вербовке рабочей силы. Когда затем начали призыв некоторых годов, он протестовал против всяких злоупотреблений со стороны исполнительных органов, требуя оказания помощи. Совершенно независимо от справедливых потребностей оккупационных властей, его трудовое законодательство было необходимо для установления порядка, уничтожения произвола, борьбы с опасным бездельничанием, с возрастающим саботажем и с увеличивающимися в числе случаями убийств. Это было военное время и зона военных действий, а не время после заключения перемирия или даже после окончательной капитуляции.

Если он знал об этих целях и имел возможность оказать какое-то влияние, он, Розенберг, боролся за свои добрые убеждения. Нельзя инкриминировать ему того, что другие силы противоположного направления были сильнее, чем он.

Нельзя наказывать людей, совершивших преступления, и одновременно тех людей, которые восставали против этих преступлений. Имея в виду ужасные приказы об уничтожении, ставшие теперь всем известными, можно, конечно, спросить, не мог ли Розенберг значительно энергичнее противодействовать тому, что имело место. Однако это требование предполагает, что все эти вещи были известны Розенбергу раньше, в то время, как на самом деле он узнал о них только после краха. Если ему вменяется в вину попустительство, то тут следует не забывать, что, чувствуя долг перед Германией, он боролся за ее существование и что и немецкому народу были нанесены ужасные раны, которые Розенберг также не мог признать неизбежными последствиями войны.

Государственные задачи, как, например, задачи оперативного штаба (Айзатцштаб), на Западе и на Востоке Розенберг разрешал, строго сохраняя свою личную чистоту. Конфискацию предметов искусства и культуры он провозил, считая, что позже будет принято окончательное решение высших инстанций, и где возможно, он устанавливал владельца. Используя обстановку квартир, оставшихся без хозяев, или лиц, пострадавших от бомбардировок в Германии, он предусматривал, что потом этим владельцам будут возмещены убытки, вычисленные на основании подробной описи.

Розенберг, как цельная личность, был предан с горячей любовью идеалу социальной справедливости, связанной с национальным достоинством. Открыто и честно он отстаивал этот идеал, пошел за и его в тюрьму, отдал ему всю свою жизнь. Он пришел не тогда, когда с национал-социализмом можно было начать новую карьеру, он пришел, когда было опасно и когда требовались только жертвы. В речах, произнесенных им после 1935 г., он ратовал за углубленное внутреннее формирование, за новую культуру, за личные достоинства человека и за уважение ко всякому честному труду. Мрачные дни того времени он расценивал как, к сожалению, неизбежное явление в общем радостно приветствуемой революции, которая ему казалась бескровной, так как он и здесь не знал многих подробностей, державшихся в тайне.

Он целиком верил в то, что хорошее начало и хорошие идеи побелят те или другие человеческие недостатки. Во время войны он, сознавая свой долг, поставил себя на службу империи.

За 25 лет он прошел через революцию и события войны лично чистым и незапятнанным. С глубокой болью должен был он пережить то, как великая идея в нашумших власти

15465

H1210 – 0180

H1210 – 0181

руках постепенно искажалась. В 1944 г. на собрании партии он выступил против этого искажения со стороны власти . На этом процессе к своему ужасу он должен был установить, до чего извращен был весь его жизненный идеал, но он знает, что его стремления и стремления многих миллионов немцев были порядочными и почетными. Он и теперь придерживается этого своего порядочного, почетного и по-человечески безупречного поведения и, отмечая с болью раны, нанесенные всем народам, и гибель империи, он смотрит навстречу приговору справедливого Трибунала.

/Об"является перерыв до 10.00 11 июля 1946 года/.

ап.мс_ лт.вв.

15466

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 11 июля 1946 года

/Утреннее заседание/

Встать ! Суд идет !

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал сегодня закончит свою работу в 4 часа для того, чтобы затем заседать в закрытом заседании.

Доктор Зайдль, вы будете сейчас выступать по делу подсудимого Франка ?

ЗАЙДЛЬ: / защитник подсудимого Франка/ - Господин председатель, господа судьи ! Подсудимый Ганс Франк в Обвинительном заключении обвиняется в использовании своего положения в партии и в государстве, своего личного влияния и связей с фюрером для содействия захвату власти национал-социалистами и укрепления их контроля над Германией. Далее, ему вменяется в вину то, что он санкционировал, руководил и принимал участие в указанных в разделе 3-м Обвинительного заключения военных преступлениях и упомянутых в разделе 4-м преступлениях против человечности, в частности, в военных преступлении и преступлениях против человечности при управлении оккупированными областями.

Так же, как и по делу подсудимого Гесса, в Обвинительном заключении отсутствует какое-либо практическое подтверждение этих обвинений. По делу подсудимого Франка Обвинительное заключение не содержит никакого подробного описания фактов, в которых можно найти состав преступления по обвинениям.

Как и все остальные подсудимые, подсудимый Франк обвиняется в соучастии и осуществлении общего плана, направленного

H1210 – 0182

H1210 – 0183

на планирование и ведение агрессивных войн и на совершение в ходе этих войн преступлений в нарушение законов и обычаев войны.

Пред"явлением доказательств установлено, что подсудимый Франк в 1928 году вступил в национал-социалистскую рабочую партию Германии. Как до, так и после прихода к власти он почти исключительно занимался правовыми вопросами. Как рейхслейтеру партии, ему до 1942 года было подчинено имперское управление юстиции. После назначения Адольфа Гитлера рейхсканцлером, Франк был назначен государственным министром юстиции Баварии. В том же году он был назначен имперским комиссаром по унификации юстиции. Эта задача, по существу, ограничивалась передачей имперскому министерству юстиции правовых учреждений федеральных земель. В 1934 году эта работа закончилась. С передачей дел баварского государственного министерства юстиции империи закончилась деятельность подсудимого Франка, как баварского министра юстиции. В декабре 1934 года он был назначен имперским министром без портфеля. Одновременно с 1934 года он являлся президентом основанной лично им Академии германского права и председателем интернациональной юридической палаты. Наконец, он являлся руководителем национал-социалистского союза блюстителей права.

Уже одно это перечисление разных постов, которые занимал подсудимый Франк в партии и государстве, показывает, что сферой его деятельности почти исключительно были правовые вопросы. Его обязанности ограничивались в основном выполнением 19 пункта партийной программы, который требовал созда-

ния германского общего права. И на самом деле почти все речи и статьи подсудимого Франка, как до, так и после захвата власти национал-социалистами, касались правовых вопросов в широком смысле.

Во время допроса в качестве свидетеля подсудимый Франк показал, что он делал все, что было в его силах для того, чтобы привести Адольфа Гитлера к власти и для того, чтобы осуществить идеи и программу национал-социалистской партии, но что бы ни предпринималось подсудимым в этом направлении, все делалось им открыто. Цель национал-социалистов перед приходом их к власти может быть выражена несколькими словами: освобождение германского народа от оков Версальского договора, устранение возникшей в результате этого договора и неразумной политики репараций со стороны бывших врагов Германии, ужасной безработицы и связанных с ней явлений упадка в политическом, хозяйственном, социальном и моральном отношении; восстановление суверенитета германской империи во всех областях.

Представители Обвинения не смогли пред"явить никаких доказательств того, что ревизия Версальского договора должна была быть в случае необходимости проведена в применением методов насилия и войны. Положение, в котором находилась Германия до прихода национал-социалистов к власти, в политическом, военном и хозяйственном отношениях, когда речь могла итти лишь об устранении ужасных последствий экономического краха и о включении 7 миллионов безработных в производственный процесс, делало беспрецедентными всякие

15469

H1210 – 0184

H1210 – 0185

серьезные соображения о ведении агрессивной войны.

Пред"явление доказательств также не дало ничего такого, из чего можно было бы заключить о существовании общего плана, что утверждается в разделе 1 Обвинительного заключения, если под этим планом понимается определенный, твердо установленный план узкого круга равноправных лиц.

Если коснуться вопроса об участии подсудимого Франка в этом общем плане, то наоборот, в качестве результата представления доказательств, в частности, на основании показаний свидетеля д-ра Ламмерса и свидетельских показаний самого подсудимого, можно считать установленным, что Франк не принадлежал к узкому кругу сотрудников Адольфа Гитлера.

Обвинение не смогло представить суду ни одного документа, касающегося важных политических или военных мероприятий, в которых принимал участие подсудимый Франк. Подсудимый Франк, в частности, не участвовал ни в одном из совещаний с Гитлером, которые Обвинение считает особенно важными для доказательства существования общего плана, что утверждает Обвинение, и протоколы которых оно представило в качестве документов США № 25-34. Единственным важным в этой связи законом является закон о введении всеобщей воинской повинности от 16 марта 1935 года. Уже говорилось и еще будут говорить о том, как дело дошло до издания этого закона и почему в этом нельзя усмотреть нарушения Версальского договора. Подсудимый Франк подписал этот закон как имперский министр также, как и все остальные члены имперского правительства. Этот закон имел своей

целью восстановление суверенитета германской империи, по крайней мере в военном отношении. Этим законом ни у одного народа ничего не отнималось. Как содержание этого закона, так и обстоятельства, при которых он был издан, не дают оснований сделать вывод о том, что этот закон являлся частью общего плана, направленного на развязывание агрессивной войны. Германский народ должен был в течение прошедших 17 лет понять, что народ, не обладающий военной мощью, при географическом и военном положении Германии, не будет выслушан в кругу народов, если он не будет иметь в своем распоряжении соответствующих военных средств. Отсюда имперское правительство германской империи сделало свои выводы после того, как 14 лет тому назад немецкому народу обещали равноправие, но это обещание не было выполнено и после того, как в 1933-34 г.г. стало ясно, что конференция по разружению не сможет выполнить возложенные на нее задачи. В остальном я ссылаюсь также на воззвание имперского правительства к немецкому народу, изданное в связи с опубликованием этого закона.

Деятельность подсудимого Франка и после прихода к власти до начала войны ограничивалась почти исключительно выполнением задач, вытекавших из руководства Академией германского права и национал-социалистским союзом блюстителей права. Задачи Академии германского права ясны из указа о создании этой академии 11 июля 1933 года. Она должна была содействовать реорганизации германской юридической жизни и в тесной постоянной связи с соответствующими законодательными учреждениями проводить в жизнь национал-

1547/1

H1210 – 0186

H1210 – 0187

социалистскую программу в области права. Академия находилась под надзором имперского министра юстиции и имперского министра внутренних дел. Задачи академии имели характер подготовки законодательства. Само законодательство находилось исключительно в руках имперских министерств, ведавших различными областями жизни. Одной из задач этой академии было выполнение функций правовых комитетов бывшего рейхстага. Фактически работа академии протекала почти исключительно в многочисленных, созданных подсудимым, комитетах. Принадлежность к партии не была необходимым условием для приема в академию. Подавляющая часть членов академии состояла из представителей юриспруденции и выдающихся практиков-юристов, которые не являлись членами партии. В остальном известно, что академия германского права имела тесные связи с аналогичными учреждениями за границей и что многочисленные представители иностранной юридической мысли делали доклады в академии. Эти факты совершенно исключают то предположение, что эта академия могла иметь какое то руководящее значение в рамках утверждаемого Обвинением общего плана. То же самое относится к посту подсудимого Франка, как руководителя национал-социалистского союза блюстителей права.

Отношение Адольфа Гитлера к идее правого государства, если относительно этого вообще могут быть сомнения, полностью выяснено представленными на данном процессе доказательствами. Гитлер был революционером и деспотом. Он считал право тормозящим и мешающим фактором в деле осуществления своих планов политического господства.

15472

Он, правда, никого не оставлял в неведении относительно этого и в ряде речей высказался по вопросу о правовом государстве. Он в принципе был предубежден против всяких блюстителей права и уже по одной этой причине совершенно исключено было то, что между Гитлером и подсудимым Франком могли сложиться близкие отношения. Подсудимый Франк видел свою жизненную задачу в том, чтобы осуществить и в национал-социалистской империи идею правового государства и, прежде всего, обеспечить независимость судьи.

Эти принципы подсудимый Франк изложил еще в 1939 году, до начала войны на заключительном заседании в большой речи в день германского права в Лейпциге, перед лицом 25.000 юристов. При этом, он, между прочим, заявил:

" 1. Никто не должен быть осужден, не получив возможности защищаться.

2. Никто не должен лишаться своего честно приобретенного имущества, кроме как по приговору суда. Честь, свобода, жизнь и заработок являются таким имуществом.

3. Каждому, против кого выдвинуто обвинение, безразлично на каком процессе, должна быть дана возможность взять себе защитника, который смог бы от его имени вести его защиту. Он должен быть выслушан и его выступление должно быть рассмотрено об"ективно. Если эти принципы полностью будут применяться, то будет достигнут идеал германского права" Конец цитаты.

Эти принципы представляют собой решительный отказ от всех полицейско-государственных методов и содержат в себе вместе с тем, независимое осуждение системы концентрационных лагерей. Но на самом деле подсудимый Франк не в первый

25773

H1210 – 0188

H1210 – 0189

раз в это время высказался против создания концентрационных лагерей. Пред"явленные доказательства показали, что еще будучи баварским министром юстиции в 1933 году он возражал против создания концентрационного лагеря в Дахау, что он боролся за проведение так называемого принципа законности, т.е. за преследование наказуемых действий обычным порядком и в этих лагерях и что он, кроме того, требовал упразднения концентрационного лагеря Дахау. Последнее явствует из показаний допрошенного в комиссии свидетеля д-ра Штаппа.

Обвинение, кажется, даже в выражении "Правом является то, что полезно народу", усматривает аргумент, говорящий об участии подсудимого в мнимом общем плане. Это заключение может быть сделано лишь при полном непонимании того, что хотел подсудимый Франк выразить этим. Эти слова означают ничто иное, как призыв к борьбе с индивидуалистическим пониманием права. Как слова "Общая польза выше личной пользы," так и эти слова выражают требование создания такого права, которое больше чем прежнее, учитывает общественно-правовые и социальные тенденции. Оно, по существу, является ничем иным, как другой формулировкой выражения: "

"/ салус публика супрема лекс/ - "общественное благо высший закон".

Уже из-за этих об"ективных констатаций было бы немыслимо такое положение, чтобы подсудимый Франк мог принадлежать к более узкому кругу сотрудников Гитлера. Расхождение во взглядах на функции права должно было проявиться еще сильнее во время войны. Поэтому неудивительно, что после смерти имперского министра юстиции д-ра Гюртнера его преемником

был назначен не подсудимый Франк, а председатель народного суда д-р Тирак.

Резюмируя, можно сказать, что нет никаких фактических оснований для предположения о том, что подсудимый Франк участвовал в осуществлении общего плана, имевшего своей целью ведение агрессивной войны и в связи с этим, в совершении преступлений против законов войны.

Прежде, чем я перейду к тем разделам Обвинительного заключения, где против подсудимого Франка выдвигаются обвинения в связи с его деятельностью в качестве генерал-губернатора, я хочу коротко остановиться на его уголовной ответственности, как члена якобы преступной организации.

Поскольку рассматривается ответственность Франка как члена имперского правительства, я могу здесь в основном сослаться на те соображения, которые я изложу позже по делу подсудимого Гесса. Разница состоит лишь в том, что подсудимый Гесс, правда, тоже являлся имперским министром без портфеля, однако, на основании декрета фюрера от 27 июля 1934 года он, как заместитель фюрера оказывал решающее влияние на подготовку законов. С подсудимым Франком дело обстояло не так. Он почти не имел никакого влияния на имперское законодательство. Этим об"ясняется тот факт, что им подписано чрезвычайно мало имперских законов.

За исключением закона от 16 марта 1935 года, которым вновь вводилась всеобщая воинская повинность, его имя не стоит ни под одним из законов, которые Обвинение представило Трибуналу в качестве важных документов для доказательства преступного характера имперского правительства, как организации.

15475

H1210-0190

H1210 – 0191

Подсудимый Франк, как рейхслейтер и как руководитель имперского управления юстиции, являлся также членом организации политических руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии. Рассмотрение этого пункта обвинения тем не менее необходимо, что подсудимому Франку в этом отношении не инкриминируется никаких действий, соответствующих составу преступления какого-либо уголовного кодекса. Я могу и здесь сослаться на те соображения, которые будут изложены позже по делу подсудимого Гесса.

В приложении "А" Обвинительного заключения утверждается, что подсудимый Франк являлся генералом СС. Представление доказательств показало, что Франк никогда не принадлежал к СС и что он не имел почетного звания генерала СС. Однако, он являлся обергруппенфюрером СА. Относительно ходатайства Обвинения о том, чтобы и эта организация была об"явлена преступной, можно сказать то же, что и в отношении ходатайства об об"явлении преступной организации политических руководителей. Устав и представители Обвинения здесь отходят от того принципа, который до сих пор считался непременной составной частью современного уголовного судопроизводства, а именно, что без установления вины в каждом отдельном случае недопустимо какое-либо наказание.

Господа судьи !

Я перехожу теперь к пунктам обвинения, относящимся к деятельности подсудимого Франка в качестве генерал-губернатора. Когда после военного краха Польши польское правительство покинуло страну, германские оккупационные власти должны были, не имея возможности опереться на парламентское представительство или на представителей бывшего польского государства, создать новую администрацию.

Возникшие при этом трудности были тем более значительными, что, несмотря на небольшую продолжительность кампании, убытки, причиненные войной, поежде всего в области транспорта были весьма немалыми. Создание упорядоченно- администрации затруднялось прежде всего тем, что единая экономическая сфера бывшего польского государства была разделена на три части. Из 388 тысяч квадратных километров территории бывшего польского государства, около 200 тысяч квадратных километров отошли к Советскому Союзу, 27 тысяч квадратных километров образовали генерал-губернаторство, в то время как остаток был включен в состав Германской империи. Изменение произошло 1 августа 1941 года. В этот день в генерал-губернаторство в качестве нового округа была включена Галиция, в результате чего площадь генерал-губернаторства увеличилась на 150 тысяч квадратных километров и население примерно на 18 миллионов человек. Это проведение границ означало для администрации генерал-губернаторства тем больше трудностей, что области с избыточным сельскохозяйственным производством отошли к Советскому Союзу в то время, как, с другой стороны, например, такой важный промышленный город, как Лодзь, и прежде всего Домбровские угольные копи отошли к Империи.

После военного краха Польши сначала была создана военная администрация, которая охватывала четыре военных округа, - Восточную Пруссию, Познань, Лодзь и Краков; во главе нее стоял военный главнокомандующий на Востоке генерал-полковник фон Рундштедт. Подсудимый Франк являлся в системе этой военной админгтстрации главным начальником

95497

H1210 – 0192

H1210 – 0193

администрации.

Военная администрация с 26 октября 1939 года прекратила свое существование. В этот день вступил в силу указ фюрера и рейхсканцлера об управлении оккупированными польскими областями от 12 октября 1939 года. Этим указом подсудимый Франк был назначен генерал-губернатором оккупированных польских областей, которые не вошли в состав империи и спустя короткий срок получили название "генерал-губернаторство".

Учитывая небольшое количество предоставленного мне времени, я не хочу, подробно рассматривать вопрос о том, следовало ли при управлении об'единенными под названием "генерал-губернаторство" областями бывшего польского государства применить те принципы, которые соблюдаются при оккупации вражеских территорий(военная оккупация) или же здесь следовало исходить из того, что после падения бывшего польского государства должны применяться принципы мирного времени.

Сейчас я подхожу к вопросу о том, каким полномочиями обладал подсудимый Франк в качестве генерал-губернатора. Согласно стстье 3-й декрета фюрера от 12 октября 1939 года, генерал-губернатор подчинялся непосредственно фюреру. Генерал-губернатору, согласно тому же декрету, была подчинена вся администрация.

Фактически, однако, генерал-губернатор далеко не обладал полнотой власти, как это могло показаться. Декрет фюрера в 5-й статье предусматривал, что совет министров по обороне империи мог изливать законы в генерал-губернаторстве.

Такие же права имел и уполномоченный по четырехлетнему плану. В статье 6-й постановлялось, что сверх того все высокие имперские учреждения могли издавать распоряжения,

необходимые для планирования в жизненном и хозяйственном пространстве, имеющие силу так же в генерал-губернаторстве.

Кроме этих предусмотренных в указе фюрера от 12 октября 1939 года ограничений полноты власти генерал-губернатора, и в более позднее время кое-кому давались полномочия, не в меньшей стапени нарушавшие принцип единства администрации. Это, в частности, относится к положению генеральных уполномоченных по использованию рабочей силы. Я ссылаюсь здесь на пред'явленные обвинением и защитой важные документы, в частности, на указ фюрера от 21 марта 1942 года, в котором ясно устанавливается, что права генерального уполномоченного по использованию рабочей силы распространяются и на территорию генерал-губернаторства. Вся военная экономика в генерал-губернаторстве сперва была подчинена главному командованию вооруженных сил, а после создания имперского министерства вооружения она была подчинена этому министерству. На основании пред'явленных доказательств установлено далее, что принцип единства админгтстрации нарушался также и в других областях. Здесь я ссылаюсь на показания доктора Ламмерса и доктора Бюлера и на представленные мною документы, в частности, на документ США-135. Речь идет об указаниях для особых областей в директиве № 21 ("План Барбаросса"), где категорически устанавливается, что главнокомандующий сухопутными силами должен иметь право "отдавать в генерал-губернаторстве распоряжения о тех мероприятиях, которые необходимы для выполнения его военных задач и для обеспечения войск", причем главнокомандующий был уполномочен передавать свои полномочия группам армий и армиям. Все эти нарушения принципа единства администрации и все особые полномочия отходят на задний план перед тем особым положением, которое было отведено райхсфюреру СС Гиммлеру в

H1210-0194

H1210 – 0195

генерал-губернаторстве. На основании пред'явленных доказательств и, в частности, на основании показаний старшего правительственного советника в главном имперском управлении безопасности доктора Бильфингера установлено, что уже в 1939 году, при назначении подсудимого генерал-губернатором был издан секретный указ, в котором устанавливалось, что высший начальник СС и полиции на Востоке должен был получать свои указания непосредственно от рейхсфюрера СС и начальника германской полиции Гиммлера. Точно так же в декрете фюрера и рейхсканцлера в отношении укрепления германской нации постановляется, что рейхсфюрер СС имеет право непосредственно создавать путем переселения новые области, заселенные немцами. Об этих указа предоставляли рейхсфюреру СС Гиммлеру такие полномочия, которые должны были с первого же дня существования генерал-губернаторства, поставить перед администрацией этой области едва ли преодолимые трудности. И очень скоро выявилось, что подчиненная генарал-губернатору общая администрация не располагала исполнительной властью в собственном смысле. Ввиду того, что высший начальник СС и полиции на Востоке получал все указания и распоряжения непосредственно от рейхсфюрера СС Гиммлера и отказывался выполнять указания генерал-губернатора; вскоре выяснилось, что на самом деле в генерал-губернаторстве господствовало две власти. Возникшие в связи с этим затруднения должны были быть тем большими, что высший начальник СС и полиции Крюгер, который не менее четырех лет был непосредственным представителем Гиммлера в генерал-губернаторстве, никогда не согласовывал своих полицейских мероприятий с администрацией генерал-губернаторства.

15480

В государственной жизни общеизвестным фактом является то, что любая администрация без полицейских исполнительных органов не в состоянии длительный срок выполнять поставленные перед ней задачи. Это верно уже при нормальном положении, но особенно верно в отношении управления оккупированными областями. Если при этом учесть также, что не только рейхсфюрер СС Гиммлер передавал свои указания непосредственно высшему начальнику СС и полиции, обходя генерал-губернатора, но что кроме того и Ш, 1У и У и У1 управления главного имперского управления безопасности также передавали свои распоряжения непосредственно командующему полицией безопасности и СД в Кракове, то будет понятно, с какими трудностями ежедневно сталкивалась гражданская администрация генерал-губернаторства. При этих обстоятельствах генерал-губернатору не оставалось ничего иного, как постоянно стараться по возможности добиться в какой-либо форме сотрудничества с полицией безопасности, если он не хотел вовсе отказаться от попытки построения гражданской администрации в генерал-губернаторстве. И, на самом деле, более чем пятилетняя история администрации генерал-губернаторства в значительной части является историей непрерывной борьбы, между генерал-губернатором и администрацией, с одной стороны, и олицетворявшими полицию безопасности, включая СД, - с другой стороны.

То же самое относится и к деятельности Гиммлера и его органов в области переселения. Как имперский комиссар по укреплению германской нации Гиммлер со своими органами проводил мероприятия по переселению без , хотя бы предварительного установления связи с администрацией генерал-губернаторства и информирования генерал-губернатора.

Выявленные в ходе представления доказательств многочисленные жалобы генерал-губернатора имперскому министру

15781

H1210 - 0196

H1210 – 0197

и начальнику имперской канцелярии доктору Ламмерсу относительно мероприятий рейхсфюрера СС и высшего начальника СС и полиции на Востоке, на чинимые препятствия в управлении этой областью привели в 1942 г. к попытке заново урегулировать взаимоотношения администрации и полиции. При проверке задним числом можно на основании пред'явленных доказательств сказать сегодня, что и эта попытка со стороны Гиммлера и полиции безопасности была напраулена на то, чтобы и с внешней стороны подорвать положение генерал-губернатора и его гражданской администрации.

Указом фюрера от 7 мая 1942 г. в генерал-губернаторстве был создан статс-секретариат по делам безопасности и статс-секретарем был назначен высший начальник СС и полиции.

Согласно статье П этого указа, статс-секретарь по делам безопасности одновременно являлся представителем рейхсфюрера СС в его должности в качестве рейхскомиссара по укреплению германской нации. Решающее постановление содержится в статье 1У этого указа, где, между прочим, сказано:

"Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции может непосредственно давать указания статс-секретарю по делам безопасности по вопросам безопасности и укрепления германской нации".

Тем самым стало совершенно ясным и на этот раз открыто подтверждалось содержание секретного указа, который был издан уже в 1939 г. в связи с созданием генерал-губернаторства и которым устанавливалось, что высший начальник СС и полиции на Востоке должен получать все указания непосредственно от центральных берлинских учреждений и, поежде всего, лично

15782

от рейхсф.рера СС. Правда, в статье У указа фюрера от 7 мая 1942 г. было предусмотрено, что при разногласиях между генерал-губернатором и рейхсфюрером СС и начальником германской полиции должно быть запрошено решение фюрера и начальника имперской канцелярии.

Начальник имперской канцелярии доктор Ламмерс был допрошен здесь на суде в качестве свидетеля по этому вопросу. Он показал, что насколько для него вообще было возможно ставить перед фюрером этот вопрос, последний всегда в принципе одобрял мнение Гиммлера. Это не удивительно, если вспомнить положение Гиммлера в германской правительственной системе и в первую очередь в годы войны. Вследствие этого у подсудимого Франка была отнята всякая возможность в какой-либо форме оказывать влияние на мероприятия Гиммлера и высоего начальника СС и полиции на Востоке.

На основании статьи 1, абзаца 3 указа фюрера от 7 мая 1942 г. деятельность статс-секретаря по вопросам безопасности приняла новое направление. Высший начальник СС и полиции за ним рейхсфюрер СС попытались в связи с реорганизацией служебной деятельности статс-секретариата по делам безопасности получить возможно больше полномочий, в то время, как генерал-губернатор в интересах поддержания в известной мере упорядоченной администрации естественно стремился получить в свои руки по крайней мере некоторые функции полиции охраны порядка и административной полиции. В этой борьбе полиция одержала полную победу. 3 июля 1942 года генерал-губернатор в специальном указе должен был заявить о своей готовности передать статс-секретарю по вопросам безопасности все дела, входившие в компетенцию полиции безопасности и полиции охраны порядка. Во время пред'явления доказательств я представил

15483

H1210 – 0198

H1210 – 0199

суду этот указ с его приложениями А и Б в качестве доказательства по делу Франка № 4. В этих двух приложениях перечислены все области деятельности полиции охраны порядка и полиции безопасности, которые вообще существовали в германской полиции. В приложении А, которое касается сферы деятельности полиции охраны порядка, в 26 параграфах статс-секретарю по вопросам безопасности передаются не только те функции, которые принадлежали полиции охраны порядка, но, кроме того, те, которыми ведала так называемая администра-тивная полиция. Я упомяну из большого количества примеров только § 18, в котором все дела по контролю над ценами передаются полиции охраны порядка и тем самым высшему начальнику СС и полиции. Т, что было сказано о полиции охраны порядка, в еще большей степени относится к вопросам, которыми ведала полиция безопасности. Изменения прежнего положения не произошло в том отношении, что вся политическая полиция и уголовная полиция, служба политической информации, дела евреев и другие подобные вопросы были и раньше подведомственны высшему начальнику СС и полиции. Эти задачи он выполнял как начальник полиции безопасности и службы безопасности, совершенно независимо от общей администрации генерал-губернаторства, уже на основании секретного указа 1939 года. Кроме того, статс-секретарю по вопросам безопасности были переданы также дела, которые находились лишь в очень отдаленной связи с задачами полиции безопасности, как, например, все вопросы, связанные с проведением праздников и т.д. Немаловажное значение имеют и последние два параграфа в приложениях А и Б, в которых ясно предусматривалось, что представлять генерал-губернаторство, а не губернатора, - на

заседаниях и совеланиях, в центральных имперских учреждениях, по всем вопросам, связанным с полицией охраны порядка и полицией безопасности, должен высший начальник СС и полиции. Таким образом, все права генерал-губернатора в незначительных по своему существу сферах деятельности административной полиции были переданы органам рейхсфюрера СС Гиммлера, а администрация генерал-губернаторства тем самым была лишена последних остатков собственной исполнительной власти.

Только при учете этих фактов и при учете эволюции отношений между администрацией и полицией в генерал-губернаторстве можно составить себе более или менее верное представление о том, что происходило в генерал-губернаторстве и что частично включено в обвинения, пред'явленные на данном процессе.

Господа судьи ! Наличие состава преступлений, инкриминируемых подсудимому д-ру Франку, Обвинение пыталось доказать в основном с помощью цитат из дневника подсудимого. По этому поводу необходимо сказать в принципе следующее:

Этот дневник велся не лично подсудимым Франком, он составлялся стенографистами, которые присутствовали на заседаниях правительства и других совещаниях, проводимых генерал-губернатором. Он состоит из 42 томов и насчитывает не менее 10-12 тысяч страниц на пишущей машинке. Записи производились, за одним единственным исключением, не под диктовку подсудимого а в форме протоколов, которые вели стенографисты. В значительной части - и это вытекает из самого дневника - составители этого дневника не записывали дословно отдельные речи и высказывания, а кратко излагали их содержание собственными словами. Записи в дневнике не просматривались подсудимым и -

15485

H1210 - 0200

H1210 – 0201

опять-таки за одним единственным исключением - не подписывались им. Включенные в различные тома дневника списки присутствующих - они содержатся только в тех томах, в которых имеются материалы о заседаниях правительства - не могут заменить удостоверения правильности. Далее, на основании предявления доказательств установлено, что очень многие записи в дневнике были сделаны не на основе личных наблюдений, а на основе тех сообщений, которые делались затем составителем дневника участниками какого-нибудь заседания правительства или другого совещания, затем они своими словами излагали в дневнике суть заседания.

Кроме того, при просмотре дневника легко установить, что записи не могут быть полными.

Все эти факты заставляют притти к заключению, что не следует переоценивать фактической доказательной ценности этого дневника. Доказательная ценность дневника во всяком случае не равна доказательной ценности записей, сделанных самим данным лицом. Мне кажется, однако, что в первую очередь важно следующее:

Содержание каждого документа имеет фактическую доказательную ценность лишь постольку, поскольку документ в целом подвергается рассмотрению. Дневник подсудимого Франка с его 10-12.000 страниц представляет собой единый цельный документ. Нельзя сделать отдельные записи об'ектом пред'явления доказательств, без установления общей связи, в которой некоторые из этих записей только и могут быть поняты.

Совершенно недопустимо и это является нарушением принципов любого пред'явления доказательств делать об'ектом представления доказательств только отдельные предложения из большого контекста, например, длинной речи.

15486

В своей книге документов № 2, я привел некоторые подобные примеры и я ссылаюсь на них.

Как справедливо подчеркнул сам подсудимый, выступая в качестве свидетеля, дневник представляет собой единое целое и лишь в своей общности может быть в качестве документа доказательства об'ектом представления доказательств. Я прочитал этот дневник, охватывающий более 10.000 стр. и могу лишь подтвердить эту точку зрения. Это было причиной того, что я сделал об'ектом представления доказательств не отдельные записи, а весь дневник. Если я сам во время пред'явления доказательств огласил некоторые отдельные записи дневника и если я в рамках этой речи оглашу еще несколько цитат из дневника, то так же как и выдержки, пред'явленные Обвинением, безусловно, и эти цитаты имеют доказательную ценность только в рамках всего дневника.

На основании пред'явления доказательств, можно считать установленным следующее: как вытекает из дневников, а также из показаний свидетелей Бюлера, Бепле и Майдингера, подсудимый Франк в качестве генерал-губернатора в один день произносил без подготовки часто две или три речи. Пред'явленные Обвинением выдержки из дневника в основном являются отдельными предложениями из таких речей. Если учесть темперамент подсудимого и его склонность к острым формулировкам, то это также явится основанием для того, чтобы снизить доказательную ценность этих выдержек из дневника. И, действительно, в дневнике имеется много записей, которые находятся в явном противоречии с записями о тех же событиях, которые были сделаны незадолго до этого или несколь позже.

13487

H1210 - 0202

H1210 – 0203

В отношении многих речей, которые произнес подсудимый Франк, нельзя упускать из виду также следующее обстоятельство, и это также можно считать установленным на основании пред'явления доказательств: являясь открытым поборником идеи правового государства и независимости судьи, подсудимый Франк не мог избежать того, чтобы во все большей степени не вступать в резкое противоречие с представителями системы полицейского государства, как это проявлялось все сильнее в ходе войны, и притом, как на территории империи, так и в оккупированных областях.

Представителями этого полицейского государства были рейхсфюрер СС Гиммлер и на территории генерал-губернаторства - высший начальник СС и полиции на Востоке, и в качестве такового обергруппенфюрер СС и генерал полиции Крюгер, и рейхсфюрером СС Гиммлером и его представителем обергруппенфюрером Крюгером, с другой стороны, были крайне плохими уже при создании генерал-губернаторства. Они должны были еще больше ухудшиться, когда разногласия во взглядах на задачи полиции становились все более явными и подсудимый Франк был вынужден, вследствие актов насилия со стороны полиции безопасности и СД, постоянно обращаться со все более разкими жалобами к начальнику имперской канцелярии д-ру Ламмерсу и к самому фюреру.

Как я уже сказал вначале, для генерал-губернатора, вследствие отсутствия собственной исполнительной власти, не оставалось ничего другого, как все время стараться координировать задачи общей администрации и задачи полиции для того,

чтобы вообще иметь возможность вести административную деятельность. Но эти намерения обуславливали, естественно, по крайней мере, с внешней стороны, известные компромиссы с общей позицией полиции безопасности и, прежде всего, высшего начальника СС и полиции на Востоке. Кроме того, пред'явление доказательств показало далее, что напряженные отношения, существовавшие между генерал-губернатором и высшим начальником СС и полиции, часто достигали такой остроты, что подсудимый Франк чувствовал себя в опасности и, говоря словами свидетеля д-ра Бюлера, он более не был свободным и не мог сам принимать решения.

В действительности, показания свидетеля фон дем Бах-Целевского и свидетеля д-ра Альбрехта в этом пункте совершенно совпадают. Поэтому с полным правом свидетель д-р Бюлер указал на то, что подсудимый Франк особенно тогда употреблял наиболее разкие выражения, когда в совещаниях участвовали высший начальник СС и полиции или начальник полиции безопасности и СД, и что его высказывания были выдержаны в совершенно ином тоне, если он говорил только перед сотрудниками администрации. Просмотр дневника, хотя бы даже беглый, подтверждает это.

15489

H1210 – 0204

H1210 – 0205

Все эти обстоятельства необходимо учесть при оценке фактической доказательной ценности дневника подсудимого Франка. При этом нельзя не упомянуть также и о том, что эти дневники были единственными, что мог спасти Франк из своей личной собственности из Краковского замка. При своем аресте он передал все дневники задержавшим его офицерам. Он мог бы без всяких трудностей уничтожить эти дневники.

Господа судьи! Я перехожу сейчас к отдельным обвинениям, выдвинутым против подсудимого, и к их рассмотрению с правовой точки зрения. Подсудимый Франк обвиняется в том, что он санкционировал военные преступления и преступления против человечности в оккупированных областях, руководил и принимал в них участие. Существующие нормы права исходят в принципе из того, что суб"ектом международного права является только суверенное государство, а не отдельный человек. Ответственность отдельного человека по международному праву может существовать только в том случае, если само международное право свяжет определенный состав преступления с нарушением права и определит, что эти нормы следует применять непосредственно к действиям, совершенным отдельным человеком. Только таким образом отдельные лица, которые согласно существующим нормам права ответственны только по внутригосударственному уголовному праву, как исключение, будут отвечать непосредственно по международному праву.

В отклонение от этого права существующие нормы международного права только в виде исключения допускают, что государство может наказать попавшего в его руки подданного государства противника, если он перед захватом его в плен нарушил нормы военного права. Наказание, однако,

и в этом случае исключено, если преступление было совершено не из собственных побуждений, а должно быть отнесено исключительно за счет государства, подданным которого он является. В остальном вокруг понятия "военное преступление" и признаков его состава все время ведутся споры как в судопроизводстве, так и в литературе.

Гаагские правила ведения сухопутной войны, которые в качестве приложения к IУ-му соглашению о законах и обычаях сухопутной войны должны были стать кодексом отдельных проблем военного права, не предусматривают составов преступлений, которые могли бы послужить основанием этого соглашения, наоборот, содержит явное указание на то, что не отдельные лица, а государство, которое нарушает эти правила, обязано в случае нужды возместить ущерб и отвечает также за все действия, которые совершены лицами, входящими в состав его вооруженных сил.

В остальном, в отношении гаагских правил ведения сухопутной войны от 1907 года необходимо сказать следующее:

Изложенные в них принципы основаны на опыте войн 19-го века. Эти войны отражались в основном только на непосредственно участвовавших в них вооруженных силах.

Уже первая мировая война вышла за пределы этих рамок, и притом не только в отношении распространения военных действий на большие территории. Война превратилась в истребительную войну целых народов, в которой каждая воюющая сторона использует весь свой военный потенциал и все свои материальные и духовные силы. Вторая мировая война должна была, учитывая усовершенствование военной техники, окончательно разрушить рамки,

15421

H1210 - 0206

H1210 – 0207

предусмотренные для ведения войны. гаагскими правилами ведения сухопутной войны. Это можно с очевидностью доказать: сегодняшнее состояние Европы подтверждает это. Если затем вспомнить, что только в Германии в результате воздушных налетов не только разрушена большая часть почти всех городов, но что при этом значительно более миллиона гражданского населения поплатилось своей жизнью, что только при одном единственном массированном налете на город Дрезден погибло около трехсот тысяч человек, то можно будет установить, что гаагские правила ведения сухопутной войны не могут являться правильным отображением, во всяком случае во многих областях военного права, тех законов и обычаев, которым необходимо следовать во время войны. Если в этом отношении все же остаются какие-либо сомнения, то они безусловно устраняются последствиями взрыва двух атомных бомб, которые сравняли с землей Хиросима и Нагасаки и убили сотни тысяч людей.

При этих обстоятельствах положения гаагских правил ведения сухопутной войны не могут быть использованы даже в переносном смысле и при соответствующем их применении для обоснования индивидуальной уголовной ответственности.

При таком положении дел следует считать невозможным установление общих и ясных признаков состава преступления, так называемого военного преступления. Учитывая то, что и статья 6-я Устава Международного Военного Трибунала также дает лишь примерное перечисление этих признаков, на вопрос, следует ли в определенного рода поведении усматривать состав военного преступления или нет, можно дать ответ только в конкретных случаях, но и тогда лишь при учете всех обстоятельств дела.

Приводя доказательства индивидуальной ответственно-

сти подсудимого Франка, представители обвинения предста-
вили в качестве доказательства США-609/864-ПС/ протокол
совещания фюрера с начальником ОКВ о характере отношений
между Польшей и Германией в будущем. Это совещание проис-
ходило 17 октября 1939 года. Утверждают, что уже этот
протокол, в котором, якобы, изложены административные
цели подсудимого Франка в генерал-губернаторстве, пред-
ставляют собой план или заговор, идущий вразрез с зако-
нами ведения войны и человечностью. Этот вывод, во вся-
ком случае, поскольку это касается подсудимого Франка,
не обоснован. Представители Обвинения не смогли доказать,
что фюрер дал подсудимому Франку поручение, которое
находилось в соответствии с теми административными
требованиями, которые были выдвинуты на этом совещании.

Это кажется весьма неправдоподобным также потому, что
выработанные на этом совещании директивы касались в
основном тех мероприятий, которые могли проводиться не
общей администрацией, а только полицией безопасности, СД
и остальными органами и управлениями рейхсфюрера СС
Гиммлера. В этой связи необходимо указать, прежде всего,
на полномочия, которые были предоставлены рейхсфюреру
СС Гиммлеру уже до этого совещания в качестве рейхскомис-
сара по укреплению германской нации. В действительности
в конце документа США-609 имеется указание на поручение,
данное Гиммлеру. Учитывая то, что подсудимый Франк уже
в середине сентября 1939 г., во время весьма непродол-
жительной беседы получил от Гитлера поручение взять
на себя обязанности главноначальствующего гражданской
администрации оккупированных польских областей и то,
что после этого он продолжительное время не видел Гитле
ра, можно с уверенностью предположить, что директивы,

H1210 – 0208

H1210 – 0209

выработанные на совещании между Гитлером и начальником ОКВ, были предназначены не для подсудимого Франка, а для рейхсюрера СС Гиммлера, под единоначальным руководством которого находились соответствующие исполнительные органы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, мы сейчас об"явим перерыв.

/Перерыв на 10 минут/.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, господа судьи! Другой документ, на который ссылались представители Обвинения и из которого также должна явствовать преступность административных планов подсудимого Франка, это доказательство США-297/ЕС 344-I6/, документ относится к совещанию, которое, якобы, имел подсудимый Франк 3 октября 1939 года с неким капитаном Вернером. Подсудимый Франк во время своего допроса в качестве свидетеля показал, что он никогда не делал таких или подобных высказываний какому-либо офицеру. В остальном уже при сравнении дат можно сделать вывод, что эта беседа, даже если она и состоялась, не может иметь никакого отношения к вопросам, обсуждавшимся на совещании между фюрером и начальником ОКВ, так как оно состоялось лишь I7 октября 1939 года, то-есть позже. Правда, не при пред"явлении доказательств в связи с индивидуальной ответственностью подсудимого Франка, а при представлении обвинений о так называемой германизации был пред"явлен документ - США № 300/66I-ПС/.

Это - меморандум, озаглавленный: "Правовые принципы германской политики в Польше с национально-политической точки зрения". Согласно пометке на титульном листе, юридическая часть этого документа должна была быть представ-

лена комитету прав национальностей академии германского права. Этот документ не может иметь доказательного значения при рассмотрении вопроса об индивидуальной ответственности подсудимого Франка. Во время дачи свидетельских показаний Франк заявил, что он не давал поручения написать эту работу и не знает ее содержания. Кроме того, за этим документом на данном процессе вообще не может быть признано никакой фактической доказательной ценности.

Сам меморандум не дает возможности сказать, кто был его автором и по чьему поручению он был составлен. Судя по содержанию и по форме, речь идет, очевидно, не об официальном документе, а о работе частного лица. В качестве места обнаружения документа указывается министерство юстиции в Касселе. А в действительности в течение многих десятилетий в Касселе вообще не существует министерства юстиции. Все эти обстоятельства сводят почти что на-нет материальную доказательную ценность этого документа.

Но какова бы ни была доказательная ценность протоколов совещаний, состоявшихся в 1939 году по случаю создания генерал-губернаторства, для оценки поведения подсудимого Франка не столь важно, что говорил Гитлер, сам Франк или другие лица в том или ином случае; важным является то, какую политику проводил в действительности подсудимый Франк по отношению к польскому и украинскому народу. И здесь не может быть никакого сомнения - и притом на основании общего результата представления доказательств и в особенности на основании записей в дневнике самого подсудимого, - никакого сомнения в том,

15425.

H1210 - 0210

H1210 - 0211

что он отказался осуществлять все тенденции и мероприятия, направленные на германизацию этих народов. Это со всей ясностью вытекает из представленных мною Трибуналу выдержек из дневника. Так, например, 8 марта 1940 года на совещании начальников отделов, то-есть людей, которые, будучи руководителями различных основных отделов, должны были практически проводить в жизнь его директивы, Франк заявил следующее:

"...фюрер поручил мне рассматривать генерал-губернаторство как родину польского народа. Следовательно, какая-либо германизация в любой форме невозможна. Я прошу вас в своих учреждениях строго следить за тем, чтобы применялись два языка. Я прошу вас также в районах и воеводствах указывать на то, что нельзя применять каких-либо насильственных мер против этой гарантии польской самобытности. Нам, следовательно, фюрер в определенном смысле поручил опеку над польской национальностью"... /Конец цитаты/.

Уже одно это заявление дает полную возможность сделать вывод о том, что те директивы, которые были составлены на совещании Гитлера с начальником ОКВ 17 октября 1939 года и которые имеются в документе США-609/864-ПС/, не могли быть положены в основе данного подсудимому Франку поручения. На основании всей деятельности высшего начальника СС и полиции на Востоке, начиная с первого дня его назначения на эту должность, можно с уверенностью сделать вывод о том, что Гитлер дал эти директивы, составленные на совещании с начальником ОКВ, рейхсфюреру СС Гиммлеру, если только они вообще были даны.

О том же самом говорит запись в дневнике от 19-го февраля 1940 года, где подсудимый Франк высказывается за создание польского правительственного или регентского совета.

В форме программы подсудимый Франк изложил данные им директивы по общему управлению на рабочем совещании начальников отделов, воевод и бургомистров Радомского округа 25 февраля 1940 года. Подсудимый Франк сказал там, между прочим, следующее:

"I. Генерал-губернаторство охватывает ту часть оккупированной польской территории, которая не является составной частью германской империи...

2. Эта территория предназначена фюрером для польского народа. Фюрер и генерал-фельдмаршал Геринг в Берлине все время подчеркивали мне, что эта область не подлежит германизации.

3. Согласно данным нам указаниям, по распоряжению фюрера, остаются в силе польские законы..."

7-го июня 1942 года подсудимый Франк дословно заявил следующее:

"Мы пришли в эту страну не как диктаторы. Наши намерения не носят террористического или эксплоататорского характера. Мы охраняем в этом пространстве жизненные права поляков и украинцев, согласованные с интересами великой Германии. Мы не лишили поляков и украинцев ни их церквей, ни их школ, ни их воспитания. Немец не хочет никого денационализировать насильственным путем; нас, немцев, и так достаточно, и мы знаем, что нужно родиться в нашей семье, чтобы быть ее членом и что это является честью быть членом этой семьи. Поэтому мы можем отстоять наши права перед всеми миром".

Эти примеры можно еще приумножить, и все они ясно показывают, что во всяком случае мероприятия, проводимые подсудимым Франком, всегда были направлены на достойное обсуждение с польской нацией и что он отвергал всякую политику насилия.

15427

H1210-0212

H1210-0213

Теперь я перехожу к так называемой чрезвычайной акции умиротворения. Когда в сентябре 1939 года закончилась польская кампания, это не означало прекращения всякого сопротивления. Уже вскоре после этого создались новые очаги сопротивления, и когда 9 апреля 1940 года германские войска заняли Данию и Норвегию, а 10 мая 1940 года германские войска перешли в наступление на западе, руководители тогдашнего польского движения сопротивления, учитывая общую политическую и военную обстановку, решили, что наступило время действовать. Это движение сопротивления было тем опаснее, что в нем принимали участие рассеянные, но значительные остатки бывшей польской армии. Из множества записей в дневнике подсудимого Франка следует, что положение в отношении безопасности в то время с каждым днем становилось все хуже. Так, например, запись от 16 мая 1940 года гласит:

"...Общая военная обстановка заставляет серьезнейшим образом рассмотреть вопрос о внутренней безопасности в генерал-губернаторстве. На основании ряда признаков и действий можно сделать заключение, что в стране проводится организованная польская кампания сопротивления и что мы стоим перед началом крупных бурных событий. Тысячи поляков об"единены уже сейчас в тайные кружки, вооружены и мятежным образом побуждаются к совершению всевозможных насильственных действий".

Учитывая это общее угрожающее положение, - это следует из дневника, - фюрер сам отдал приказ о проведении в целях поддержания общественной безопасности всех мер для подавления предстоящего восстания. Это задание через Гиммлера было передано высшему начальнику СС и полиции.

Администрация генерал-губернаторства сначала не имела к этому ни малейшего отношения. Она вмешалась в это дело для того, чтобы по возможности предотвратить насильственные мероприятия полиции безопасности и СД и при любых условиях добиться того, чтобы при этой акции не погибли невиновные. На основании тех показаний, которые были даны подсудимыми Франком и Зейсс-Инквартом в качестве свидетелей, а также показаний свидетеля доктора Бюлера, можно считать установленным, что усилия администрации генерал-губернаторства увенчались успехом постольку, поскольку все члены движения сопротивления, захваченные во время этой чрезвычайной акции, были на основании распоряжения, изданного в 1939 году, преданы специальному суду/штандгерихт/, перед и кроме того, приговоры этих специальных судов/"штандгерихт/ перед приведением их в исполнение представлялись на утверждение специально созданного для этой цели комитета по помилованию, который во многих случаях распорядился об изменении приговора. Председателем этого комитета, разбиравшего ходатайства о помиловании, был до своего назначения на пост имперского комиссара в Нидерландах подсудимый доктор Зейсс-Инкварт. Как следует из его показаний, не менее половины всех смертных приговоров, вынесенных специальными судами, была заменена лишением свободы. В остальном я в связи с этой чрезвычайной акцией умиротворения ссылаюсь на свидетельские показания и на выдержки из дневника подсудимого Франка, оглашенные мною здесь для записи в протоколы.

В индивидуальном обвинении подсудимому Франку вменяется в вину то, что он поддерживал переселенческие планы имперского комиссара по укреплению германской

H1210-0214

H1210-0215

нации. и таким образом также виновен в совершении военных преступлений. Совершенно ясно, что переселение, даже в том случае, если оно проводится планомерно и хорошо подготовлено, представляет собой большие трудности для тех лиц, которых оно непосредственно затрагивает, ибо во многих случаях переселение равнозначно уничтожению экономической базы существования. Несмотря на это, кажется весьма сомнительным то, что проведение переселений представляет собой состав военного преступления или преступления против человечности и притом по следующим причинам:

Сейчас Германия наводняется миллионами людей, которые изгнаны из своих домов и хозяйств и которые могут назвать своей собственностью только то, что они везут с собой. Возникшая в результате этого нищета, которая еще больше увеличивается из-за разрушений, причиненных войной, настолько ужасна, что епископы Кельнской и Падерборнской епархий сочли необходимым 29 марта 1946 года обратить на это положение внимание всего мира. Ими, в частности, было сказано следующее:

"...Еще несколько недель тому назад мы сочли своим долгом высказать наше мнение по поводу вопиющих событий на востоке Германии, прежде всего в Силезии и в Судетской области, где более чем 10 миллионов немцев жестоко изгоняются с их исконной родины без расследования личной вины в каждом отдельном случае. Нельзя описать этого безмерного ужаса, который чинится без принятия во внимание человечности и справедливости. Все эти люди без всякого имущества скучиваются на оставшейся территории Германии, не имея возможности обеспечить себе существование. Нельзя предположить, что эти толпы людей, изгнан-

ных из родины, не будут впоследствии непримиримыми элементами и элементами, способствующими нарушению мира".

Господа судьи!

Я упоминаю это не для того, чтобы указать на огромную опасность, которая должна возникнуть в результате подобных мероприятий в связи с тем, что, учитывая предполагаемое сокращение территории Германии, ей придется на территории, которая по сравнению с 1919 годом будет урезана на 22 процента, кормить население, которое увеличилось на 18 процентов, и таким образом в будущем на один квадратный километр будет приходиться 200 жителей. Я указываю на это положение также не для того, чтобы заявить, что в случае продолжения данной экономической политики и в случае сохранения так называемого промышленного плана Германия будет итти навстречу катастрофе, последствия которой повлияют не только на немецкий народ. То, что эти факты относятся к делу, явствует из следующего:

Изгнание миллионов немцев с их исконной родины последовало на основании решения, принятого 2 августа 1944 года...

/К микрофону подходит представитель советского обвинения генерал Руденко/.

РУДЕНКО: Простите, господин председатель, что я прерываю защитника, но мне думается, что рассуждения господина защитника и критика решений Потсдамской конференции никакого отношения к данному делу не имеют.

15501

H1210 – 0216

H1210-0217

ЗАЙДЛЬ: Г-н председатель, разрешите мне кратко высказаться. Я не собираюсь заниматься здесь критикой решений потсдамской конференции. Для меня в данном случае важно установить соответствует ли с точки зрения положению Устава поведение,вменяемое в вину подсудимому Франку составу преступления против человечности или военного преступления. Только в рамках рассмотрения этого вопроса я счел необходимым коснуться решений так называемой Потсдамской конференции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль,Трибунал считает,что ваша ссылка на Потсдамскую декларацию не относится к делу,и поэтому мы поддерживаем возражение генерала Руденко.

Прошу перейти к другой части вашей речи.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель,я полагаю,что у Суда имеется перевод проекта моей защитительной речи. Сейчас мне не совсем ясно, распространяется ли вынесенное только что решение Трибунала также и на сделанные мною на странице 38 выводы?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да,оно и относится к ним.Я думаю,что вы можете перейти к странице 40,где вы начинаете рассмотрение еврейского вопроса. Это - второй абзац,на странице 40.

ЗАЙДЛЬ: Хорошо,г-н председатель.

Подсудимого Франка обвиняют в том,что он в нарушение законов войны и человечности санкционировал и осуществлял программу истребления польских евреев. Правильно то,что в ряде речей, которые были произнесены подсудимым Франком,как генерал-губернатором, имеются высказывания об еврейском вопросе. Представленные Обвинением выдержки из дневника в основном исчерпывают все,что имеется в нем на 10 - 12.000 машинописных страницах по этому

вопросу. Нельзя оспаривать того,что подсудимый Франк никогда не скрывал своих антисемитских убеждений. Он подробно говорил об этом в своих показаниях, когда он выступал в качестве свидетеля.

Однако совсем другим вопросом является вопрос о том, какое значение следует придавать записям в дневнике,которые были представлены Обвинением в этой связи. Здесь речь идет,в большинстве случаев, это только рассуждения подсудимого Франка, его речи. Представители Обвинения даже не попытались привести доказательства существования причинной связи между этими рассуждениями и мероприятиями, проводившимися полицией безопасности против евреев.

На основании результатов представления доказательств в частности показаний свидетелей доктора Бильфингера и свидетеля д-ра Бюлера,на основании тайного указа о полномочиях полиции безопасности и СД от 1939 г., а также указа о задачах статс-секретаря безопасности, можно считать установленным,что все мероприятия,касающиеся евреев проводились в генерал-губернаторстве исключительно рейхсфюрером СС Гиммлером и его учреждениями. Это относится как к созданию гетто и установлению в них порядков,так и к так называемому окончательному решению еврейского вопроса.

Что касается последнего,то на основании показаний свидетелей Вислицени и Хесса и на основании документов, представленных Обвинением, можно сказать, что эти мероприятия проводились в соответствии с приказом Гитлера и что проведением их занимался очень ограниченный круг лиц, который состоял из нескольких фюреров СС из отдела IУ-а - 4-б главного имперского управления безопасности и начальников концентрационных лагерей.

15503

H1210 – 0218

H1210-0219

Администрация генерал-губернаторства не имела никакого отношения к этим мероприятиям. Установлено,что представленные Обвинением антисемитские высказывания подсудимого Франка не имеют никакой причинной связи с так называемым окончательным решением еврейского вопроса. Установить эту причинную связь следует прежде, чем вообще начинать рассмотрение вопроса о противозаконности или вине, ибо подробное рассмотрение этих вопросов окажется тогда совсем ненужным, тем более,что состав какого-либо наказуемого действия имеется налицо только в том случае, если дело дошло по крайней мере до попытки, т.е. если, по меньшей мере, было приступлено к его выполнению.Высказывания подсудимого Франка, содержащиеся в его дневнике,не являются даже подготовкой преступления,если учитывать принципы уголовного права всех цивилизованных наций.

Памятуя об отношениях,существовавших между генерал-губернатором,с одной стороны,и рейхсфюрером СС Гиммлером и начальником СС и полиции в генерал-губернаторстве Крюгером,с другой, отношения,доходившие иногда до разрыва,кажется,совершенно невозможным расценивать высказывания подсудимого Франка как подстрекательство или помощь. Наоборот, представленными доказательствами устанавливается, что все усилия подсудимого Франка проверить возникшие слухи об уничтожении евреев,хотя бы в своей области,потерпели неудачу.Ради полноты картины, следует еще упомянуть,что концентрационный лагерь Освенцим находился не в генерал-губернаторстве,а в той части бывшего польского государства, которая была присоединена к Верхней Силезии.

Из Обвинительного заключения не ясно, следует ли в самом факте создания концентрационных лагерей и управ-

ления ими усматривать состав военного преступления, преступления против человечности или же Обвинение видит в факте создания подобных лагерей только часть так называемого общего плана. Если отвлечься от преступлений, совершавшихся в концентрационных лагерях и считать сущностью концлагерей то, что в них содержались люди, в силу своих политических убеждений опасные по причинам государственно-полицейского порядка и по соображениям безопасности, люди, лишенные возможности защищать себя, то кажется по меньшей мере сомнительным, не сочтут ли любые оккупационные власти своим правом принимать в интересах поддержания общественного порядка и безопасности подобные же меры. Помимо того, что не национал-социалисты и вообще не-немцы впервые создали подобные лагери, следует указать на следующее обстоятельство: только в американской оккупационной зоне Германии по сообщениям...

Д-р КЕМПНЕР: Г-н председатель, это совершенно не относится к делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зайдль, вы хотите что-либо сказать в ответ на это возражение?

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, я прошу отклонить это возражение со стороны обвинения по следующим причинам: я не намереваюсь критиковать действия оккупационных властей, для меня сейчас важен лишь вопрос о том, соответствует ли определенное поведение подсудимого Франка, которое вменяется ему в вину, составу наказуемого преступления. Я считаю, что на то, на что имеют право одни оккупационные власти, должны иметь право при равных обстоятельствах и другие оккупационные власти, тем более, если обвинения, пред'являемые подсудимому Франку, относятся к действиям, которые были совершены им во время войны, тогда как война с Германией закончилась самое позд-

H1210 – 0220

H1210-0221

нее 8 мая 1945 г. и,следовательно особой эти мероприятия не диктуются необходимостью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал поддерживает возражение Обвинения. Ваши заявления не подтверждаются никакими доказательствами. Во всяком случае Трибунал считает их совершенно не относящимися к делу.

ЗАЙДЛЬ: Я полагаю,г-н председатель, что я могу перейти тогда на страницу 44, последний абзац.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я так думаю.

Д-р ЗАЙДЛЬ: Не зачем вдаваться в детали этого вопроса,потому что пред'явление доказательств показало, что как раз подсудимый Франк с первого дня прихода национал-социализма к власти боролся против всякой системы полицейского государства и,прежде всего, клеймил существование концентрационных лагерей,как института,который ни при каких обстоятельствах не может быть совмещен с идеей правового государства. В этой связи я указываю на показания свидетеля д-ра Штеппа, на собственные показания подсудимого и,прежде всего, на выдержки из его дневника, пред'явленные мной во время представления доказательств. Представленные доказательства показали также, что создание концлагерей и управление ими входило в задачи ведомства рейхсфюрера СС Гиммлера. Как на территории империи, так и во всех областях оккупированных германскими войсками, они подчинялись исключительно главному административно-хозяйственному управлению СС или генеральному инспектору концентрационных лагерей. Ни генерал-губернатор,ни общая администрация генерал-губернаторства не имели с ними ничего общего.

Другим пунктом обвинения против Франка является обвинение его в том, что он оказывал поддержку насилию и экономическому принуждению,как средству для получения

рабочих в целях отправки их в Германию. Правильно,что во время прошедшей войны многие поляки прибыли в Германию на работы. Но здесь следует учесть следующее:

Еще до первой мировой войны ежегодно в Германию прибывали сотни тысяч поляков в качестве сезонных рабочих. Этот поток сезонных рабочих не прекратился и в период между первой и второй мировыми войнами. В результате неудачного проведения границы генерал-губернаторство оказалось чрезвычайно перенаселенной областью. Производительные сельскохозяйственные районы отошли к Советскому Союзу в то время, как важные промышленные области были присоединены к империи. При этих обстоятельствах и в виду отсутствия полезных ископаемых единственным ценным средством производства была рабочая сила населения. В первые годы,вследствие отсутствия других факторов производства, она не могла быть достаточно полно использована. Во избежание безработицы и,прежде всего, в интересах поддержания общественного порядка и обеспечения безопасности, администрация генерал-губернаторства должна была стремиться отправить в Германию возможно большее количество рабочих. Действительно,нельзя ставить под сомнение то,что в первые годы управления генерал-губернаторством большинство польских рабочих направлялось в Германию добровольно. Когда же позднее, в результате беспрерывных воздушных налетов на Германию были превращены в развалины не только города,но и фабрики, и когда значительная часть германского военного производства была переведена,по соображениям безопасности, в генерал-губернаторство, само собой разумеется, подсудимый Франк должен был стремиться воспрепятствовать дальнейшему вывозу рабочей силы. Кроме того подсудимый Франк с самого нача-

15507

H1210 – 0222

H1210 – 0223

ла осуждал всякие насильственные меры при вербовке рабочих и уже по одним только соображениям безопасности, и во избежание создания новых очагов беспорядков, он боролся против применения насильственных мер. Это установлено на основании показаний свидетелей д-ра Бюлера и д-ра Беппле. Это также вытекает из большого количества записей в дневнике. Во время представления своих доказательств, я указал на многие из этих записей. Так, например, запись от 4 марта 1940 года. Цитирую:

"...Я отказываюсь от издания указа об особых принудительных мерах и угрозе наказания, как того требует Берлин. При всех обстоятельствах следует избежать мероприятий, которые могли бы привлечь внимание внешнего мира. Все говорит против насильственной отправки людей".

14 января 1944 года он высказался подобным же образом в разговоре с начальником полиции безопасности. Я цитирую:

"Господин генерал-губернатор решительным образом протестует против того, чтобы при мобилизации рабочих использовать полицейские силы". К этой цитате я могу прибавить еще очень много других.

Далее я ссылаюсь на пред'явленные мной доказательства, в которых говорится об обращении с польскими рабочими в Германии. Подсудимый Франк никогда не переставал заботиться об улучшении положения польских рабочих в империи.

Впрочем, кажется, правовые нормы в вопросе мобилизации иностранных рабочих не совсем ясны. Я не намереваюсь вдаваться в подробности этих норм. Защитник подсудимого Заукеля будет подробно говорить здесь по этому вопросу. Дополнительно я хотел бы сказать следующее:

В литературе по международному праву не оспаривает-

ся тот факт, что признанное уголовным правом понятие чрезвычайного положения применимо и в области международного права.

Если жизненным интересам государства грозит опасность то оно может защитить их путем нарушения законных интересов третьей стороны. Даже те авторы, которые оспаривали возможность применения понятия чрезвычайного положения в международном праве - а их меньшинство - представляют государству, находящемуся под угрозой, "право самосохранения", т.е. право удовлетворять государственную необходимость за счет справедливых интересов других государств. В международном праве существует общепризнанный принцип, что государство не обязано ждать того момента, когда оно окажется перед непосредственно грозящей опасностью гибели. Не может быть сомнений в том, что после вступления США в войну, в связи с которым практически для разгрома Германии были сосредоточены все производственные силы и военная мощь почти всего мира, германская империя очутилась в таком положении, которое не только грозило гибелью государству как таковому, но сверх того ставило под вопрос само существование народа. При этих обстоятельствах за государственным руководством должно быть признано право использовать в своей оборонительной борьбе также ту рабочую силу, которая находится в оккупированных областях.

Впрочем, нельзя не упомянуть еще об одном обстоятельстве: Обвинение утверждает, что многие, если даже не все, иностранные рабочие были вывезены в Германию насильно и что там они должны были выполнять тяжелые работы в недостойных человека условиях. Можно как угодно судить о результатах представления доказательств по этому вопросу,

15509

H1210 – 0224

H1210 – 0225

но нельзя скрыть того факта, что в Германии еще и до сих пор проживают сотни тысяч иностранных рабочих, которые будто бы по принуждению были увезены в Германию. Они отказываются сейчас возвращаться к себе на родину, хотя теперь им никто больше не мешает. Следует полагать, что насилие было не так уж велико и что обращение с ними в Германии было не таким уж плохим, как это здесь утверждает Обвинение.

Другой пункт Обвинения касается вопроса закрытия школ. Неважно от того, есть или нет в международном праве какое-либо положение, на основании которого закрытие школ могло бы рассматриваться как военное преступление или как преступление против человечности. Вряд ли оно есть вообще и тем более в военное время, когда, как известно, не только в Германии, но и во многих других воюющих государствах работа школ была значительно сокращена. Более детально останавливаться на этом вопросе не стоит, хотя бы потому, что в результате представления доказательств уже выяснилось, что в большинстве случаев школы были уже закрыты к тому моменту, когда подсудимый занял пост генерал-губернатора. Во время всей своей деятельности, он не оставил не испробованным ни одного средства для того, чтобы наряду с народными и профессиональными школами вновь наладить работу школ повышенного типа. В этой связи я упоминаю только созданные им курсы, дававшие высшее образование.

Советское обвинение пред'явило в качестве документального доказательства № СССР-336 распоряжение подсудимого от 2 октября 1943 года о борьбе с налетами на германские строительства в генерал-губернаторстве, и о предании участников налетов специальным судам /штандгерихт/.

15510

Нет никакого сомнения в том,что это распоряжение отходит от тех требований,которые пред'являются судопроизводству в нормальных условиях.Правильно оценить этот документ можно лишь в том случае, если будут учтены все обстоятельства,которые привели к его изданию.

В общем необходимо сказать,что работа по созданию администрации генерал-губернаторства велась в такой области и при таких обстоятельствах,которые относятся к самым трудным, когда-либо вообще существовавшим. После крушения польского государственного аппарата,германские власти как в организационном,так и в административном отношении пришли на пустое место. Во всех областях администрации нужно было начинать с самого начала. И если, несмотря на все трудности, относительно быстро удалось устранить ущерб,причиненный войной, в первую очередь,восстановить транспорт, то это - неоспоримая заслуга.

1940 год является,пожалуй, единственным годом,когда восстановительная работа на территории генерал-губернаторства могла вестись по крайней мере в относительно нормальных условиях. С началом 1941 года началось подтягивание германских войск к границам Советского Союза. Наступило время величайшего напряжения в работе администрации генерал-губернаторства.Генерал-губернаторство превратилось в величайшую ремонтную мастерскую и величайшую военную транзитную область,какую когда-либо знала история. Это вызвало ухудшение положения в смысле безопасности. Вновь начало усиливаться движение сопротивления, принявшее еще более широкие масштабы. Положение в отношении безопасности становилось все более угрожающим, когда германские армии были вынуждены прекратить свое наступление в России и когда после катастрофы под Сталинградом наступление сменилось отступлением по всему фронту. В течение 1943 г. деятельность движения сопро-

15511

H1210 – 0226

H1210 – 0227

тивления и прежде всего деятельность многочисленных партизанских банд,в которых были об'единены тысячи деклассированных элементов, приняла такие размеры,что она угрожала в скором времени сделать невозможным всякое упорядоченное управления.

Администрация генерал-губернаторства вынуждена была все время заниматься этим вопросом. Так 3I мая 1943 г. состоялось рабочее совещание правительства генерал-губернаторства,на котором рассматривался вопрос о безопасности и во время которого начальник управления внутренней администрации должен был констатировать следующее: Я цитирую из дневника:

"...В деятельности банд замечается все больше и больше систематичности. Они перешли к систематическим разрушениям различных учреждений германской администрации, к хищению денег, к добыванию себе пригудих машинок и аппаратов для размножения печатных материалов, к уничтожению списков жителей и списков рабочих,к захвату или сожжению штрафных книг и списков налогоплательщиков. Участились налеты на важные предприятия,на лесопильни,молочные фермы, винокуренные заводы,на мосты,железнодорожные сооружения и почтовые отделения. Организация банд приняла строго военный характер".

В течение лета и очени 1943 г. в результате усилившейся деятельности партизан и улучшения их военной организации и вооружения,безопасность в генерал-губернаторстве была поставлена под угрозу в такой степени,что при создавшемся положении,вероятно,было бы целесообразнее передать все управления генерал-губернаторства соответствующему главноначальствующему и ввести чрезвычайное положение. Ибо фактически существовавшее в генерал-гу-

13512

бернаторстве положение нельзя назвать иначе, как только войной. Это было время, когда каждую минуту можно было ждать начала общего восстания по всей стране.

Несмотря на все это, усилия подсудимого Франка были направлены на предотвращение насильственных мер со стороны полиции безопасности и СД. Для того, чтобы хотя бы в известной мере сдерживать полицию безопасности и СД и по меньшей мере создать какую-то гарантию против возможных перегибов, подсудимый Франк согласился издать распоряжение об организации специальных судов /штандгерихте/, подписанное им 9 октября 1943 года.

Как ясно видно из содержания данного распоряжения, его целью была цель профилактического порядка. Оно должно было запугать банды, что без сомнения на некоторое время удалось. Впрочем, представленные доказательства показали, что наряду с этими специальными судами, продолжали свою работу комитеты помилования, и что многие приговоры специальных судов были отменены ими.

15513

H1210 – 0228

H1210 – 0229

В ходе настоящего процесса неоднократно упоминался отчет бригаденфюрера СС Штроопа от 1943 г. об уничтожении Варшавского гетто, документ США-275 (1061-ПС). Как из этого отчета, так и из ряда других документов вытекает, что все мероприятия, связанные с варшавским гетто, были проведены исключительно на основании непосредственного указания рейхсфюрера СС и начальника германской полиции Гиммлера. Я ссылаюсь на аффидевит бригаденфюрера СС Штроопа от 24 февраля 1946 года, который представлен обвинением под номером США-804 (3841-ПС), и на письменные показания, данные под присягой бывшим ад"ютантом начальника СС и полиции Варшавы Карла Калеске от того же дня, документ США-803 (3840-ПС). Из этих документов явствует, что эти мероприятия, как все остальные мероприятия полицейского характера, проводились исключительно полицией безопасности или службой безопасности по непосредственному приказу рейхсфюрера СС Гиммлера, начальника СС и полиции на Востоке или по указанию главного имперского управления безопасности. Общая администрация генерал-губернаторства не имела к этим мероприятиям никакого отношения.

Далее Советское Обвинение в соответствии с 21-й статьей Устава пред"явило в качестве документа СССР-93 отчет польского правительства. В этом отчете не делается различия между областями, которые вошли в состав германской империи и областями бывшего польского государства, которые были об"единены в генерал-губернаторстве. Прежде всего этот отчет не содержит никаких точных данных о личной ответственности подсудимого Франка. Поэтому нет необходимости подробно останавливаться на этом большом по об"ему документе, который точно так же, как и Обвинительное заключение, представляет собой общие обвинения, не содержащие подробных сведений и доказательств, оправдыва-

щих сделанные выводы. Критические соображения, которые следует выдвинуть против этого отчета, должны быть приняты во внимание на основании хотя бы того, что к этому отчету приобщено в качестве документального доказательства приложение № 1, называющееся: "директивы о политике в области культуры", которые должны очевидно, представлять собой указания генерал-губернатора или его администрации. На самом же деле ни в бюллетене распоряжений по генерал-губернаторству, ни в каком-либо другом документе ничего подобного нет. Во время допроса свидетеля доктора Бюлера, последний заявил, что администрация генерал-губернаторства никогда не издавала таких или подобных директив. Учитывая уже только этот факт, за документом СССР-93 можно признать факт-ическую документальную силу лишь в той степени, в какой содержащиеся в этом отчете утверждения доказаны с помощью подлинных документов или других безупречных доказательных средств. Согласно обвинительному заключению и в частности, согласно пред"явленным обвинением досье, подсудимый Франк должен нести ответственность за недостаточное снабжение польского населения продовольствием. Но обвинение не смогло представить никаких документальных доказательств того, что в управляемых подсудимым Франком областях свирепствовали голод или эпидемии. Наоборот, представленные доказательства показали, что благодаря усилиям подсудимого Франка в 1939 г. и 1940 г. удалось добиться того, что империя согласилась на поставку не менее, чем 600 тысяч тонн зерна. Таким образом удалось преодолеть обусловленные войной трудности с питанием. Правильно, что в последующие годы генерал-губернаторство с помощью поставок зерна внесло весьма значительный вклад в дело ведения войны. При

13515

H1210 – 0230

H1210 – 0231

этом не следует забывать, что эти поставки зерна оказались возможными благодаря необычайному росту производства сельскохозяйственной продукции в генерал-губернаторстве, что в свою очередь можно было осуществить в результате проведения дальновидной экономической политики, в частности, в результате посылки туда сельскохозяйственных машин, семян и т.д. Не следует также забывать о том, что зерно, которое генерал-губернаторство представляло империи, начиная с 1941 г. не в последнюю очередь шло на питание польских рабочих, занятых на работах в империи, и что это зерно использовалось для обеспечения соответствующего баланса всей европейской торговли.

В принципе по этому вопросу следует сказать следующее:

В ряде пунктов обвинительного заключения подсудимому Франку инкриминируется административная деятельность как генерал-губернатора, при этом не сделано даже попыток дать хоть в какой-то степени правильное изображение всей деятельности подсудимого и указать на трудности, с которыми было связано выполнение им своих задач. Не может быть никакого сомнения в том, что такой метод рассмотрения дела нарушает основные правила всякого уголовного процесса. Общепризнанное положение, которое вытекает из принципов уголовного права всех цивилизованных наций, заключается в том, чтобы любой процесс рассматривался во всей своей совокупности, в основу вынесения приговора следует класть все обстоятельства дела, которые вообще могут быть сочтены заслуживающим рассмотрения. В данном случае это кажется тем более необходимым, что против подсудимого Франка выдвигается обвинение в том, что он в течение долгого времени проводил политику подавления, эксплоатации и германизации.

15576

Господа судьи! Если бы у подсудимого Франка действительно имелись такие намерения, то он смог бы выполнить их значительно легче. Не за чем было издавать ежегодно сотни распоряжений, которые например, за 1940 г. ~~[illegible]~~ составляют вот целый том, который я держу в руках. Подсудимый Франк с первого дня своей деятельности об"единил все экономические силы подчиненной ему области и проводил такую экономическую политику, которую можно назвать только политикой восстановления. Без сомнения он делал это для того, чтобы укрепить производственную мощь германского народа, который в тот момент вел борьбу не на жизнь а на смерть. Не может быть также никакого сомнения в том, что успехи этих мероприятий пошли на благо польскому и украинскому народам. Я не собираюсь подробно останавливаться на этих фактах. Я хотел бы лишь просить Суд принять к сведению отчетный доклад, который был составлен главой правительства 26 октября 1943 г. в связи с четырехлетним существованием генерал-губернаторства.

Этот отчетный доклад основывающийся на докладах министерств, включил в представленные мною книги документов. Он находится в четвертом томе, на 42-й странице. Этот доклад дает сжатое описание мероприятий и успехов административной деятельности подсудимого за эти четыре года, причем в нем освещаются все области - ремесленное хозяйство, сельское хозяйство, торговля и транспорт, финансы, кредитное хозяйство, народного здравоохранения и т.д. Только при учете этих фактов можно дать в какой-то степени правильную оценку общего положения вещей. Лишь мимоходом следует упомянуть, что подсудимому Франку удалось настолько успешно ликвидировать опасность эпидемий, в частности сыпного и

15514

H1210 – 0232

H1210 – 0233

брюшного тифа, как это не было возможным в этих областях в течение многих предшествующих десятилетий.

Если многое из того, что было достигнуто под руководством подсудимого Франка в генерал-губернаторстве было вновь уничтожено, при последующих военных действиях, то на основании этого нельзя выдвигать каких-либо обвинений против администрации, которая не имела ничего общего с военными мероприятиями.

Господа судьи!

Само собой разумеется, я не собираюсь оспаривать того, что в районах, называемых генерал-губернаторством во время этой войны были совершены ужасные преступления. Были созданы концентрационные лагери, в которых производилось массовое уничтожение людей. Расстреливались заложники. Проводились конфискации и т.д. Сам подсудимый Франк меньше всего хотел оспаривать это; ведь он сам в течение пяти лет вел борьбу против всех насильственных мероприятий. Обвинение в качестве документального доказательства США-610/437-ПС, представило меморандум, который был послан Франком фюреру 19 июня 1943 г. В этом меморандуме на странице 11 он в 9 пунктах остро критикует все недостатки, которые создались в результате насильственных мероприятий, проводимых полицией безопасности и службой безопасности и перегибов различных имперских инстанций. Все его усилия покончить с этими недостатками были безуспешными. Эти 9 пунктов в основном составляют сущность обвинения, выдвинутого здесь против Франка. Однако из содержания всего меморандума от 19 июня 1943 г. совершенно ясно вытекает, что подсудимый оспаривает свою ответственность за эти неполадки. Из этого отчета следует, что за описанные в нем неполадки не могут нести ответственность

ни подсудимый, ни общая администрация генерал-губернаторства, а лишь вышеназванные организации, т.е. полиция безопасности и СД персонально начальник СС и полиции на Востоке. Если бы у подсудимого Франка были средства для ликвидации осуждаемых им безобразий, то он не стал бы посылать Гитлеру этот меморандум. Он тогда сам смог бы сделать все необходимое. А процесс представления доказательств показал, что этот меморандум от 19 июня 1943 г. не был единственным документов, направленным фюреру по этому вопросу. На основании показаний свидетелей доктора Ламмерса и доктора Бюлера и свидетельских показаний самого подсудимого установлено, что подсудимый, начиная с 1940 года систематически с промежутками в несколько месяцев обращался с жалобами и меморандумами как лично к Гитлеру, так и к начальнику имперской канцелярии. Тему этих жалоб составляли насильственные мероприятия и перегибы со стороны начальника СС и полиции начальника и полиции безопасности и начальника СД. Но все эти жалобы не имели никакого успеха.

Кроме того, на основании представленных доказательств можно утверждать, что подсудимый Франк все время делал Гитлеру предложения относительно улучшения взаимоотношений между администрацией генерал-губернаторства и населением. Меморандум от 19 июня 1943 года облечен в форму широкой политической программы. Между прочим, в этом меморандуме содержатся все основные пункты жалобы по желанию генерал-губернатора ему передал в феврале 1943г. руководитель главного украинского комитета и которая была пред"явлена Обвинением в качестве документального доказательства США-178 (1526-ПС). Эти предложения были полностью отклонены Гитлером.

15519

H1210 - 0234

H1210 - 0235

При таких обстоятельствах следует спросить, что же мог сделать подсудимый Франк. Само собой разумеется, он должен был уйти в отставку. Это он также пытался сделать. Он не менее 14 раз подавал прошение о своей отставке и причем в первый раз уже в 1939 г. Столько же раз Гитлер отклонял это прошение, сколько представлялось ходатайство. Подсудимый Франк сделал даже больше. Он обратился к фельдмаршалу Кейтелю с просьбой разрешить ему снова вступить в ряды вооруженных сил в чине лейтенанта. Это было в 1942г. Но Гитлер отказал ему в выполнении и этого желания. При учете всех перечисленных фактов возможен лишь один вывод, а именно, что Гитлер видел в подсудимом Франке такого человека, за спиной которого с помощью Гиммлера и органов полиции безопасности и СД он мог проводить все мероприятия, которые он считал необходимыми для достижения своих политических целей.

Господа судьи! Когда стало очевидным, что Гитлер и рейхсфюрер СС Гиммлер намеревались устранить последние остатки правового государства и когда стало ясно, что власть полиции не знала никаких границ и что государство превращалось в полицейское государство, тогда выступил подсудимый Франк в 4-х больших речах обратился к германской общественности с последним призывом о возвращении к идее правового государства. Его выступления относятся к периоду, когда Гитлер находился в зените своей власти. Он обратился с этим призывом к германской общественности в то время, когда германские армии шли на Сталинград и на Кавказ, а германские танковые армии в Африке стояли около Эль-Аламейна, в ста километрах от Александрии. Во время представления доказательств я оглашал отдельные

15320

выдержки из этих больших речей, произнесенных подсудимым Франком в Берлине, Гейдельберге, Вене и Мюнхене. В этих речах совершенно Франк призывает отказаться от какой бы то ни было формы полицейского государства сохранить верность идее правового государства, независимости судьи права как такового. Отклик, вызванный этими речами в кругах блюстителей права был очень силен. К сожалению, на них не откликнулся более широкий круг лиц, и в первую голову, те люди, в чьих руках находились все средства для того, чтобы приостановить роковое развитие.

Последствия попытки предотвратить гибель идеи правового государства известны. Подсудимый Франк был освобожден от всех занимаемых им партийных должностей. Он был смещен с поста президента академии германского права. Руководство национал-социалистским союзом блюстителей права было отдано в руки имперского министра юстиции Тирака. Гитлер запретил Франку выступать с какими-то не было речами.

После этого подсудимый Франк подал прошение об отставке с должности генерал-губернатора. Гитлер отклонил это прошение как и все остальные. В письме имперского министра и начальника имперской канцелярии подсудимому было сообщено, что внешнеполитические соображения не дали фюреру возможности удовлетворить их прошение. Согласно всему тому что было установлено на этом процессе в ходе пред"явления доказательств, можно с уверенность заявить, что не только и во всяком случае не в первую очередь эти соображения побудили Гитлера не принять отставку Франка.

Решающим при отклонении ~~ать~~ого прошения было, очевидно, то соображение, что целесообразнее заставлять полицию безопасности и прочие органы рейхсфюрера СС Гимлера выпол-

15521

H1210 - 0236

H1210 - 0237

нять данные им задания не открыто, а втихую, при сохранении общей гражданской администрации, возглавляемой генерал-губренатором.

Само собою разумеется, что этот открытый резерв между подсудимым Франком, с одной стороны, и Гитлером и представителями государственно-полицейской системы, олицетворяемой рейхсфюрером СС Гиммлера и начальником СС и полиции на Востоке, а с другой, не мог остаться без последствий для положения подсудимого на его посту генерал-губернатора. В еще большей степени, чем это имело место прежде, самые различные имперские инстанции вмешивались в управление генерал-губернаторством.

С лета 1942 г. стало совершенно ясно, что начальник СС и полиции на Востоке и руководимые им органы полиции безопасности и службы безопасности вообще больше не заботились об указаниях генерал-губернатора и общей администрации.

Как в генерал-губернаторстве, так и в самой империи правовые институты все более отходили на задний план. Государство превращалось в чисто полицейское государство, его развитие не удержимо направлялось по тому руслу, которое предвидел и которого боялся подсудимый Франк. Уже 19 ноября 1941 г. на совещании руководителей управлений и руководителей национал-социалистского союза блюстителей права подсудимый следующим образом высказался по этому поводу :

"Право не должно деградировать до уровня об"екта торговли. Его нельзя продавать. Оно или существует или не существует. Право - это не биржевой товар. Если право не поддерживать, то государство теряет моральную опору, оно

15322

погру жается в пропасть мрака и ужаса".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал начнет вечернее заседание в 2 часа 10 минут.

(Об"является перерыв до 14.10)

15523

H1210 – 0238

H1210 – 0239

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 11 июля 1946 г.

/ Вечернее заседание /

Встать ! Суд идет !

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Панненбекер.

/ к микрофону подходит защитник подсудимого Фрика адвокат Панненбекер /.

ПАННЕНБЕКЕР: Господин председатель, господа судьи. Согласно обвинениям, выдвинутым здесь доктором Кемпнером от имени американской делегации, подсудимому Фрику вменяется в вину совершение преступных действий, предусмотренных статьей 6 п.п."а", "б" и "в" Устава.

Я хочу прежде всего коснуться вопроса о том, должна ли ст. 6 Устава рассматриваться, как руководящая норма материального уголовного права, устанавливающая в непреложной и обязательной для Трибунала форме, какие действия должны считаться наказуемыми, или же ст. 6 Устава определяет процессуальные нормы, устанавливающие подсудность определенных преступлений настоящему Трибуналу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Так как сейчас уже почти половина третьего, то мы будем продолжать заседание до четырех часов без перерыва. Пожалуй, это будет удобнее для переводчиков.

ПАННЕНБЕКЕР: Последняя точка зрения нашла свое отражение в выступлениях обвинителей, а именно в указании сэра Хартли Шоукросса на то, что ст.6 Устава восполняет собою существовавший ранее пробел в процедуре отправления международного уголовного правосудия, но что нормы материального

уголовного права, подлежащие применению к подсудимым, установлены уже ранее посредством законов. В соответствии с этим, ч.II Устава, начинающаяся со ст.6, озаглавлена: "Юрисдикция и общие принципы", из чего можно сделать вывод, что ст. 6 предназначена к тому, чтобы установить в процессуальном отношении подсудность определенных видов преступлений данному Трибуналу.

Доводы сэра Хартли Шоукросса имели целью опровергнуть возражение, состоящее в том, что недопустимо и противоречит одному из основных правовых принципов привлечение кого-либо к ответственности за действие, которое в момент его совершения не являлось наказуемым. Это возражение вызвано тем толкованием, что Устав создал новые нормы материального уголовного права, имеющие обратную силу.

Надо рассмотреть, является ли запрет придавать закону обратную силу настолько важным правовым принципом, что его нельзя нарушить.

Я не должен излагать Трибуналу причины, на основании которых этот принцип получил всеобщее признание во всех цивилизованных государствах, как предпосылка и основное требование справедливости.

Обвинение вменяет подсудимым в вину то, что они сами постоянно нарушали право и справедливость и делает из этого тот вывод, что подсудимые по настоящему процессу поэтому не могут ссылаться на этот правовой принцип.

Однако, я не думаю, что такой аргумент может являться решающим в настоящем процессе.

Обвинение ответило отрицательно на другой вопрос, идущий

15325

H1210 – 0240

H1210 – 0241

еще далее, а именно, не будет ли правильным, применяя к подсудимым их собственные методы, вообще не предоставлять им на данном процессе возможности осуществлять свою защиту нормальным судебным порядком.

Однако такой метод простого применения власти победителей в отношении подсудимых был сознательно отвергнут державами-победительницами по причинам, подобно изложенным Обвинением.

Наоборот, сэр Хартли Шоукросс обратился к Трибуналу с просьбой применить на этом процессе "неоспоримые принципы международных обычаев".

Однако, если судебный процесс должен вестись таким образом, необходимо в свете этих же правовых принципов решить вопрос о том, должны ли действия, вменяемые подсудимым в вину, рассматриваться как преступления, которые могут караться в соответствии с общепринятыми основными международными обычаями.

Если применение такого важнейшего правового положения, как запрет придавать уголовному закону обратную силу, ставится в зависимость от того факта – заботились ли сами подсудимые о соблюдении законности и справедливости, то этим самым нарушаются основные международные обычаи. Сознательное и продуманное решение держав, подписавших соглашение о том, что деяния подсудимых должны рассматриваться в открытом судебном процессе с соблюдением всех правовых принципов и международных обычаев, означает не только судебную процедуру, обеспечивающую подсудимым все судебные гарантии, но это решение означает также соблюдение всех основных принципов и гарантий, даваемых материальным правом, а сюда относится

H1210 – 0242

и тот принцип, что уголовный закон обратной силы не имеет.

В этой связи я хочу указать на то, что распоряжение национал-социалистского правительства о придании в отдельных случаях обратной силы уголовному закону вызвало возмущение всего цивилизованного мира. Об этом говорил уже д-р Штамер. В то время нарушение этого правового принципа вызвало всеобщее осуждение и расценивалось, как значительный шаг назад в области цивилизации.

Далее, я прошу Трибунал вспомнить о том, что в качестве одного из первых мероприятий, направленных на восстановление права, нарушенного национал-социалистами, оккупационные власти об"явили утратившими силу законы, придававшие обратную силу материальным уголовным законам.

Поэтому я полагаю, что имеются веские основания для того, чтобы рассматривать ст.6 Устава в соответствии с текстом ее заголовка, как норму, определяющую юрисдикцию настоящего Трибунала, тем более, что державы, подписавшие соглашение, уже высказались столь решительно за строгое и обязательное восстановление запрета придания обратной силы уголовному закону.

Если толковать ст.6, как определяющую юрисдикцию данного Трибунала, то Трибуналу надлежит самому решить не только вопрос о доказанности пред"явленных обвинений, но и правовой вопрос, существует ли в каждом отдельном случае материальный уголовный закон, предусматривающий наказание за действия, вменяемые в вину подсудимым. Такой возврат к нормам материального уголовного права, ~~действовавшим~~ существовавшим во время совершения соответствующих действий, не означает невозможности предания суду подсудимых настоящего Трибунала за такие действия, которы

при всех обстоятельствах являются преступными. Однако, отсюда вытекает ряд ограничений, которые, по мнению защиты, допустимы скорее, чем нарушение такого существенного принципа справедливого суда, состоящего в том, что закон не имеет обратной силы.

Таким образом, я отстаиваю ту точку зрения, что вполне возможно и не противоречит требованию справедливой кары за военные преступления истолкование статьи 6-й Устава в соответствии с ее заголовком, как нормы, определяющей процессуальную компетенцию настоящего Трибунала, а не как новой нормы материального уголовного права.

Дальнейшие об"яснения касаются вопроса о "заговоре", но д-р Штамер так подробно останавливался на этом, что я могу пропустить эти страницы. Я продолжаю со страницы 7.

Устав не содержит указания на то, что подсудимый должен нести ответственность за такие совершенные им действия, которые выходят за пределы его участия в общем планировании.

Формулировка Устава " во исполнение общего плана" не противоречит тому толкованию, что Устав устанавливает ответственность за действия, совершенные в пределах согласованного плана.

В таком об"еме предположение об ответственности за действия, совершенные другими, соответствует требованиям справедливости; за этими пределами оно было бы нарушением основных правовых принципов.

Защита поэтому считает,что в тех случаях, когда речь идет о действиях, совершенных другими и за которые подсудимый должен нести ответственность, необходимы доказательства того, что эти действия и форма их исполнения отвечали намерениям подсудимого.

15528

H1210 – 0243

H1210 – 0244

Пример: участие отдельного подсудимого в вооружении, вопреки постановлениям Версальского договора, еще не означает, что этот подсудимый также желал агрессивной войны, которую позднее планировали другие лица в дальнейшем развертывании плана вооружения германского народа.

Я хотел бы вернуться к отдельным видам преступлений, участие в которых инкриминируется подсудимому Фрику. В первую очередь, как утверждает Обвинение, подсудимый участвовал в планировании и подготовке агрессивной войны. Относительно проблемы, является ли агрессивная война уголовным преступлением с точки зрения правосознания данной эпохи, я, во избежание повторений, сошлюсь на мнение проф. Ярретса, к которому я в отношении подсудимого Фрика полностью присоединяюсь.

Как показывают его убедительные доводы, существует лишь одна возможность осудить отдельных лиц за соучастие в агрессивной войне, как уголовно-наказуемом преступлении, а именно, если вопреки утверждениям сэра Хартли Шоукросса, применить Устав, как норму материального уголовного права, впервые определяющую агрессивную войну, как уголовный деликт, и притом имеющую обратную силу. Из иного толкования ст.6 Устава, а именно как процессуальной нормы, определяющей юрисдикцию данного Трибунала, по мнению защиты, вытекает следующий вывод. Хотя Суд признан компетентным для рассмотрения преступлений против мира, это однако не доказывает еще виновность отдельных подсудимых, потому что для этого отсутствует основная предпосылка, а именно возможность установить, что подсудимыми нарушены какие-либо

действующие нормы международного права или же правовые нормы отдельных стран, которые в то время определяли агрессивную войну, как уголовно-наказуемое преступление, совершить которое могут отдельные лица.

Государственные деятели ~~опоздали~~ не успели в промежутке между двумя мировыми войнами издать соответствующие постановления, обязательные для всех, из которых стало бы ясно, что веревка на шею приготовлена каждому, кто после первого страшного истребления народов, захочет развязать вторую мировую войну.

Утверждение Обвинения, что подобные постановления международного права необходимы, является абсолютно убедительным, но это не меняет того факта, что такие постановления все же не были своевременно созданы тогдашними государственными деятелями.

Недостающая правовая норма не может быть возмещена отдельным постановлением об уголовном преследовании или приговором суда, чьей задачей является применение общего права, но не нововведение для какого-либо особого единичного случая.

Теперь я обращусь к фактам, приводимым Обвинением в доказательство участия подсудимого Фрика в планировании и подготовке агрессивных войн.

Такую деятельность Обвинение усматривает уже в самом раннем сотрудничестве Фрика с партией, которое продолжалось до 1933 года ~~с целью приведения~~ и способствовало приходу Гитлера к власти.

Таким же образом Обвинение расценивает дальнейшую деятельность Фрика после прихода Гитлера к власти, когда он содействовал укреплению мощи партии и ее руководства

15530

H1210 – 0245

H1210 – 0246

путем внутриполитических мероприятий и, в частности, своим участием в законодательных мероприятиях, благодаря которым были созданы вооруженные силы, и, наконец, своим участием в мероприятиях по прямой подготовке к войне.

Исходя из того, что с точки зрения уголовного права имеет значение лишь преднамеренное соучастие подсудимого в подготовке к агрессивной войне, я должен подойти к вопросу - представлено ли Обвинением доказательство того, что Фрик сознавал, что его содействие в достижении партией ее целей, является подготовкой к войне, т.е. что он сам участвовал в подготовке войны.

В связи с этим, Обвинение утверждает, что Гитлер и его партия с самого начала открыто преследовали цель изменения внешнеполитического положения Германии посредством войны. На основании этого утверждения, Обвинения заявляет, что не требуется специальных доказательств в подтверждение того, что каждый подсудимый, поддерживавший Гитлера и его партию, тем самым сознательно содействовал подготовке агрессивных войн. В доказательство того, что Гитлер со своей партией с самого начала планировали агрессивную войну, Обвинение ссылается на партийную программу и называет отмену Версальского договора одной из целей партии. Однако, в программе партии не говорится ни слова о том, что подобная цель должна быть достигнута при помощи оружия.

Программа партии, как это между прочим выяснилось при допросе подсудимого фон Нейрата, не содержит доказательств того, что намерение вести агрессивную войну существовало

15331

с самого начала. Этого не видно и из остальных официальных партийных изданий, относящихся к периоду перед приходом Гитлера к власти. Ввиду того, что партия в своей официальной печати не проявляла желания добиваться ревизии Версальского договора силой оружия, она еще до 1933 года была официально разрешена даже за пределами Германии, как например, в 1930 г. в Данциге с согласия тогдашнего верховного комиссара Лиги Наций и польского президента. С этого времени, как Гитлер вступил в правительство, т.е. с 30 января 1933 года, когда он стал ответственным руководителем правительства, он занял совершенно недвусмысленную позицию относительно путей и целей германской внешней политики и высказывал свои намерения как в официальных речах и беседах, так и в частных разговорах.

При каждой возможности со времени своего прихода к власти, он всегда одинаково подчеркивал свое настоятельное стремление к миру и свое отвращение к войне, подкрепляя эти высказывания убедительными аргументами. Он все время заявлял о том, что определенных изменений Версальского договора он решил достичь только мирным путем.

Нет необходимости повторять цитаты из речей Гитлера, которые были приведены Обвинением в доказательство того, каким образом Гитлер обманывал весь мир и подвластный ему народ своими речами о мире.

Мир, как и немецкий народ, принимал всерьез эти заверения Гитлера, которые он, будучи главой правительства, повторял без конца.

Поэтому те, кто с самого начала были убеждены в том, что

15532

H1210 – 0247

H1210 – 0248

Гитлер желает войны, и высказывали свои предостережения, оставались в безнадежном меньшинстве по всему миру.

На то, что мир серьезно верил мирным заверениям Гитлера, Обвинение указывало не раз. Лучшим доказательством того факта, что иностранные государственные деятели, знакомые с партийной программой, были также обмануты этими мирными заверениями, служит то, что они проглядели вооружение Германии, проводившееся Гитлером для агрессивной войны, в которую ни в Германии, ни во всем мире никто не верил всерьез, кроме тех, кто был непосредственно посвящен в тайные планы Гитлера.

Программой партии и отдельными дикими речами, которые произносились перед 1933 годом во время парламентской оппозиции, все же не доказывается постоянная подготовка агрессивной войны, начатая еще 20 лет тому назад. Это признает всякий, кто когда-либо брал в руки программу партии.

Далее, Обвинение утверждает, что если намерения, связанные с войной, вначале не всем были известны, то все же подсудимый Фрик должен был обязательно знать о подготовке Гитлером агрессивной войны, благодаря тем задачам, которые он выполнял с 30 января 1933 года в качестве министра внутренних дел.

Эта деятельность включала мероприятия, направленные на усиление внутриполитической власти Гитлера и его партии. В этой связи Обвинение указывало на то, что Фрик участвовал в разработке законов, которые были направлены на уничтожение в парламенте и в провинциях оппозиции правительственной системе Гитлера и в законодательных мероприятиях по ликвидации подлинного самоуправления в городах и общинах, а также в зако-

нодательных и административных мерах, с помощью которых противники национал-социализма были отстранены от участия в общественной, хозяйственной и политической жизни.

Обвинение указало на то, что без этих мероприятий Гитлер не смог бы начать новой войны. Для того, чтобы можно было рассчитывать на ее успех, необходимой предпосылкой являлся окончательный разгром оппозиции в стране и установление абсолютной диктатуры Гитлера.

И все же эти мероприятия, которые я перечислил, не находились в непосредственной связи с подготовкой к войне, ибо они ~~мероприятия~~ имели смысл и значение и без связи с ~~позднейшей~~ войной, как мероприятия внутренней политики национал-социализма; кроме того, не доказано, что подсудимый Фрик был посвящен в дальнейшие планы Гитлера, который собирался, укрепив свою власть внутри страны, затем добиться выполнения внешнеполитических целей партии не мирными средствами, а путем войны.

Даже, если считать установленным, что укрепление внутриполитической власти было для Гитлера предпосылкой для его военных планов, ставших известными позднее, то все же это не меняет дела, если не будет доказано, что Гитлер с самого начала рассматривал внутриполитическую власть, как предварительную ступень к ведению войн и что Фрик знал об этом тогда, когда участвовал в тех мероприятиях в области внутренней политики, которые теперь вменяются ему в вину.

Без такого доказательства, эти мероприятия, как относящиеся целиком к сфере внутренней политики, не могут,

13534

H1210 – 0249

H1210 – 0250

согласно положениям Устава, являться предметом рассмотрения данного Трибунала.

Но подобное доказательство отсутствует и, кроме того, нужно сказать, что Фрик, будучи типичным чиновником министерства внутренних дел, свои мероприятия рассматривал, как абсолютно самостоятельные действия, которые нисколько не должны быть связаны с внешнеполитическими делами.

Для иного суждения не дают основания также и те меры, которые были направлены непосредственно на созданиe военной мощи Германии, т.е. введение всеобщей воинской повинности и занятие демилитаризованной Рейнской зоны.

В качестве имперского министра внутренних дел, подсудимый Фрик издавал распоряжения по линии гражданской администрации ~~для~~ об учете военнообязанных, вследствие чего он должен был подписать также закон о всеобщей воинской повинности.

Но и эти мероприятия сами по себе все же не могут рассматриваться, как подготовка какой-либо агрессивной войны. Восстановление всеобщей воинской повинности и установление военного суверенитета Германии в демилитаризованной области на западе обосновывались Гитлером перед его сотрудниками и перед мировой общественностью такими аргументами, справедливость которых была признана повсюду, и многие иностранные государственные деятели после того, как прошел первый испуг, продолжали верить в мирные заверения Гитлера и считали, что нет серьезных оснований для того, чтобы бояться воинственных стремлений Гитлера.

15525

Безусловно, Гитлер 23 ноября 1939 г. сам заявил главнокомандующим / документ 789-ПС, США-23/, что вооруженные силы он создал для того, чтобы воевать.

Однако, это свое намерение Гитлер до этого времени маскировал так удачно, что ему верили, как в стране, так и за границей и, как показали представленные доказательства, верили даже члены его собственного кабинета, непосвященные в его тайные планы.

Этим объясняется то, что многие из подсудимых заявляют, что хотя они и согласились на восстановление вооруженных сил Германии, вопреки условиям Версальского договора, но не желали войны и свое участие в восстановлении вооруженных сил Германии не рассматривали, как участие в планировании агрессивных войн. Что касается подсудимого Фрика, то, с точки зрения защиты, отсутствуют доказательства того, что Гитлер посвящал его в свои военные планы, а поэтому его содействие восстановлению немецких вооруженных сил не может рассматриваться, как преднамеренное участие в планировании войны. Это же самое относится к деятельности подсудимого, направленной на то, чтобы централизовать гражданскую администрацию на случай возможной войны. Эта задача была возложена на подсудимого на основании второго закона о защите империи от 4 сентября 1938 года, в котором он назван "генеральным уполномоченным по делам имперской администрации".

Я еще раз хочу указать на то, что должность генерального уполномоченного по делам имперской администрации была создана лишь вторым законом о защите империи и что, таким образом, первым законом о защите империи от 21 мая 1935 г.

15526

H1210 – 0251

H1210 – 0252

она еще не предусматривалась.

Но еще задолго до создания этого управления и даже до 1933 года референты министерства обсуждали тему "защиты империи". После 1933 г. они через неопределенные промежутки времени собирались на заседания так называемого "комитета по защите империи", как это явствует из документов, пред"явленных Обвинением. На этих совещаниях не обсуждалась подготовка к агрессивной войне; они занимались общими вопросами, связанными с защитой империи, как это происходит обычно во всех других странах. Затем, на основании первого закона о защите империи от 21 мая 1935 года, организация имперской обороны стала более четкой, чему способствовало, в частности, назначение генерального уполномоченного по военной экономике. Подсудимый Шахт во время своего допроса подробно говорил о том, что этот пост, согласно указаний, содержавшихся в первом законе о защите империи, был введен не для подготовки агрессивных войн, а для переустройства экономики для целей обороны на случай агрессивной войны, начатой другими странами.

Точно так же обстояло дело с должностью генерального уполномоченного по имперской администрации, которая была учреждена 4 сентября 1938 года вторым законом о защите империи и на которую был назначен подсудимый Фрик по той причине, что он был имперским министром внутренних дел.

Введение этой должности имело целью централизацию всей гражданской администрации в интересах защиты отечества. Даже, если Гитлер, судя по тем документам, которые были пред"явлены здесь Суду, во время создания второго закона

о защите империи уже хотел войны, то все же защита подсудимого считает важным установить, мог ли Фрик в то время знать об агрессивных намерениях Гитлера на основании содержания самого закона, подготовительных работ к нему, документов или другой информации, имевшихся в его распоряжении.

В самом законе не отражается намерение Гитлера использовать его в качестве инструмента для подготовки агрессивной войны.

Задачи, поставленные перед подсудимым Фриком, как генеральным уполномоченным по делам имперской администрации, состояли исключительно в концентрации внутреннего управления Германии на случай любой войны или военной угрозы. Это явствует из дополнительно представленного здесь документа ПС-3787, США-782. Закон сформулирован таким образом, что в нем говорится только о защите империи в случае войны. Закон говорит о "состоянии обороны" и предусматривает случай "внезапной угрозы территории империи", ~~при наступлении которого~~ когда необходимо принять соответствующие меры.

В законе нет никакого указания на то, что Гитлер планировал начать войну. Это вполне соответствует принципу, много раз упоминавшемуся здесь, которого Гитлер придерживался даже в отношении людей, непосредственно его окружавших и который состоял в том, что никто не должен знать о планах Гитлера больше, чем это нужно для выполнения своей непосредственной работы. Учитывая этот принцип, нельзя предполагать, тем более, что это совершенно не доказано, что министерству внутренних дел сообщалось больше, чем было необходимо для принятия им мер, обеспечивающих защиту империи в случае внезапной угрозы нападения со стороны других государств

15328

H1210 - 0253

H1210 - 0254

путем проводившегося для этой цели концентрирования всех ресурсов внутреннего управления страны.

Мне не нужно подробно останавливаться на том, что подобное мероприятие не может расцениваться, как преднамеренная подготовка к агрессивной войне, поскольку соответствующим учреждениям внутренней администрации было сказано, что эти меры необходимы для обороны империи против угрожающей со стороны других государств агрессии, в чем Гитлер сумел убедить всех тех, кому не следовало знать о его тайных планах и кто, несмотря на это, должен был содействовать проводимому им вооружению и перестройке государства на случай войны.

Я должен лишь остановиться вкратце на некоторых документах, относящихся к деятельности подсудимого Фрика в качестве генерального уполномоченного по вопросам имперской администрации. ~~в империи~~.

В своей речи от 7.III.1942 года Фрик говорил об этой должности / документ 2608-ПС, США-714/, заявив, что планомерная подготовка аппарата управления была проведена еще в мирное время, для чего и была учреждена должность имперского генерального уполномоченного по вопросам администрации

Таким образом, эта речь подтверждает только то, что следует из текста самого закона. Точно также обстоят дела с документом 2986-ПС, США № 409, представляющим собой аффидевит подсудимого, где подтверждается то же самое.

Поэтому должность генерального уполномоченного по вопросам администрации вместе с созданной этим законом должностью генерального уполномоченного по вопросам экономики

и должностью начальника штаба ОКВ, не могут рассматриваться, как некий "триумвират", в руках которого сосредоточивалась вся правительственная власть Германии. Ни в самой Германии, ни за ее пределами никогда не говорили о том, что Германия управляется подобным триумвиратом. Свидетель Ламмерс указал на то, что задачи, которыми занимались эти лица, имели явно второстепенное значение, выполнялись ими путем издания распоряжений и никакого отношения к подготовке агрессивной войны не имели.

Еще одна область деятельности подсудимого расценивается Обвинением, как участие в подготовке агрессивной войны. Речь идет о поддержке Фриком союза немцев, проживающих заграницей.

Я ссылаюсь на документы "Фрик № 4" и 3258-ПС, представленный под № ВБ-262. Оба документа свидетельствуют о том, что Фрик поддерживал вышеназванный союз, как об "единение немцев, живущих заграницей, задачей которого являлось поддержание культурной связи между ними.

Однако, из документов не следует, что Фрик проводил какую-либо деятельность с целью поддержки так называемой "пятой колонны" за границей.

Следующим документом, из которого Обвинение заключило, что Фрик одобрял политику агрессивных войн, является аффидевит Мессершмита 2385-ПС, США-68. Ряд подсудимых указывал на неточность этого аффидевита и, в частности, подсудимый Шахт во время своего допроса доказал, что этот документ вообще не может быть правильным в основных пунктах.

Обвинение не могло предоставить этого свидетеля для перекрестного допроса. Я возражаю против использования этого

15340

H1210 – 0255

H1210 – 0256

аффидевита в качестве доказательства ~~в отношении~~ по делу Фрика тем более, что дополнительный опрос свидетеля путем опросного листа привел лишь к тому результату, что свидетель при помощи общих фраз уклонился от конкретного ответа на поставленные ему вопросы.

Ответы на опросный лист достаточно ясно показывают, что Мессершмит вообще не может дать конкретных показаний и, очевидно, при составлении им аффидевита сильно переоценил свою память.

Я не думаю, что его аффидевит, опровергнутый в основных пунктах, может быть использован для вынесения судебного приговора.

Для доказательства того, участвовал ли Фрик в сознательной подготовке агрессивной войны, Обвинение далее пред"явило документ Д-44, США-428.

Из этого документа явствует, что имперским министерством внутренних дел в 1933 году было дано указание составлять все официальные сообщения в такой форме, чтобы не давать заграице возможности усмотреть в них нарушения Версальского договора.

Из документа не видно, должны ли быть скрыты при помощи этих указаний действительные нарушения договора или же речь шла о том, чтобы избежать лишь видимости нарушения договора.

Приблизительно также обстоит дело и с документом 1350-ПС, США-742. Речь идет о записи совещания между руководством СА и имперским министром обороны, который в 1933 году сделал СА предложение о том, чтобы при помощи министерства внутренних дел бюджетные средства империи были использованы для военной

подготовки членов СА.

В документе говорится о том, как отнеслось министерство внутренних дел к этому предложению и, если оно приняло его, то это опять-таки доказывает лишь то, что министерство внутренних дел способствовало воссозданию германских вооруженных сил, факт, который и без того доказан.

Следовательно, все эти документы не доказывают, что обвиняемый Фрик воспринимал как подготовку к агрессивной войне те мероприятия, которые Гитлер приказывал проводить, как необходимые для обороны империи. Во время войны, в 1941 году, за несколько дней до начала войны с Советским Союзом, состоялось, правда, совещание между обвиняемым Розенбергом и представителями министеротв по вопросу о проведении мероприятий при возможной оккупации областей Советского Союза. Это явствует из документа 1039-ПС, США-146 - отчета Розенберга об этих переговорах, где сказано, что переговоры велись с "имперским министром Фриком" / стато-секретарь Штуккарт/." Взятое в скобки говорит о том, что имперское министерство внутренних дел на этих переговорах было представлено стато-секретарем Штуккартом, так что Фрик лично в переговорах не участвовал.

Так как переговоры имели место всего лишь за несколько дней до начала войны на Востоке, из документа не следует, что сам Фрик узнал об этих переговорах еще до начала войны, которая затем, как всем известно, была провозглашена Гитлером, как необходимая мера защиты от непосредственно угрожающего нападения Советского Союза.

На этом процессе при помощи многочисленных доказательств

15542

H1210 – 0257

H1210 – 0258

уже выяснено, насколько строго Гитлер хранил в тайне свои действительно агрессивные намерения и вообще, как он умел скрывать действительную цель всех своих политических мероприятий, т.е. войну в течение многих лет при помощи тысячи убедительных причин, которыми он оправдывал отдельные мероприятия своей агрессивной политики.

Существовал очень узкий круг сотрудников, которых Гитлер посвящал в свои военные планы, однако, этот круг был избран не на основании должностей, занимаемых соответствующими лицами в кабинете или же их положения в партийной иерархии, а исключительно под углом зрения того, должно ли соответствующее лицо с учетом выполняемой им самим работы в ~~пределах~~ плане подготовки войны, знать об агрессивном характере общей политики Гитлера или даже его детализированные агрессивные планы.

15543

Из документа 386-ПС - США № 25 видно, с какой последовательностью соблюдался принцип сохранения тайны, даже по отношению к руководящим членам партии и начальникам важных ведомств в имперском кабинете.

Тот, кто как министр внутренних дел должен был в рамках подготовки войны провести только такие мероприятия, которые были бы совершенно такими же в случае чистой обороны, не посвящался в агрессивные намерения Гитлера, принимая во внимание его основной принцип.

По этой причине присутствие обвиняемого Фрика не зарегистрировано также ни на одном из тех тайных совещаний, на которых Гитлер сообщал о своих внешнеполитических планах и своих военных целях кругу избранных лиц. В упомянутом только что документе 386-ПС Гитлер особенно подчеркивает и обосновывает то, что такие планы не должны обсуждаться имперским кабинетом, как высшим совещательным органом.

В другой записи о подобном совещании /документ Л-79, США-27/ изложен следующий принцип, что никому не разрешено ~~желается~~ знать что-либо о военных планах, если он непосредственно для своей работы не должен знать этих планов.

Фамилии Фрика нет не только среди присутствовавших на совещаниях у Гитлера, где говорилось о его агрессивной политике, провоцировавшихся перед началом войны, но то же самое относится и к многочисленным конференциям, посвященным дальнейшим целям войны и агрессивным намерениям Гитлера, которые провоцировались во время войны.

~~Также и~~ б) последующих ~~нападениях~~ актах агрессии обвиняемый Фрик также

15544

H1210-0259

H1210 – 0260

ранее не информировался и не привлекался к разработке их планов, что явствует из докладов Гитлера о своих планах и соответствующих списков лиц, присутствовавших на этих совещаниях, представленных Трибуналу.

Фрик, специалист по делам имперской администрации, считавшийся некомпетентным по военным и внешнеполитическим вопросам, был вполне подходящим лицом для создания гражданской администрации в случае возможной войны, но, по мнению Гитлера, его внешне-политические и военные планы ни в коей мере не касались Фрика.

Однако, Обвинение утверждает далее, что подсудимый Фрик после завоевания чужих областей и их оккупации определял административную политику в этих областях и несет за нее ответственность, и Обвинение расценивает эту деятельность подсудимого, согласно ст.6, пункт "А" Устава, как "участие в ведении агрессивных войн".

Как утверждает Обвинение, Фрик осуществлял "всеобщий контроль" над оккупированными областями, в частности, потому, что он был начальником "центрального управления" по делам оккупированных областей.

В виду выполнения им этих функций, на него возлагается ответственность за все военные преступления и преступления против человечности, которые были совершены в оккупированных и присоединенных областях перед войной и во время войны, вплоть до его отзыва с поста имперского министра внутренних дел 20 августа 1943 года.

Это-вопрос толкования права, расценивать ли деятельность в управлении оккупированными областями, согласно ст.6,

153-45

пункт "А" ~~статута~~ Устава, как "вещение агрессивных войн", или же наказуемыми являются лишь военные преступления и преступления против человечности.

Для решения этого вопроса мне кажется существенным, что в задачи чиновников гражданской администрации после того, как военные действия закончились, не входит проверять, имеется ~~здесь~~ налицо законная или незаконная оккупация, согласно норм международного права. Обязанность осуществлять такую проверку была бы непосильна для гражданской администрации, а также для ее главы, и деятельность этой администрации не может рассматриваться как незаконная на том основании, что управляемая ею область аннексирована в течение короткого или даже долгого периода в нарушение постановлений международного права. Подобного долга проверки не существует в практике гражданской администрации.

Устав также не принуждает к подобному толкованию, так как под вещением агрессивных войн при обычном толковании понимаются сами военные действия, а не управление завоеванными областями, осуществляемое позднее гражданской администрацией.

Такое толкование сделало возможным наказание за преступления, которые были совершены при управлении оккупированными областями. Во всяком случае, эти преступления, как преступления против человечности или военные преступления, согласно Уставу, подлежат наказанию. В связи с этим следует рассмотреть, за какие территории подсудимый Франк несет ответственность.

Это, прежде всего, те области, которые на основе государ-

25346

H1210-0261

H1210 - 0262

ственного права были включены в германскую империю и поэтому назывались "присоединенные территории". Эти области, со включением их на основе государственного права в империю, перешли под управление соответствующих имперских министерств, т.-е. в отношении внутренней администрации в ведение имперского министра внутренних дел; таким образом, подсудимый Фрик несет ответственность за ~~внутреннюю~~ администрацию этих областей в пределах того периода времени, когда он был министром, т.-е. до августа 1943 г.

~~Здесь речь идет~~ ~~На~~ востоке, это главным образом, ~~об~~ областях Восточной Пруссии - Позень - Данциг, т.-е. ~~о~~ так называемых присоединенных восточных областях, которые по Версальского договора принадлежали к государственной территории германской империи.

На востоке в таком же государственно-правовом положении находилась область Мемеля; на западе - район Эупен-Мальмеди, а на юго-востоке - Судетская область. Далее в германскую империю была включена Австрия.

В отношении всех этих областей Фрик участвовал в издании законов и проведении административных мероприятий, на основании которых было произведено их присоединение. За внутреннее управление этих областей он несет обычную ответственность министра внутренних дел вплоть до своей отставки в августе 1943 года.

На территории Богемии и Моравии, наоборот, существовало собственное правительство протектората, которое, согласно указу о создании протектората - документ 2119-ПС,

являлось автономным и соответственно этому не контролировалось имперским министерством внутренних дел.

Аналогичная администрация, независимая от имперского министра внутренних дел, существовала в польских областях, об"единенных под названием "генерал-губернаторство" и подчиненных "генерал-губернатору".

В противоположность так называемым "присоединенным восточным областям" имперский министр внутренних дел не имел права издавать распоряжения и проводить администрирование в генерал-губернаторстве,- документ 3079-ПС, содержащий указ фюрера об администрации в оккупированных польских областях. То же самое следует из других многочисленных документов, в том числе документа СССР-223, дневника Франка, в котором он заявляет, что в его областях никакие центральные имперские учреждения не имели права вмешиваться в управление.

То же самое относится ко всем остальным оккупированным областям, в которых в любой юридической форме существовала собственная администрация.

Эта собственная администрация никогда не зависела от соответствующих министерств в империи, она всегда подчинялась начальнику администрации данной области, который в свою очередь подчинялся непосредственно Гитлеру.

Это же распространялось на оккупированные советские области, администрация которых в общем подчинялась имперскому министру по делам оккупированных восточных областей.

То же самое верно в отношении Норвегии, куда был назначен имперский комиссар. В Нидерландах также существовал имперский комиссар, который также не зависел от имперского

15548

H1210 – 0263

H1210 – 0264

министра внутренних дел и непосредственно подчинялся Гитлеру.

В Люксембурге, Эльзасе и Лотарингии также существовали независимые от имперского министра внутренних дел начальники гражданской администрации, тогда как в Бельгии и Северной Франции существовала военная администрация, также независимая от имперского министра внутренних дел.

Начальники администрации в областях, оккупированных на юго-востоке Европы, также абсолютно не зависели от имперского министра внутренних дел. В части оккупированных областей в декретах о создании собственной гражданской администрации одновременно говорится о том, что имперский министр внутренних дел является центральной инстанцией, и на основании этой формулировки Обвинение сделало вывод об ответственности подсудимого Фрика за управление во всех оккупированных областях, как это изложено в Обвинительном заключении.

Фактические задачи центральной инстанции изложены в распоряжении о создании центральной инстанции для Норвегии - документ 3082-ПС или № 24 в книге документов Фрика. Дальнейшее пояснение этих задач дал свидетель д-р Ламмерс. В то время центральная инстанция в первую очередь имела своей задачей предоставлять в распоряжение начальников гражданской администрации оккупированных областях необходимый персонал, в соответствии с подаваемыми ими требованиями. Таким образом, если для какой-либо области нужен был гражданский чиновник, то администрация этой области обращалась в центральную инстанцию в имперском министерст-

15549

ве внутренних дел, которая затем предоставляла начальнику гражданской администрации какого-либо чиновника из империи Для этого имперское министерство внутренних дел было особенно удобным, так как в его распоряжении находились многочисленные чиновники внутренней администрации в Германии.

Но передача чиновника из собственного ведомства другому учреждению, которое, начиная с этого момента, дает этому чиновнику свои указания, не означает ответственности за дальнейшую деятельность этого чиновника в новом ведомстве, которому имперское министерство внутренних дел не могло давать никаких указаний. Например, если министр юстиции передает какого-либо своего чиновника министру иностранных дел, то за дальнейшую деятельность этого чиновника, естественно, несет ответственность только министр иностранных дел. Таким образом, эта деятельность центральной инстанции не оправдывает предположения об ответственности фрика за администрацию в оккупированных областях.

Требования о предоставлении чиновников для оккупированных областей рассматривались в имперском министерстве внутренних дел. Это было, как показал свидетель Ламмерс, - я цитирую из вышеупомянутого документа 3082-ПС:

"Унифицированное, согласующееся с потребностями Норвегии сотрудничество высших имперских властей между собой и с имперским комиссаром".

В соответствии с этим представленные доказательства по делам подсудимых Розенберга, Франка и Зейсс-Инкварта, которые являлись начальниками гражданской администрации в окку-

153-50

H1210 – 0265

H1210-0266

пированных областях, ни в одном случае не установили их сотрудничества в какой-либо форме с подсудимым Фриком, как имперским министром внутренних дел или руководителем центральной инстанции в этом министерстве.

Обвинение ссылалось на многие документы, чтобы доказать, что подсудимый Фрик осуществлял широкий контроль над всеми оккупированными областями.

Но в действительности эти документы не свидетельствуют о какой-либо более широкой административной деятельности, чем та, которую я только что описал. Документ 3304-ПС показывает то, что административная деятельность осуществлялась в отношении присоединенных восточных областей. Это согласуется с изложенными мною обстоятельствами, а именно, что присоединенные восточные области в своей внутренней администрации подчинялись имперскому министру внутренних дел на основании их законного включения в состав германской империи.

Однако, этот документ не имеет отношения к управлению оккупированными восточными областями, т.-е. генерал-губернаторством, или оккупированными советскими территориями.

Представленный далее документ 1039-ПС - США № 146 подтверждает факт перехода чиновников администрации из ведомства имперского министра внутренних дел имперскому министру по делам восточных оккупированных территорий, что является типичной функцией центральной инстанции, о чем я уже говорил.

Далее Обвинение представило документы, из которых следует, что имперское министерство внутренних дел оказывало

15351

H1210-0267

сопействие при представлении германского подданства. Но и это обстоятельство не показывает административных прав подсудимого Фрика в оккупированных областях, а опять-таки является типичной деятельностью министра внутренних дел, чье министерство ведает всеми делами о государственном подданстве, даже если это относится к лицам, живущим вне имперской территории.

Таким образом, и эта деятельность имперского министра не может служить доказательством проведения им широкой административной политики и общей ответственности подсудимого Фрика за управление оккупированными областями.

Фрик, в частности, не имел никакого права вмешиваться в деятельность полиции в оккупированных областях, не присоединенных к империи.

В отношении оккупированных областей полицейские задачи Гитлером были возложены непосредственно на Гиммлера /см. документ 1997-ПС - США-319, Указ Гитлера о полицейской охране в восточных областях, которая поручается непосредственно Гиммлеру/.

То же самое следует из документа 447-ПС - США-315, директивы ОКВ от 13.III.1941 г., в котором сказано, что на рейхсфюрера СС в оккупированных восточных областях возлагается особое задание, при выполнении которого он действует самостоятельно и на собственную ответственность. Также обстояло и с полицейскими функциями в других оккупированных областях; они осуществлялись рейхсфюрером СС Гиммлером или руководителями СС и полиции, которые опять-таки в дисциплинарном отношении подчинялись Гиммлеру, но в не-

15332

H1210 – 0267

H1210 – 0268

которых случаях были официально включены в аппарат соответствующего начальника гражданской администрации, например, генерал-губернатора в Польше. /Сравни выписку из дневника Франка в книге документов Фрика под № 25, а также документ СССР-223/. Таким образом, ни в одном случае полицейские задачи в оккупированных областях не были переданы подсудимому Фрику.

Поэтому подсудимый Фрик не может нести ответственности за преступления против человечности и за военные преступления в оккупированных областях, так как в этих областях они не могли совершаться по его приказу, и в то же время он не мог воспрепятствовать их совершению.

Что касается территории германской империи, я должен теперь обратиться к возлагаемой Обвинением на подсудимого Фрика ответственности за все мероприятия полиции, включая гестапо, а также за создание концлагерей и управление ими. Разрешите мне сначала сослаться на документы, представленные мною, из которых следует, что полиция, включая политическую полицию, в 1933 году была еще в ведении отдельных провинций внутри империи, т.-е. Пруссии, Баварии и т.д.

Соответственно этому в Пруссии тайная государственная полиция и концентрационные лагери были созданы Герингом, так как он был прусским министром внутренних дел и находились под его руководством. Затем задачи политической полиции на основании прусского закона от 30.11-1933 года перешли в ведение прусского премьер-министра, которым также был Геринг, так что при об"единении весной 1934 года

13353

поста имперского и прусского министра внутренних дел Фрику не перешли задачи политической полиции в Пруссии, а, наоборот, они остались у Геринга, как премьер-министра.

Подобный же порядок существовал в других провинциях, в которых постепенно Гиммлер стал особым уполномоченным по делам политической полиции.

Имперский министр внутренних дел в этот период имел только так называемое право "имперского надзора" над провинциями, которое Фрик осуществлял путем издания общих директив и распоряжений правового характера, и это был единственный путь, при помощи которого Фрик, как имперский министр, мог оказывать влияние на политическую полицию и концентрационные лагери.

Фрик использовал эту возможность для того, чтобы в соответствии со своей принципиальной позицией, о которой говорил свидетель Гизевиус, препятствовать произволу политической полиции и прекращать его, поскольку это было в его силах при существовавших условиях. Он пытался путем издания распоряжений правового характера ограничить произвол в практической деятельности политической полиции отдельных провинций.

Я сошлюсь на документ 779-ПС, который я пред"явил в качестве доказательства № 6 по делу Фрика. Это указ от 12.4.1934 года, вводящий определенные ограничения, причем очень характерна вводная часть. Я цитирую: "Для того, чтобы прекратить злоупотребления, имеющие место при назначении превентивного заключения..." ~~Конец цитаты~~.

Затем идут распоряжения правительствам провинций во

15554

H1210 – 0269

H1210 – 0270

многих случаях с отменой постановлений о превентивном заключении, незаконно вынесенных гестапо. В этой борьбе Фрика со злоупотреблениями политической полиции провинций последняя имела все преимущества, так как она находилась под руководством Геринга и Гиммлера, с которыми "бюрократ" Фрик - как Гитлер его презрительно называл - не мог даже сравниться в отношении влияния в партии и государстве.

Поэтому политическая полиция провинций часто на практике не выполняла распоряжений Фрика. Но Фрик не смотрел на это безучастно и вмешивался в тех случаях, когда он считал, что его вмешательство может привести в определенные правовые рамки анархическую практику политической полиции провинций.

Я сошлюсь на документ № 775-ПС, доказательство по делу Фрика № 9 - меморандум Фрика Гитлеру, который ясно называет вещи ~~своими~~ их именами, говорит о неустойчивости права, беспокойстве и озлоблении и резко критикует отдельные случаи злоупотребления правом превентивного заключения со стороны политической полиции провинций. Добавляю, что из этого же документа видно, что во время борьбы против церкви подсудимый решительно встал на сторону церкви; это подтверждается также документом "Нейрат № 1".

Я продолжаю дальше по тексту.

Свидетель Гизевиус в своих показаниях указал еще на один меморандум, проект которого он сам составил для Фрика. В качестве еще одной попытки сдержать произвол политической полиции провинций путем резкой критики и требования ввести правовой контроль за ее действиями.

Все эти попытки, однако, не имели успеха, потому что политическое влияние Фрика было слишком незначительным, и

13335

он не мог бороться против Геринга и Гиммлера и, кроме того, по той причине, что практика Геринга и Гиммлера в основном соответствовала тому, чего в действительности хотел сам Гитлер, хотя этого Фрик в то время еще не знал.

Пред"явленные Обвинением документы показывают, таким образом, в сочетании с показательствами, пред"явленными защитой, что Фрик в области политической полиции и регулирования превентивного заключения имел некоторые полномочия в тот период, когда полиция еще находилась в ведении отдельных провинций. Однако, эти показательства показывают также, что полномочия Фрика в этот период были весьма ограниченными и ~~эти показывают~~, что Фрик в пределах своей компетенции действовал исключительно для того, чтобы противиться террору и произволу гестапо путем издания общих директив и неоднократных протестов по отдельным случаям; следовательно, вывод о том, что Фрик в какой-либо степени принимал участие в терроре и актах насилия гестапо, необоснован.

В более поздний период правовое положение изменилось. Указом Гитлера от 17.6.1936 г. - документ 2073-ПС, в книге документов ~~Фрика~~ № 35 - задачи полиции по всей территории империи были об"единены и в целом переданы Гиммлеру, ведомство которого было формально включено в имперское министерство внутренних дел под наименованием "рейхсфюрер СС и начальник германской полиции в имперском министерстве внутренних дел".

Вопрос состоит в том, получил ли Фрик, будучи минист-

15556

H1210 – 0271

H1210 – 0272

ром внутренних дел, в соответствии с новой структурой, какое-либо право издавать приказы или практически осуществимое право давать указания политической полиции, ее органам и ее чиновникам. Когда Гиммлер по его собственному желанию, осуществления которого он смог добиться благодаря своему влиянию на Гитлера, был назначен начальником полиции на всей территории империи, в Германии перестало существовать министерство полиции на всей территории империи, в Германии перестало существовать министерство полиции или безопасности в собственном смысле этого слова.

Этим следует об"яснить то, что единоначальное руководство полицией в лице Гиммлера формально было включено в имперское министерство внутренних дел.

Гиммлер, однако, был больше, чем начальником управления в министерстве внутренних дел.

Поэтому для него и для его целей было создано положение, совершенно новое в германском административном праве. Вся компетенция полиции была отделена от остальных задач министерства внутренних дел и особо подчинена Гиммлеру; ему было присвоено специально учрежденное звание "рейхсфюрер СС", что давало Гиммлеру возможность осуществлять государственно-полицейские функции в качестве рейсфюрера СС, т.е. партийного руководителя, не зависевшего ни от каких распоряжений государственного министра.

Для того, чтобы особо подчеркнуть независимость его управления в слежубном отношении, Гиммлер с самого начала получил полномочия, приравнивавшие его к имперскому министр-

15557

ру, а именно самостоятельно и под собственную ответственность представлять интересы полиции в кабинете, как это вытекает из указа о его назначении - документ № 2073-ПС.

Этот указ как раз очень характерен для того переплетения компетенций, которое Гитлер так охотно создавал в своей правительственной системе.

Гиммлер был включен в министерство внутренних дел и в качестве чиновника министерства внутренних дел формально был связан распоряжениями министра. Однако, одновременно он был самостоятельным начальником полиции, облацавшим правом под свою собственную ответственность, помимо Фрика, представлять интересы полиции в кабинете.

Кроме того, он мог одновременно отдавать свои распоряжения, пользуясь авторитетом рейхсфюрера СС, в отношении которых Фрик вообще не имел никакого права вмешательства.

При фактическом проведении в жизнь этой запутанной системы еще сильнее проявлялось исключительное влияние Гиммлера на Гитлера.

Фрик не раз пытался, руководствуясь своими убеждениями, вмешиваться в интересах обеспечения упорядоченной деятельности государственного аппарата путем издания общих директив, которые должны были прекратить произвол, творимый политической полицией.

Путем издания указа от 25.1.1938 г. он пытался ограничить право применения превентивного заключения и исключить его применение для целого ряда случаев, в которых им злоупотребляли.

Я ссылаюсь на документ 1723-ПС, доказательство США -

15558

H1210 – 0273

H1210 – 0274

№ 206, выдержка из которого помещена в книге документов Фрика за № 36. Указ запрещает применение превентивного заключения, как замены наказания или, наряду с другой мерой наказания, назначенной Судом, запрещает применение превентивного заключения органами или низшими полицейскими инстанциями, предусматривает обязательную предварительную дачу показаний обвиняемым, регулярную проверку наличия причин, приведших к аресту, и принципиально запрещает применение превентивного заключения в отношении иностранцев, и предоставляет полиции право, в случае, если эти иностранцы занимаются вредной для государства деятельностью, высылать их с территории империи.

Возможно, здесь будет сделано возражение, что на практике гестапо никогда не обращало внимания на эти директивы Фрика, и Гиммлер и его подчиненные продолжали проводить абсолютное господство террора и насилия.

Это соответствует действительности и в деталях подтверждено свидетелем Гизевиусом.

Но для меня при защите Фрика важно нечто другое. Мне нужно показать, что Фрик сам не одобрял эти акты произвола и старался делать все, что было в его силах, для того, чтобы препятствовать их совершению.

В конце концов, Гитлер запретил ему и это. Он сообщил ему через Ламмерса, как последний подтвердил это в своих свидетельских показаниях, что он не должен заботиться о делах полиции, что Гиммлер лучше с этим справится один, полиция находится в надежных руках Гиммлера.

25559

Таким образом, полиция, наконец, окончательно перешла в руки Гиммлера, и он подчеркнул это также и формально, переотав через некоторое время, с согласия Гитлера, применять добавление "в министерстве внутренних дел" в наименовании своего ведомства, а именуя себя только "рейхсфюрер СС и начальник германской полиции", что также подтверждается показаниями Ламмерса.

Я полагаю, что при этих обстоятельствах ~~цель~~ для вопроса об уголовной ответственности подсудимого Фрика за политическую полицию и ее акты произвола не может быть решающим тот факт, что вся полиция с 1936 года формально была включена в министерство внутренних дел, так как доказано, что сам Фрик не участвовал в актах произвола, а, наоборот, все время пытался бороться против такой практики по мере своих сил, которые, однако, являлись совершенно недостаточными по сравнению с личностью Гиммлера и его влиянием на Гитлера.

Для того, чтобы решение было справедливым, я прошу основывать его на рассмотрении действительных условий подчинения и отдачи приказов, а не на чисто формальной улике, заключающейся в факте формальной передачи соответствующих функций министерству внутренних дел.

Я хочу добавить следующее. Обвинение во время представления своих материалов 3 июля 1946 года предъявило документ Д-181, ВБ-528 и заявило, что политическая полиция не только формально была включена в министерство внутренних дел, но что Фрик действительно несет ответственность за мероприятия полиции. В действительности этот документ сви-

15560

H1210-0275

H1210 - 0276

тельствует лишь о том, что Фрик, будучи министром внутренних дел, был причастен к вопросу стерилизации так называемых наследственных больных. Этот документ не имеет никакого отношения к мероприятиям полиции и, прежде всего, к мероприятиям политической полиции. Кроме того, он не освещает позицию Гиммлера в министерстве внутренних дел.

Продолжаю далее по тексту моей речи.

В этой связи я должен кратко остановиться на утверждении Обвинения о том, что указ Гитлера о назначении Гиммлера начальником германской полиции /документ № 2073-ПС/ был также подписан самим Фриком.

Я полагаю, что отношения между Фриком и Гиммлером и различное отношение к ним Гитлера достаточно выяснены для того, чтобы подтвердить вывод о том, что вопрос о назначении Гиммлера был решен только на основании соглашения между Гитлером и Гиммлером, возражения же Фрика были совершенно бесплодны.

Речь идет здесь о той же проблеме, которая касается многих из подсудимых, а именно о формальном подписании приказа, издаваемого по указанию Гитлера и формально подписываемого начальником ведомства, хотя начальник ведомства не имел никакого влияния на издание приказа и не мог предотвратить его издания; к тому же приказ и без подписи министра имел бы законную силу с точки зрения внутригосударственного права, как указ фюрера.

Теперь я должен остановиться на нескольких документах, которые Обвинение расценило как доказательства активного

13561

участия подсудимого Фрика в деятельности политической полиции.

Я уже касался документа 3304-ПС, на который Обвинение сослалось в этой связи. Это распоряжение об учреждении должности начальника полиции при имперском наместнике в восточных областях, включенных в состав германской империи. Следовательно, здесь рассматривается вопрос о структуре администрации ведомства имперского наместника в одной из частей империи.

Таким образом, указанное распоряжение относится к сфере общей компетенции министерства внутренних дел и не свидетельствует о какой-либо специальной полицейской деятельности.

Кроме того, к каким-либо актам произвола со стороны гестапо это распоряжение не имеет никакого отношения.

К этой же категории относится и указ от 20/9-1936 г. /документ № 2245-ПС/ о назначении референтов полиции при провинциальных административных управлениях в Пруссии, которые, как органы внутренней общей администрации империи, также подчинялись министерству внутренних дел.

Назначение полицейских референтов при органах общей администрации в провинции является мероприятием, касающимся внутреннего управления империи. Это мероприятие также не имело ничего общего с актами произвола гестапо, и оно не показывает, в частности, также, что выполнялись какие-либо директивы, которые подсудимый давал гестапо. Также обстоит дело и с документами, которые Обвинение расценило как доказательства участия подсудимого в создании концентрационных

15372

H1210 – 0277

H1210 – 0278

лагерей и в управлении ими или как одобрение террористических методов гестапо.

В речи от 22 ноября 1945 г. представитель Обвинения сослался на документ № 2538-ПС в качестве доказательства того, что подсудимый Фрик одобрял создание этих лагерей.

Незачем подробно останавливаться на содержании этого документа. Речь идет о статье подсудимого Франка в журнале Академии германского права. Обвинение по ошибке назвало автором статьи Фрика.

Следующий документ, по мнению защиты, не имеет достаточной доказательной ценности для того, чтобы быть принятым во внимание при вынесении приговора. Я имею в виду документ 2523-ПС, № 235, который содержит выдержку из речи, якобы произнесенной Фриком в 1927 г. Выдержка из данной речи взята из одной маленькой социал-демократической провинциальной газеты, враждебно настроенной по отношению к Фрику. Корреспондент этой газеты не имел в своем распоряжении аутентичного экземпляра этой речи, а мы все знаем, какое количество ошибок и недоразумений имеется в таких кратких отчетах, которые не могут быть проверены самим оратором.

Таким образом, этот документ не представляет собой надежного источника, на основании которого можно было бы утверждать, что Фрик якобы сказал: "История пишется не только с помощью избирательных бюллетеней, но также с помощью крови и железа."

Обвинение предъявило далее документ 1643-ПС, США-73. В этом документе речь идет о переговорах относительно отчуж-

ления земельных участков для расширения территории концентрационного лагеря Освенцим.

Вопросами отчуждения всегда занимается общая внутренняя администрация. По этой причине к участию в этих переговорах был привлечен чиновник из министерства внутренних дел, который, однако, заявил /стр. 2 английского перевода документа/, что он не имеет полномочий распоряжаться земельной собственностью. Таким образом, на основании этого документа также нельзя делать заключения о какой-либо ~~политике~~ полицейской деятельности подсудимого или о его одобрительном отношении к концентрационным лагерям.

Наконец, в этой связи Обвинение указало на то, что подсудимый Фрик сам посетил концентрационные лагери в Ораниенбурге и Дахау.

Подсудимый не оспаривает факта посещения им в 1938 г. концентрационного лагеря в Ораниенбурге, о чем здесь также говорил в своих показаниях свидетель Хесс. В то время границы лагеря не выходили за пределы обычного военного плаца для занятий; свидетель Хесс подтвердил это в своих показаниях.

Официальный посетитель концентрационного лагеря в то время не мог заметить ничего такого, что свидетельствовало бы об убийствах, зверском обращении и других преступлениях; поэтому факт посещения лагеря не может служить решающим аргументом в подтверждение того, что данное лицо знало о преступлениях, происходивших в концентрационных лагерях.

Фрик никогда не посещал концентрационного лагеря Дахау.

13564

H1210 – 0279

H1210 – 0280

хотя об этом говорит свидетель Блаха. В этой связи я ссылаюсь на показания Гиллхубера, который был постоянным сопровождающим Фрика и поэтому должен был бы знать о таком посещении, если бы оно имело место. Я позволю себе ~~далее~~ указать на то, что я ходатайствовал о получении показаний также и от двух других постоянно сопровождавших Фрика, но Суд вместе с Обвинением счел такие показания излишними, обосновав свое решение тем, что вполне достаточно будет свидетельских показаний от одного лица, постоянно сопровождавшего Фрика.

Заканчивая этот раздел, я хотел бы коснуться замечания Обвинения: Фрик был однажды назван Обвинением начальником главного имперского управления безопасности.

Я позволю себе сослаться на показания свидетеля Олендорфа, который заявил Суду, что главное имперское управление безопасности /РСХА/ являлось детищем Гиммлера и что последний совмещал в этом управлении свои государственно-полицейские задачи и свои функции рейхсфюрера СС, к которым Фрик не имел никакого отношения, точно так же, как он не имел полномочий издавать приказы. Таким образом, начальником этого управления был только сам Гиммлер.

Далее я должен коснуться обвинения, выдвинутого против подсудимого Фрика по вопросу о преследовании евреев. Фрик принимал участие в законодательных мероприятиях, в частности, в издании нюрнбергских законов и в осуществлении административных мероприятий, которые он рассматривал, как выражение национал-социалистской расовой политики.

В то же время не имеется никаких доказательств того, что Фрик сам принимал участие или знал о мероприятиях, пре-

лецующих цель физического уничтожения, которые провоцил Гиммлер и его органы по непосредственному поручению Гитлера и которые держались в самом строгом секрете от всех тех, кто не принимал участия в этих ужасных событиях.

На основании его деятельности на посту министра внутренних дел поцсудимому также вменяется в вину убийство больных и душевнобольных.

Принципиальное указание Гитлера содержится в документе 630-ПС, США-342. Из этого документа видно, что Гитлер отдал такое распоряжение не какой-либо государственной инстанции, а двум частным лицам, Булеру и доктору Брандту, минуя аппарат министерства.

Гитлер сам, вопреки всем правилам, подписал это поручение не в качестве лица, выполняющего государственные функции, т.-е. фюрера и рейхсканцлера, а использовал для этого бумагу, предназначенную для частных писем со штампом "Адольф Гитлер".

Из этого вытекает, что, впрочем, было также подтверждено свидетелем Ламмерсом, что Гитлер проведение этих мероприятий поручил не министерству внутренних дел или какой-либо другой государственной инстанции, а своим двум товарищам по партии, причем значок партии является единственным знаком, который имеется на этом письме.

Пред"явленные Обвинением документы показывают, напротив, что имелись жалобы, которые поступали также и в министерство внутренних дел, но эти документы не показывают, что Фрик, в противоположность утверждениям, содержащимся в документе 630-ПС, принимал участие в мероприятиях, связанных

13566

H1210 - 0281

H1210 – 0282

с этими убийствами, или что он мог бы воспрепятствовать провещению их. После того, как Франк оставил пост министра внутренних цел, он в августе 1943 г. был назначен на должность имперского протектора в Богемии и Моравии. Здесь его компетенция с самого начала и весьма нецвусмысленно была ограничена.

Я ссылаюсь на цокумент 3443-ПС, СССР-60 поц № 29 в книге цокументов Франка, затем на цокумент 1366-ПС, прец"явленный мной поц № "Франк-5-а", и, кроме того, на показания свицетеля Ламмерса. Должность имперского протектора являлась первоначально ~~единым~~ воплощением власти империи в протекторате.

Однако, на практике полномочия постепенно перехоцили к тогцашнему стато-секретарю имперского протектора Франку.

С назначением Франка в августе 1943 г. правительственные полномочия были также и формально перенесены на Франка неопубликованным цекретом фюрера. С этого времени Франк стал именоваться "Германский государственный министр в Богемии и Моравии".

За имперским протектором в основном осталось лишь право прецставительства и право помилования. Обвинения не вменяют Франку в вину неправильного использования этого права. После изцания вышеупомянутого указа фюрера Франк в качестве "германского государственного министра" подчинялся непосредственно Гитлеру, от которого он получил это назначения и который, минуя Франка, цавал Франку свои указания; изменить или повлиять на них Франк не имел возможности.

При таком положении вещей нельзя выцвигать обвинений

15367

против Фрика на основании документа 3589-ПС, США № 720.

Сейчас я перехожу к утверждению Обвинения относительно того, что Фрик несет ответственность за определенные преступления в силу своей принадлежности к некоторым организациям.

В качестве таких организаций Обвинением была названа организация СС, к которой, однако, Фрик никогда не принадлежал. Таким образом, вопреки утверждениям Обвинения, он также не мог быть генералом СС.

Я хотел бы предположить, что в данном случае Обвинение допустило лишь ошибку. Во всяком случае, каких-либо доказательств Обвинение не привело. Точно также Фрик никогда не был членом СА, как это, вероятно, ошибочно было представлено в таблице, где говорилось о принадлежности подсудимых к отдельным организациям. В данном случае никаких доказательств этого обстоятельства приведено не было.

Далее Обвинение характеризовало Фрика как главу гестапо и вследствие этого назвало его членом данной организации. В качестве аргумента было приведено то обстоятельство, что гестапо со времени назначения Гиммлера на пост начальника германской полиции в 1936 г. формально вошло в состав имперского министерства внутренних дел.

Однако, гестапо в лице Гиммлера имело своего собственного начальника, от которого оно получало все указания; формальное подчинение Гиммлера министру внутренних дел не делает этого последнего членом единолично руководимой Гиммлером организации. Как рейхсляйтеру, подсудимому Фрику вменяется в вину его принадлежность к ~~руководящему~~ корпусу

H1210 - 0283

H1210 - 0284

политическ~~ому~~ их руководителей ~~составу~~. Мой коллега, назначенный защищать эту организацию, в своем выступлении будет подробно говорить ~~о характере~~ об ее ~~этой организации~~. Что же касается подсудимого Фрика, то я должен указать только на то, что он лишь формально занимал должность рейхсляйтера, как представитель фракции НСДАП в рейхстаге.

Поскольку сам рейхстаг, начиная с 1933 г., потерял свое политическое значение, мне не нужно здесь подробно заниматься раз"яснением того, что на практике и эта должность Фрика не имела никакого значения и не могла сравниться с положением тех рейхсляйтеров, которые руководили важными политическими ведомствами.

Наконец, Фрик, как имперский министр, был членом имперского правительства.

Что касается характера и полномочий этой организации, то я снова в первую очередь ссылаюсь на будущее выступление моего коллеги, который является защитником этой организации.

По этому вопросу я укажу лишь на показания Ламмерса и Гизевиуса, затем на выдержку из книги Гизевиуса, которую я пред"явил под № Фрик -13, для доказательства того, каково было истинное положение и полномочия, которыми располагал имперский кабинет при фактической диктатуре Гитлера.

На основании всего этого можно сказать, что подсудимый Фрик был человеком, который, несомненно, прилагал определенные усилия в политическом смысле для того, чтобы обеспечить Гитлеру приход к власти, и который после достижения этой цели в течение определенного времени оказы-

13569

вал значительное влияние на внутреннюю политику.

Но все его мероприятия преследовали внутриполитические цели. Они не должны были иметь ничего общего с внешнеполитическими целями, связанными с агрессивными войнами, или во всяком случае ничего общего с преступлениями против мира или военными преступлениями; а эта зависимость, согласно статье 6 Устава, необходима для осуждения, как об этом говорили в своих выступлениях сами обвинители.

Когда Фрик позднее увидел, что политика направляется по такому руслу, которого он не мог одобрить, он пытался использовать все свое влияние для того, чтобы изменить эту линию политики, но со временем он должен был все больше убеждаться в том, что Гитлер не намеревался выслушивать его жалоб и возражений. Наоборот, он понял, что эти жалобы подрывали доверие к нему Гитлера, который гораздо охотнее выслушивал советы своих единомышленников, как, например, Гиммлер и ему подобные. В конце концов, с 1937 г. Гитлер больше не стал принимать Фрика, если последний приходил с какими-либо жалобами.

Затем Фрик отказался от таких безнадежных попыток добиться какого-либо изменения положения. Его отставка также не принесла бы с собой никаких изменений, если бы его прошение об отставке, которое он неоднократно подавал, было удовлетворено. Этот момент достаточно ясно был освещен в процессе представления доказательств.

Таким образом, вся трагедия его заключается в том, что он оказался запутанным в систему, первоначальные шаги

15570

H1210 - 0285

H1210 - 0226

которой он с восторгом приветствовал и развития которой он представлял себе совершенно иначе.

Для оценки его личности и его действий мне кажется важным то обстоятельство, что в процессе представления доказательств, длившегося в течение месяцев, не было приведено ни одного доказательства, свидетельствующего о личном участии подсудимого в совершении каких-либо преступлений.

Не без основания называет Джон Гунтер в своей книге "Внутри Европы", которая была представлена мной Суду в качестве документального доказательства, как раз подсудимого Фрика "единственным частным нацистом". В том же самом месте Гунтер называет его "бюрократом насквозь". "Параграфный сапожник" - так неоднократно называл его сам Гитлер, с которым Фрик, что для него весьма типично, познакомился не на каком-нибудь народном собрании, а в своем рабочем кабинете в мюнхенской полиции в 1919 г.

Этот человек восхищался чуждой ему самому силой внушения, присущей Гитлеру, который своими громкими словами апеллировал к его душе, чести и патриотизму.

Гитлер был тем человеком, который вселил в него гордость сознанием своего участия в возрождении германской нации, которая с помощью сильной ~~военно-вооруженных сил~~ армии должна была оказаться в состоянии играть мирную, но ~~ведущую~~ Важную роль в мировой политике.

Гитлер был также тем человеком, который сумел гражданскому чиновнику Фрику доказать, что его программа является единственным путем для предотвращения большевистско-

253-71

го господства в Германии. Каких только мнимых истин, обма нов и уловок пропаганды не пускал он в ход. Ими были об- маняты многие,- все те, которые были увлечены гитлеров- ской силой внушения и которые в свое время не поняли, что они подчинились преступной воле и что этот преступник для достижения своих целей готов разрушить опоры цивили- зации. Они не предвидели, что в конце концов он оставит за собою необозримое поле развалин, обломки материальных и духовных ценностей.

Предполагаю всего этого должен способствовать закон- ный и справедливый приговор по настоящему процессу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Марко.

/К микрофону подходит ц-р Марко, защитник подсудимого Штрайхера./

МАРКС. Высокий суд! Господин председатель!Я начинаю свою защитительную речь по делу подсудимого Юлиуса Штрайхера.

Когда в мае прошлого года закончились последние воен- ные действия самой ужасной войны, немецкий народ начал медленно приходить в себя от того отупения, в котором он находился в последние месяцы войны. Как и все народы Евро- пы, он в течение ряда лет терпел ужасные бедствия. В осо- бенности же за последние месяцы налеты с воздуха принесли так много несчастий всему народу и всей стране, что это почти превышает пределы того, что может вынести человек.

К этому ужасу прибавлялось еще сознание, что война проиграна и страх перед неизвестностью судьбы - судьбы, которую принесет с собой оккупация.

15572

H1210-0287

H1210 – 0288

Наконец, прошло первое время страха и немецкий народ вздохнул опять, но внезапно новый гнетущий ужас овладел им.

Пресса и радио, газеты и фильмы показали немецкому народу те злодеяния, которые были совершены на востоке, в степях и в концентрационных лагерях. Германия узнала, что ее люди – люди ее крови, убили много миллионов невинных ~~еврейских людей~~. Большинство инстинктивно чувствовало, что это – самое большое обвинение из всех тех, какие мир может предъявить Германии.

Вопрос о том, знал ли в общем немецкий народ об этом и приветствовал ли он такие действия, – это вопрос всей его судьбы. Это, так сказать, ~~краеугольный~~ пробный камень для проверки того, сможет ли Германия когда-либо наравне с другими народами снова в экономическом и культурном отношении войти в единое мировое целое.

Как это всегда бывает, сразу же возник вопрос, кто виновен в этом и кто должен нести ответственность.

Кто приказывал совершать такие злодеяния, кто их выполнял и как вообще дело дошло до таких невероятных событий, до таких деяний, каких не знала самая ранняя история человечества ?

И вот в то время, когда были подняты все эти вопросы, пришла весть о том, что в руки американской армии попал бывший гаулейтер Франконии, редактор "Штюрмера", нынешний подсудимый Юлиус Штрейхер. Из того, как реагировали на эту известие газеты, целиком находящиеся в руках оккупационных властей и издаваемые ими, а также из сообщений по радио было видно, что мир рассматривает захваченного Юлиуса

15573

Штрейхера не как одного из многих антисемитских пропагандистов третьей империи, а считает его, коротко говоря, антисемитом № 1.

И почти все в мире придерживались мнения, что Юлиус Штрейхер не только активнейшим образом пропагандировал преследования и уничтожения евреев, но что он и сам деятельно участвовал в этом.

Говорили, что он является не только самым ярым ненавистником евреев и проповедником их уничтожения, но и тем человеком, чьим влиянием было вызвано уничтожение еврейства в Европе.

Только исходя из этой точки зрения, можно об'яснить то, что подсудимый Штрейхер вместе с остальными подсудимыми сидит здесь, на скамье подсудимых, среди лиц, несущих главную ответственность за нацистскую систему. Потому что сам по себе он, как личность, а также на основании занимавшихся им должностей не принадлежит к руководящим кругам НСДАП и к ее наиболее влиятельным членам. Эту первоначальную точку зрения сначала поддерживало и Обвинение, но вскоре отошло от нее, так как в обвинительном заключении уже не говорится о том, что Штрейхер непосредственно и прямо участвовал в этих ужасающих массовых убийствах. В нем даже указано, что он менее, чем другие подсудимые, должен нести ответственность за свои непосредственные действия. Ему вменяется в вину его деятельность, выражавшаяся в устной и письменной пропаганде.

Пункты обвинения, пред"явленного подсудимому Штрейхеру, сформулированы следующим образом:

1/ Содействие приходу к власти и укреплению власти НСДАП;

15574

H1210 – 0289

H1210 – 0290

2/ подготовка агрессивной войны путем пропаганды преследования евреев;

3/ духовная и моральная подготовка к уничтожению евреев:

а/ подготовка к этому немецкого народа,

б/ немецкой молодежи,

с/подготовка лиц, активно уничтожавших евреев.

Итак, обвинение говорит, что без Юлиуса Штрейхера не было бы Освенцима, Маутхаузена, Майданека и Люблина.

Что касается первого пункта обвинения, то подсудимый не отрицает, что он с самого начала всеми своими силами содействовал последующему приходу НСДАП к власти. Эта подчеркка выразилась в том, что основанное им самим во Франконии движение он поставил на службу Адольфу Гитлеру, который в годы после первой мировой войны располагал лишь немногочисленной партией, ограниченной пределами Южной Баварии. После освобождения Гитлера из крепости Ландсберг он немедленно снова примкнул к нему и впоследствии решительно выступал за его идеи и цели.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, что сейчас удобно об"явить перерыв.

/Об"является перерыв до 12 июля, 10.00/

ов,
тн.

23375

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
от 12 июля 1946 года.

(Утреннее заседание).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал сегодня закончит работу в четыре часа. Пожалуйста, доктор Маркс.

МАРКС (Защитник подсудимого Штрейхера). Господин председатель! С разрешения Высокого Суда я продолжаю защитительную речь по делу подсудимого Штрейхера.

Я вчера останавливался на той части, где резюмируются отдельные пункты обвинения против Штрейхера. Я позволил себе раз"яснить, что эти пункты обвинения делятся на три различных раздела:

1. Поддержка при захвате власти и укрепление могущества партии после ее прихода в правительство.

2. Подготовка агрессивных войн с помощью пропаганды, направленной на преследование евреев и, наконец,

3. Идеологическая и моральная подготовка в духе ненависти к евреям и воспитание из германского народа и германской молодежи активных убийц евреев.

Что касается первого пункта обвинения (страница 4-я немецкого текста), то подсудимый не оспаривает, что он с самого начала всеми своими силами поддерживал захват власти со стороны партии и способствовал этому захвату, начиная с ранних этапов. Эта поддержка заключалась в том, что он предоставил движение, воспитанное им самим во Франконии, в распоряжение партии Адольфа Гитлера, бывшей в первые годы после мировой войны предельно маленькой и ограничивавшей свою

15576

H1210 – 0291

H1210 – 0292

деятельность лишь пределами Южной Баварии, что он тотчас же после освобождения Гитлера из заключения в Ландсбергской крепости примкнул к Гитлеру и что все последующее время он самым решительным образом защищал его идеи и цели.

До 1933 года вся деятельность подсудимого Штрейхера исчерпывалась пропагандой в пользу НСДАП, и за ее цели, главным образом в области еврейского вопроса. Такое поведение подсудимого само по себе не может рассматриваться, как преступное. Принадлежность к партии, существующей в государстве, которое допускает наличие такой оппозиционной партии, может только тогда считаться преступной, когда цели этой партии с об"ективной точки зрения являются преступными и когда каждый, кто принадлежит к этому движению, суб"ективно сознает преступность этих целей, одобряет и поддерживает их.

Основа всех обвинений против всех подсудимых заключается в том, что НСДАП с самого начала ее существования вменяются в вину преступные цели. По утверждению Обвинения, члены этой партии имели, якобы, с самого начала преступный план поработить весь мир, уничтожить другие расы и насадить расу господ-немцев по всему миру. Они обвиняются в том, что они с самого начала хотели осуществить эти цели и планы с помощью агрессивных войн, убийств и насилия.

Таким образом, если уже само членство в НСДАП и поддержка этой партии должны вменяться подсудимому Штрейхеру в вину как преступление, то в таком случае нужно доказать, что эта партия действительно имела такие планы и что подсудимый знал об этих планах и одобрял их.

Мои коллеги, выступавшие до меня, уже достаточно подробно изложили, что такого заговора, преследующего тако-

-го рода цели, не существовало. Поэтому я вполне могу воздержаться от дальнейших рассуждений и сослаться на то, что уже здесь излагали другие господа защитники. Мне же следует заниматься лишь вопросом о том, что подсудимый Штрейхер, во всяком случае, не участвовал в подобном заговоре, если Высокий Суд признает, что такой заговор все-таки существовал.

Официальная партийная программа стремилась к достижению власти легальным путем. Цели, пропагандировавшиеся в ней, не могут рассматриваться, как преступные. Если же такие цели действительно существовали, то о них в силу характера всякого заговора, мог знать только узкий круг людей.

Партийная программа не держалась в секрете, она была провозглашена на публичном собрании в Мюнхене, так что не только вся общественность Германии, но и вся мировая общественность могла быть осведомлена о целях партии.

Ввиду этого можно утверждать, что налицо нет тайной договоренности относительно совместных целей, что является характерным признаком любого заговора.

Из процесса представления доказательств не явствует, что уже в то время существовали какие-либо тайные планы относительно агрессивной войны или войны на разгром, которой предшествовало бы уничтожение евреев или которая была бы попутно связана с уничтожением евреев.

Если все-таки заговор существовал, то он должен был ограничиться узким кругом людей, которые группировались исключительно вокруг личности Гитлера. Подсудимый же Штрейхер к этому кругу не относился. Ни одна из должностей, которые он занимал, не дает ни малейшего основания для такого предположения. Таких старых членов партии,

15578

H1210 – 0293

H1210 – 0294

как он, было много тысяч. Как почетный гауляйтер и как почетный обергруппенфюрер СД он был равным среди равных. Рассматривая посты, которые он занимал, нельзя обнаружить какой-либо близкой связи с основным зерном партии. Точно также не наблюдается с конца 1938 года какие-либо личные связи с руководящими лицами движения, как с самим Гитлером, так и с подсудимым Герингом, с Геббельсом, Гиммлером и Борманом. Обвинение не пред"явило никаких доказательств в этом направлении, и само судебное разбирательство не привело к таким доказательствам. Ничто из того, что пред"являлось в течение месяца Суду в процессе представления доказательств не может расцениваться даже как малейший намек на доказательство того, что подсудимый Штрейхер был настолько тесно связан с высшей партийной инстанцией, что он мог знать ее конечную цель или даже обязан был знать ее.

Так же и по еврейскому вопросу, конечные цели НСДАП, последствия которых проявились в концентрационных лагерях, до прихода к власти и длительное время после прихода к ней не были так сформулированы, как они, позднее осуществлялись. В самой партийной программе предусматривалось распространить права иностранцев на евреев; изданные в третьей империей законы преследовали именно эту цель. Лишь позднее/об этом нужно здесь упомянуть/ партийная программа, как в ряде других пунктов, так и в еврейском вопросе, приобрела более разкий характер и превзошла себя под влиянием войны. Однако, в отношении подсудимого Штрейхера не было доказано, что ему были известны цели другого характера, чем те, которые изложены в официальной партийной программе.

H1210 - 0295

Точно также не доказано, что подсудимый поддерживал партию во время прихода ее к власти, зная о преступных целях этой партии; только в том случае, если бы Штрейхеру были известны эти цели, ему можно было бы вменять в вину ~~ее~~ совершение уголовного преступления. Подсудимый также не оспаривает, что после прихода к власти партии он в качестве гаулейтера старался усилить и поддержать мощь партии. Так же и в этом моменте можно усматреть какое-либо наказуемое действие лишь в том случае, если подсудимый в то время знал о преступных целях партии.

В этой связи следует просто, констатируя факты, заметить, что подсудимый Штрейхер, в противоположность почти всем подсудимым, оставался на своей должности не до последнего момента и даже не все то время, пока велась война. Официально он был отрешен от должности раулейтера в 1940г., но в действительности уже раньше - чем за год до этого он фактически утратил свякое влияние и был устранен от дел.

До тех пор, пока он мог действовать в скромных рамках, которые предоставляла ему должность гаулейтера, нельзя было выявить какие-либо преступные планы НСДАП. Во всяком случае их не мог раскрыть тот, кто подобно подсудимому Штрейхеру находился вне узкого круга людей, окружавших Адольфа Гитлера.

Пункт 2-й Обвинения, выдвинутого против подсудимого Штрейхера, где разбирается вопрос о преследовании евреев, как о подготовке к агрессивной войне, может быть рассмотрен тут же. До 1937 года никак/х нельзя было узнать, что планировалась какая-либо агрессивная война. Во всяком случае, если Гитлер и имел такое намерение, он скрывал его

от окружающего мира. Если все-таки эти намерения существовали то он посвящал в них в то время лишь руководящих лиц в области политики и вооруженных сил, принадлежавших к его тесному кругу. К этому кругу людей Штрейхер никак не принадлежал. Характерным при этом является то обстоятельство, что Штрейхер вначале войны не был даже назначен комиссаром Корпусного округа в своем гау. В отдельных совещаниях, на основании которых Обвинение сделало вывод о планировании позднее действительно начавшихся войн, подсудимый Штрейхер также не участвовал . Его фамилия не появляется нигде, ни в письменно оформленном распоряжении, ни в каком-либо протоколе. Поэтому также не доказано, что Штрейхер знал о таком планировании войны, якобы имевшем место. Таким образом отпадает обвинение в том, что он проповедывал ненависть к евреям, с тем чтобы путем исключения евреев из общественной жизни облегчить ведение войн, запланированных на более поздний период. В дополнение следует сказать следующее:

Основным пунктом в программе НСДАП был лозунг "Долой Версаль". Этот пункт программы стал убеждением подсудимого Штрейхера, но это еще вовсе не значит, что он представлял себе ликвидацию этого договора с помощью войны.

Также и бывшие германские демократические правительства во время переговоров со своими бывшими противниками по мировой войне постоянно указывали на то, что Версальский договор не представляет собой походящей основы для длительного умиротворения и прежде всего умиротворения в области экономики. Не только в Германии, но и во всем остальном мире круги, отличавшиеся дальновидностью в области экономики, отрицательно относились к Версальскому договору.

15581

H1210 – 0296

H1210 – 0297

В этой связи следует особо указать на пример Соединенных Северной Штатов Америки. Почти все политические партии Германии без различия их прочих ~~целей~~ целевых установок, были единого мнения по вопросу о том, что Версальский договор нуждается в изменении. Точно также не возникало никакого спора по вопросу о том, что это изменение можно осуществить только на договорной основе. Взвешивать какие-либо другие возможности для решения этого вопроса - значило бы заниматься утопией, поскольку германская империя не обладала никакой военной мощью . Так же и НСДАП, насколько об этом можно было судить по внешним признакам, стремилась к тому, чтобы разрешить эту проблему вышеупомянутым путем. Поддержка такой целевой установки, однако, не может рассматриваться как нарушение договорных обязательств и не может поэтому вменяться подсудимому в вину. Не было представлено доказательств относительно того, что подсудимый думал над возможностью военных столкновений и желал их.

Сейчас я перейду к позиции подсудимого в отношении еврейского вопроса. По этому вопросу ему вменяется в вину, что он в течение десятилетий натравливал против евреев и подстрекал к преследованию евреев и затем к их уничтожению и, что он несет ответственность за конечное уничтожение евреев в Европе.

Совершенно ясно, что это обвинение представляет собой решающий пункт во всем обвинении против Юлиуса Штрейхера и, может быть, является решающим пунктом всего обвинения на данном процессе, так как в этой связи нужно расследовать позицию германского народа по вышеуказанному

вопросу и вынести определенное решение.

Обвинение придерживается той точки зрения, что относительно ответственности подсудимого по этому вопросу можно также мало сомневаться, как и относительно соучастия преступного германского народа. В качестве доказательств Обвинение представило здесь следующее:

а/ Речи Штрейхера до и после прихода к власти, так, например, речь в апреле 1925 года, где он говорит об уничтожении евреев. По мнению г-на обвинителя эта речь является вообще первым доказательством окончательного решения еврейского вопроса, которое намечалось партией и заключалось в уничтожении всех евреев.

б/ Активное участие подсудимого и использование своего авторитета во время бойкота 1 апреля 1933 года .

в/ Многочисленные статьи в еженедельнике "Дер Штюрмер", среди них также статьи, в которых разбирается вопрос о ритуальном убийстве с цитатами из Талмуда. Таким образом, по мнению Обвинения, он сознательно и преднамеренно выставлял еврейскую нацию, как преступную и неполноценную, хотел воспитать и воспитывал ненависть и волю к уничтожению этого народа. Подсудимый высказывается относительно этих пунктов следующим образом: Он заявляет, что он работал лишь как частный писатель. В его цель входило просветить германский народ в еврейском вопросе таким образом, как он себе этот вопрос представлял.

Изображая евреев, он преследовал лишь одну цель, заключающуюся в том, чтобы раз"яснить и показать, что еврейский народ является народом иного характера и иной расы, что евреи, согласно восприятию немецкого народа, живут по

15583

H1210 – 0298

H1210 – 0299

иным законам. Но он был далек от мысли подстрекать или натравливать свой круг читателей и слушателей. В остальном же всегда пропагандировал лишь ту мысль, что евреев, вследствие их чужеродности, нужно удалить из народной и экономической жизни в Германии и лишить тесных связей с германским народом.

Далее, он всегда намеревался разрешить еврейский вопрос в международном масштабе, он не признавал лишь частичного решения этого вопроса, т.е. в масштабах Германии или Европы, и отклонял его. Именно с этим связано то, что он в передовой статье газет "Дер Штюрмер" в 1941г. предлагал избрать местом поселения для евреев французский остров Мадагаскар.

В соответствии с вышеупомянутым, он видел окончательное решение еврейского вопроса не в физическом уничтожении евреев, а в их выселении.

В цели защиты не может входить подробное рассмотрение писательской и ораторской деятельности подсудимого, в частности разбор его газеты "Дер Штюрмер", а также анализ высказываний подсудимого по отдельным пунктам, пред"явленного ему обвинения. Не следует заниматься раз"яснением, оправданием или защитой как его мировоззрения, так и его писательской и ораторской деятельности. В обязанность Суда входит рассмотрение этих вопросов и вынесения решения.

Однако, нужно указать на то, что между действиями подсудимого и теми выражениями, которые он часто употреблял, имеется непреодолимое противоречие. Можно утверждать, что подсудимый, когда ему было поручено руководство антисемитскими мероприятиями, не допустил каких-либо насиль-

-ственных мероприятий против еврейского населения, как это следовало бы невольно ожидать, если бы то, что выдвигается Обвинением, соответствовало бы действительности.

Я считаю, что моей задачей, как защитника, является рассмотреть и изложить не только вопрос о том, стремился ли подсудимый Штрейхер с помощью своих речей, действий и публикаций добиться того успеха, о котором говорило здесь Обвинение, но также и вопрос о том, добился ли он в действительности этого успеха.

Поэтому в нижеследующем нужно исследовать вопрос о том, действительно ли Штрейхер привил германскому народу в такой степени антисемитский дух, что дал руководству германского народа возможность совершить такие преступления, которые действительно были совершены.

Далее следует рассмотреть вопрос о том, привил ли подсудимый германской молодежи ненависть к евреям в такой степени, о которой говорит Обвинение.

Наконец, следует решить вопрос о том, был ли Штрейхер действительно тем человеком, который духовно и мора-
-но подготовил для совершения преступлений исполнительные органы по уничтожению евреев.

Мне кажется, что прежде, чем заняться рассмотрением этого вопроса, важно указать на то обстоятельство, что значительная часть статей, которые были опубликованы в газете "Дер Штюрмер" и на основании которых Обвинение хочет сделать вывод о существовании пропаганды, направленной на истребление и уничтожение евреев, была написана не самим Штрейхером, а принадлежит перу его сотрудников, и исходит

135785

H1210 – 0300

H1210 – 0301

в частности от заместителя гаулейтера Карла Тольца, известного своими ультра-радикальными установками.

Хотя подсудимый Штрейхер и несет формальную ответственность за эти статьи и перед лицом суда решительно взял на себя эту ответственность, все-таки этот момент является весьма важным для определения размера его уголовно-правовой ответственности.

В этой связи следует далее упомянуть, что, согласно неопровергнутому утверждению подсудимого, статьи, написанные в самой резкой форме, являлись ответом на статьи и заметки, помещенные в иностранной прессе и содержавшие, в связи с военным психозом, весьма радикальные предложения по уничтожению германского народа.

Подсудимый Штрейхер, не может оспаривать и никто не должен защищать это, постоянно помещал в газете "Дер Штюрмере" статьи и выступал с публичными речами, которые носили глубоко антисемитский характер и по меньшей мере имели своей целью исключение евреев из общественной жизни Германии.

В первые годы Штрейхер находил для своих антисемитских тенденций сравнительно благодатную почву. Первая мировая война закончилась поражением Германии. Широкие круги, однако, не хотели признать того факта, что тогдашние противники Германии одержали военную победу; они приписывали поражение Германии исключительно внутреннему ослаблению воли народа к обороне и сопротивлению и характеризовали евреев как главного виновника этого духовного опустошения. Они намеренно при этом не учитывали, какие

15586

ки в области внутренней и внешней политики были допущены тогдашним правительством до и во время войны, какие ошибки были совершены также и в области стратегии.

Искали козла отпущения за проигранную войну и думали, что нашли его в лице евреев. Зависть, недовольство и упущение из вида собственных недостатков окончательно способствовали тому, чтобы создать неблагоприятное отношение к европейскому населению. К этому присоединилась инфляция, в последующие годы экономический кризис с постоянно увеличивавшейся нуждой, вследствие которой, как следует из практики, каждый народ становится созревшим для радикализма любого рода.

На этой почве и из этой среды возник "Дер Штюрмер". По вышеупомянутым причинам газета вызвала сначала некоторый интерес и приобрела довольно значительный круг читателей. Но даже в последние годы перед приходом к власти национал-социалистов газета не пользовалась большим влиянием. Она едва ли была распространена за пределами Нюрнберга и его ближайших окрестностей. Путем нападок на отдельные личности, которые пользовались известностью в Нюрнберге и в местностях, где они проживали, газета сумела пробудить некоторый интерес и расширить тем самым круг своих читателей. Некоторые слои населения проявляли интерес к такого рода скандальным историям и по этой причине подписывались на газету "Дер Штюрмер".

15587

H1210 – 0302

H1210 – 0303

Но лишь только в том случае можно увидеть в этом преступний образ действий, - вероятно, такова же точка зрения и Обвинения, - если подобный род литературной и ораторской деятельности привел к преступному результату. Был ли германский народ в результате издательства газети "Дер штюрмер" и в результате речей Штрейхера, - действительно охвачен ненавистью, ~~и~~ носившие такой характер и выражавшейся в такой степени, как утверждает Обвинение?

Обвинение представило по этому пункту очень немногочисленние материали доказательства. Оно делает лишь только выводи, не приводя фактических доказательств. Обвинение хотя и утверждает, что имелся определенный результат, но оно не может привести никаких фактов доказательства, чтобы подтвердить свое предположение.

Господин обвинитель утверждал, что без продолжительних лет травли евреев со стороны Штрейхера германский народ не одобрил бы преследования евреев и Гиммлер не нашел бы в рядах германского народа исполнительних органов для проведения своих мероприятий по уничтожению евреев.

Если подсудимого Штрейхера следует за это привлечь к судебной ответственности, то нужно доказать не только то, что действительно проводилось подстрекательство как таковое и что в этом направлении бил достигнут определенный успех, но также (и это является решающим) нужно доказать, что совершенные преступления витекали из имевшего место подстрекательства. Нужно, в первую очередь, со ~~всей~~ уверенностью доказать не то, что имел место успех, а то что существовала причинная связь между подстрекательством и успехом.

15588

Как нужно оценить влияние газеты "Дер Штюрмер" на германский народ и как развивался еврейский вопрос с 1920 по 1944 г.?

Здесь не трудно наметить три периода этого развития.

Первый период охватывает деятельность подсудимого с 1922 г. по 1933 г.

Второй - с 1933 по 1 сентября 1939 г. или по февраль 1940 г. Третий - с 1940 г. до окончания войны.

Что касается первого периода, то это значит полностью непризнавать направлений, существовавших в Германии уже в течение продолжительного времени, и тем самым совершенно необоснованно переоценивать влияние Штрейхера, если не указать при этом на то, что уже задолго до Штрейхера в Германии существовал антисемитизм. Так, например, Теодор Фрич в своем журнале "Дер Хаммер" задолго до Штрейхера затронул еврейский вопрос и, в частности, указал на то, что вследствие иммиграции возникает угроза наплыва и распространения чужих еврейских элементов с Востока. Вскоре после окончания первой мировой войны появился на первом плане, так называемый "Германский национально-оборонительный и наступательный Союз", который в противовес газете "Дер Штюрмер" и тому течению, которое было вызвано к жизни Штрейхером, был распространен по всей Германии и преследовал в качестве своей цели ограничение еврейского влияния. На юге и севере уже задолго до Штрейхера существовали антисемитские группы. По сравнению с этими широко распространенными течениями "Дер Штюрмер" обладал лишь только местным значением. Ясно, что уже по этой причине газета никогда и нигде не могла обладать значительным весом.

15589

H1210 – 0304

H1210-0305

Однако определяющим остается то обстоятельство, что германский народ в своей массе не поддавался влиянию всех этих групп ни в своей деловой жизни и ни в своем отношении к евреям, и что и в последние годы перед приходом НСДАП к власти народ не совершил никаких актов насилия по отношению к евреям.

Если, однако, к концу 20 годов после первой мировой войны наблюдается сильное увеличение числа членов НСДАП, то причина заключается не в антисемитизме, а в том обстоятельстве, что вследствие хаоса в рядах различных партий нельзя было найти выхода из экономической нужды, которая становилась все более сильной. Поиски сильного человека стали все более настойчивыми. Убеждение, что лишь только личность, независимая от переменчивых настроений масс, сможет преодолеть затруднение, стало все более распространенным среди народа. НСДАП сумела использовать это общее настроение в своих интересах и, оснпав различными обещаниями, привлечь на свою сторону предававшийся отчаянию народ. Но никогда массы, избравшие НСДАП, не предполагали, что программа партии приведет к событиям, которые мы пережили.

С приходом НСДАП к власти в 1933г. наступил второй вышеупомянутый период. Власть в государстве находилась исключительно в руках партии и никто не мог воспрепятствовать тому, чтобы применялось насилие по отношению к еврейским слоям населения. Теперь должен был бы, следовательно, наступить тот период, в который должна была бы проявиться та травля евреев, которая, как утверждает Обвинение, якобы, проводилась подсудимым Ш.рейхером. Если бы в то время широкие круги народа или, по крайней мере, старые члены

НСДАП действительно были бы воспитаны в духе радикальных антисемитов, как утверждает Обвинение, то невольно, вследствие накопившейся ненависти к евреям, должны были бы произойти против еврейского населения акты насилия более широкого размаха. Погромы большого масштаба должны были бы явиться естественным последствием антисемитской позиции народа. Но ничего подобного не произошло. За исключением незначительных происшествий, носивших местный характер, обусловленных личными отношениями, нигде не имели места покушения на евреев или посягательства на их имущество.

Ненависть к евреям (это кажется абсолютно ясным) нигде не проявлялась во всяком случае до 1933 г. и тем самым отпадает сделанный подсудимому упрек в том, что он уже в первые годы своей борьбы успешно воспитывал германский народ в духе ненависти к евреям.

Год прихода НСДАП к власти явился для "Дер Штюрмера" годом решающего испытания. Если бы газета "Дер Штюрмер" воспринималась широкими массами германского народа, как авторитетный авангардный борец против евреев, и если бы эта газета рассматривалась народом как орган, необходимый в борьбе, то должен был бы наступить чрезвычайно повышенный спрос на газету. Но такой интерес отнюдь не проявился. Напротив, довольно часто, даже в партийных кругах раздавалось требование, чтобы "Дер Штюрмер" прекратил свое существование или, по крайней мере, изменил бы свои иллюстрации, свою манеру писать и свой тон.

Становилось все более очевидным, что понижался и без того незначительный интерес к антисемитской политике Штрейхера. Затем произошло то, что произошло с приходом партии

15591

H1210 – 0306

H1210 – 0307

к власти вся германская пресса попала под контроль партии, которая тотчас же приступила к тому, чтобы унифицировать прессу, т.е. сделать так, чтобы какая-либо центральная инстанция сверху руководила бы прессой в духе национал-социалистской политики и национал-социалистского мировоззрения. Это произошло через министра пропаганды и руководителя имперской прессы с помощью официального партийного органа "Национал-социалистская партийная корреспонденция". Особенно министр пропаганды доктор Геббельс, которого такие свидетели, как Геринг, Ширах, Нейрат и др. охарактеризовали как самого левого представителя антисемитского направления в правительстве, считал необходимым по несколько раз в неделю помещать во всей германской прессе, охватывавшей более, чем три тысячи ежедневных газет и иллюстрированных журналов, передовые статьи, написанные в антисемитском духе. Если при этом еще учесть, что д-р Геббельс выступал по радио с антисемитскими речами, то не нужно будет разъяснять, что невольно должен был исчезнуть интерес к антисемитской газете, отличавшейся односторонним направлением, и что действительно такое положение вещей наступило.

Особенно показательно, что в то время много думали над тем, чтобы вообще запретить "Дер Штюрмер". Это особенно явствует из свидетельских показаний Фриче от 27 июня 1946 года, который так же показал, что ни Штрейхер, ни "Дер Штюрмер" не пользовались каким-либо влиянием в министерстве пропаганды, что эта газета в некотором отношении рассматривалась как вовсе не существовавшая.

Может быть, по той же самой причине газета "Дер Штюрмер" не была превращена в орган печати НСДАП; она даже

15592

не имела права носить партийный значок, тем самым она рассматривалась партийным и государственным руководством, в противоположность всем остальным газетам, имевшим какое-либо значение, как частная газета обыкновенного писателя.

Издательство газеты "Дер Штюрмер", принадлежавшее тогда некоему Хердель, не было склонно примириться с тем фактом, что круг читателей сокращался и тогда ему на помощь пришло то обстоятельство, что Штрейхер стал высшим политическим руководителем во Франконии, и издатель сумел использовать это обстоятельство в своих интересах. Уже в то время на значительные круги населения было оказано давление в том отношении, что они должны были доказать свое безупречное политическое лицо и свою надежность путем подписки на газету "Дер Штюрмер". Также и свидетель Фриче указал на это обстоятельство, раз"яснив, что многие немцы потому решили подписаться на газету "Дер Штюрмер", что они думали тем самым облегчить себе вступление в партию.

Для того, чтобы не возникло превратного представления о тираже газеты "Дер Штюрмер" в период с 1923 по 1933 год, ниже приводятся те изменения, которые потерпел тираж газеты "Дер Штюрмер".

В годы с 1923 г. по 1933 г. тираж газеты "Дер Штюрмер" сумел повыситься с 3.000 экземпляров до 10.000, достигнув приходом НСДАП к власти к цифре в 20.000 экземпляров. В среднем, однако, тираж с 1923 по 1931 г. составлял 6.000 экземпляров.

С приходом национал-социалистов к власти и до конца 1934 года тираж в среднем составлял 28.000 экземпляров. Лишь в 1935 году издательство газеты "Дер Штюрмер" перешло в собственность подсудимого Штрейхера, который, согласно

15593

H1210 – 0308

H1210 – 0309

его показаниям, купил эту газету у вдовы бывшего владельца издательства за 40.000 рейхсмарок.

С 1935 г. руководство издательством взял на себя специалист, который сумел путем ловкой техники вербовки повысить тираж сначала до 200.000 экземпляров, а затем постепенно увеличить его вдвое. Тираж газеты "Дер Штюрмер", сравнительно незначительный до 1935 года, показывает, что, несмотря на приход партии к власти, в народе наблюдался незначительный интерес к газете "Дер Штюрмер". Сильное увеличение тиража газеты с начала 1935 года следует об"яснить вышеупомянутыми ловкими методами вербовки нового руководителя издательства Финка, то, что трудовой фронт был включен в число подписчиков, о чем говорится в воззвании доктора Лея в номере 36 газеты "Дер Штюрмер" от 1935 года (господин председатель, я представил это воззвание в качестве документального доказательства), и то, что в связи с этим газета приобрела принудительным порядком тысячи новых подписчиков, об"ясняется тем, что издатель сумел использовать свои личные отношения с доктором Леем. В этой связи я указываю на цитату из парижской ежедневной газеты от 29 марта 1935 года, которая была помещена в номере газеты "Дер Штюрмер" за май 1935 года. Также и из этой цитаты видно, что увеличение тиража газеты "Дер Штюрмер" об"ясняется не тем, что германский народ испытывал потребность в такой духовной пище. Едва ли можно предположить, и это мало вероятно, что такая навязанная членам трудового фронта обязанность подписываться на газету "Дер Штюрмер" превратила подписчиков этой газеты в ее читателей, а также

приверженцев тех людей, которые проповедывала газета. Напротив, известно, что номера газеты "Дер Штюрмер" целыми пачками складывались в подвалах и на чердаках и извлекались лишь тогда, когда испытывалась потребность в бумаге.

Когда же подсудимый Штрейхер писал в своей газете в 1935 году - документ № ГБ-169, - что пятнадцатилетняя просветительная деятельность "Дер Штюрмера" направила по пути национал-социализма миллионное войско просвещенных людей то он тем самым приписывал себе успех, для которого не было никакого основания. Мужчины и женщины, которые после 1933 года вступили в партию, искали этого членства не в результате так называемой, просветительной деятельности газеты "Дер Штюрмер" а потому, что они либо верили в обещания партии, либо надеялись получить выгоду, либо думали, что они путем членства в партии, как заявил свидетель Зеверинг, смогут избавиться от политического преследования.

Симпатии по отношению к партии и к ее руководству в скором времени значительно ослабели. Точно также и подсудимый Штрейхер, по крайней мере с 1937 года, начал постепенно утрачивать свой авторитет и свое влияние даже в своей собственной области во Франконии (гау). Причины этого достаточно известны.

К концу 1938 года он увидел, что он даже в своей собственной области лишен какого-либо политического влияния. Ссора между ним и Герингом закончилась победой последнего. Благодаря настоянию подсудимого Геринга, Штрейхер окончательно попал в опалу у Гитлера, так как, естественно, что главнокомандующий военно-воздушным флотом в то время обладал значительно боль-

H1210 – 0310

H1210 – 0311

тим весом в обществе и был более влиятельным лицом, нежели гаулейтер Штрейхер. Подсудимый должен был даже стерпеть то, что специальная комиссия, откомандированная Герингом, проверяла, правильно ли были проведены в области Франконии мероприятия по передаче имущества евреев в руки арийцев. В течение 1939 года Штрейхер полностью игнорировался и ему даже запретили выступать с публичными речами. После того, как вспыхнула война, он даже не был назначен комиссаром корпусного округа в своей области в противоположность всем остальным гаулейтерам.

В последний период, в военные годы, подсудимый Штрейхер не пользовался вообще никаким политическим влиянием. С февраля 1940 года он был смещен с должности гаулейтера и жил в своем имении в Плейкерсгофе, будучи отрезанным от всего мира. Даже членам партии запрещалось посещать его. После 1938 года он не поддерживал никаких связей с Гитлером, который с этого времени стал относиться к нему весьма пренебрежительно.

Каково было то влияние, которое оказывала газета "Дер Штюрмер" во время войны?

Можно сказать, что газета "Дер Штюрмер" во время войны не вызывала вообще какого-либо внимания, достойного упоминания. Тяжелые времена, тревога о тех родственниках, которые находились на фронте, бои на фронте и, наконец, тяжелые налеты авиации полностью отвлекли германский народ от тех вопросов, которые обсуждались в газете "Дер Штюрмер". Народу надоело слушать одни и те же постоянно повторявшиеся утверждения. Доказательством того, как невелик был спрос на газету

15596

"Дер Штюрмер", как на материал для чтения, является то обстоятельство, что в гостиницах и в кафе всегда можно было видеть в киосках номера газеты "Дер Штюрмер". В то время как другие газеты и журналы постоянно расхватывались, тираж "Дер штюрмер" в эти годы непрерывно поникался. Газета "Дер штюрмер" не обладала больше влиянием в области политики. В вышеупомянутые периоды широкие круги населения с самого начала не признавали газеты "Дер Штюрмер". Грубый стиль газеты, ее часто претившие иллюстрации и ее односторонность вызывали повсюду настоящее недовольство. Не может быть вообще и речи о влиянии этой газеты на германский народ и даже на партию".

Хотя германский народ в течение многих лет осыпался градом нацистской пропаганды, а, может быть, как раз по этой причине, такая газета, как "Дер Штюрмер", не могла оказать влияния на духовный мир народа.

Если германский народ, как утверждает Обвинение, действительно был бы охвачен фанатической расовой ненавистью, то в таком случае должно было бы непременно сказаться более значительное влияние, чем влияние газеты "Дер Штюрмер", и это влияние должно было бы в большей степени способствовать антисемитским тенденциям.

Однако ничего подобного не приходится констатировать. Германский народ в общей массе не был настроен в антисемитском духе, по крайней мере, не в такой степени и не таким образом, что он желал или одобрял физическое уничтожение евреев. Так же и официальная партийная пропаганда в области еврейского вопроса не оказала влияния на массу германского народа и не воспитала народ в том духе, который

H1210 – 0312

H1210 – 0313

был желателен государственному руководству.

Это явствует уже из того, что необходимо было издать целый ряд законов для того, чтобы отделить германские слои населения от еврейских. Лучшим примером этому являются так называемые законы об охране расовой чистоты в сентябре 1935г., которые угрожали смертью за кровосмешание германского народа с еврейскими слоями населения. Если бы германский народ был настроен антисемитски, то не было бы вообще необходимости в издании подобных законов, так как в таком случае германский народ сам по себе отделился бы от евреев. Законами такого же рода являются законы, изданные в ноябре 1938 года, относительно исключения еврейского населения из экономической жизни Германии.

В народе, враждебном евреям, всякое экономическое общение с еврейскими кругами должно было прекратиться и предприятия, принадлежавшие евреям, должны были сами по себе притти в упадок. Поэтому понадобилось вмешательство государства для того, чтобы исключить евреев из экономической жизни Германии.

Такой же точно вывод можно сделать из того, как реагировала большая часть германского населения на антисемитскую демонстрацию, имевшую место в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г.

Доказано, что эти акты насилия не осуществлялись стихийно германским народом, а что они подготавливались по указанию доктора Геббельса и проводились при поддержке государственного и партийного аппарата.

Успех и последствия этих демонстраций, которыми руководило государство и которые самым циничным образом

15598

выставлялись за границей как выражение возмущения германского народа по поводу убийства секретаря посольства фон Рата в Париже, были совершенно иными, чем те, на которые рассчитывали зачинщики этой демонстрации. Эти акты насилия и эксцессы, основанные на низменных инстинктах, единогласно порицались даже партийными кругами и самим партийным руководством. Вместо враждебного отношения к еврейскому народу они вызвали чувство сострадания и участия в их судьбе. Вряд ли какое-либо другое мероприятие партии вызвало такое всеобщее порицание. Общественность находилась под таким сильным впечатлением, что подсудимый Штрейхер, будучи гаулейтером, счел необходимым в речи, произнесенной в Нюрнберге, предостеречь от столь большого сочувствия к евреям. Согласно его показаниям, он сделал это не потому, что он одобрял вышеописанные мероприятия, а лишь только по тому, что он хотел своим влиянием поднять сильно упавший престиж партии. До этого он, как следует из показания допрошенного здесь свидетеля Фрица Герберта, заявил обергруппенфюреру СА фон Обернитцу, что он лично не будет принимать участия в планируемой демонстрации, считая ее бесцельной и вредной. Эту же точку зрения он позже высказал публично на собрании союза юристов в Нюрнберге. При этом он должен был учитывать, что он становится в открытую оппозицию к официальной государственной политике.

Все эти факты свидетельствуют о том, что сам народ не испытывал вражды к евреям, несмотря на антисемитскую пропаганду, проводимую государством.

Тем самым также доказано, что публикации Штрейхера в "Дер Штюрмере", а также его речи, не оказали провоцирующего

15599

H1210 – 0314

H1210 – 0315

действия на германский наро в том направлении, о котором говорит Обвинение.

Таким образом, учитывая общую линию поведения германского народа, нельзя доказать, что подсудимый Штрейхер с успехом подстрекал к ненависти против евреев и что это подстрекательство привело к преступному результату.

Однако далее Обвинение подкрепило это свое заявление, отдельно ~~не~~ заявив, что такие мероприятия, как массовое истребление евреев, мог одобрять лишь только народ, воспитанный в духе сильной ненависти к евреям, такими людьми как подсудимый. Таким образом, всем немцам делается упрек в том, что они знали об уничтожении евреев и одобряли это уничтожение. Это такое обвинение, тяжесть и последствия которого для будущего германского народа вообще не поддаются измерению.

Да, но одобрял ли действительно германский народ эти мероприятия?

Одобрять можно только такие вещи, о которых вы осведомлены. Но, если считать доказанным утверждение Обвинения, то логически нужно сделать так же вывод о том, что германский народ действительно знал об этих фактах.

Однако из представленных доказательств по этому вопросу явствует, что рейхсфюрер СС Гиммлер, уполномоченный Гитлером и его сотрудники непосредственно окружили все эти мероприятия мраком неизвестности, Угрожая строжайшими наказаниями за каждое нарушение строгого предписанного молчания. Он сумел скрыть все то, что разыгрывалось на Востоке и в лагерях уничтожения, за железным занавесом,

15600

полностью скрывавшим от общественности все преступления. Гитлер и Гиммлер сделали так, что даже главные руководители партии и государства не могли проникать в эти дела и узнавать о них.

Гитлер не останавливался даже перед тем, чтобы давать ложные сведения своим таким ближайшим сотрудникам, как допрошенный здесь имперский министр доктор Ламмерс, которого он заставил поверить в то, что отправка евреев, проживающих в Европе на Восток имеет целью их поселение в восточных областях, а не уничтожение их. Если в некоторых пунктах показания подсудимых расходятся, то в этом отношении они настолько едины и, кроме того, совпадают с показаниями других свидетелей, что, безусловно, нельзя усомниться в их правдивости.

Тот факт, что даже подсудимый Франк, будучи генерал-губернатором Польши, не мог попасть в Освенцим потому, что даже ему без особого на то разрешения Гиммлера, был запрещен в"езд в вышеуказанный лагерь говорит уже сам за себя.

Если сами руководящие лица третьей империи, за исключением очень узкого круга людей, не были посвящены в вышеуказанные дела или имели весьма туманные сведения о них, то каким образом широкая общественность могла знать об этом? При этих условиях было невероятно трудно узнать что-либо о том, что происходило в лагерях.

Известия из-за границы, как источник из которого можно было узнать правду, были для большей части населения недоступны. Слушание иностранного радио запрещалось под угрозой наказания и поэтому, как правило, не имело места.

15601

H1210 – 0316

H1210 – 0317

Но если, кое-кто все-таки слушал эти передачи, то известия, распространявшиеся иностранными радиостанциями, и сообщения о том, что происходило на Востоке, казались такими вопиющими, такими страшными, непостижимыми для человеческого разума, несмотря на то, что они соответствовали фактам, а может быть, именно поэтому, что они должны были казаться каждому нормальному человеку преднамеренной пропагандой и действительно так воспринимались.

Народ в Германии мог узнать о мероприятиях по уничтожению евреев, лишь только от людей, которые сами работали в лагерях, или от людей, которые соприкасались со служащими в лагерях или с заключенными, и, наконец, от самих бывших заключенных концентрационных лагерей.

О том, что лица, работавшие в лагерях и имевшие отношение к тому, что в них происходило, молчали, не только потому, что их строжайшим образом принуждали к этому, но и в своих собственных интересах, не приходится особенно распространяться. Далее известно, что Гиммлер установил смертную казнь за любое сообщение о том, что происходит в лагерях и за распространение сведений о лагерях, и что под угрозой наказания находилось не только само виновное лицо, но и члены их семей. Наконец, известно, что настоящие лагери уничтожения были настолько сильно отрезаны от всего мира, что общественность не могла узнать ничего из того, что в них происходило. Заключенные этих лагерей, встречавшиеся на работах со своими коллегами, молчали, потому что они должны были молчать. Люди, посещавшие лагери, также находи-

15602

лись под угрозой наказания за разглашение тайны, если они вообще могли получить какие-либо сведения, что было почти невозможно в лагерях уничтожения. Из этих источников германский народ не мог узнать правды.

Под запретом молчания еще в большей степени находились заключенные концентрационных лагерей, выпущенные на свободу. В настоящем лагере смерти едва ли кто-либо вообще оставался в живых. Но, если ~~н~~какого-либо и отпускали на свободу, то, помимо всяких прочих наказаний, ему угрожала еще опасность снова попасть в лагерь, если он нарушит запрет молчания. А это повторное водворение в концентрационный лагерь означало ужасную смерть. Поэтому было почти невозможно узнать от заключенных концентрационных лагерей, выпущенных на свободу, что-либо определенное о том, что происходило в лагере. Если такое положение вещей существовало в отношении обыкновенных лагерей, находящихся в империи, то оно еще в большей степени было характерным для лагерей уничтожения.

Каждый адвокат, который подобно мне, защищал людей перед тем, как их заключали в концентрационный лагерь, и которого эти люди затем после их освобождения посещали, сможет подтвердить, что даже в такой обстановке доверия и при условиях, что адвокат обязан сохранять все дела в тайне, нельзя было заставить говорить бывших заключенных концентрационных лагерей.

156.03

H1210 – 0318

H1210 – 0319

Если даже таким людям, как допрошенный здесь свидетель Зеверинг, старый социал-демократ, пользующийся доверием членов своей партии и поэтому поддерживавший связь со многими бывшими заключенными концлагерей, истинное положение вещей относительно преследования евреев стало известно на много позже и то в незначительном об'еме, то каждый средний немец мог знать действительно очень мало.

Из этих фактов совершенно очевидно явствует, что государственное руководство, Гитлер и Гиммлер во что бы то ни стало хотели сохранить в тайне уничтожение евреев и отсюда вытекает также и другой аргумент, напрашивающийся сам собой и с моей точки зрения опровергающий утверждение Обвинения, что германский народ относился враждебно к евреям.

Если бы германский народ в самом деле так сильно ненавидел евреев, как утверждает Обвинение, то не было бы необходимости прибегать к таким строгим методам для сохранения тайны. Дело обстояло бы по-другому. Если бы Гитлер был уверен в том, что германский народ видит в евреях своих основных врагов, что он одобряет уничтожение евреев и желает его, то Гитлер должен был бы неизбежно сообщить германскому народу о планировавшемся и осуществленном уничтожении этого врага. Учитывая тотальную войну, которая пропагандировалась Гитлером и Геббельсом, можно было едва ли найти такое хорошее средство усилить веру в победу и боеспособность народа, чем сообщение о том, что уничтожен главный противник, т.е. евреи.

Такой беззастенчивый пропагандист, как Геббельс, безусловно воспользовался бы столь сильным аргументом, если бы

15604

он смог обосновать его необходимой для этого предпосылкой, а именно абсолютной волей германского народа к уничтожению евреев. А при существовавших условиях даже от германского народа, находившегося в течение многих лет под сильнейшем давлении гестапо, необходимо было всеми средствами скрыть окончательное решение еврейского вопроса. Даже руководящим государственным и партийным деятелям нельзя было ничего сообщать об этом.

Гитлер и Гиммлер, очевидно, сами понимали, что даже во время ведения тотальной войны и после воспитания и порабощение германского народа, длившегося десятилетия и проводившегося национал-социализмом, этот народ все же реагировал бы самым резким образом на сообщение о таком характере еврейской политики.

Эту политику маскировки нельзя об'яснить тем, что она проводилась с учетом враждебно настроенной заграницы. В 1942 и 1943 г.г. весь мир уже вел ожесточенную борьбу против национал-социалистской Германии! Обострение этой борьбы казалось почти невозможным, во всяком случае не путем сообщения о фактах, которые уже давно были известны заграницей.

Независимо от этого, ухудшение отношения враждебных держав не могло оказать влияния на таких людей, как Гитлер, Геббельс и Гиммлер. Если бы они рассчитывали на то, что сообщение об уничтожении евреев вызовет у германского народа хотя бы самую незначительную, но положительную реакцию, то они, безусловно, не отказались бы от таких разоблачений, а наоборот, они всеми средствами стремились бы к тому, чтобы таким путем усилить уверенность германского народа в по-

15605

H1210 – 0320

H1210 – 0321

беду.То,что они этого не сделали,является лучшим доказательством того,что германский народ рассматривался также и ими не как народ,резко настроенный в антисемитском духе, и,далее является доказательством того,что вообще не может быть речи о подобном антисемитизме в германском народе.

В заключение можно констатировать,что опровергнуты все вышеуказанные моменты,а также утверждения Обвинения о том,что германский народ воспитывался подсудимым Штрейхером в духе ненависти к евреям и что он одобрял уничтожение евреев.

Даже,если,следовательно,подсудимый и преследовал в своих статьях подобную цель,он не достиг этого результата.

В этой связи необходимо также осветить ту роль,которую Обвинение приписывает подсудимому Штрейхеру,утверждая, что он воспитал немецкую молодежь в антисемитском духе и настолько пропитал ее духом ненависти к евреям,что это пагубное действие сохранится надолго после смерти Штрейхера

Центральный момент обвинений,выдвинутых против подсудимого в этом направлении,заключается в том,что молодые люди,воспитанные Штрейхером в духе ненависти к евреям,подстрекались на совершение преступлений против евреев,которых они при других обстоятельствах не могли совершать, и что от молодежи,воспитанной в таком духе,можно ожидать совершения таких преступлений в будущем.

Обвинение основывается в этом пункте главным образом на книгах для молодежи,опубликованных издательством

15606

"Штюрмер", и на нескольких статьях, обращенных к молодежи и помещенных в этом журнале.

Я далек от мысли приукрашивать эти публикации или защищать их. Я могу и должен предоставить Суду их оценку. Согласно основной линии защиты, я собираюсь здесь рассмотреть вопрос о том, оказывал ли подсудимый вышеуказанным или каким-либо другим образом влияние на воспитание молодежи в духе преступной ненависти к евреям, или нет.

Что касается упомянутых книг, то необходимо указать на то, что они, в значительной своей части, не были известны немецкой молодежи, не говоря уже о том, что они не читались. Не было представлено доказательств, подтверждающих обратное. Заявление Обвинения.

Здоровое начало, заложенное в немецкой молодежи, не признавало таких тенденционных сочинений. Немецкие юноши и девушки предпочитали другую литературу.

При этом необходимо подчеркнуть, что ни содержание, ни иллюстрации в этих книгах, не могли в какой-либо степени привлекать молодых людей. Наоборот, они невольно должны были производить отталкивающее впечатление.

В этой связи кажется особенно важным то, что человек, ответственный за воспитание всей германской молодежи, подсудимый Бальдур фон Ширах в качестве свидетеля заявил под присягой, что упомянутые книги для молодежи, опубликованные издательством "Дер Штюрмер", не пропагандировались руководством "Гитлеровской молодежи" и не находили круга читателей в "Гитлеровской молодежи".

Такие же показания свидетель дал относительно самой

15607

H1210 – 0322

H1210 - 0323

газеты "Дер Штюрмер", а один из его ближайших сотрудников, свидетель Лаутербахер, показал, что подсудимый фон Ширах вообще запретил распространять газету "Дер Штюрмер" среди гитлеровской молодежи.

Ясно, что уже сама манера писать, а также иллюстрации в газете "Дер Штюрмер" не могли привлекать молодежь или являться для нее опорой в этическом отношении. Поэтому вполне понятна мера, принятая имперским руководством молодежью.

Если на основании нескольких статей "Дер Штюрмер", представленных обвинением, можно, кажется, заключить, что "Дер Штюрмер" читался в кругах молодежи и оказывал там известное влияние, то в связи с этим следует заявить, что речь шла о статьях, заказанных специально, причем с пропагандистскими целями. Для подтверждения заявления Обвинения, что немецкая молодежь была охвачена преступной ненавистью к евреям, не было представлено никаких доказательств. Потому нельзя ни германский народ, ни его молодежь назвать преступно антисемитскими в том смысле, в каком об этом говорит Обвинение, и тем самым обвинение, выдвигаемое против подсудимого относительно того, что он воспитал молодежь в вышеописанном духе, оказывается лишенным основания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Маркс, пожалуй, сейчас удобное время для перерыва.

(Об'является перерыв на 10 мин.).

МАРКС. Можно попытаться предположить, что "Дер Штюрмер" оказывал особо сильное влияние на организации пар-

тии,СА,СС,но и это не имело места.

СА,крупнейшая массовая организация партии,также отрицательно относилась к "Дер Штюрмер",как и народные массы.Печатными органами этой организации были "Дер СА-фюрер" и "Ди СА".Из этих газет основная масса членов СА черпала основы своего мировоззрения.Но в этих газетах не было опубликовано ни одной статьи,вышедшей из-под пера подсудимого Штрейхера.Если бы Штрейхер действительно был бы таким,каким его считает Обвинение,авторитетным и влиятельнейшим пропагандистом антисемитизма,то его,несомненно, привлекли бы к сотрудничеству в этих журналах для инструктирования СА в еврейском вопросе.От сотрудничества такого человека журналы,имевшие своей целью идеологическое воспитание,ни в коем случае не должны были бы отказаться.Но то обстоятельство,что Юлиус Штрейхер ни разу не выступил в этих журналах,доказывает,что фигура этого человека,нарисованная Обвинением,никоим образом не соответствует действительным фактам. С помощью своей газеты подсудимый Штрейхер не мог оказывать влияния на СА; а газеты "Дер СА-фюрер" и "Ди СА" были для него недоступны.Но и высшее руководство СА отказывалось следовать его принципам.В этой связи допрошенный в качестве свидетеля заместитель начальника штаба СА,СА-обергруппенфюрер Ютнер показал на комиссии 27.5 1946 года следующее:

"Бывший начальник штаба СА Лютце на одном из совещаний руководителей заявил,что он не желает,чтобы в СА проводилась пропаганда в пользу "Дер Штюрмер".В отдельных группах "Дер Штюрмер" был вообще запрещен.Содержание "Дер

15609

H1210 – 0324

H1210 – 0325

Штюрмер" вызывало чувство отвращения и отталкивало большинство членов СА. Политика СА по еврейскому вопросу вовсе не была направлена на уничтожение евреев, борьба велась лишь за то, чтобы решительно воспрепятствовать эмиграции евреев с Востока".

Подсудимому Штрейхеру ни государственное руководство, ни министерство пропаганды не предоставляли возможности распространять его идеи на более значительный круг людей. Подсудимый Фриче, который обладал в министерстве пропаганды правом принимать решения, заявил в качестве свидетеля, что Штрейхер никогда не оказывал влияния на пропаганду, что он полностью игнорировался. Так, например, ему в частности, не поручалось выступать с докладами по радио, хотя выступление по радио могло оказать совершенно иное воздействие на массы, чем статья в "Дер Штюрмер", который невольно читался ограниченным кругом людей. А затем тот факт, что даже официальная пропаганда третьей империи не могла воспользоваться услугами подсудимого Штрейхера, говорит о том, что от его деятельности не приходилось ожидать ~~ни~~ какого-то эффекта. Официальное германское государственное руководство считало Штрейхера тем, кем он был, невидным издателем удивительно незначительной еженедельной газетки.

Идеология "Дер Штюрмер", таким образом, не признавалась как отдельными членами СА, так и руководством СА; о влиянии Штрейхера на Са не может быть и речи.

Подобно тому, как подсудимый Штрейхер не привлекался к сотрудничеству в газетах СА, точно также его статьи не появлялись ни в "Фелькишер Беобахтер", ни в других ведущих органах германской прессы, хотя освещение еврейского вопроса, в соответствии с указанием министерства пропаганды, являлось одной из важнейших задач германской прессы.

15610

Позиция основной массы германского народа, это нужно со всей ясностью здесь заявить, была столь же мало радикально-антисемитской, как и позиция германской молодежи и партийных организаций.

Таким образом не доказано, что существовало какое-либо успешное подстрекательство германского народа к преступному антисемитизму.

Теперь я перехожу к последнему решающему пункту обвинения, а именно к рассмотрению вопроса о том, кто несет основную ответственность за издание приказа о массовом уничтожении евреев и как произошло, что нашлись люди, которые выразили готовность выполнить этот приказ и были ли бы изданы и выполнены такие приказы, если бы не было бы влияния подсудимого Штрейхера.

Главную ответственность за окончательное решение еврейского вопроса, за уничтожение евреев в Европе, без сомнения несет сам Гитлер. Этому величайшему из всех процессов мировой истории присущ тот недостаток, что главные виновники не сидят на скамье подсудимых, так как они либо умерли, либо их невозможно найти; но сделанные констатации показывают фактическую ответственность.

Можно считать, что совершенно ясно установлено, что Гитлер представлял собой человека, отличавшегося невероятной, прямо-таки демонической, жестокостью и бессердечием, к чему в последние годы прибавилось еще то, что он потерял всякое чувство меры и всякое самообладание.

То, что беспринципная жестокость являлась основной чертой его характера, впервые проявилась со всей очевидностью при подавлении так называемого путча Рема в июне 1934 года. Тогда Гитлер не испугался того, чтобы без всякого судебного разбирательства расстрелять своих старейших соратников. Его безудержный

15611

H1210 – 0326

H1210 - 0327

радикализм выразился также в методе ведения войны с Польшей. Только потому, что он опасался отрицательного отношения ведущих кругов польского народа к Германии, он приказал уничто - жить их. Еще более радикальными были его приказы во время русской кампании. Уже тогда он издал распоряжение об уничто - жении евреев путем различных частичных мер.

Эти примеры ясно показывают, что этому человеку было несвойственно учитывать какие-либо принципы человечности. Далее на процессе на основании показаний всех подсудимых стало совершенно ясно, что Гитлер при принятии принципиальных решений не допускал, чтобы на него оказывалось влияние.

Принципиальное отношение Гитлера к еврейскому вопросу известно. Он стал противником евреев уже до первой мировой войны, еще в то время, когда он жил в Вене. Но нет никаких данных, показывающих, что Гитлер с самого начала намечал столь радикально разрешить еврейский вопрос, как это в конце концов выразилось в уничтожении евреев в Европе. Если Обвинение утверждает: "От книги "Моя борьба" - прямая дорога к крематориям Маутхаузена и Освенцима", то это лишь предположение, доказательств этому не имеется. Наоборот, результаты представления доказательств говорят о том, что также Гитлер хотел решить еврейский вопрос в Германии путем выселения евреев. Эта идея, а также распространение на еврейскую часть населения права иностранцев, представляли собой официальную государственную политику Третьей империи. С изданием законов 1935 года многие ведущие антисемиты считали еврейскую проблему разрешенной. Такого же мнения придерживался и подсудимый Штрейхер. Можно констатировать, что лишь с конца 1938 года - начала 1939 года Гитлер стал придерживаться более резкой позиции в отношении еврейского вопроса, главным образом, потому что он на случай

войны предусмотрел другое решение, так как он считал, что война пропагандируется евреями. В своей речи в рейхстаге 30 января 1939 года он предсказал уничтожение евреев в том случае, если против Германии будет развязана новая мировая война. Такие же мысли он высказал в своей речи в день 20-летия основания партии, в феврале 1942 года. И, наконец, также и его завещание ~~поддерживает~~ подтверждает, что только он несет ответственность за уничтожение евреев в Европе во всей их совокупности.

Хотя с началом войны Гитлер занял более резкую позицию в отношении евреев, однако, нет никаких оснований считать, что уже на первой стадии войны он намеревался осуществить уничтожение евреев. Последнее решение в этом направлении было несомненно вызвано тем, что Гитлеру стало ясно, вероятно уже в начале 1942 года, что Германия не сможет выиграть войну.

С уверенностью можно предположить, что решение об уничтожении евреев, как почти все решения Гитлера, было принято только им самим. В какой степени имело место влияние неких стоявших близко к нему советчиков - установить точно нельзя. Если такое влияние и было оказано, то можно говорить лишь о влиянии таких людей, как Гиммлер, Борман и Геббельс. Во всяком случае, со всей очевидностью установлено, что в решающее время между сентябрем 1939 и октябрем 1942 года Штрейхр не оказывал влияния на Гитлера и, судя по положению вещей, это вообще не могло произойти.

Штрейхер в это время, лишенный всех своих постов, находился в своем имении в Плейкерсгофе. Ни лично, ни в письмах он не поддерживал связи с Гитлером. Это точно доказано на основании показаний свидетелей Фрица Херверта, Адель Штрейхер и на основании показания под присягой, данного самим подсудимым.

15613

H1210 - 0328

H1210-0329

То, что Гитлер, может быть, читая "Дер Штюрмера", пришел к своему приказу об уничтожении евреев едва ли можно серьезно утверждать.

Таким образом, выяснено, что подсудимый Штрейхер не оказал влияния на человека, который обладал правом принимать решения, и не повлиял на издание решающего приказа об уничтожении евреев.

В октябре 1942 года был издан указ Бормана, в котором предписывалось уничтожение евреев. Документ ПС-3244. Этот приказ исходил от Гитлера, - это совершенно ясно установлено, - и был направлен рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру, которому было поручено активно осуществлять уничтожение евреев.

Он, со своей стороны, поручил окончательное выполнение этого приказа начальнику гестапо Мюллеру и его уполномоченному по еврейскому вопросу Эйхману. Таким образом, эти люди после Гитлера несут главную ответственность. Ничем не доказано, что Штрейхер мог как-то оказать на них влияние или действительно оказал его. Он неопровержимо утверждает, что он вообще не знал Эйхмана и Мюллера, а его отношения с Гиммлером носили весьма непрочный характер, они были какими-угодно, только не дружественными. Нужно только упомянуть, что Гиммлер был одним из самых ярых антисемитов в партии. Он с самого начала пропагандировал беспощадную борьбу против евреев и вообще, судя по всему, был человеком, который в принципиальных вопросах не терпел постороннего влияния. Но, независимо от этого, сравнение этих двух людей показывает, что Гиммлер во всех отношениях был более сильным человеком, превосходящим Штрейхера, так что уже по этой одной причине исключается всякое влияние подсудимого Штрейхера на Гиммлера.

Я затем перехожу к вопросу о том, оказала ли деятельность подсудимого Штрейхера решающее влияние на исполнительные

органы, производившие казни, на членов оперативных групп /айнзацгруппы/, с одной стороны, и на команды, производившие расправы, - с другой стороны, и была ли вообще нужна духовная и идеологическая подготовка этих людей для того, чтобы они проявили готовность и пошли на то, чтобы осуществить подобные мероприятия.

Рейхсфюрер СС в своих, часто упоминавшихся здесь речах, в Николаеве, Познани, Харькове заявлял, что он не только наряду с Гитлером несет ответственность за окончательное решение еврейского вопроса, но что предписанные мероприятия можно было осуществить лишь только благодаря использованию сил СС, которые он сам отобрал для этого.

Из показаний Олендорфа мы знаем, что так называемые оперативные группы /айнзацгруппен/ состояли из сотрудников гестапо и СД, из рот, входивших в состав войск СС, из старших служащих полиции и из местного населения.

В принципе следует констатировать, что подсудимый Штрейхер никогда не оказывал ни малейшего влияния на идеологическую позицию СС. В обширном материале этого процесса не имеется и тени доказательства того, что Штрейхер поддерживал какую-либо связь с СС. Враг евреев под номером один, крупный пропагандист в области преследования евреев, каким его изображает Обвинение, подсудимый Штрейхер ни разу не выступил в журналах СС "Дас шварце кор" или в "СС-Лейтхефтен". Однако эти журналы, как официальные органы рейхсфюрера СС, определяли идеологическую сторону охранных отрядов /СС/. Эти журналы СС определяли отношение СС к еврейскому вопросу. "Дер Штюрмер" также мало читался в этих кругах и к нему было такое же [illegible] отрицательное отношение, как и во всех других кругах.

15615

H1210 - 0330

H1210 – 0331

Сам Гиммлер иронически относился к Штрейхеру как к идеологу. Таким образом подсудимый Штрейхер не мог оказывать влияние на мировоззрение членов СС, находившихся в оперативных группах, еще меньше на старых солдат полиции и, меньше всего, на подразделение, состоящие из иностранцев. Также и на экзекуционные команды, производившие казни в концентрационных лагерях, он не мог влиять в идеологическом отношении. Их члены большей частью были набраны из соединений "Мертвая голова", т.е. из старых охранных соединений, на которые распространяется все вышесказанное. К этому следует добавить, что старые служащие полиции, а также старые члены СС были воспитаны в духе абсолютного повиновения своим начальникам, фюреру. Для тех и для других беспрекословное повиновение приказам фюрера было само собой разумеющимся.

Но, несмотря на это, даже старым и привыкшим к абсолютному повиновению полицейским, даже старым членам СС, Гиммлер не мог просто поручить, чтобы они производили казни евреев. Наоборот, Гиммлер должен был назначать руководителями этих экзекуционных команд людей, пользовавшихся его личным доверием, которых он лично обязывал выполнять эти поручения, ясно, указывая при этом на то, что он берет на себя всю ответственность и что он сам передает лишь основной приказ Гитлера.

Таким образом, даже эти люди, представлявшие собой, как утверждает Обвинение, ~~отобранные~~ отборные войска нацизма, в такой ясной степени превратились в тех противников евреев, о которых говорит Обвинение, что нужен был весь авторитет главы государства и фюрера, а также его самого жестокого сотрудника Гиммлера, чтобы убедить ответственных руководителей экзекуционных команд, что полученное ими поручение продиктовано волей главы авторитарного государства, т.е.

основано на приказе, который,по их убеждению, имел силу основного государственного закона, т.е. не подлежал никакой критике.

Таким образом не идеологические причины и не то, что Штрейхер подстрекал людей, которым поручили уничтожение евреев, принудили этих людей выполнить вышеупомянутый приказ, а лишь только их повиновение приказу Гитлера, переданному им Гиммлером, и сознание того, что невыполнение этого приказа фюрера будет означать смерть.

Следовательно, и в этом отношении не доказано, что имело место влияние Штрейхера. Тем самым исчерпаны обвинения, предъявленные подсудимому.

Но, чтобы притти к какому-нибудь результату в характеристике подсудимого, которая действительно полностью соответствовала бы сделанным утверждениям, мне кажется необходимым, резюмируя, еще раз кратко осветить его личность и его службу при правительстве Гитлера.

Обвинение видит в нем ведущего антисемита и ведущего представителя течения,охваченного жестоким желанием уничтожать евреев.

Однако эта точка зрения также мало оправдывается ролью подсудимого и его фактическим влиянием, как и его убеждениями.

Уже из того, на какой службе использовался подсудимый в империи и как он привлекался к пропаганде по еврейскому вопросу и к окончательному решению этого вопроса, следует,что точка зрения, высказанная Обвинением, является неправильной. В единственный раз, когда подсудимый активно использовался в борьбе против евреев, имело место назначение его председателем оперативного комитета по проведению 1 апреля 1933 года антисемитского бойкота. Но в этот день

15617

H1210 – 0332

H1210-0333

он занял такую позицию, которая находится в полном противо - речии с резкими высказываниями в газете "Дер Штюрмер". Эта позиция дает возможность заключить, что резкие высказы - вания в его газете являлись ничем иным как выражением тен - денционной попытки. Хотя Штрейхер в этот день мог использовать против евреев всю мощь государства и партии, он распо - рядился лишь снабдить еврейские магазины опознавательными знаками и выставить подле них посты. Но он категорически запретил всякие насильственные меры против евреев и нанесе - ние какого-либо ущерба еврейской собственности.

В дальнейшем подсудимый больше к таким делам не привлекался. Он даже не использовался для работы по идеологическому обоснованию разногласий с евреями. Ни с помощью прессы, ни с помощью радио он не мог проповедывать свои идеи. Ни партия в своих инструктивных письмах, ни ее организации в своих газетах не пользовались его пером для разъяснения ев - рейского вопроса. Не ему, а подсудимому Розенбергу, Гитлер поручил идеологическое воспитание германского народа. Розенберг отвечал за институт по исследованию еврейского вопроса во Франкфурте, а не подсудимый Штрейхер, который даже не был привлечен для сотрудничества в этом институте.

Подсудимому Розенбергу поручили проведение антисемитского мирового конгресса в 1944 году. Правда, этот конгресс никогда не состоялся, но характерно, что участие подсудимого Штрейхера даже не предусматривалось.

Все антисемитские законы и распоряжения в третей империи были изданы без его содействия. Он даже не был привлечен к подготовке расовых законов, провозглашенных на партийном съезде в Нюрнберге в 1935 году. Подсудимый Штрейхер не принимал участия ни в одном совещании по сколько-нибудь важному вопросу в мирное или в военное время. Его фамилия не стоит ни

в одном списке участников совещаний, ни в одном протоколе. Его имя ни разу даже не упоминается ни на одном из совещаний.

Борьба против евреев в третьей империи обостря - лась из года в год, особенно непосредственно после начала войны и во время войны. А в противоположность этому влияние подсудимого Штрейхера из года в год уменьшалось. Уже в 1939 г. он почти игнорировался, не имел никаких связей с Гитлером или иными руководящими лицами государства и партии. С 1940 г. он был отрешен от должности гау - лейтера и с тех пор в политическом отношении был мертвым человеком.

Если бы подсудимый Штрейхер действительно был тем человеком, каким его считает Обвинение, то его влияние и его деятельность должны были бы автоматически расши - ряться по мере обострения антисемитской борьбы. И итогом должно было явиться не отсутствие политического влияния и не изгнания, как в действительности произошло, а поручение осуществить уничтожение евреев.

Из-за своей многолетней писательской деятельности, во время которой он до пресыщения обсуждал одну и ту же тему в неуклюжей, грубой и резкой форме, подсудимый Штрейхер, этого нельзя отрицать, снискал враждебность мировой общественности. Тем самым он создал о себе мне - ние, на основании которого сильно переоценивается его значение и его влияние, а также для него возникает опас - ность, что таким же образом может быть преувеличена и его ответственность.

15619

H1210 - 0334

H1210 – 0335

Защитник, который в этом случае стоял перед неблагодарной и тяжелой задачей, должен был ограничиться тем, чтобы показать те явления и факты, которые дают возможность изучить в полном объеме значение этого человека и ту роль, которую он играл в трагедии национал-социализма. Но задача защиты не может заключаться в том,чтобы оспаривать несомненные факты или защищать действия,которые просто не могут быть оправданы.

Так установлено, что этот подсудимый содействовал тому,что была снесена главная синагога в Нюрнберге и тем допустил разрушение культурного заведения религиозной общины.

Подсудимый в свое оправдание заявляет,что при этом для него речь шла не о снесении здания,предназначенного для богослужения,а об уничтожении здания,которое нарушало стиль нюрнбергского старого города и казалось лишним, и что мнение разделяли также эксперты по вопросам искусства. То, что это соответствует действительности,следует из того,что он оставил неприкосновенным вторую еврейскую молельню в Нюрнберге,пока она, в конце концов, не была сожжена,без его содействия, в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года. Как бы там ни было,подсудимый во всяком случае показал здесь такую же непредусмотрительность, которая присуще и всем его остальным действиям. Свой образ действий он должен сам защищать здесь, защита не может в такой степени становиться на его сторону. Но и здесь, однако,следует подчеркнуть,что население Нюрнберга отнеслось к этому событию явно отрицательно. Для всякого нейтрального наблюдателя было ясно,что народ встречал такие действия ледяным холодом и лишь путем нажима и насилия его можно было заставить терпеть подобные мероприятия и быть свидетелем подобных бессмысленных актов.

15620

Также мало защита может сказать относительно вновь извлеченного мифа о ритуальных убийствах. Эти статьи не вызывали никакого интереса, их тенденция совершенно ясна. Единственный момент, который может помочь подсудимому наряду с его доброй верой в то, что проповедовалось, это то, что не он был автором этих статей, а Гольц. Однако он не может возразить против упрека в том, что он допускал,чтобы все это происходило.

15621

H1210 – 0336

H1210 - 0337

Может показаться непонятным, почему подсудимый все еще участвовал в издании газеты "Дер Штюрмер", будучи давно парализованным в политическом отношении и находясь в изгнании. Ничто не показывает лучше его духовной односторонности, чем именно этот факт.

Если Обвинение вменяет подсудимому в вину то, что он, якобы, стремился к физическому уничтожению евреев и с помощью своих статей подготовил это состоявшееся затем уничтожение их, то в опровержение этого следует указать на заявления подсудимого во время его допроса в качестве свидетеля, на которые я полностью здесь ссылаюсь.

Подсудимый утверждает, что во всем огромном количестве статей, напечатанных в "Дер Штюрмер" с момента его появления, нет ни одной статьи, в которой действительно содержался бы призыв к насильственным актам против евреев. И, далее, что среди более чем тысячи номеров, можно было найти только лишь пятнадцать таких ~~моментов~~ номеров, в которых имеются выражения, говорящих против него, в смысле обвинения.

Подсудимый, напротив, во время его допроса заявил, что в его статьях и речах ярко проявлялась тенденция, направленная на то, чтобы достичь общего решения еврейского вопроса одновременно во всем мире, так как частичное решение любого рода не имеет никакого смысла и совершенно не затрагивает корня проблемы. Уже с этой точки зрения он в любом случае выступил бы против любых антисемитских насильственных мер и никогда не одобрил бы таких мероприятия, которое Гитлер в конце концов приказал осуществить.

Следует усомниться, доказано ли то, что подсудимый одобрял имевшие место массовые убийства евреев, и я предо-

H1210 – 0338

ставляю Трибуналу решить этот вопрос. Он сам, во всяком случае, ссылается на то, что более или менее точные сведения об этих массовых убийствах он получил только в 1944 г., что подтвердили также свидетели Адель Штрейхер и Химер.

Сведения, опубликованные в "Израильтянском еженедельнике", он считал пропагандой, поэтому не верил им. В его пользу также говорит, что он до осени 1943 года ни в одной статье не выражал своего удовлетворения по поводу судьбы евреев на Востоке.

Если он тогда писал об исчезновении еврейских масс на востоке, то из этого нельзя заключить, что он располагал сведениями о каких-либо зверствах. Таким образом, он мог просто считать, что это исчезновение не связано с физическим уничтожением евреев, а что, может быть, речь идет лишь о переселении сконцентрированного еврейского населения в какую-либо нейтральную страну или на территорию Советского Союза.

Так как не пред'явлено никаких доказательств относительно того, что подсудимый получил какие-либо хотя бы приблизительные сведения о запланированном уничтожении евреев, то он вообще не мог вообразить себе такие сатанинские действия, так как они лежат вне представлений человеческого разума. Также нельзя, конечно, полагать, что духовные особенности подсудимого позволили ему заранее представить себе такое решение еврейского вопроса, которое могло родиться лишь в уме человека, не владеющего более собой.

Подсудимый сам называет себя фанатиком истины и искателем правды. Он утверждает, что он ничего не писал и ничего не говорил в своих речах такого, что бы не исходило

из надежного источника и не подтверждалось на фактах.

То,что он фанатик,не подлежит сомнению.Но фанатиком является такой человек,который настолько захвачен какой-либо идеей или какой-либо манией,что для него не существуют какие-либо другие соображения и что он полон лишь одностороннею убежденностью в правильности своей точки зрения.Для психиатора речь может итти о душевном выверте.

Любой вид фанатизма близок к мании.Как правило,с этим связана значительная переоценка самого себя и своей личности,а также того влияния,которое эта личность оказывает на окружающий мир.

Ни у одного из подсудимых,ожидающих здесь своего приговора,так сильно не расходятся кажущееся и сущее,как у подсудимого Штрейхера.

То,чем он казался окружающему миру,изобразило Обвинение.То,чем он был и чем он является в действительности, показал процесс.Но только лишь факты могут быть основой для приговора.

Господа судьи,положите в основу Вашего приговора то, что подсудимый на своем посту гаулейтера Франконии проявил много человеческих черт,что он добился освобождения большого числа политических заключенных из концентрационных лагерей,что повлекло за собой судебное преследование против него. Нельзя не упомянуть,что он во всех отношениях хорошо обращался с военнопленными и иностранными рабочими,работавшими у него в имении.

Пусть приговор в отношении подсудимого Штрейхера будет каким угодно.В данном случае речь идет лишь только о судьбе одного человека.

15824

H1210 – 0339

H1210 - 0340

Однако кажется установленным, что германский народ и этот подсудимый никогда не были единого мнения по этому вопросу, являющемуся в данном деле определяющим. Германский народ постоянно отмежевывался от принципов подсудимого, которые он излагал в своих публикациях, и сохранил свое собственное мнение и отношение к евреям. Но тем самым полностью опровергается предположение Обвинения, что тенденциозные статьи в "Дер Штюрмере" нашли какой-либо отклик или одобрение в германском народе или даже выработали в нем идеологию, допускающую проведение преступных мероприятий.

Германский народ в своем подавляющем большинстве сохранил здоровый дух и отрицательно отнесся ко всем актам насилия. Поэтому он может претендовать на то, чтобы перед форумом мировой общественности с него сняли обвинение в моральном соучастии и в ответственности за совершение этих преступлений, чтобы он мог затем вновь занять свое место среди наций.

Однако, решение о виновности или невиновности этого подсудимого находится в руках Высокого Суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я вызываю доктора Заутера, защитника подсудимого Функа.

(К микрофону подходит защитник ЗАУТЕР).

ДОКТОР ЗАУТЕР (защитник подсудимого Вальтера Функа). Господа судьи, моя задача состоит в том, чтобы рассмотреть дело подсудимого доктора Вальтера Функа, следовательно выступить на тему, которая, к сожалению, является довольно

сухой и мало интересной.Я должен сделать следующую оговорку:

Я принципиально не буду выступать с какими-либо общими заявлениями политического,исторического или психологического характера,хотя подобные высказывания кажутся особенно заманчивыми.в рамках этого процесса.С такими обширными общими высказываниями уже выступали другие защитники и кое-кто высказался еще в дополнение к сказанному.

Я хотел бы ограничиться тем,чтобы под углом зрения защиты рассмотреть вопрос о том,какую картину нарисовало представление доказательств на этом процессе и сообщить Вам об этом,а также о личности подсудимого Функа,о действиях,совершенных им,о мотивах,которымион при этом руководствовался.

Господа Судьи,весь ход этого процесса и отдельное представление доказательств по делу подсудимого показали,что он никогда не играл решающей роли в национал-социалистском государственном руководстве.

15626

H1210-0341

H1210 – 0342

Права Функа на то, чтобы принимать решения всегда были значительно ограничены полномочиями вышестоящих лиц. Замечание подсудимого во время его допроса, что его всегда только подпускали к дверям, но никогда не пропускали через них вполне подтверждается пред"явленными доказательствами.

В партии в противоположность государственному аппарату на подсудимого Функа лишь только в последние годы перед приходом к власти, следовательно в 1932 году, были возложены некоторые задачи. Эти поручения, однако, не имели никакого практического значения потому, что они были кратковременными. С момента прихода партии к власти Функ никогда не занимал какой-либо партийной должности. Он не принадлежал также ни к партийным организациям, ни к СС, ни к СА и ни к корпусу политических руководителей. Мандат депутата рейхстага был у Функа только немного более полугода до прихода к власти национал-социалистов. Таким образом, он не являлся членом рейхстага в то время, когда принимались основные законы, направленные на укрепление власти национал-социализма. Законы, вменяемые подсудимому Функу в вину, в частности закон о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий, были напротив, приняты имперским кабинетом министров в то время, когда Функ не являлся еще членом имперского кабинета министров. Он стал им лишь после его назначения на пост имперского министра экономики к концу 1937 года, то-есть тогда, когда заседания кабинета министров больше не происходили. Но, будучи руководителем печати в имперском правительстве, Функ не имел в кабинете ни места, ни голоса и не мог оказывать никакого влияния на содержание проектов законов. Я указываю на показание Ламерса по этому пункту.

15624

То же самое относится и к расовым законам, к так называемым "нюрнбергским законам".

Близкие отношения с Гитлером были у Функа только в течение полутора лет, когда он, будучи руководителем печати имперского правительства, систематически делал Гитлеру доклады по вопросам печати, следовательно с февраля 1933 года до августа 1934 года, то-есть до кончины президента империи фон Гинденбурга. Позже Функ виделся с Гитлером очень редко. Свидетель доктор Ламерс показывает по этому вопросу следующее (я цитирую):

"Позднее, будучи имперским министром экономики, Функ чрезвычайно редко виделся с Гитлером. Он не привлекался ко многим совещаниям и, в частности, к таким совещаниям, на которне он, собственно, должен был бы приглашаться. Он очень часто жаловался мне на это.

Фюрер всячески отговаривался. Он заявлял, что имелись различные основания против Функа. Он якобы относился к Функу скептически и не хотел его иметь у себя". (Так дословно гласят свидетельские показания свидетеля Ламерса от 8 апреля 1946 года).

И на вопрос, поставленный свидетелю Ламерсу, часто ли ему жаловался Функ на неудовлетворявшее его положение, которое он занимал, будучи имперским министром экономики, и на те опасения, которне угнетали его из-за общей обстановки, др. Ламерс ответил:

15828

H1210 – 0343

H1210-0344

-"Я знаю, что у Функа были большие заботы и что он также хотел найти случай для того, чтобы поведать эти заботы фюреру. У него было затаенное желание сделать доклад фюреру для того, чтобы узнать вообще что-нибудь о военном положении". (Это было в 1943 и 1944 годах), затем Ламерс продолжает:

"Функу при всем желании не удалось попасть к фюреру, и мне также не удалось провести его к фюреру".

Господа судьи! Тот бросающийся в глаза факт, что Функа за все время его министерской деятельности всего только четыре или пять раз приглашали на заседания к фюреру - Функ об"ясняет тем, что Гитлер в нем не нуждался. Гитлер давал свои директивы по экономическим вопросам до 1942 года Герингу как уполномоченному по четырехлетнему плану, ответственному за руководство всей экономикой, а с 1942 года-Шпееру, который, будучи министром вооружения, мог в силу особых полномочий давать указания всем отраслям производства и который с 1943 года сам руководил всем производством.

Итак, Функ в руководстве экономикой национал-социалистской империи никогда не играл главную роль, а всегда лишь только второстепенную. Подсудимый Ирмер на том же процессе Геринг со всей уверенностью подтвердил это в своем показании от 16 марта в следующих словах:

"Само собою разумеется, что Функ после предоставления мне, Герингу, генеральных полномочий + должен был следовать моим экономическим директивам министерства экономики в имперском банке. За директивы и экономическую политику, которую проводил имперский министр экономики ~~Функ~~ и президент рейхсбанка Функ, целиком и полностью несу ответственность я".

Точно так же и подсудимый Шпеер на заседании от 20 июня, выступая в качестве свидетеля, заявил, что он, будучи министром вооружения, с самого начала имел решающие полномочия в важнейших областях экономики, как-то: уголь, железо и сталь, металлы, алюминий, машиностроение и т.п. Все энергетическое хозяйство и все строительство еще до назначения Шпеера подчинялось его предшественнику министру вооружения Тодту.

Материалы доказательства, предъявленные Обвинением по делу Функа, относятся в большинстве своем не к действиям самого Функа или к распоряжениям, которые он издавал, а к различным должностям, которые он занимал.

На странице 29 судебных выдержек господин обвинитель заявил, что представление доказательств против Функа должно быть охарактеризовано, как производное.

Обвинение заявляет, что Функ должен был знать о различных событиях, которые составляют объект обвинения, потому что это можно предположить на основании тех должностей, которые он занимал. Из распоряжений, которые издавал лично Функ, или из директив, которые исходили от него, Обвинение ссылается в основном на изданные Функом инструкции указов - по 4-х летнему плану или по устранению евреев из экономической жизни в ноябре 1938 года. Но этот пункт я затем подвергну отдельному рассмотрению. Функ, наконец, не привлекался на политические и военные совещания. Его пост был постом министра, занимавшегося специальным кругом вопросов, сильно ограниченным правом принимать решения.

Будучи имперским министром экономики, он подчинялся управлению по 4-х летнему плану. Позднее министр вооружения

15630

H1210 - 0345

H1210 – 0346

обладал полномочиями, превосходившими полномочия Функа. И, в конце концов, имперское министерство экономики, как было доказано в свидетельских показаниях Геринга, Ламерса и Гейлера, стало просто министерством торговли, которое должно было в основном заниматься распределением предметов потребления и технической стороной в области ведения внешней торговли.

В имперском банке управления по 4-х летнему плану выносило решение об использовании золота и валюты. Как только Функ занял должность президента рейхсбанка, рейхсбанк был лишен права выносить решение ~~[illegible]~~ относительно предоставляемых империи кредитов в области внутреннего финансирования страны на военные нужды. Тем самым Функ вообще отстранялся от ответственности за финансирование на военные нужды. Лицом, которое могло выносить решения о финансировании, был имперский министр финансов, а не Функ. И, наконец, господа судьи, будучи генеральным уполномоченным по вопросам экономики, Функ занимался лишь только в августе 1939 года подготовкой гражданских и экономических ведомств к проведению мероприятий, которые должны были обеспечить беспрепятственный переход экономики мирного времени на рельсы военного времени. Результатом совещаний с этими ведомствами явились предложения, которые Функ передал на рассмотрение Гитлеру в письме от 25 августа 1939 года, которое цитировалось здесь много раз, под № 699-ПС. Функ во время своего допроса заявил, что это письмо не совсем верно передает истинное положение вещей, так как это было сугубо частное благодарственное письмо с пожеланиями ко дню рождения Гитлера. Так как Обвинение особенно подчеркивает то, что Функ занимал должность генерального

15631

уполномоченного по вопросам экономики, то я должен позднее еще раз специально обратиться к этому вопросу.

Процесс пред"явления доказательств показал, что эта должность была самой спорной и в то же время самой бесправной.

В отношении оккупированных областей Функ вообще не имел никаких полномочий выносить решения. Это единодушно показали все вызванные по этому вопросу свидетели. Точно также все свидетели подтвердили, что Функ всегда выступал против разграбления оккупированных областей. Он боролся против каких-либо закупок на черных рынках, он был против отмены валютной границы с Голландией. Это было мероприятием, облегчавшим германские закупки в Голландии. Он организовал, как мы слышали от свидетеля Нейбахера, ввоз товаров в Грецию из Германии и из восточно-европейских государств и даже предоставил Греции золото. Он постоянно выступал против того, что оккупированные области сильно обременялись платежами, в особенности в 1942 и 1944 годах, против повышения французских оккупационных издержек. Он охранял валюту оккупированных стран от всех повторявшихся попыток девальвации. В Дании он даже, вопреки чинимым препятствиям, добился повышения курса валюты.

Функ боролся далее против самовольных установлений курса валюты во время урегулирования денежных отношений с оккупированными странами. Он всегда признавал, что клиринговый долг является товарным долгом. Функ был противником слишком широкого использования труда иностранных рабочих

15632

H1210 – 0347

H1210 - 0348

в Германии, в частности принудительного труда.

Это также подтвердил подсудимый Заукель в своих свидетельских показаниях. Все эти факты, которые выгодно отражались на оккупированных странах, подтвердили свидетели Гейлер, Ландфрид, Пуль, Нейбахер и также подсудимый Зейсс-Инкварт.

Согласно показаниям этих свидетелей, Функ всегда старался поддерживать на уровне экономическую и социальную жизнь в оккупированных областях и охранять ее от каких-либо потрясений. Он всегда отрицательно относился к радикальным мерам и мерам произвола, не признавая их. Он скорее стремился к взаимопониманию и соглашению. Функ и во время войны всегда думал о мире. Это подтвердили свидетели Ландфрид и Гейлер, которые, кроме того, с уверенностью добавили, что руководящие государственные и партийные органы неоднократно упрекали подсудимого Функа за эту его позицию. Также подсудимый Шпеер показал во время его допроса, что Функ во время войны охотнее направлял большее число рабочих в промышленность, производившую предметы потребления, и что это было одной из причин того, что в 1943 году Функ должен был расстаться с руководством промышленностью, производящей предметы потребления.

То, что Функ так же, как и Шпеер, был против ужасного лозунга "выжженой земли", кроме Шпеера, подтвердил Суду свидетель Гейлер 7 мая 1946 года. Этот свидетель заявил, что он едва ли когда-либо раньше видел Функа в более взволнованном состоянии, чем в тот момент, когда до его сведения довели этот приказ о разрушении. Функ, как показал Гейлер, будучи имперским министром экономики и одновременно президентом рейхсбанка, издал директивы о сохранении уцелевших складов с товарами, о снабжении населения основными предметами потребления и об обеспечении денежного обращения в германских областях, оставленных немцами. Хозяйственно-политической целью Функа, можно сказать, содержанием и смыслом труда всей его жизни, было установление единого хозяйства Европы на основе уравновешивания справедливых и естественных интересов суверенных государств.

Функ постоянно стремился осуществить эти цели, хотя самые простые, элементарные военные требования и военная обстановка препятствовали осуществлению этих целей. То экономическое положение Европы, которое ему рисовалось и к которому он стремился, он изображал с большим жаром в своих многочисленных политико-экономических речах. Выдержки из этих речей, на которые обращали внимание как нейтральные, так и вражеские страны, находятся в моей книге документов. При оценке действий подсудимого Функа, естественно, играет большую роль и его личность, если необходимо выяснить все мотивы, которыми руководствовался подсудимый. Функ, поскольку его вообще знали в германском народе, никогда не рассматривался как человек партии, которого можно было считать способным участвовать в грубых эксцессах, в насилии и терроре и обогащении за чужой счет. Он, напротив,

15634

H1210 – 0349

H1210 – 0350

разделял со своим другом Бальдуром фон Ширехом склонность к искусству и литературе. Сначала, как Вы слышали, он хотел стать музыкантом и в дальнейшем гораздо охотнее принимал в своем доме поэтов и художников, нежели людей партии и государственных деятелей. В кругах специалистов он пользовался уважением и его ценили как политика в области экономики, как человека с обширными теоретическими и историческими знаниями, который вышел из среды журналистов и был блестящим стилистом. В качестве главного редактора видной газеты "Берлинер Берзенцей-тунг" он занимал материально хорошо обеспеченную должность, так что его финансовое положение ухудшилось, когда он в начале 1933г., после прихода Гитлера к власти, занял предложенную ему должность руководителя печати имперского правительства. Таким образом он не принадлежал к числу отчаявшихся людей, которые были рады получить от Гитлера хорошо оплачиваемую должность. Напротив, он принес свое материальное положение в жертву, когда он принял предложенный ему государственный пост, и поэтому кажется вполне правдоподобным, что он сделал этот шаг из патриотических чувств, из чувства долга перед своим народом, для того, чтобы в тяжелое время встать на службу отечества.

Для оценки личности и действий подсудимого Функа имеет также определенное значение то, что он никогда не имел никакого ранга в партии и не стремился к нему. Другие лица, занимавшие высокие государственные посты в третьей империи, были наделены , например, титулом - группенфюрера СС или имели чин обергруппенфюрера СА. Функ, напротив, был, начиная с 1931 года и до гибели

15635

третьей империи, всегда только простым членом партии, старавшимся добросовестно выполнять свои государственные должности, но отнюдь не стремившимся к почестям внутри партии.

Дальше, что обвинение в этой связи вменило подсудимому в вину, это то, что он в 1940г., в день своего 50-летия, принял денежное приношение. Это сам по себе не наказуемое действие, но обвинение оценило этот поступок как моральную улику против подсудимого. Поэтому следует кратко остановиться на этом моменте. Мы помним, как обстояло дело с этим приношением: президент и президиум имперской экономической палаты, следовательно высшие сословные представители германской экономики, подарили ему к его 50-летию усадьбу в Верхней Баварии, размером в 55 га. Эта усадьба находилась сначала только на бумаге, о ней говорилось в жалованной грамоте и ее нужно было еще построить. Преподношение этого подарка охотно разрешил глава государства Адольф Гитлер. Таким образом, этот подарок был преподнесен имперскому министру экономики, не тайно, а официально, без какого-либо замалчивания или скрывания. Но впоследствии выяснилось, что этот подарок оказался для Функа настоящим данаевским даром, потому что строительство дома обошлось значительно дороже, чем следовало ожидать, потому что Функу пришлось заплатить очень высокий налог за подношение. Функ, не имевший до этого никаких долгов и постоянно живший в приличных условиях, как раз из за этого "преподношения" усадьбы наделал долгов. Геринг, который услышал об этом, помог Функу, выдав ему большую сумму. Когда Гитлер узнал об этих денежных затруднениях Функа от министра Ламмерса,

15636

H1210 – 0351

H1210 – 0352

он предложил для приведения в порядок материального положения Функа перевести ему требуемую денежную сумму в виде дотации. Таким образом Функ смог оплатить налоги и свои долги. Остаток Функ употребил для того, чтобы построить два заведения общественного пользования; одно для родственников погибших на войне чиновников рейхсбанка, другое для служащих министерства экономики с этой же целью. Усадьба со временем должна была стать таким же заведением. Функ этим поступком показал, что он также и в данном случае руководствовался человеколюбовными чувствами,

потому что, хотя подобные датации и не являются уязвимами с юридической точки зрения, интуиция все-таки подсказывала ему, что правильнее было бы не воспользоваться ими в своих интересах и потратить их на общественные нужды, если нельзя заявить главе государства о своем отказе принять пожертвование. Господин председатель я предлагаю объявить перерыв, потому что я перехожу к следующей главе в моей защитительной речи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас мы сделаем перерыв.

/Перерыв до 14 часов/.

ап-мс.
лт-вв.

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА от 12/УП-46г.

Вечернее заседание

Встать, суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал предлагает продолжать заседание до 4-х часов без перерыва, если это удобно.

ЗАУТЕР (Защитник подсудимого Функа). Господа судьи! До сих пор я занимался общими вопросами относящимися к деятельности подсудимого Функа и перехожу теперь к вопросу об уголовной ответственности этого подсудимого в связи с отдельными пунктами обвинения.

Первый пункт обвинения относится к требованию о захвате власти партией и, таким образом, к деятельности подсудимого Функа в партии с 1931 до конца 1932 г.

Утверждают, что подсудимый Функ способствовал захвату власти заговорщиками. В этом пункте обвинительного заключения рассматривается деятельность подсудимого Функа с момента вступления его в партию в июне 1931 года до прихода к власти Гитлера 30 января 1933 г. Обвинение утверждает, что Функ, выступая в это время на стороне партии, способствовал захвату власти национал-социалистами. Это верно. Подсудимый Функ во время его допроса 4 мая сам заявил об этом и подробно об"яснил, что в переходе к национал-социалистам правительственной власти он видел тогда единственную возможность спасения германского народа и от тяжелой идеологической, экономической и социальной нужды, которая существовала в

15638

H1210 – 0353

H1210 – 0354

в то время. По его мнению, экономическая программа партии была неясной и в основном служила целям пропаганды. Он сам хотел проводить в партии свои собственные политико-экономические взгляды для того, чтобы изнутри партии действовать на пользу германского народа. Эти свои взгляды Функ подробно изложил Суду во время его допроса. Они основываются на идее частной собственности, которая неразрывно связана с признанием различных способностей людей.

Функ требовал признания частной инициативы и самостоятельности творческой личности, отличающейся предприимчивостью; он требовал также свободной производственной конкуренции и примирения социальных противоречий. Он стремился к устранению борьбы между партиями и к устранению классовой борьбы. Он желал сильного правительства, пользующегося полным авторитетом и несущего полноту ответственности и достижения единой политической воли в народе. Из разговоров с Адольфом Гитлером и с другими партийными руководителями он в то время пришел к убеждению, что партия полностью признавала эти его принципы и идеи. По мнению Функа ему нельзя сделать никакого упрека на основании того факта, что он помогал партии в ее борьбе за власть.

Функ считает, что как раз на материалах этого процесса было с несомненностью доказано, что партия пришла к власти на законных основаниях. По убеждению Функа никак нельзя осуждать и то, каким образом он способствовал приходу партии к власти. Во всяком случае та роль, которую Обвинение приписывает ему, не соответствует действительности. Значение дея-

15639

тельности Функа отчасти сильно переоценивается обвинением, а отчасти о ней создается неправильное мнение. Материалы и доказательства, которыми пользуется Обвинение, в основном состоят из ссылок на справочники и из отрывков из этих справочников и, в частности, из отрывков из книги д-ра Пауля Остеррейха: "Вальтер Функ, жизнь, посвященная экономике", которая была пред"явлена суду в качестве документа. Стержнем этого документального доказательства является напечатанная на стр.81 указанной книги "экономическая программа строительства" подсудимого Функа, которую обвинение, - я цитирую здесь дословно, - характеризует как: "официальное заявление партии в области экономики" и как "экономическую библию партийной организации". Эта так наз. "экономическая программа строительства" является так же основанием для неправильного утверждения, в нсказанного на стр.3 обвинительного заключения, и заключающегося в том, что подсудимый Функ, якобы, "помогал формулированию партийной программы, которая была открыто провозглашена нацистской партией и Гитлером". Эта "экономическая программа строительства", которая во время допроса подсудимого Функа была оглашена дословно, действительно не содержала ничего из ряда вон выходящего или революционного и ничего такого, что было бы характерно для национал-социалистской идеологии. Эта программа указывает на необходимость предоставления работы, продуктивного использования кредитов без последующей инфляции, необходимость оздоровления общественных финансов, затем на необходимость проведения протекционных мероприятий в области сельского хозяйства, а так же в области домовладения и владения земель-

15640

H1210 - 0355

H1210 - 0356

нними участками в городе и нового урегулирования экономических связей с заграницей. Это - программа, про которую Функ сказал во время своего допроса, что ее могли бы придерживаться любая либеральная и демократическая партия и любое правительство. Подсудимый Функ сожалет только, что партия не полностью признала эти принципы. У Функа впоследствии постоянно были различние затруднения и разногласия с партийными инстанциями, в частности, с германским трудовым фронтом, партийной канцелярией, с Гиммлером и с большинством гаулейтеров из-за его политико-экономических взглядов. Это подтверждает также и свидетель Ландфрид, которий детально описывает эти разногласия Функа с партией в опросном листе, пред"явленном Трибуналу. В этот период, т.е. в основном в 1932 г., он установил контакт между Гитлером и некоторыми руководящими лицами из германских экономических кругов. Он выступал также за то, чтобы национал-социалистские идеи нашли понимание, и ратовал за поддержку партии экономическими кругами. На основании этой деятельности его часто называли советником Гитлера по экономическим вопросам, но это не было ни партийной должностью, ни партийным титулом. В документе ЕС-440, Функ поясняет, что ставший впоследствии статс-секретарем Кеплер за долгие годы до него (Функа) считался""советником фюрера по экономическим вопросам". Указывая на это, Функ хотел подчеркнуть, что звание "советник" фюрера по экономическим вопросам" давалось общественностью также и другим лицам.

В это время партийные задания, которые возлагались на Функа, носили лишь очень кратковременный характер. Эта

деятельность никогда не имела большого значения, что явствует уже из того обстоятельства, что с приходом партии к власти, партийная деятельность Функа полностью прекратилась. В других областях, как, например, продовольственное снабжение и сельское хозяйство, финансы и т.д. должностные лица партии, перешедшие затем на государственную службу в качестве министров, статс-секретарей и т.д. сохранили за собой свои посты в партии, которые затем, как правило, приобрели еще большее значение. То, что подсудимый Функ с момента захвата власти не занимал никакого поста в партии, ясно свидетельствует о том, что партийное руководство не придавало особого значения официальной партийной деятельности Функа.

Во время перекрестного допроса подсудимого Функа Советское Обвинение пред"явило последнему статью, появившуюся в журнале "Дас Рейх" в связи с 50-летием Функа. В этой статье автор, экономист, по имени доктор Герле, подчеркивает, что Функ, "как посредник между партией и экономическими кругами, расчистил дорогу для новой идеологии германских предпринимателей".

По этому поводу следует сказать: Функ никогда не оспаривал, что он видел тогда свою задачу в том, чтобы найти такой синтетический принцип построения экономики, чтобы она, с одной стороны служила государству и народу, а с другой стороны основывалась на частной собственности и на частной инициативе и ответственности. Функ всегда признавал политические цели и идеалы национал-социализма. Германский народ, как показали различные плебисциты, в своем большин-

15642

H1210 - 0357

H1210 – 0358

стве признавал эти цели и идеалы. Также и Функ не мог предполагать, что все эти благие намерения и идеальные стремления, с какими Гитлер пришел к власти и которые он так часто подчеркивал, позднее исчезнут в крови, и в чаду войны, и в невероятной бесчеловечности. Функ во время своего допроса ясно показал, что он рассматривал тоталитарную форму правления, т.е. сильное государство, правительство, сознающее свою ответственность, социальную народную общность и социальную экономику, как предпосылку для устранения существовавшего тогда тяжелого духовного и экономического кризиса германского народа. Он всегда, безусловно, признавал приоритет политики над экономикой.

30 января 1933 г. Функ, как руководитель прессы имперского правительства, занял пост министериаль-директора в имперской канцелярии. Однако руководство политикой в области прессы уже через полтора месяца перешло к доктору Геббельсу, когда он стал имперским министром народного просвещения и пропаганды, и отдел прессы имперского правительства, которым до этого должен был руководить Функ, был слит со вновь образованным министерством пропаганды. Вначале, до смерти Гинденбурга, за Функом сохранялась еще обязанность лично докладывать о прессе имперскому президенту фон Гинденбургу и имперскому канцлеру Адольфу Гитлеру. Затем и эта деятельность полностью прекратилась. Следовательно, должность руководителя прессы в имперском правительстве практически существовала лишь на бумаге. Это также подтвердил подсудимый Фриче во время его допроса 28 июня в качестве свидетеля.

Господа Судьи! Я перехожу теперь ко второму пункту обвинения, а именно к вопросу об укреплении власти прави-

тельства и партии, в связи с этим – к преследованию евреев в области интеллигентных профессий. Об"яснения, относящиеся к этому вопросу, содержатся на страницах 17-24 моей речи, которая у Вас имеется.

Я не буду подробно излагать свои об"яснения по этому пункту, господа судьи, и прошу вас принять их к сведению. Я в связи с этим хочу лишь отметить несколько соображений, вытекающих из этого процесса.

Пред"явленное подсудимому обвинение основывается, главным образом, на том факте, что он занимал пост статс-секретаря в имперском министерстве пропаганды. Однако пред"-явленные доказательства показали, что Функ, являясь статс-секретарем, по-существу вообще не занимался пропагандистской деятельностью. Он не выступал ни с какими речами по радио и на митингах. Также и политикой прессы в этот период руководил исключительно сам Геббельс. Функ, однако, и тогда учитывал желания и жалобы журналистов, защищал прессу от злоупотреблений со стороны официальных инстанций, а также пытался обеспечить самостоятельную линию прессы и работу, полную сознания ответственности.

Все это подтверждается целым рядом свидетелей, на которых я ссылаюсь на страницах с 17 по 24, в частности, свидетелями: Аманном, Каллусом, Фриче, Озером и Резе-ном. Последние два свидетеля подтвердили также, что Функ, являясь статс-секретарем в министерстве пропаганды, деятельно заботился о судьбе евреев и таких лиц, которые вследствие национал-социалистского законодательства и политики в области культуры притеснялись и преследовались

H1210 – 0359

H1210 – 0360

в отношении их духовной творческой деятельности. В защиту этих лиц Функ выступал так энергично, что даже подвергал опасности свое собственное служебное положение и в конце-концов, навлек на себя подозрение министерства.

Затем я обращаюсь, господа судьи, к следующему разделу моей речи, а именно к тому обвинению, которое я рассматриваю в разделе 4-м моей речи на странице 24-й. Этот пункт относится к 4-му разделу Обвинения. Подсудимому Функу инкриминируется то, что он (я цитирую дословно), "имея полное представление об агрессивных планах заговорщиков, активно принимал участие в мобилизации немецкой экономики для агрессивной войны".

В доказательство этого в обвинительном заключении указывается прежде всего на то, что Геринг включил в 4-летний план министерство экономики в качестве "Верховного командования немецкой военной экономики", которое затем было подчинено подсудимому Функу. Далее Обвинение указывает, что на основании закона о защите империи от 4 сентября 1938 г. на Функа, как генерального уполномоченного по экономике была возложена задача мобилизации германской экономики на случай войны. Утверждение обвинения, что имперское министерство экономики было включено в управление по четырехлетнему плану, прежде чем Геринг передал его Функу, безусловно, правильно. Так называемое верховное командование немецкой экономикой осуществлялось, однако, не подсудимым Функом, а исключительно уполномоченным по четырехлетнему плану, подсудимым Герингом. Функ был связан его директивами и это подтвердил здесь сам Геринг. Как уже указывалось здесь,

важнейшие отрасли промышленности, как-то - уголь, железо, машины, моторостроительная промышленность, химическая промышленность и другие управлялись особыми генеральными уполномоченными управления по четырехлетнему плану, которые непосредственно подчинялись Герингу и от Геринга, а не от Функа, получали указания. Имперское министерство экономики было лишь ведомством, которое должно было проводить указания управления по четырехлетнему плану. Подсудимый Функ, в качестве свидетеля, указал на то, что отдельные учреждения, только чисто формально подчинялись имперскому министру экономики, в действительности же продолжали существовать как самостоятельные учреждения управления по четырехлетнему плану.

Положение Функа, как генерального уполномоченного по экономике с самого начала вызвало большие споры. При перекрестном допросе Функа американским обвинением был пред"явлен документ EC-255 - письмо от 29 ноября 1937 года, имперского военного министра фон Бломберга на имя Геринга, в котором Бломберг предлагает только что назначенного имперским министром экономики Функа назначить также генеральным уполномоченным по военной экономике. Этого, однако, не случилось. Вначале Геринг сам взял руководство имперским министерством экономики и лишь через несколько месяцев, в феврале 1938 года передал его подсудимому Функу.

Затем ОКВ, а именно штаб экономической обороны, возглавляемый много раз упоминавшимся генералом Томасом, потребовал, чтобы генеральный уполномоченный по военной экономике в дальнейшем по всем вопросам, связанным со снабжением

H1210 - 0361

H1210 – 0362

вооруженных сил во время войны выполнял указания ОКВ. В другом письме ЕС-270, ОКВ, штаб экономической обороны требует даже представления ему права давать указания генеральному уполномоченному по военной экономике почти во всех областях его деятельности. Подсудимый Функ пытался тогда посредством переговоров с рейхсмаршалом Герингом и письма к имперскому министру Ламмерсу определить свое положение в качестве генерального уполномоченного по военной экономике и требовал, чтобы он в качестве генерального уполномоченного по экономике подчинялся непосредственно Гитлеру, а не был связан указаниями ОКВ. Геринг и Ламмерс тогда согласились со взглядом Функа.

Это, однако, и я хочу это особенно подчеркнуть, – не имеет ничего общего с подчинением Функа Герингу, так как и все остальные высшие имперские ведомства и министры, которые непосредственно подчинялись фюреру, были также связаны директивами уполномоченного по четырехлетнему плану, т.е. Геринга. Следует отметить, что подсудимый Функ, согласно закону о защите империи от 4 сентября 1938 г. (это второй закон о защите империи), являлся не генеральным уполномоченным по военной экономике, а генеральным уполномоченным по экономике, т.е. здесь нет слова "военной" и что в этом втором законе о защите империи было точно установлено, что Функ должен выполнять требования ОКВ. Таким образом, в конечном итоге ОКВ все же настояло на своем.

Однако даже отдельные хозяйственные ведомства, которые согласно указанному закону о защите империи, были подчинены в виду своих особых задач генеральному уполномоченному по экономике, не хотели его признавать. Бывший статс-секретарь доктор Ганс Поссе, являвшийся заместителем Функа как генерального уполномоченного по экономике, в своих показаниях, которые были пред"явлены суду во время перекрестного допроса подсудимого Фрика, говорит, что генеральный уполномоченный по экономике "собственно говоря, никогда не приступал к своим обязанностям."

Министры и статс-секретари отдельных хозяйственных ведомств, как, например, финансов, сельского хозяйства, путей сообщения и т.д. судя по высказываниям Поссе, не хотели подчиняться Функу и даже протестовали против этого. Затем Поссе говорит о разногласиях между Функом и управлением по четырехлетнему плану. Он называет эти конфликты "борьбой за власть", но в этой связи не имеется в виду ничего другого, как борьба за полномочия на принятие решений в

отношении остальных хозяйственных ведомств.

Таким образом, это не было разногласием между Герингом и Функом, - это неправильно. Было совершенно очевидно, что Функ, в качестве генерального уполномоченного по вопросам экономики, был подчинен Герингу. Здесь скорее дело шло о споре между статс-секретарями. Отдельные экономические ведомства об'ясняли, что они подчиняются уполномоченному по четырехлетнему плану и не признавали права Функа, генерального уполномоченного по экономике, давать указания, так как Функ, в свою очередь, также был подчинен управлению по четырехлетнему плану. Статс-секретари управления по четырехлетнему плану поддерживали ведомства в этом отношении и такая неясность и переплетение сфер компетенции служили причиной того, что право генерального уполномоченного по экономике, Функа, давать указания уже через несколько месяцев после начала войны перешло также вполне формально и явно к уполномоченному по четырехлетнему плану.

На вопрос представителя обвинения, который он задал Поссе относительно того, имел ли он обыкновение обсуждать важные дела с Функом, Поссе ответил: "Да, но из этого мало что получалось". Поссе подтвердил, что полномочия Геринга были значительно большими и что Геринг в конечном итоге совсем ликвидировал ведомство генерального уполномоченного по вопросам экономики. Это было, по словам подсудимого Функа, уже в декабре 1939 года, следовательно, через несколько месяцев после начала войны. За Функом оставалось еще лишь чисто формальное право издания постановлений. Эти факты подтвердил здесь также доктор Ламмерс. Таким образом, совершенно правильно подсудимый Геринг пояснил здесь, что генеральный уполномоченный по экономике в том положении, в каком

13648

H1210 – 0363

H1210 – 0364

находился Функ, значится лишь на бумаге.

Я пропускаю одну страницу и продолжаю с середины 29 страницы.

В материалах, пред'явленных обвинением, нигде не имеется ни одного указания на то, что подсудимый Функ знал что-либо о политических и военных переговорах, совещаниях и подготовке, которые касались бы планирования войны и, в частности, агрессивной войны со стороны Германии. Функ никогда не привлекался к таким переговорам. Он, в частности, не присутствовал на совещании у Геринга 14 октября 1938 года, которое обстоятельно рассматривается обвинением на 24-й странице досье.

Обвинение указывает, что Геринг на этом заседании сослался на приказ Гитлера о необычайном повышении вооружения, главным образом, "наступательного оружия". Представитель обвинения в заседании от 11.1.1946 года заявил, что на этом совещании Геринг обратился к подсудимому Функу со словами, которые, как сказано дословно, - были "словами человека, который уже находится на войне". Тем не менее, многими документами, которые пред'явлены Суду в книге документов Функа, определенно доказано, что подсудимый Функ вообще не принимал участия в этом совещании, так как в то время находился в Софии, чтобы вести экономические переговоры с Болгарией. Таким образом этот документ Обвинения, , который, очевидно, должен был служить основным доказательством, теряет свое значение, как доказательство. Когда 25 августа 1939 года Функ написал письмо к Гитлеру (я уже упомянул о нем сегодня утром), - польские и германские армии уже

стояли в полной боевой готовности друг против друга. Поэтому он должен был тогда действовать таким образом и в то время не мог больше отказаться от каких-либо приготовлений. Это полностью подтвердил свидетель Каллус в п. 5 своего опросного листа (см. документ № 18 книги документов Функа).

Подсудимый Функ, когда он давал показания в качестве свидетеля, заявил следующее: "Само собой разумеется, моей обязанностью было сделать все возможное для экономики, для того, чтобы в случае войны воспрепятствовать каким-либо потрясениям в гражданском экономическом секторе, кроме того, моей обязанностью, как председателя имперского банка, было максимально упрочить золотой и валютный запас имперского банка". Затем он продолжает: "Это было необходимо хотя бы из-за общей напряженной политической обстановки, которая в то время существовала, а также это было необходимо для того, чтобы вообще дело не дошло до войны, ограничилось лишь экономическими санкциями, которых можно было и следовало ожидать при господствовавшем тогда напряженном политическом положении".

"А также, - говорит Функ, - моей обязанностью в качестве имперского министра экономики было сделать все возможное, чтобы увеличить продукцию". Так буквально говорил подсудимый Функ. По этому вопросу свидетель Пуль, вицепрезидент имперского банка, в своих ответах на опросный лист от 1-го мая, представленных Трибуналу, сообщает, что положение имперского банка в течение тех семи месяцев перед началом войны, когда председателем его являлся Функ, существенно не укрепилось, и что перевод иностранных кредитов в золоте с января 1939 года производился только в очень скромных размерах.

15650

H1210 – 0365

H1210 – 0366

Предусмотрительная политика в отношении золотого запаса и девизов имперского банка, - говорит этот свидетель, - соответствовала испытанной практике. Эти заявления Пуля важны для правильной оценки указания Функа на перевод иностранных кредитов в золоте, содержащегося в его много раз упоминавшемся письме к Гитлеру от 25 августа 1939 года. В действительности переводы кредитов, по крайней мере, в бытность Функа председателем имперского банка, едва еще имели какое-либо значение. Напыщенные выражения, которые употребляет Функ в этом письме к Гитлеру, - придают содержанию письма преувеличенную значительность. Функ об'яснил это во время своего допроса тем, что это письмо было частным благодарственным письмом, что в те дни каждый немец испытывал большое возбуждение, вызванное напряженной обстановкой в Европе, и что в этот момент военной опасности для отечества, он, Функ, захотел засвидетельствовать рейхсканцлеру, что и он, т.е. подсудимый, выполнил свой долг. Это было первым и единственным разом, когда Функ, в качестве генерального уполномоченного по экономике, действовал активно.

Я должен здесь кое-что добавить на основании протокола, который представители Обвинения пред'явили лишь после окончания пред'явления доказательств. Это - документ 3787-ПС. Это - протокол второго заседания имперского совета обороны от 23.У1.1939 года.

На этом заседании имперского совета обороны, которое имело место за 2 месяца до начала войны, Функ принимал участие в качестве генерального уполномоченного по вопросам экономики. Однако, весь протокол в целом не оставляет никакого сомнения в том, что при этом речь шла вообще о теоре-

тических полномочиях на случай какой-либо войны.И,кроме того,при оценке этого протокола нельзя упускать из вида то,что во время войны,которая разразилась через четверть года,деятельность Функа в области распределения рабочей силы полностью перешла к управлению по 4-летнему плану,так как основная деятельность генерального уполномоченного по экономике вскоре после начала войны полностью прекратилась и была формально ликвидирована,о чем я уже говорил ранее. "Каждый человек хочет стать чем-нибудь". Об этом и о том, почему Функ до последнего времени не вррил в войну,почему он рассчитывал на то,что польский конфликт будет разрешен дипломатическим путем, - обо всем этом подсудимый очень подробно говорил Суду во время своего допроса.

Правдивость этих показаний подтверждают свидетели Ланфрид,Поссе и Пуль,то есть три наиболее близких сотрудника Функа,в своих ответах на опросные листы,представленных защитой Трибуналу.

Об угрозе войны с Россией Функ узнал впервые в апреле 1941 года,когда Розенберг был назначен уполномоченным по единому разрешению проблемы Восточной Европы.Подсудимый Функ получил тогда,как мы вспомним,некоторые раз'яснения от Ламмерса и Розенберга.Эти сообщения были в общих чертах изложены некоторыми свидетелями при допросе их в Суде.

Причиной к подготовке войны с Россией послужило,как ему было сообщено,то,что Советская Россия стягивала крупные силы вдоль всей границы,что она вторглась в Бессарабию и что Молотов в своих переговорах,касаясь Прибалтики и Балкан,выставил требования,невыполнимые для Германии. Так как Розенберг об'яснил,кроме того,что поручение Гит-

H1210 - 0367

H1210 – 0368

лера также включало вопрос экономического упорядочивания, Функ представил в распоряжение Розенберга министр/аль-директора и д-ра Шладдерера для установления связи.

Позднее на Шладдерера было возложено руководство экономическим отделом в министерстве Розенберга и он вошел также в состав штаба экономического руководства Восточными областями при Управлении по 4-летнему плану. Министерство экономики, так же как и сам Функ, не имело почти ничего общего с вопросами экономики в оккуированных областях Востока. Оно занималось только вопросами, которые оказывали влияние на внутригерманскую экономику. Министерство экономики вообще не имело каких-либо решающих полномочий в оккупированных восточных областях.

Во время перекрестного допроса подсудимому Функу в связи с темой "подготовка к войне против России" была представлена выдержка из допроса от 19 октября 1945 года (3952-ПС, США-875). В свое время на этом допросе Функ заявил, что в конце апреля 1941 года подсудимый Гесс спросил его, слышал ли он что-либо о предстоящей в ближайшее время войне с Россией? Функ ответил на это: "Я не слышал ничего определенного, но, кажется, что в подобных вещах говорят".

Этот разговор между двумя непосвященными лицами - в конце апреля/ каковыми были/Функ и Гесс - можно об'яснить тем, что Функ в этот день еще ничего точного о причинах полномочий Розенберга не знал, он основывался только на предположениях и слухах. 28 мая 1941 года у Функа происходило совещание с Розенбергом (документ 1031-ПС). На этом совещании, как вы

очевидно, вспомните, обсуждался вопрос, как должна быть урегулирована денежная проблема на Востоке, если будет война с Россией и если эти области будут оккупированы нашими войсками.

Господа судьи, я считаю, что все эти события имеют совершенно естественный характер, - если грозит война, если эта война даже будет носить оборонительный характер, необходимо, чтобы инстанции, ведающие вопросами валюты, рассмотрели, как на случай оккупации следует урегулировать финансовый вопрос в оккупированных областях. Функ был против всякого урегулирования вопроса, которое могло бы привести к спекуляции, и предложенный паритетный курс между маркой и рублем он назвал чистейшим актом произвола. Он поддерживал точку зрения Розенберга, что русские области должны получить свою национальную валюту, как только это позволят обстоятельства. Впрочем он требовал дальнейшего рассмотрения этой проблемы, тем более, что нельзя было заранее предвидеть всех обстоятельств. Функ последовательно, и здесь подходил к вещам со свойственной ему осторожностью и старался найти такое разрешение вопроса, которое с самого начала создаст упорядоченное положение.

Если на этом совещании с Розенбергом говорилось о том, правда, не подсудимым Функом, что нужно печатать рубли для удовлетворения необходимой потребности в платежной валюте, то Функу не казалось это преступным и необычным.

Если страна полностью лишена платежных средств, то новые платежные средства должны быть созданы той властью, которая несет ответственность за поддержание упорядоченного денежного обращения.

15654

H1210 – 0369

H1210 – 0370

Кто будет изготовлять эти банкноты, для Функа было безразлично. Решающим было дня него то, кто будет выда - вать эти банкноты и в каком количестве. Кроме того, создание нового кредитного билета требовало длительной подготовки в течение нескольких месяцев, так что проведение такого плана, которий, как уже было указано, не был составлен Функом, могло быть намечено лишь на более поздний срок. И, действительно, война началась уже через несколько недель после этого совещания. О том, что существует угроза войны с Россией подсудимому Функу было известно. Однако то, что Германия давно готовится к этой войне, ему было неизвестно, так же, как и то, что Германия будет нападать, т.е. будет вести превентивную войну.

Функа не информировали ни о вступлении в Австрию, ни о переговорах относительно Судетской области /в сен - тябре и октябре 1938 г. он вообще не был в Германии/, ни о присоединении оставшейся части Чехословакии. Насчет Польши он знал, правда, что конфликт грозил разразиться в ближайшее время. То же самое и в отношении России. Но в обоих случаях он узнавал об этом лишь незадолго до на - чала войны. Что касается войны с другими государствами, то Функ вообще не получил никакой информации до начала военных действий, а узнавал о них лишь позднее.

Все эти приведенные мною факти свидетельствуют о том, что Функ ничего не знал о планах Гитлера в области внешней политики и ничего не знал также о том, что Гитлер планирует какие-либо агрессивные войны. Правда, Функ, в особенности летом 1939 г., заблаговременно начал заниматься вопросом перевода мирного хозяйства на рельсы военного хозяйства на случай войны. Функ, будучи имперским чинов -

ником, считал не только своим правом, но и долгом, при - нять финансово-экономические меры, необходимые для ведения оборонительной войны.

Обвинение хочет перемагнуть через все эти соображения, называя имперское правительство или национа-социалистскую партию преступной организацией, которая составила заговор против других народов и которая ставила един - ственной своей задачей планирование и ведение агрессивных войн, покорение и порабощение чужих народов, ограбление и германизацию других стран. Эта конструкция неправильна, ибо эти преступные планы были составлены и проведены только Гитлером и несколькими людьми из его ближайшего окру - жения, людьми такого пошиба, как Геббельс, Гиммлер и Борман. Представленные доказательства, не оставляют сомнения в том, что даже высшие чиновники государственного аппарата и военного ведомства, в том числе и Функ, не были посвящены в эти планы, что, напротив, эти планы держались в тайне с помощью изощренной системы засекречивания. Сравнение с тайными союзами, упоминавшимися здесь Обвинением, которые создавались в других государствах и были преступными организациями, как например, Куклукс-Клан в Америке,- нельзя провести и по другой причине. Куклукс-Клан с самого начала был основан как тайная организация, целью которой было проводить террор и совершать преступления.
В 1871 году Куклукс-Клан, как известно, был запрещен после того, как он просуществовал 6 лет. Северо-Американское правительство издало специальный закон о запрещении Кук - лукс-Клана и даже ввело, в связи с этим, особое положение и боролось с этой организацией всеми средствами. Куклукс-Клан был объединением, к которому никогда не имели отно - шения ни правительство, ни парламент Соединенных Штатов

15656

H1210 - 0371

H1210-0372

Северной Америки. Такой человек, как Функ, само собой разумеется, никогда бы не вступил в такой тайный союз, в такую преступную организацию, с которой боролось правительство. Национал-социалистская партия в Германии, напротив, никогда не являлась тайной организацией. Она была признана государством и рассматривалось государством как партия, существующая на законных основаниях. Особый имперский закон даже установил единство этой партии с государством. Руководитель этой партии с 1934 года являлся одновременно выборной главой государства, и эта глава государства, со своим правительством с 1933 г. все время официально признавались, как правительство, всем миром. Именно это международно-правовое признание Гитлера заграницей, признание, которое продолжало существовать и во время второй мировой войны и приводило к тому, что у Функа, как у миллионов других немцев, не возникало никаких сомнений в правомочности правительства Гитлера. Такие сомнения, если они даже и возникали, уничтожались в зародыше, и миллионы немецких чиновников и немецких солдат также, как и Функ, верили в то, что они выполняют лишь свой долг, признавая главу государства, так же, как его признавали и все государства мира.

Я хочу сейчас пропустить значительный отрывок из своей речи и продолжать со страницы 37.

Функ, как уже упоминалось выше, никогда не отрицал того, что он, составляя свои планы и распоряжения, само собой разумеется, думал о возможности войны, которую Германии может быть придеться когда-нибудь вести, точно также, как и каждый генеральный штаб в любой стране мира обязан заниматься рассмотрением таких возможностей. Кроме того, у Функа, являвшегося министром экономики и председателем

рейхсбанка, были все основания делать это, ибо положение во всем мире после первой мировой войны было настолько напряженным и противоречия в интересах отдельных народов казались иногда настолько непреодолимыми, что каждый государственный деятель должен был провести все приготовления, необходимые для ведения войны, если он не хотел, чтобы его упрекали в халатности, в предательстве интересов своего собственного народа. Подготовительная деятельность такого рода, поэтому, не заключает в себе ничего преступного, и Функ не сомневается в том, что и министры экономики и председатели банков других государств в те годы вели и должны были вести такую же подготовку, как и он, подготовку на случай войны. С точки зрения уголовного права, существенным для рассмотрения дела Функа является не то, отдавал ли Функ, со своей стороны, распоряжения о такой подготовке, - существенным является только то, знал ли он, что Гитлер планирует агрессивные войны и что Гитлер намеревается вести такие агрессивные войны, нарушая заключенные договоры и пренебрегая международным правом. Но Функ заявил под присягой, что он не знал и не предполагал этого. Постоянные уверения Гитлера в том, что он хочет сохранить мир, не позволяли ему, Функу, думать о такой возможности. Правда, мы сегодня знаем, на основании событий последующего времени и на оснований фактов, установленных этим процессом, что мирные заверения Гитлера, которые он произносил даже в момент самоубийства, в действительности были ничем иным, как ложью и обманом. Однако Функ в то время рассматривал эти мирные заверения Гитлера, как чистую правду, ему в то время и в голову не приходила мысль о том, что Гитлер может обмануть его и

15658

H1210 – 0373

H1210 - 0374

весь немецкий народ; напротив, Функ так же верил словам Гитлера и так же стал жертвой обмана, как и весь мир. Если заграничных государственных деятелей и генералов не упрекают в том, что они верили миролюбивым заверениям Гитлера, несмотря на то, что они, очевидно, намного лучше были осведомлены о вооружениях и планах Германии, чем Функ, то нельзя вменять в вину и считать преступлением то, что Функ верил главе своего государства.

Господа судьи, теперь я перейду к вопросу об оккупированных территориях и к разделу о принудительном труде.

Доказательства, представленные Обвинением в отношении Функа по пункту "принудительный труд" или "программа рабского труда", незначительны. В основном, его считают ответственным за применение принудительного труда иностранных рабочих по той причине, что он, начиная с осени 1943 года, был членом так называемого управления центрального планирования. 22 ноября 1943 года, т.е. в разгар войны, он впервые принял участие в заседании этого учреждения. И впоследствии, как показал здесь подсудимый Шпеер и как это видно из подробных протоколов этого учреждения, Функ редко принимал участие в заседаниях. Функ вообще, и я хочу это особенно подчеркнуть, не занимался вопросами использования рабочей силы, ни в качестве имперского министра экономики, ни в качестве председателя рейхсбанка. В принципе Функ был против слишком большого и, в особенности, принудительного вывоза рабочих из оккупированных областей, ибо таким образом нарушались экономическая жизнь и социальный порядок в этих областях. Это подтвердили свидетели Ландфриц и Хайлер и подсудимый Заукель и это также подтверждается высказыванием самого Функа на совещании у Геринга

15659

11.УП-1944 г. /документ 3819-ПС/, протокол которого здесь неоднократно цитировался. Там Функ, например, выступил против так называемых "безжалостных облав" на иностранных рабочих. И если Функ послал представителей своего министерства в управление центрального планирования, то делал он это только для того, чтобы эти представители обеспечили там необходимые поставки сырья для использования в промышленности и для экспорта. Но он никогда не послал их туда для разрешения вопроса об иностранных рабочих, в которых он не был заинтересован. И, если представитель Обвинения во время перекрестного допроса свидетеля Хайлера огласил выдержку из показаний Функа, данных им во время допроса 22 октября 1945 года /3544-ПС/, где Функ говорит, что он /я цитирую дословно/: "не ломал себе голову" над проблемой рабочей силы, то я, защитник должен отметить, что в следующем предложении этого протокола, т.е. немедленно же он заявил, что он всегда делал все возможное для того, чтобы предотвратить "угон" рабочих с их родины, например, из Франции. Это второе предложение, хотя Обвинение его и не цитировало, является особо важным, ибо оно показывает, как отрицательно относился Функ к мерам принуждения при вербовке иностранной рабочей силы. Кроме того, подсудимый Шпеер, на заседании Трибунала 20 июня показал, что управление по центральному планированию вообще не занималось планированием использования рабочей силы. В этом учреждении состоялось только несколько совещаний по вопросу об использовании рабочей силы. Протоколы, отражающие действительные результаты переговоров не были предоставлены в суд, а представлены лишь стенографические записи и решения управления по центральному планированию. Функ, который, как установлено, только несколько раз принимал участие в заседаниях управления по центральному

H1210 - 0375

H1210-0376

планированию, никогда не получал стенографических записей, а лишь протоколы, не дающие полного представления. Перед тем, как Шпеер начал принимать решения относительно военной промышленности и перед тем, как Заукель стал генеральным уполномоченным по вопросам использования рабочей силы, т.е. до 1942 года вопросы об изыскании рабочей силы для промышленности разрешались в управлении по четырехлетнему плану, т.е. у Геринга, а не у Функа. И позднее, как показал Шпеер, требования на предоставление рабочей силы устанавливались, главным образом, путем непосредственных переговоров между представителями экономики и учреждениями, ведающими использованием рабочей силы. Когда Функ еще ведал вопросами промышленности в имперском министерстве экономики, выполняя распоряжения управления по четырехлетнему плану, эти вопросы использования рабочей силы решались не имперским министерством экономики, а генеральными уполномоченными по четырехлетнему плану, назначенными для каждой отрасли хозяйства, т.е. непосредственно Герингом и генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы. Шпеер, говоря о документе Заукеля № 12, уточнил это обстоятельство, а также он указал на то, что в этом документе различные отрасли экономики отнесены к компетенции имперского министерства экономики, хотя в действительности они не имели к нему никакого отношения.

И, наконец, я продолжаю со страницы 41-ой. Следует установить, что Функ в то время, когда он

вошел в управление по центральному планирования,вообще не решал уже вопросов, связанных с производством, следовательно в это время он уже не мог давать заявок на рабочую силу, а поэтому не был заинтересован в деятельности управления по центральному планированию в этом направлении.

Затем я снова пропускаю несколько страниц и перехожу к середине 42-й страницы. Я хочу суммировать эти данные и сказать, что предъявленные доказательства бесспорно показывают, что подсудимый Функ путем различных мероприятий всегда выступал против ограбления оккупированных областей и что один тот факт, что ему удалось предотвратить падение денежного курса в оккупированных странах, спас эти страны от нанесения им такого ущерба, который в настоящее время в деталях вообще нельзя определить.

Теперь, господа Судьи, я оставляю этот раздел обвинения и перехожу к предпоследнему разделу обвинения в отношении Функа, а именно к его деятельности по исключению евреев из участия в хозяйственной жизни в ноябре-декабре 1938 года, что является третьим пунктом обвинения.

Господа Судьи,учитывая краткость времени,предоставленного в мое распоряжение, я не могу коснуться некоторых других деталей предъявленного Функу обвинения и поэтому сошлюсь на те объяснения,которые были даны Функом по этому поводу; но я должен более подробно рассмотреть одну проблему,которая мне кажется самой важной во всем обвинении,предъявленном Функу,а именно, обвинение его в том,что он каким-либо образом участвовал в преследовании евреев. Подсудимый Функ считает,что этот вопрос является решающим для суждения о его виновности в пределах данного процесса.

15662

H1210 - 0377

H1210 – 0378

Господа судьи, в Германии никогда не утверждали, что Функ принадлежит к тем антисемитам-фанатикам, которые принимали участие в еврейских погромах или приветствовали эти погромы и извлекали из них личную пользу. Подобные действия Функ всегда определенно не одобрял и это об"ясняется не только его врожденными свойствами и той средой, в которой он/ вырос, но также и тем, что он десятилетиями занимался журналистикой и принадлежал именно к той части прессы, которая рассматривала вопросы экономической политики, в связи с чем он постоянно тесно общался с видными еврейскими экономическими кругами. До сих пор специалисты отмечают, что Функ уже тогда придерживался такой точки зрения, которая была свободна от всякого антисемитизма и которую скорее можно назвать доброжелательной, чем враждебной по отношению к евремям.

Поэтому трагичным для Функа является то, что несмотря на все это, его имя на этом процессе неоднократно упоминалось в связи с распоряжениями от ноября 1938 года, на основании которых евреи были изгнаны из хозяйственной жизни. Независимо от его желания, он, будучи министром экономики, должен был рассматривать все вопросы, относившиеся к участию евреев в хозяйственной жизни Германии. Он, как чиновник, обязан был издавать необходимые распоряжения по выполнению этих мероприятий.

Именно подсудимому Функу, ввиду его принципиальной терпимости, было очевидно очень тяжело сделать это. К этому времени он уже в течение восьми лет был государственным чиновником в имперском министерстве пропаганды и в имперском министерстве экономики и за весь этот период обвинение не могло указать ни на один случай, когда Функ

Функ показал бы себя антисемитом или произнес какую-либо речь против евреев, нет ни одного случая, когда бы он проповедывал или приветствовал бы применение силы, террора и несправедливости. Напротив, из показаний различных свидетелей мы знаем, что Функ в те годы все время защищал еврейских сограждан, что он заботился о них и в их интересах старался сгладить все жестокости, предотвратить перегибы и спасти их жизнь, даже в тех случаях, когда речь шла о евреях или политических противниках.

Поэтому не следует удивляться тому, что этот человек, имея такой богатый опыт в области экономики и такое многогранное образование, а также будучи склонным к терпимости, был особенно удручен, когда 10 ноября 1938 года в Берлине он стал свидетелем ужасных опустошений в еврейских домах и магазинах и когда одно за другим стали поступать сообщения, которые все время подтверждали вновь, что Геббельс и его клика, используя возбужденность народа по поводу убийства евреями немецкого дипломата в Париже, организовали такие еврейские погромы по всей Германии, которые привели не только к уничтожению еврейского имущества, но и к убийству большого числа евреев и к преследованию многих тысяч ни в чем неповинных сограждан. Письменное свидетельское показание, данное советником его министерства Каллусом /книга документов № 15/ от 9 декабря 1945 года и письменное показание госпожи Луизы Функ от 5 ноября 1945 года /книга документов Функа № 3/ ясно доказывают, что Функ очень резко осуждал подобные эксцессы, что он решительно заявил министру доктору Геббельсу, что это является свинством, и угрожал, что в случае повторения таких событий он уйдет с должности; доктору Геббельсу, который то время уже был всемогущ, он сказал прямо в лицо, что стыдно становится быть немцем.

15864

H1210 – 0379

H1210 – 0380

Господа судьи! Это было справедливым возмущением человека, который многие годы энергично старался добиться смягчения в отношениях к евреям и политическим противникам, за что он не раз получал благодарственные письма, человека который в течение многих лет боролся за предотвращение террора и за то, чтобы каждому гражданину было предоставлено право, участвовать в под"еме немецкой экономики, увидевшего вдруг что все его старания были в одну ночь уничтожены грубым фанатизмом такой личности, как доктор Геббельс.

Во время своего допроса Функ подробно об"яснил нам, как он, с момента своего назначения на пост министра экономики, т.е. с февраля 1938 года неоднократно понуждался Геббельсом и Леем к изгнанию евреев из хозяйственной жизни, также, как в 1933 г. они были лишены права участвовать в интеллектуальной жизни страны. Свидетель д-р Гайлер показал здесь, что и Гиммлер упрекал Функа по этому поводу; Функ лично в качестве свидетеля показал, какие трудности возникали в те годы, когда подстрекаемые к этому рабочие иногда не хотели или не осмеливались больше работать под руководством евреев на предприятиях и как тогда под давлением этих обстоятельств дело дошло до того, что многочисленные евреи-промышленники отдавали свои предприятия за бесценок людям, которые министру хозяйства Функту казались совершенно неподходящими для владения и руководства этими предприятиями. Функ всегда старался бороться с таким невыносимым положением; /Функ/ он постоянно стремился хотя бы замедлить этот процесс "ариезации", чтобы соблюсти справедливую оплату еврейским промышленникам за продаваемую ими собственность, и чтобы сделать возможным выселение их из Германии вместе с их имуществом. Но с каждым днем Функ все боле

убеждался в том, что он не мог задержать этого процесса и что радикальные элементы, группировавшиеся вокруг доктора Геббельса и д-ра Лея одерживали верх и что они при этом, к сожалению, могли опираться также на авторитет Гитлера. Последнего, т.е. Гитлера некоторые безответственные советчики, которые сегодня не сидят на скамье подсудимых, с течением времени все более склоняли к радикальному подходу к еврейскому вопросу. В эту борьбу между Функом и другими благоразумными людьми, с одной стороны, и Геббельсом и Леем, с другой стороны, ворвались события 9 ноября 1938г., которые , как позже -д-р Геббельс сам сказал Фриче, также были направлены против личности подсудимого Функа, которого таким образом хотели поставить перед свершившимся фактом. Этими действиями, произведенными в ноябре 1938 года д-р Геббесльс фактически достиг своей цели, как это утверждает свидетель д-р Ландфрид. Геббельс мог в результате сослаться на то, что Гитлер лично приказал полностью изгнать евреев из хозяйственной жизни Германии, хотя Функ как министр экономики всегда указывал на сношения с заграницей, в которых германская империя и ее экономика были заинтересованы.

Приказы, изданные для проведения этой программы, исходили от Геринга в качестве уполномоченного по четырехлетнему плану, и издавались по прямому указанию Гитлера. Функ никогда не сомневался в том, что и на Геринга в этом отношении также оказывали влияние, так как он всегда знал Геринга как человека, который относился отрицательно к излишнему радикализму в еврейском вопросе. Это мнение Функа разделялось широкими кругами германского народа и правильность его подтвердилась также на роковом совещании

H1210 – 0381

H1210 – 0382

у Геринга, состоявшемся 12 ноября 1938 года /документ ПС 1816/. Этот документ неоднократно цитировался на данном процессе. На одном заседании, предшествовавшем этому совещанию, от 12 ноября 1938 года, как видно из протокола, Геринг, в частности, строго осуждал предпринятые террористические акты и об"яснил присутствовавшим гаулейтерам, что он будет считать каждого гаулейтера ответственным за насильственные действия совершенные в его округе. Но помогло ли это?

На втором совещании, протокол которого пред"явлен вам как документ 1816-ПС, Геббельс со своими радикальными требованиями одержал верх и на этом совещании Функу пришлось убедиться в том, что полного изгнания евреев из немецкой хозяйственной жизни уже нельзя будет избежать, так как фанатизм руководящих кругов зашел слишком далеко. Функу стало ясно, что необходимы законодательные меры для того, чтобы защитить евреев от дальнейшего террора, от грабежей и насилий, или хотя бы для того, чтобы в какой то мере возмещать им причиненный ущерб. В этом смысле Функ высказывался на упомянутом совещании у Геринга от 12 ноября 1938г.; и старания подсудимого Функа, поддержанного тогда Герингом, об"ясняется то, что еврейские магазины, как это видно из протокола, снова были вскоре открыты, что в дальнейшем местные учреждения не могли заниматься произволом при ликвидации еврейских предприятий и эта ликвидация по всей империи была регламентирована законодательным порядком и производилась в разные сроки для того, чтобы выиграть время для проведения этих мероприятий в целом. Если внимательно прочесть протокол совещения у Геринга от 12 ноября 1938г., то несмотря на его неполные и неточные формулировки можно

обнаружить очевидные признаки, подтверждающие влияние Функа, в частности, его неоднократно повторяющиеся в протоколе настояния на том, чтобы еврейские магазины, снова были открыты, затем его предложение оставить за евреями хотя бы их ценные бумаги и, наконец, его возражение против требования Гейдриха поместить евреев в гетто. Этот протокол от 12 ноября 1938 года, бесспорно доказывает, что именно Функ оспаривал это предложение Гейдриха и сказал дословно:

"Не нужно никаких гетто, евреи могут быть лишь немного потеснены, жизнь 3 миллионов евреев среди не менее 70 миллионов немцев можно регулировать и без гетто". Это дословная цитата.

Таким образом Функ в то время хотел избавить евреев от по крайней мере от гетто. Функ не смог полностью провести свою точку зрения. Так, например, его предложение о сохранении за евреями ценных бумаг было отклонено, хотя Функ указывал на то, (это также подтверждается протоколом), что реализация еврейских фондов сразу наводит немецкий биржевой рынок ценными бумагами бумагами стоимостью в полмиллиарда, что приведет к плохим последствиям для немецкой биржи. Но решающим для оценки деятельности подсудимого Функа в этом отношении является не столько успех ее, сколько стремление спасти для евреев, то что еще можно было спасти при создавшихся обстоятельствах, и мы не должны при этом упускать из виду того, что при проведении всех этих мероприятий Функ всегда действовал лишь в качестве министра экономики,

15668

H1210 – 0383

H1210 – 0384

т.е., как чиновник, который давал лишь распоряжения, относящиеся к выполнению приказа, изданного по указанию Гитлера Герингом, как уполномоченным по 4-летнему плану. При этом Функ действовал не по своей воле, точно также, как например, имперский министр финансов граф Шверинг-Крозигк, который в тот же период должен был издать распоряжения относительно выполнения приказа об уплате евреям выкупа в 1 миллиард рейхсмарок или, как имперский министр юстиции и имперский министр внутренних дел, которые также издавали аналогичные распоряжения в своей области.

/ См. след.страницу /.

15669

Задачей суда является принципиально разрешить трудный правовой вопрос - подлежит ли уголовной ответственности чиновник государства, правительство которого признано всеми правительствами мира за то, что он проводит в жизнь закон, я подчеркиваю - закон, надлежаще изданный в соответствии с правовой системой данного государства.

Господа судьи, это совершенно другая проблема, чем та, которая предусмотрена Уставом и рассматривалась представителями обвинения, является ли служебный приказ начальника обстоятельством, исключающим ответственность для лиц, выполнявших их. Должен добавить, что я лично не буду детально заниматься этим вопросом, предоставляя это другим моим коллегам. Я занимаюсь лишь вопросом о том, следует ли считать действия чиновника преступными, если он выполняет надлежащим образом изданный закон своего государства, правительство которого признано законным всеми правительствами мира. И это совершенно другая проблема, чем та, которая рассматривается в Уставе.

Господа судьи, в связи с этим правовым вопросом я должен высказать следующие принципиальные соображения. Я продолжаю на странице 50-й внизу.

Естественное восприятие права подсказывает нам, что всякий гражданин государства, а так же, чиновник и даже солдат в том случае не может ссылаться в свое оправдание на выполнение им служебного приказа, если этот приказ предписывает совершение явно противозаконных действий, в особенности преступления и если подчиненный по существу

15670

H1210 – 0385

H1210 - 0386

дела и при учете всей совокупности обстоятельств сознает или должен сознавать, что этот служебный приказ начальства противоречит существующему правопорядку. Если имеется эта последняя предпосылка, т.е. если приказ начальника явно противоречит существующему праву, то в этом случае вполне правильно, если подчиненному не будет предоставлено право ссылаться в свое оправдание на служебный приказ начальника и утверждать, что он лишь выполнял его. В этом отношении данное положение Устава Трибунала, собственно говоря, не содержит в себе по существу ничего нового, а является подтверждением и дальнейшим развитием правовых принципов, которые хотя и в различном об"еме, уже нашли признание в уголовном праве большинства современных цивилизованных государств. Правда, при этом будет весьма уместна известная осторожность, ибо с другой стороны, господа судьи, нельзя забывать, что повиновение приказам начальника, а не только закону, является основой любого государственного управления во всех странах, и останется ею в дальнейшем для того, чтобы было обеспечено правильное функционирование государственного административного аппарата и что весьма опасным было бы предоставить на усмотрение самого чиновника вопрос о том, должен ли он соблюдать данную им присягу на верность.

Однако, господа судьи, в данном случае речь идет о другом. Здесь речь идет о повиновении гражданина государства и в особенности чиновника, которым был тогда Функ, закону государства, который, согласно конституционным положениям данного государства, издан правильно.

15671

Если мы хотим дать справедливий и правильный ответ на этот трудный правовой вопрос, который, насколько мне известно, еще рассматривался в литературе, то целесообразно, совершенно отвлекаясь от немецких условий и данного процесса, спросить себя, как надо было бы разрешить эту проблему, если бы чиновник другого, т.е. не немецкого государства, выполнял закон. Предположим, например, что какое-либо иностранное государство, в котором проживает национальное меньшинство, издает соответственно своим конституционным положениям закон, разумеется, все это лишь предположение, согласно которому все граждане этого национального меньшинства должны быть выселени с территории государства или имущество таких жителей должно быть конфисковано в пользу государства, или же земельные владения таких жителей должны быть переданы государству, или же распределены между другими гражданами; предположим, что это имеет место и зададим себе вопрос: действительно ли в таком случае чиновник в этом государстве совершает преступление, если он выполняет это предписание закона?

Обязан ли в соответствии с государственным правопорядком чиновник, который выполняет этот закон или имеет ли он хотя бы право не подчиняться этому закону, ссылаясь, например, на то, что по его личному убеждению данный закон - преступление против человечности?

Я спрашиваю себя, господа судьи, предоставит ли теперь в подобном случае, какое-либо государство своим чиновникам право вообще анализировать, противоречит ли

15672

H1210 - 0387

H1210 – 0388

изданный закон принципам человечности или же патким нормам международного права? Какое государство безропотно допустит, чтобы на этом основании его чиновники отказались от выполнения изданного закона?

Затем, господа судьи, я пропущу несколько абзацев на странице 53-й и продолжаю с 3 абзаца страницы 53-й.

Эти правовые вопросы должен разрешить сам суд. В свою защиту Функ может, однако, указать на тот факт, что именно ему, в силу его мировоззрения и всего его прошлого, безусловно, было очень трудно издавать распоряжения по проведению таких законов, хотя он и думал, что при этом исполняет только свой долг как чиновник.

В этой связи напоминаю циркуляр Функа от 6 февраля 1939 года (книга документов, страница 19, 3498-ПС), где он ежим категорически указывает своим чиновникам на их обязанность обеспечить "во всех отношениях безупречное выполнение" и где он интуитивно уже отвергает свою личную ответственность за эти мероприятия, категорически подчеркивая:

"В каком об"еме и темпе нужно использовать полномочия управления по четырехлетнему плану, зависит от распоряжений, которые будут даваться мною в соответствии с указаниями уполномоченного по четырехлетнему плану".

Эти категорические указания на законные распоряжения управления по четырехлетнему плану, которое имело право на издание законов, об"ясняются потребностью, которую подсудимый испытывал уже тогда: по всей форме и торжественно заявить и констатировать на будущее, что он, т.э. подсудимый Функ, при издании исполнительных распоряжений в

1938г. стал в конце концов жертвой своей обязанности повиноваться государству, жертвой своей верности по отношению к законам государства, которому он принес присягу на верность.

Как раз в упомянутом циркуляре Функа от 6 февраля 1939 г., который имеется в судебных выдержках на странице 19, уже ярко находит себе отражение тот конфликт с совестью, который Функ переживал в те дни, хотя, конечно, он не считал себя преступником, тот конфликт с совестью, который затем во время его допроса одним американским офицером 22 октября 1945 года привел к полной душевной катастрофе, так что в заключение Функ не мог больше сдерживать слез и заявил допрашивающему его офицеру: "Да, я виновен, тогда я должен был уйти в отставку".

Именно этот конфликт с совестью, нашедший свое выражение в указанных словах держал в своем плену подсудимого во время всего его допроса перед Трибуналом и продолжается до сих пор. Вспомним, что Функ, на заседании 6 мая 1946 г., когда мы заговорили об этом пункте, настолько был потрясен, что с трудом мог продолжать свои показания и, наконец, здесь, перед Вами, господа судьи, заявил: "В этот момент с полной очевидностью дошло до его сознания, что отсюда, а именно - с этих зверств в ноябре 1938 г. начался роковой путь, приведший к тем страшным и возмутительным событиям, о которых мы слышали здесь и о которых он частично узнал уже во время своего нахождения в плену перед данным процессом и который закончился Освенцимом". Он ощутил, так дословно сказал Функ здесь во время его допроса 22 октября 1945 года, "глубокий стыд и тяжелую вину перед самим собой", он точно также ощущает их и сегодня. По волю государства, закону государства он ставил выше своего собственного чувства и своего предостерегающего голоса, раз он, как чиновник, был обязан подчиняться государству. Он тем более считал себя обязанным к подчинению, что эти законодательные мероприятия были необходимы как раз для защиты евреев, чтобы предохранить их от полного бесправия и от дальнейшего произвола и насилия. Это буквальные слова подсудимого Функа и он изложил в них свои истинные чувства.

И сегодня еще, господа судьи, подсудимый Функ воспринимает как большую трагедию, что именно он обвинен в этих вещах, именно он, который никогда не сказал злобного слова против евреев, а напротив, постоянно, где он только мог, выступал за терпимость и равноправие также и по отношению к евреям.

15674

H1210 - 0389

H1210 – 0390

Если Функ во время допроса 22 октября 1945 года заявил американскому офицеру: "Я виновен", - то здесь совсем не следует расследовать, имел ли подсудимый в виду уголовную или лишь моральную вину, которую он усматривал в том, что он остался на своем посту, который обязывал его проводить в жизнь, законы, противоречащие его собственному мировоззрению. Функ не в состоянии был составить себе собственное суждение по этому трудному вопросу правового характера, может ли вообще чиновник государства, общепризнанного на основе международного права, считаться совершившим преступление только вследствие того, что он не делал ничего иного кроме того, что выполнял формально законные приказы этого государства. Однако он, подсудимый Функ, усматривал свою "вину" не в том, что он в ноябре 1938га издавал распоряжения по проведению в жизнь законов, так как к этому его обязывало его положение чиновника. Он видел свою вину скорее в том, что остался членом правительства, хотя применявшийся террор он воспринимал с отвращением и считал его невыносимым явлением, а в "конфликте с совестью", о котором он говорил во время своего допроса, он оказался не потому, что он действовал на основании законов, которые он считал при сложившихся обстоятельствах необходимыми, но он оказался в этом конфликте с совестью потому, что при той трудной ситуации он не послушался голоса своей совести и не ~~только~~ отказался от министерского поста. Однако, решающими соображениями (я хочу это еще раз подчеркнуть, господа судьи), решающими соображениями в принятии решения остаться и впредь на своем посту, несмотря на все интуитивные сомнения, для Функа определенно не были соображения материального порядка, так как с его репутацией журналиста и с его способностями в этой области ему

было бы легко найти другое подходящее для него место.

Многое говорит за то, что подсудимого удерживала на его посту мысль, что его отставкой дела не исправишь, что, возможно, при каком-нибудь неподходящим фанатическом преемнике управление станет еще более радикальным в то время, как он сам смог надеяться смягчить многие несчастья, оставаясь на своей должности.

Этот мотив, в первую очередь руководивший подсудимым Функом, был совершенно очевидно в известной степени правильным.

По крайней мере его статс-секретарь д-р Ландфрид показал в качестве свидетеля, что Функ и впоследствии неоднократно выражал свои тяжелые сомнения относительно этого мероприятия против евреев в ноябре 1938 года, энергично отмежевывался от всех перегибов и нарушений прав, которые допускали различные учреждения при проведении этих мер.

Перед своим доверенным лицом Ландфридом Функ, конечно, мог говорить совершенно открыто, и он часто жаловался ему на то, что он был бессилен предотвратить такие перегибы. "Но", - так он говорил Ландфриду (я цитирую дословно):

"Мы в министерстве экономики должны особое внимание уделить тому, чтобы при ариезации предприятий, т.е. при их передаче владельцам не еврейского происхождения, никто не обогащался необоснованно за счет евреев" (Конец цитаты).

Министериальрат Каллус в своем показании от 19 апреля 1946 года также обрисовал различные мероприятия, которые Функ проводил в то время в интересах евреев - вла-

15676

H1210 – 0391

H1210 – 0392

дельцев предприятий, и Каллус сообщил нам, что Функ даже лично заботился о том, чтобы подчиненные ему как министру экономики инстанции, точно выполняли его распоряжения.

Таким образом, господа судьи, сознание своей обязанности с одной стороны, и человеческие чувства - с другой стороны, - были теми факторами, которые удерживали подсудимого на его посту и поставили его в такое положение, которое сейчас ставится ему в вину, как преступный образ действий.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы сейчас об'явим перерыв.

(Об'является перерыв до 10 час.утра 15 августа).

ВВ-ЛТ
МС-АП

15677

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 15 июля 1946 года.

/Утреннее заседание/

Встать, Суд идет!

КОМЕНДАНТ СУДА: Господа судьи! Подсудимый Риббентроп сегодня отсутствует.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Будет ли удобно защитникам и обвинителям, если в 2 часа сегодня мы будем рассматривать письменные показания и опросные листы, которые были получены в соответствии с ходатайствами.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Обвинению это очень удобно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Заутер, будет ли удобно защитникам рассматривать этот вопрос в два часа?

Д-р ЗАУТЕР: Я, г-н председатель, сообщу всем остальным защитникам, что в два часа будут обсуждаться эти ходатайства.

Д-р ДИКС: Я присоединяюсь к моему коллеге, д-ру Заутеру, но поскольку это будет в два часа, то моя защитительная речь будет приостановлена. Поэтому, я сейчас, г-н председатель, просил бы Вас начать рассмотрение этих ходатайств после того, как кончит д-р Заутер, поскольку мне будет неудобно, если меня прервут во время моей защитительной речи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, д-р Дикс. Мы приступим к ним сразу же после защитительной речи д-ра Заутера.

Пожалуйста, доктор Заутер!

ЗАУТЕР: Господа судьи! Перед об'явлением перерыва в пятницу, я в конце заседания коснулся взглядов и позиции подсудимого Функа в еврейском вопросе. При этом я указал на то, что когда были изданы в конце 1938 года инструкции, которые в конце концов привели к окончательному устранению евреев из экономической жизни, при разработке этих инструкций он действовал как государственный чиновник и исполнял свои служебные

H1210 – 0393

H1210 - 0394

обязанности. В пятницу все касающиеся этого вопроса заявления я закончил следующими словами: " Сознание своей обязанности,с одной стороны, и обычные человеческие чувства,с другой стороны, были теми моментами,которые удержали подсудимого Функа на его посту и поставили его в такое положение,которое сейчас вменяется ему в вину".

Сейчас,господа судьи,я перехожу к последней главе,в которой я даю характеристику обвиняемого Функа, его действий и мотивов,обсуловивших эти действия в последующие годы, таким образом, я перехожу к части, которая в моей защитительной речи носит название "Золотые поставки СС имперскому банку и концентрационные лагери". То,что я собираюсь сейчас зачитывать,находится на странице 58 так экземпляров,которые также находятся в Вашем распоряжении.

Действительно,особой трагедией в жизни подсудимого Функа было то,что он не только в 1938 году был присужден судьбой издавать распоряжения по проведению в жизнь законов,которые он внутренне осуждал и отрицал, как никто другой,но также и то,что в 1942 году он еще раз особенно ужасным образом был связан с преследованием евреев: я имею в виду поступления СС в имперском банке, т.е. дело,по которому здесь был показан фильм, демонстрирующий стальные сейфы филиала имперского банка во Франкфурте и были заслушаны два свидетеля , вице-президент Эмиль Пуль и советник имперского банка Альберт Томс.

По поводу этого дела подсудимый Функ был допрошен еще во время предварительного следствия 4 июня 1945 года /это изложено в документе ПС-2828/,правда,тогда ему не было сообщено о подробностях, и Функ еще тогда заявил то же самое,что он показал Трибуналу, а именно, что этим делом он занимался только несколько раз и непродолжительное время и не придал ему никакого значения. Это было также одной из причин, поче-

му он первое время не мог подробнее припомнить обстоятельства этого дела. Следовательно, он не знал больше об этом, когда говорил,чем то,о чем он говорил прежде. Во всяком случае Функ должен был считаться с тем, что об этом будут говорить на процессе во время перекрестного допроса. Так и произошло: 7 мая 1946 года об этом говорил представитель американского обвинения, причем он представил письменные показания свидетеля Эмиля Пуль,в котором,как известно, Пуль вначале обвинял подсудимого Функа. Однако характерно,что подсудимый Функ с начала процесса неоднократно ссылался на этого свидетеля Пуля по различным вопросам и с декабря 1945 года настаивал на повторном допросе этого лица. Этого бы Функ, конечно, не сделал, если бы у него совесть была нечиста и если бы он должен был считаться с тем,что его собственный свидетель тягчайшим образом обвинил его в связи с событиями в концлагерях. И вот,благодаря устному допросу свидетеля Эмиля Пуль в зале суда, с несомненностью выяснилось,что Пуль вообще не мог подтвердить первоначально отягчавших сведений, изложенных им в аффидевите, поскольку это касается личности Функа и его совести в деталях вопроса о счете СС в имперском банке.

Действительно,в свое время,как припомнил подсудимый после допроса Пуля,сделанного под присягой,,я по этому поводу представил исправление к его показаниям.Рейхсфюрер СС Гиммлер обратился к нему, Функу, однажды со следующим вопросом, нельзя ли хранить в сейфах имперского банка ценности,конфискованные СС на Востоке.

В то время Функ ответил на этот вопрос Гиммлера утвердительно и сказал ему, что Гиммлер может кому-либо поручить обсудить и урегулировать это дело с вице-президентом Пулем.

Гиммлер заявил на это в то время Функу, что это может сделать его группенфюрер Поль, который свяжется с вице-пре-

15680

H1210 - 0395

H1210 – 0396

зидентом Пулем.Это было все,что Функ говорил - мне кажется в 1942 г. - с имперским руководителем СС Гиммлером и о чем он при случае сообщил своему вице-президенту Пулю,так как Пуль фактически вел дела имперского банка и поэтому был компетентен в этом деле.

В этом вопросе имперского руководителя СС Гиммлера не было ничего необычайного, и Функ не придал ему никакого значения,так как,насколько было известно Функу,в те времена СС обеспечивали всю полицейскую службу в оккупированных восточных областях; по этой причине они были обязаны часто конфисковывать ценности точно так, как это делала обычная полиция внутри страны,т.е. внутри Германии.

Кроме того,на основании положений законов все золотые монеты,иностранные банкноты и т.д. в оккупированных восточных областях подлежали сдаче,и в восточных областях эта сдача производилась органом СС, так как других государственных учреждений по этим делам в этих областях создано не было. Функу было также известно,что концлагери находились в ведении СС, и он считал, что те ценности,которые сдавались СС на хранение в имперский банк,были ценностями, подлежавшими сдаче в обычном порядке со стороны всего населения.

Наконец, СС, как известно и доказано здесь,на процессе, постоянно участвовали в боях наравне с вооруженными силами: как и последние,СС собирали и передавали империи так называемое трофейное имущество, найденное в оставленных и разрушенных городах Востока. Итак, для Функа не было ничего необычайного в том,что СС имели золото и банкноты и в законном порядке производили их прием.

Существенным во всем деле является вопрос, знал ли или видел ли Функ,что среди поставляемых СС вещей в большом количестве, бросающемся в глаза, находились также золотые оправы очков, золотые зубы и тому подобные предметы,попавшие в руки СС не на основе законной конфискации,а преступным

путем.

Если,я подчеркиваю это,господа судьи, если подсудимому Функу было бы доказано,что он видел подобные вещи среди ценностей СС, то это,само собой разумеется,его бы страшно изумило. Однако, мы со всей отчетливостью слышали от свидетеля Пуля,вице-президента имперского банка, что подсудимый Функ не знал об этом ничего,что даже сам вице-президент Пуль не имел никакого представления о деталях этого дела.

Во всяком случае Функ никогда не видел,какие,в частности золотые вещи и в каком количестве вносились на счет СС.

Функу было пред'явлено обвинение в том,что он сам несколько раз заходил в хранилища берлинского имперского банка,причем из этого делался вывод,что он должен был видеть, какие вещи были сданы СС в имперский банк. Этот вывод,со всей очевидностью,неправилен: так как представление доказательств выявило,что Функ за все время войны вообще только в редких случаях посещал хранилища имперского банка, чтобы показать эти подвалы и хранившиеся там золотые запасы имперского банка частным посетителям,а именно,иностранцам.

Но во время этих посещений хранилищ он никогда не осматривал хранилища СС. Он никогда не наблюдал за тем,что в частности сдавали СС на хранение в его банк. Это неоспоримый факт, подтвержденный не только показанием под присягой самого подсудимого Функа,но и устным показанием вице-президента Пуля и советника имперского банка Томса. Этот свидетель от обвинения, добровольно заявивший о своем желании выступить в качестве свидетеля и находящийся вне всяких подозрений,подтвердил под присягой, что драгоценные вещи поступали от СС в запечатанных чемоданах,ящиках и мешках и хранились в этой таре, и что подсудимый Функ никогда не был в помещениях хранилища в то время, когда чиновники банка сортировали содержимое какого-либо ящика или чемодана. Свидетель Томс,заведы-

15682

H1210 - 0397

H1210 – 0398

вавший этими хранилищами, никогда вообще не видел там подсудимого Функа! Итак, Функ не знал ни о размерах, которые постепенно принимали поставки СС, ни о том, что среди этого фонда имелись украшения, жемчуг и драгоценные камни, оправы от очков и золотые зубы. Он этого никогда не видел и ни один из его служащих никогда не сообщал ему об этом.

Правда, Обвинение считает, что Функ, как президент имперского банка, должен был бы знать, что хранится в подвалах его банка; но этот вывод также, очевидно, неверный и не учитывает фактического положения дел центрального эмиссионного банка. Функ, будучи сверх того имперским министром экономики, в качестве президента имперского банка не видел никакого повода самому заботиться об отдельном вкладе, если он даже случайно и принадлежал СС. Он, как президент имперского банка, не заботился также и о других вкладах клиентов своего банка, так как это не входило в его задачи. Он только один раз по просьбе вице-президента Пуля обратился с вопросом к рейхсфюреру СС Гиммлеру - это была вторая беседа с Гиммлером - о том, могут ли быть реализованы ценности СС, хранившиеся в имперском банке, т.е. реализованы в законном торговом порядке. Гиммлер разрешил это сделать, и Функ сообщил об этом своему вице-президенту Пулю.

Но при этом он думал только о золотых монетах и векселях, т.е. о тех ценностях, которые по всей германской империи подлежали сдаче имперскому банку и могли и должны были быть им реализованы. Функу никогда не приходила в голову мысль, что во вкладах могли находиться золотые зубы и т.п. странные вещи, которые были бы доставлены сюда вследствие преступных действий в концентрационных лагерях. Об этом он к своему ужасу, узнал только здесь, во время процесса.

Единственным, господа судьи, что вначале казалось оставалось под подозрением в показаниях свидетеля Пуля, был воп-

H1210 – 0399

рос сохранения тайны, который играл также большую роль при допросе свидетелей; вначале вице-президент Пуль в качестве свидетеля заявил,что подсудимый Функ сказал ему о том, что вклад СС должен храниться под особым секретом. Функ,напротив того,постоянно со всей решительностью оспаривал это и дал клятвенное заверение о том,что он вообще не говорил с Пулем о подобного рода секретности. Итак, вначале одно показание противоречило другому. Сначала данные вице-президента Пуля по этому вопросу казались немного противоречивыми; один раз он заявил,что это сохранение в тайне не представляло собой ничего особенного,так как в конце концов сохранение тайны распространялось на все происходившее в банке; на специально поставленный вопрос Пуль повторно заявил,что он ни в коем случае не обратил никакого внимания на то,что подсудимый Функ говорил о сохранении этого дела в тайне.

Когда,однако, позднее было зачитано заявление свидетеля Томса от 8 мая 1946 года,равнозначащее показаниям,данным под присягой, и было пред'явлено свидетелю Пулю, он,Пуль, после присяги,заявил,наконец, 15 мая 1946 года,что из этого совершенно ясно,вытекает,что желание сохранения в тайне исходило от СС. СС придавала большое значение тому,чтобы это дело находилось в тайне. СС было исходным пунктом обязанности держать его вклады в тайне. Так дословно звучит ,в конечном счете, заявление свидетеля Пуля, которое он подтвердил под присягой и в конце которого он еще раз заявил, что обязанность сохранения в тайне была возложена на имперский банк со стороны СС и что это было сделано по желанию СС. Вот в чем,господа судьи, состояли противоречия между показаниями свидетеля Пуля и между данными подсудимого Функа. Сейчас эти противоречия устранены в пользу подсудимого Функа. Пуль сам не мог больше поддерживать свое первоначально данное показание о том,будто бы Функ распорядился о сохранении в тайне вкладов СС; и поэтому следует,исходя из такого поло-

жения, что и в этом вопросе показания подсудимого Функа правильны и заслуживают преимущества, так как он с самого начала и со всей определенностью под присягой заявил, что он сам ничего не знал о содержании в тайне и он ничего не говорил Пулю о таком сохранении в секрете дела СС. Функ не видел также никакого повода сообще говорить с Пулем об особой засекреченности этого дела, в виду того, что Функ со всей очевидностью считал, что здесь речь идет только о тех ценностях, которые должны были быть сданы, которые подлежали конфискации и которые относились к регулярной законной сфере деятельности имперского банка, безотносительно к тому, являлись ли эти вещи, подлежащие сдаче, собственностью заключенных в концлагерях или собственностью свободных лиц.

Вопрос о том, почему, собственно, СС со своей стороны заявили вице-президенту Пуль о том, что они придают большое значение сокранению их вкладов в тайне и почему они и в дальнейшем делали свой вклад на имя Мальмера вместо того, чтобы делать его на имя СС, во время представления доказательств выяснен не был и обвинение со своей стороны не придало никакого значения внесению ясности в этот вопрос. Во всяком случае, требование СС о сохранении в тайне их вкладов со всей очевидностью не обратили на себя внимания вице-президента Пуля так же, как и свидетеля Томса, который подтвердил нам, что это сокранение в тайне не представляло собой ничего особенного; но одно является фактом, а именно, что от многочисленного персонала имперского банка не скрывалось того, о каких, в частности, вещах здесь шла речь; наоборот, личный персонал имперского банка получил от Пуля задание сортировать поступавшие драгоценные вещи и оценивать их в ломбарде; десятки чиновников имперского банка, регулярно ходившие в хранилище, могли видеть там отдельные вещи, а главная имперская касса, как обычно и совершенно открыто, вместе

15685

H1210 – 0400

H1210 – 0401

с имперским министерством финансов производила оценку этих золотых вещей.

Имелись ли и какие именно соглашения между имперским министром финансов и имперским руководителем СС Гиммлером по поводу расчетов с империей,подсудимый Функ и сейчас еще не имеет ни малейшего представления, он никогда этим не интересовался,да это его и не касалось.

Все эти факты,выявленные в процессе пред'явления доказательств,со всей очевидностью говорят за то,что сам Функ ничего не знал о вещах и что вице-президент Пуль и советник имперского банка Томс не думали об этих вещах ничего плохого,хотя,по крайней мере, Томс видел, из чего,в частности, состоял вклад.

Нет оснований и не следует более подробно останавливаться на связанном с этим вопросом о том,что к первоначальным данным Пулем показаниям относительно вклада СС возможно с самого начала надо было относиться с некоторой осторожностью так как со всей очевидностью, по крайней мере в своих письменных показаниях,он,само собой разумеется, стремился возложить ответственность на своего президента Функа, чтобы тем самым освободиться от своей собственной ответственности за неприятное положение, создавшееся в тот момент,когда ему в заключении сказали, что золотые вещи СС в большинстве своем состояли из оправ от очков и золотых зубов,из'ятых у жертв концлагерей.

Совершенно очевидно,что Пуль не предполагал во всем этом деле первоначально ничего дурного. Для него весь этот вопрос был обычным делом имперского банка, связанным со счетами германской империи, к которому он подходил таким же образом, как если бы,например, конфискованные ~~них~~ золотые вещи и векселя поступали от таможен или валютных учреждений.

Господа,пусть вопрос об ответственности вице-президента Пуля будет решен как найдут нужным.Во всяком случае, это де-

ло лежит вне пределов ответственности подсудимого Функа.Впоследствии Функ еще два или три раза имел совсем короткие и происходившие между делом беседы с Пулем относительно этого золотого вклада с тем,чтобы провести оценку поступавшим золотым монетам и векселям. Во всем же остальном Функ вообще не интересовался этим делом. Он знал о нем еще меньше Пуля. И здесь имеет значение то,что Пуль под присягой заявил,что он, Пуль, вообще не распорядился бы о приеме на хранение в имперском банке золотых вещей, если бы он имел хотя бы малейшее подозрение,что эти вещи были преступным образом отобраны СС у жертв концлагерей. Если даже Пуль не знал и не мог предполагать этого, то Функ об этом мог знать еще меньше. И первоначальное заявление Пуля, которое сводилось к тому, что "золотые вещи принимались в имперском банке с ведома и согласия Функа и оценивались с помощью персонала имперского банка", было по меньшей мере грубым обманом обвинения со стороны Пуля, который позже, узнав в заключении об истинном положении вещей, определенно упрекал себя так же,как Функ,хотя последний не был повинен в этом деле. Пуль,наконец, под присягой заявил,что он не потерпел бы таких махинаций и обязательно поговорил бы об этом как с дирекцией имперского банка, так и с президентом Функом, если бы он знал,что ценности исходят от жертв концлагерей и о каких в частности вещах идет речь.

Следовательно,я прихожу к выводу: хотя имперский банк и производил расчеты по счетам империи, где фигурировали вещи, которые обеспечивались преступными действиями СС, но Функ, все же,ничего об этом не знал. Если бы ему было известно истинное положение дел, то он не потерпел бы таких операций. Поэтому он не может быть привлечен за это к ответственности в уголовном порядке.

То же самое, господа судьи, относится к кредитам импер-

15687

H1210 – 0402

H1210 – 0403

ского банка,выдаваемым предприятиям СС. Я ограничусь здесь всего несколькими фразами. И по этому пункту свидетель Пуль в своем письменном аффидевите 3 мая 1946 года первоначально дал неправильное освещение: он утверждал будто бы кредит в десять - двенадцать миллионов имперских марок, представленный учетным банком золотого запаса по распоряжению подсудимого Функа, служил /я цитирую по его аффидевиту/ "финансированию производства на фабриках СС рабочей силой из концлагерей"./Конец цитаты/. Во время устного допроса свидетелю Пулю был задан вопрос о том,было ли известно Функу о том, что на многих фабриках работали вообще люди из концлагерей. Пуль дословно заявил следующее: "Я мог это предполагать,но знать этого я не мог". В этом заключается его показание. Итак,он не мог показать ничего определенного о том,известно ли это было Функу.Напротив,показание самого Функа по этому пункту чрезвычайно ясно и убедительно; оно сводится к тому, что,хотя он и знал о заявлении СС на кредит и хотя он дал свое согласие на него, но что ему не было известно,какой характер носили эти предприятия СС и какие люди были там заняты.

Это показание Функ подтвердил под присягой. Итак,вопрос с кредитом, который,впрочем, имел место еще за два года до дела с золотым фондом СС еще в 1940 году,не может служить обвинением ни подсудимому Функу,ни свидетелю Пулю, оба они в то время /1940 г./ не знали о положении в концентрационных лагерях,а узнали об этом значительно позже, а именно, только в ходе этого процесса, и подсудимый Функ не знал ничего о том,что на упомянутых фабриках СС,для которых предназначался этот кредит,были заняты заключенные концлагерей.

Господа судьи! В этой связи кажется необходимым остановиться еще на вопросе о том,посещал ли когда-либо Функ концентрационные лагери. Допрошенный здесь свидетель д-р Бла-

ха заявил, что доктор Функ в первой половине 1940 года один раз посетил Дахау. Этот визит имел место тотчас же после одного совещания с министром финансов, в котором Функ принимал участие и которое происходило в Берхтесгадене или каком-то другом местечке. Однако,господа судьи, свидетель д-р Влаха сам не видел тогда подсудимого Функа в Дахау, а слышал лишь от других заключенных лагеря, что во время одного из больших осмотров лагеря, повидимому, присутствовал также имперский министр экономики Функ. Видеть он его не мог, да он его и не знал. Функ сам с самого начала со всей решительностью отрицал это положение. Он подтвердил это также под присягой, и из заявления, равнозначащего показанию, данному под присягой, его постоянного сопровождающего д-ра Шведлера, аффидевитом которого Вы располагаете /книга документов Функа № I3/,без сомнения вытекает,что Функ вообще никогда не был в каком-либо концентрационном лагере. Это должно было быть известным доктору Шведлеру, так как он в то время был постоянным сопровождающим подсудимого и каждый день знал, где находился Функ. Кроме того,Функ никогда не был министром финансов, как предполагал свидетель доктор Блаха,и он никогда не участвовал в совещаниях министра финансов. Итак, не подлежит никакому сомнению то,что все рассказанное здесь свидетелем Блаха,на основе того,что он слышал, основано на неправильной информации, на том,что один посетитель был принят за другого, что было тем более легко возможно, что Функ почти был неизвестен общественности. Итак вывод следующий: Функ никогда не посещал концентрационные лагери и никогда не знакомился с условиями в таких лагерях. Этим заявлением Функ, правда,ни в коем случае не хочет утверждать, что он вообще не имел никакого понятия о существовании подобных концентрационных лагерей. Как и любой другой немец,Функ само собой разумеется, знал о том,что с I933 год

15689

H1210 – 0404

H1210 – 0405

в Германии существовали концентрационные лагери, так же как он знал о том,что в Германии имелись каторжные работы,тюрьмы и прочие учреждения исправительного характера.

Но что ему было вообще неизвестным, это большое количество подобных концентрационных лагерей и громадное число заключенных, доходившее до сотен и миллионов. Ему не были известны также совершаемые в этих лагерях и выявленные только на этом процессе многочисленные злодеяния. Функ, в частности, только благодаря процессу, узнал о существовании так называемых лагерей уничтожения, служивших для целей убийства миллионов евреев. Функ об этом ничего не знал. Это он подтвердил под присягой и это кажется совершенно правдоподобным, так как одним из важнейших результатов данного процесса является указание на тот факт,что германский народ в целом не имел никакого представления о положении в концлагерях и об их колоссальном количестве, что это положение так искусно и сурово держалось в тайне, что о нем даже не знали высшие чиновники империи, вплоть до так называемых министров.

Господа судьи! Таким образом защита выразила свою точку зрения по этой части обвинения, которая в том случае, если оно является правильным, тягчайшим и ужаснейшим образом падет на голову Функа - человека. Можно думать о насилии в политической и экономической борьбе и, в частности, в бурное, революционное время, здесь можно думать все, что хочешь.Только в одном пункте ,по мнению подсудимого Функа, может быть расхождение во мнениях, а именно, относительно ужасов в концлагерях,которые совершались там в течение ряда лет и, в особенности,над евреями. Всякий, кто принимал участие в таких неслыханных злодеяниях, должен,по мнению всего германского народа, поплатиться за это суровым наказанием. Это является также точкой зрения подсудимого Функа, которую он выразил в своем ответе 6 мая 1946 года американскому обвинени

H1210 -0406

и который гласил,что он, как человек и как немец,чувствует тягчайшую вину и глубокий стыд за то,что совершили немцы над миллионами несчастных людей.

Господа судьи! Итак я заканчиваю рассмотрение дела Функа. Я коснулся всего,что касается области уголовных моментов и что входит в задачи защиты на этом процессе. Рассмотрение доказательств по делу Функа,по мнению данного подсудимого, выявило все. Относительно его личности я должен сказать следующее:

Состава уголовно-правового преступления с его стороны не имеется. Все,что он делал,он делал с чистой совестью. На основании всего этого я могу просить вас о том,чтобы оправдать его,поскольку он никогда не совершал в своей жизни каких-либо уголовных преступлений. Вашей задачей, как судей, будет вынесение справедливого приговора подсудимому Функу; приговора,который бы не заставил его искупать чужую вину,которую он не мог предотвратить и о которой он даже не знал; приговора,который бы установил меру его виновности,и именно не его политической виновности,а его уголовной ответственности, что только и может быть предметом данного процесса; приговора,который имел бы значение не только сегодня,но и был бы признан правильным в будущем, когда мы уже отдалимся на необходимое по времени расстояние от этих ужасных событий и когда беспристрастно рассмотрим все эти вещи, как принадлежащие к далекой истории; приговора, господа судьи,который бы удовлетворил не только представляемые вами народы, но и был бы воспринят, как справедливый и мудрый всем германским народом в целом; наконец,приговора,который бы не только уничтожал и мстил и сеял ненависть в будущем,но который бы сделал возможным новый под'ем германского народа и облегчил бы ему путь к более счастливому будущему,человеческому достоинству и любви к ближнему, равноправию и миру.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто будет выступать по этим вопросам, Вы

господин Додд, или сэр Дэвид? Сэр Дэвид Максуэлл Файф, у меня есть документ, составленный Генеральным Секретарем, в котором указывается, прежде всего, на то, что по делу подсудимого Геринга были представлены четыре опросных листа, против которых обвинение не возражало. Так ли это?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, это так, милорд. У нас нет никаких других комментарий к этому первому ходатайству.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, затем,что касается подсудимого Риббентропа, то имеется два письменных показания, против которых также нет возражений, как я понял еще 3 письменных показания не получены.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это так, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И один документ, который защитник хочет представить полностью, а именно документ ПС-75, правильно это?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, это так, милорд, и мы не возражаем против этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть мне лучше зачитать до конца весь список документов, а затем вызвать доктора Горна, чтобы тот доложил относительно этих трех документов, потому что насколько я вижу имеются только эти три документа и одно письменное показание по делу Зейсс-Инкварта от некоего Эрвина Шоттера и другое от некоего Юлич, которые еще не получены.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, это так милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И три письма от Зейсс-Инкварта к Гиммлеру, которые еще не были представлены в качестве доказательства.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, это так, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: По делу Фриче имеется также два опросных листа от Денмара и Фельцгера, которые тоже еще не получены.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, что касается трех писем подсудимого Зейсс-Инкварта, то они уже получены, но еще не переведены на французский язык. Я думаю, милорд, будет проще всего, если Трибунал учтет, что временно мы не возражаем, но французская делегация оставляет за собой право выдвинуть возражение, если после получения перевода, у них возникнет в этом необходимость.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, французская делегация даст Трибуналу знать, как только они выяснят, что у них имеют-

15792

H1210 – 0407

H1210 – 0408

ся возражения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. А что касается остальных документов, поскольку это относится к обвинению, имеются ли какие-нибудь возражения?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, единственное возражение, которое у нас имеется, это в отношении ходатайства доктора Сервати уса по делу подсудимого Заукеля. Ваша честь видит, что после того, как Трибунал разрешил послать опросные листы, 3-го июля были представлены на рассмотрение Трибунала еще некоторые документы от подсудимого Заукеля. Затем имеется еще некоторое количество документов, обозначенное буквами с "А" по "И". Обвинение считает, что эти документы являются кумулятивными, теми, которые были уже ранее представлены по делу этого подсудимого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: /прерывая/. Одну минуту, сэр Дэвид. Это документы с "А" по "И" ...

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: ... "А" по "И" - были ли эти ходатайства поданы после того, как было закончено рассмотрение дела?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Они были представлены 3 июля, сэр. Это должно было быть после того, как закончилось дело подзащитного.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но не было ли это тогда, когда мы просили о дополнительных ходатайствах?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, в самом конце заседания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В тот самый день?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милррд. Простите, но технически дело еще не было закончено, поскольку в этот день было разрешено всем защитникам представлять дополнительные ходатайства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Включены ли уже в книгу документов, все те документы, на которые Вы только что ссылались.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Доктор Сервациус говорил мне, что они включены в книгу документов.

Милорд, мне только что сказал доктор Сервациус, что он придает особое значение документу "А", представляющему собой декрет подсудимого Заукеля об обратной транспортировке больных иностранных рабочих. Милорд, я готов не возражать против документа "А", с другой стороны, доктор Сервациус говорит, что он не будет настаивать на представлении остальных документов.

Милорд, здесь есть еще одно ходатайство, только что полученное, о представлении документа по делу подсудимого Заукеля. Это письменное показание, сделанное самим подсудимым 29 июня 1946 года. Обвинение не возражает против этого ходатайства.

Милорд, и последний вопрос, касающийся подсудимого Заукеля; это - в отношении письменного показания, данного свидетелем Фалькенхорстом. Милорд, обвинение снова считает, что оно является кумулятивным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сказали Фалькенхорст?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Фальценхорст. Милорд, это самое последнее ходатайство в моем списке.

/ К микрофону подходит защитник Сервациус/.

СЕРВАЦИУС: Господин председатель, я хотел бы сказать несколько слов относительно свидетеля Фалькенхорста. Этот свидетель был уже вызван по делу подсудимого Бормана и поэтому я отказался от вызова его по моему делу. Я хотел с разрешения суда ограничиться письменными показаниями. Насколько я помню, мне было отказано в вызове этого свидетеля сюда, но не было возражений против представлений письменных показаний. Я считаю, что этот вопрос будет выяснен и обвинение подтвердит правильность моих данных.

15694

H1210 – 0409

H1210 – 0410

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите сказать, д-р Серватиус, что мы уже раньше разрешили Вам представить письменные показания свидетеля Фалькенхорста ?

СЕРВАТИУС: Я полагаю, что это было так. Свидетель в то время находился в комнате свидетелей. Меня спросили, хочу ли я устроить сейчас опрос? Я ответил, что у меня имеются письменные показания по известному пункту: эти показания ограничиваются этим пунктом и будет достаточным, если я смогу представить этот аффидевит. Это был последний свидетель при моем ходатайстве.

Сер ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: При данных условиях я не настаиваю на своем возражении, милорд.

Милорд, этим исчерпываются все заявления, которые намеревалось сделать обвинение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как Вы относитесь к этим двум письменным показаниям, данным Эрвином Тодтером и Адольфом Юнгом, о которых просит доктор Штейнбауэр?

Сер ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд мы еще их не получили. Насколько я помню, эти ходатайства были приняты Трибуналом при условии, если не будет никаких возражений, но мы ничего не можем сказать, пока мы с ними не познакомимся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Понятно. Остальные ходатайства не вызывают никаких возражений?

Сер ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Никаких возражений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сер Дэвид, у нас есть еще один документ, который только что нам передали. Он содержит ходатайство по делу подсудимого Заукеля о вызове в качестве свидетеля Фридриха Заукеля, его сына. Обвинение возражало против него ввиду того, что оно считает, что это не относится к делу и является кумулятивным.

Сер ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд, дело обстоит именно так. Ознакомившись с кратким содержанием показания, нам кажется, что показания сына подсудимого не дадут ничего нового.

15695

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это ходатайство было сделано после 3 июля? Хотя я вижу, это неверно. Оно было представлено раньше, но о нем не упоминалось 3 июля.

СЕРВАТИУС: Господин председатель, было подано ходатайство о доставке свидетеля из Англии, так как возможно, он мог дать справку о ряде вопросов. Собственно, это ходатайство в письменном виде мною не было подано. Это было только ходатайство о доставке его из Англии, чтобы доставить сюда для информации с тем, чтобы посмотреть, известно ли ему что-либо существенное.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, я не буду возражать против того, чтобы сын подсудимого был доставлен сюда для того, чтобы доктор Сервациус мог поговорить с ним и выяснить, могут ли его показания добавить что-нибудь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если в Трибунал будут все время поступать такого рода ходатайства, то процесс никогда не закончится.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд, я с Вами совершенно согласен.

СЕРВАТИУС: Я только сейчас узнаю, что свидетель находится в Англии. Мы знали, что он находится в плену, но сведений о его местонахождении у нас не было никаких.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, у нас есть еще письменные показания самого Заукеля, о которых мы уже говорили.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Затем имеется письменное показание Йодля по делу Кальтенбруннера. Это ходатайство было получено канцелярией генерального секретаря 5 июля.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Оно было представлено уже после того срока, не позднее которого защитники должны были представить свои ходатайства.

15696

H1210 – 0411

H1210 - 0412

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: У меня не было еще возможности посоветоваться с остальными обвинителями по этому вопросу.

Милорд, сущность этого письменного показания уже была изложена в речи д-ра Кауфмана. Я не думаю, что эти письменные показания могут внести что-либо существенное.

Мне кажется, что против представления этого письменного показания могут возникнуть какие-нибудь возражения, так как я уверен, что в речи д-ра Кауфмана встречался этот отрывок или подобный отрывок, в котором было отражено мнение Йодля о Кальтенбруннере. Поэтому я не думаю, что нам следует занимать время дискуссией и считаю, что можно разрешить представление этого показания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Кроме того, есть ходатайство подсудимого Розенберга о представлении документа, озаглавленного "Традиции нашего времени". Против него было выдвинуто возражение, т.к. оно является кумулятивным.

Сэр Дэвид Максуэлл Файф: Да, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Тома, Вы хотите что-нибудь сказать, чтобы поддержать это ходатайство или Вы в своей речи охватили уже все вопросы, относящиеся к этому делу?

ТОМА: Я считаю, что все эти вопросы достаточно рассмотрены и освещены в моей защитительной речи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Затем доктор Горн! Тут имеются два письменных показания - одно от Риббентропа, другое - от Шотце. Они еще не были представлены в качестве доказательства. Желаете ли Вы их представить?

ГОРН: Господин председатель, я не пред"являл никаких письменных показаний Шотце, а также не подавал ходатайства о пред"явлении этих письменных показаний. Очевидно здесь какая-то ошибка.

H1210 – 0413

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очевидно,это ошибка. Значит по делу Риббентропа мы рассмотрели все ходатайства,связанные с ним или вы просите о предоставлении еще этого документа?

ГОРН: Я прошу высокий суд принять в официальном порядке к сведению письменные показания Риббентропа и затем документ ТЦ-75. Оба других аффидевита Тадена и Беста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да,но почему вы хотите,чтобы подсудимый риббентроп дал письменные показания, ведь он же давал показания здесь, в суде? Или с тех пор возникли какие-нибудь новые вопросы?

ГОРН: Он высказал свою точку зрения только на некоторые документы, которые были ему пред'явлены во время перекрестного допроса, где он мог говорить только очень коротко. Я не хотел бы затягивать мою защитительную речь подробностями, освещением остальных документов,и поэтому представил данный аффидевит, с просьбой к Трибуналу о его принятии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Так. Теперь в отношении документа ТС-75?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Это один из наших подлинных британских документов и я не возражаю против того, чтобы он был использован д-ром Горн.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А как обстоит дело с его переводом? Я предполагаю,что это немецкий документ,не так ли?

ГОРН: Да,да. Это был немецкий документ,господин председатель. Он был только частично переведен,я же в своей речи ссылался на все содержание этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это что, очень длинный документ?

ГОРН: Нет,только девять страниц,господин председатель. Со стороны обвинения была пред'явлена лишь одна страница в качестве документальных доказательств. Я же в это время мог установить,что существуют два экземпляра этого документа и я взял второй экземпляр, который представляет собой полное содержание этого документа, и пред'явил суду.

H1210 – 0414

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он уже был переведен?

ГОРН: Да,да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо,тогда все в порядке.

Доктор Штейнбауэр, как обстоит дело с теми двумя письменными показаниями о представлении которых вы ходатайствуете, одно,данное Эрином Поттеран и другое - Юпичем?

/К микрофону подходит защитник подсудимого Зейсс-Инкварта Штейнбауэр/.

ШТЕЙНБАУЭР: Я оба эти документа отдал в бюро переводов. Поскольку сейчас бюро переводов очень загружено, - перевод еще не получил. Я хотел бы поэтому пред'явить Трибуналу оба оригинала под №№ II2 и II3. Зейсс-Инкварт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ознакомилось ли обвинение с содержанием этих письменных показаний или нет?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Нет,милорд,мы не ознакомились. Это очень короткие показания. Я попрошу кого-нибудь прочесть их на немецком языке в течение дня и до конца заседания сообщу Трибуналу свое мнение по этому поводу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Было ли представлено это ходатайство до 3 июля? Когда оно было предстаплено?

ШТЕЙНБАУЭР: Я получил оба эти документа 3 июля через генеральный секретариат и в тот же день пред'явил их.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае Трибунал рассмотрит этот вопрос и будет очень рад услышать от обвинения имеются ли ли у них какие-нибудь возражения в связи по этому поводу.

ШТЕЙНБАУЭР: Благодарю вас.Господин председатель,я также хотел бы сейчас пред'явить еще один документ.Трибунал вчера одобрил опрос в качестве свидетеля доктора Геро Рейтера. И вот,позавчера ко мне поступил ответ с опросом со стороны прокуратуры...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что вы говорили,доктор Штейнбауэр?

ШТЕЙНБАУЭР: Что в субботу мне был передан одобренный документ опроса д-ра Геро на немецком и английском языках.Поэ-

H1210-0415

тому я хотел бы сейчас пред'явить этот документ суду под № Зейсс-Инкварт-II4.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как фамилия свидетеля,который был подвергнут допросу?

ШТЕЙНБАУЭР: Доктор медицинских наук - Геро Рейтер. Ему были заданы вопросы относительно положения с здравоохранением в Голландии. Суд разрешил мне послать этот опросный лист.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Мы рассмотрим это.

ШТЕЙНБАУЭР: Я пред'являю этот документ под № Зейсс-Инкварт II4.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид,может быть,вы позднее просмотрите этот документ.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Конечно,милорд. Как я понимаю, этот документ был уже утвержден Трибуналом и сейчас хотят только представить ответ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да,это все.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: В таком случае,милорд,возражений нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Поэтому все эти документы должны быть снабжены соответствующими номерами,под которыми они будут представляться в качестве доказательств.Защитники должны проследить за этим. Они должны присвоить этим документам номера и передать их Генеральному Секретарю,чтобы они были приняты в качестве доказательств и включены в протокол.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Я понимаю,милорд,но мне кажется,что доктор Штейнбауэр только что назвал этот документ за № II4.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, и то же самое относится ко всем другим защитникам. К защитникам Геринга,Риббентропа,Редера и другим подсудимым, т.к. они все имеют дело с большим количеством опросных листов и письменных показаний, и все эти документы должны иметь номера,под которыми они будут представ-

ляться в качестве доказательств.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Ваша честь, доктор Зиммерс хотел бы знать - были ли рассмотрены его ходатайства? Мне кажется,что с ним закончено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да,теперь нам остается рассмотреть только ходатайство доктора Фрица по делу подсудимого Фрича. Как я понимаю, имеется два опросных листа, которые были посланы, но пока еще не получены от Дельмара и Фельдчера. Мы разрешили представление этих опросных листов и они будут рассмотрены,когда вы их получите.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Насколько я понимаю,дело обстоит именно так,милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. В таком случае Трибунал рассмотрит все это и вынесет соответствующее постановление по поводу всех этих вопросов.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Хорошо,Ваша честь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю,мы сейчас об'явим перерыв.Подождите одну минуту.

КУБУШОК /защитник подсудимого фон Папена/: По делу подсудимого фон Папена имелось некоторое количество опросных листов.Четыре из них уже прибыли с ответами,но в настоящий момент они находятся в бюро переводов. Ответы на три других опросных листа еще не поступали. Я бы просил высокий суд позднее дать мне возможность пред'явить их.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, но я полагаю,что Вам раньше разрешили их представление. Не были ли они вам разрешены ранее?

КУБУШОК: Да, они были уже допущены,за исключением одного аффидевита,на котором я останавливался и который до сих пор еще не переведен и в течение длительного времени находится в бюро переводов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но ходатайство в отношении посылки опросных листов было принято?

H1210-0416

H1210-0417

КУБУШОК: Я недавно подал это ходатайство и поступил следующий ответ,что следует дать это в бюро переводов,но перевод сейчас не готов и как только он будет готов,я пред'явлю это суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Сейчас мы об'явим перерыв.

/Об'является перерыв на IO минут/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Прошу Вас,доктор Дикс.

Начало защитительной речи защитника Шахта д-ра Дикса.

ДИКС: Господин председатель,господа судьи! Исключительный характер дела Шахта становится совершенно очевидным,уже при одном взгляде на скамью подсудимых и из истории его ареста и защиты. На скамье подсудимых сидят Кальтенбруннер и Шахт.Какова бы ни была компетенция Кальтенбруннера,но он,во всяком случае,являлся начальником Главного имперского управления безопасности.Шахт,вплоть до мая 1945 г. находился в заключении в различных концентрационных лагерях Главного имперского управления безопасности. Это нередкость гротескная картина - главный тюремщик и его узник сидят на скамье подсудимых. Сама по себе эта необычная картина уже в начале судебного процесса должна была бы заставить призадуматься всех его участников: судей,обвинителей и защитников.

Установлено,что Шахт был заключен в концентрационный лагерь по приказу Гитлера. Ему было пред'явлено обвинение в государственной измене, измене гитлеровскому режиму. Он был бы осужден "народным судом" во главе с кровавым судьей Фрейслером,если,находясь в заключении,не перешел бы в ведение союзных держав-победительниц.Летом 1944 г. на меня была возложена задача защищать Шахта перед народным судом Адольфа Гитлера; летом 1945 г. меня попросили осуществить его защиту в Международном Военном Трибунале. Такое положение вещей само по себе в корне противоречиво. Оно также должно побудить всех участников процесса вдумчиво отнестись ко всему,

15702

что касается личности Шахта. Невольно вспоминаешь о судьбе Сенеки. Нерон,прототип Гитлера,предал Сенеку суду за революционные интриги. После смерти Нерона Сенека был обвинен, как соучастник в незаконном правлении и злодействах,совершенных Нероном, т.е. с заговоре с Нероном.

Не лишено пикантности то,что Сенека уже в 4-м столетии нашей эры был об'явлен языческим святым. Хотя Шахт и не питает таких надежд,все же мы не должны забывать,что приговор, который будет вынесен этим высоким судом, должен будет устоять перед судом истории.

Путем подробного и тщательного представления доказательств перед Трибуналом была полностью раскрыта картина Третьей империи. За этой картиной таилось очень многое.В пределах возможного была воспроизведена также и закулисная сторона. В пределах возможного! Это означает,что такое исследование было ограничено рамками представления судебных доказательств и хотя и производилось тщательно,все же, в силу Устава,должно было закончиться,по возможности,скорее. Для того,чтобы понять,как выглядела Германия при Гитлере, многое должно быть воспринято Трибуналом интуитивно.

Невозможно охватить гитлеровскую Германию государственно правовыми понятиями с точки зрения человека, обладающего правовой культурой; это навсегда окажется невозможным.Научная тема "Конституция при Адольфе Гитлере" является "lucus a non lucendo".Это и понятно, "конституция",т.е. правовая основа гитлеровского государства, это не то,что попытка,сделанная Яррайсом в его речи,найти какую-то научно-правовую основу произвола деспота. Можно было бы составить научно-социологическое исследование третьей империи,но это трудно,а потому и до сих пор не сделано. Лишь очень немногие из немцев, живших в Германии, были знакомы с условиями и разделением сфер власти среди того круга лиц, которые по виду или в дей-

13703

H1210 – 0418

H1210 – 0419

ствительности оказывали влияние на политику. Очень многие будут ошеломлены той картиной, какая им предстанется теперь В то время, когда создавалось обвинительное заключение, иностранцу было еще гораздо труднее правильно судить о государственно-правовых и внутри-политических условиях гитлеровской Германии. Однако, правильное суждение о них являлось необходимой предпосылкой для обоснованного обвинения. Я считаю, что Обвинение встретилось с неразрешимой для него задачей. Далее мне кажется, что обвинение никогда не сделало бы вывода о наличии заговора между подсудимыми, если бы оно в то время могло так разобраться в политическом разделении сфер властей в гитлеровской Германии, как может это сделать теперь, хотя и с трудом, умный и обладающий политической интуицией наблюдатель, присутствовавший на этом процессе. В Третьей империи Адольфа Гитлера заговор, в том смысле, как понимает его Обвинение, был невозможен, на это уже указывали мои коллеги - защитники. В Третьей империи был возможен лишь оппозиционный заговор, направленный против Адольфа Гитлера и его режима. Такие заговоры возникали неоднократно, как мы здесь установили. Заговорщики связаны между собой несколько иначе, чем пособники с главным исполнителем. Роль каждого отдельного заговорщика при выполнении общего плана может быть различна. Некоторые, или же один из заговорщиков, могут играть руководящую роль в заговоре. Однако совместная деятельность всегда является необходимой. Уже смысловое значение этого слова не позволяет говорить о заговоре в том случае, когда приказывает лишь один, а все остальные выполняют приказания. Поэтому я придерживаюсь того мнения, что все те преступления, которые были установлены в этом зале, никогда в правовом отношении не могут быть квалифицированы, как заговор. Меня не интересуют, как защитника подсудимого Шахта, многие преступления, о которых может итти речь, потому что Шахт, лично, рассматриваемый независимо от действий

других,т.е. лишь на основании его собственных действий,вообще не заслуживает обвинения ни в каком преступлении.

Шахт лично желал лишь самого лучшего и дозволенного. Этим стремлениям служили его действия. В той степени, в какой он заблуждался в политическом отношении,он охотно предоставляет себя суду истории. Однако международное право не может рассматривать политическую ошибку, как преступление. Если бы это делалось,то призвание государственного деятеля и политика стало бы невозможным. Мировая история движется вперед скорее путем ошибок и заблуждений,чем путем познания истины.Познание абсолютной истины, по мудрому выражению Лессинга,является прерогативой бога. Высшим благом человека остается стремление к истине. Еще старый Аксель Оксенштирн справедливо сказал: „Vereis mi filig acanta stultitia mundus regitur" Шахт заявил здесь, что он чувствует себя жестоко обманутым Гитлером. Этим самым он признал ошибочность некоторых своих заключений и действий. Обвинение оспаривает добрую волю Шахта и обвиняет его в том, что он умышленно и сознательно, в качестве финансового агента Адольфа Гитлера, содействовал подготовке агрессивной войны, а поэтому, с точки зрения заговора, должен нести уголовную ответственность за все злодеяния и жестокости, которые были совершены другими в ходе этой войны. Обвинение не могло привести прямых доказательств этому утверждению. Оно попыталось сделать это, ссылаясь на отдельные, неправильно истолкованные и выхваченные из общего контекста высказывания Шахта. Затем обвинение, ссылалось на свидетелей, которые не могли быть вызваны для допроса в зале суда, потому что некоторые из них отсутствуют, а некоторые умерли. Я напоминаю о письменных показаниях Мессерсмита и Фуллера и-

15705

H1210 – 0420

H1210 – 0421

о записях в дневнике Додда. Во время моего допроса Шахта последний доказал Трибуналу, насколько недостаточную доказательную ценность представляют собой эти документы. В интересах экономии времени я не хочу повторять то, что было сказано и, что, несомненно, еще свежо в памяти суда. Далее, обвинение сделало попытку обосновать обвинение теми действиями Шахта, которые с бесспорностью установлены. Все эти выводы обвинения основаны на мнимых признаках вины. Я ограничусь тем, что перечислю важнейшие из этих неправильных выводов. Остальные вытекают из них непроизвольно или по аналогии с ними. Шахт был противником Версальского договора, утверждает Обвинение. Он был им в действительности. Этот факт сам по себе Обвинение не вменяет ему в вину. Однако оно делает из него тот вывод, что Шахт хотел насильственным путем устранить этот договор. Шахт был сторонником колониальной политики, утверждает Обвинение. Он действительно им являлся. Это ему не вменяется в вину. Однако отсюда делается вывод, что он стремился к захвату колоний силой и т.д. Шахт работал совместно с Гитлером в качестве президента рейхсбанка и министра экономики, отсюда вывод, что он являлся носителем нацистской идеологии. Шахт являлся членом имперского совета обороны, а, следовательно, он был сторонником агрессивной войны. Шахт содействовал финансированию вооружений в первый период до начала 1938 года, следовательно, он хотел войны. Шахт приветствовал присоединение Австрии, следовательно, он был согласен с политикой насилия, применявшейся в отношении этой страны. Шахт приветствовал "новый план" в области торговой политики, отсюда делается вывод, что он хотел обеспечить поставку военного сырья. Шахт заботился об обеспечении жизненных возмож-

15706

ностей избыточного населения Центральной Европы, а, следовательно, он стремится к нападению на чужие страны и к уничтожению чужих народов. Шахт неоднократно предупреждал мир о недопустимости проведения политики подавления Германии и моральной дифамации ее, а, следовательно, Шахт угрожал войной. Поскольку не нашлось никакого письменного доказательства того факта, что Шахт вышел в отставку в результате его несогласия с политикой войны, делается вывод, что он вышел в отставку исключительно в результате своего сотрудничества с Герингом. Можно было бы бесконечно продолжать перечень этих неправильных выводов. Их кульминационной точкой является такое заключение:Гитлер никогда бы не пришел к власти, если бы не было Шахта; Гитлер никогда не смог бы проводить вооружения, если бы ему не помог Шахт. Это аналогично доказыванию того, что фабрикант, производящий автомобили, должен быть осужден, если пьяный шофер переехал пешехода. Шахт в своих речах и письменных произведениях никогда не пропагандировал насилия или войны. Разумеется, он после Версаля неоднократно указывал на те опасности, которые проистекают из морального унижения и экономического притеснения Германии. Однако эти взгляды разделялись во многих странах достойными людьми. Нет надобности в том, чтобы цитировать Трибуналу многочисленные высказывания не только немцев, но и подданных победивших государств, которые высказывались в том же смысле, как и Шахт, вскоре же после заключения Версальского договора. Правильность этих предостерегающих указаний будет признаваться во все времена. Однако Шахт никогда не рекомендовал и даже не считал возможным использовать другие пути, кроме мирного согла-

15707

H1210 – 0422

H1210 – 0423

шения и мирного сотрудничества. Ему, как признанному политику в области хозяйства, более чем кому-либо другому было ясно, что война никогда не может принести решения вопроса, даже если эта война будет выиграна. Во всех высказываниях Шахта неизменно выявляются его пацифистские воззрения и, пожалуй, особенно четко они были выражены им на берлинском международном торговом конгрессе, когда Шахт в присутствии Гитлера, Геринга и других главарей этого режима следующим образом обратился к собранию: "Поверьте мне, друзья мои, народы хотят жить, а не умирать". Надо сказать, что эти явно пацифистские воззрения Шахта будут подтверждены также всеми свидетелями и письменными показаниями. Конечно для немногих в мире - я сознательно говорю в мире, а не только в Германии - для этих немногих, которые с самого начала правильно расценивали Адольфа Гитлера и его режим, составляло заботу, связанную с опасениями, или во всяком случае какую-то проблему, видеть, что Шахт после взятия власти Адольфом Гитлером предоставил в распоряжение последнего свои услуги и свои большие специальные знания.

Свидетель Гизевиус, как он здесь показал, также разделял эти опасения. Позднее он убедился в чистых намерениях Шахта на примере воинственной и мужественной позиции последнего в 1938-1939 г.г. Во время выступления в качестве свидетеля по своему собственному делу Шахт изложил нам причины, которые побудили его действовать таким образом. В интересах экономии времени мне не нужно, и я не намереваюсь повторять эти причины. В процессе представления доказательств не было пред"явлено никаких доказательств тому, что могло бы каким-то образом поколебать достоверность

этого изображения Шахта. Наоборот, и здесь я ссылаюсь в качестве примера на письменные показания статс-секретаря Шмидта, документ № 41 в моей книге документов, которая на стр. 2 содержит подобные высказывания по этому вопросу и которые полностью соответствуют тому изображению фактов, которое было дано самим Шахтом. Общее рассмотрение других свидетельских показаний и письменных показаний приводят к тому же самому результату. Чтобы понять образ действий Шахта, как сразу после прихода Гитлера к власти, так и позднее, когда он убедился в роковых действиях последнего, совершенно необходимо иметь перед глазами ясную картину гибельного и чарующего своим обаянием влияния Адольфа Гитлера и сущности его режима, так как оба эти момента составляют ту почву, на которой возросли действия Шахта и которой можно все об'яснить.

Я совершенно ясно представляю себе, что об этом можно говорить днями и писать целые тома для того, чтобы дать исчерпывающую картину. Но мне также совершенно ясно, что для Трибунала будет вполне достаточно получить краткие намеки и краткое освещение событий, чтобы полностью понять последнее.

Ужасное поражение кайзеровской Германии в 1918 году принесло германскому народу парламентско-демократическое конституционное устройство, неестественно привитое германскому народу и не ставшее впоследствии составной органической частью Германии. Я утверждаю, что все политические мыслители, которые не ориентируются по эгоистическим началам, должны стремиться к демократии, если под последней понимать также охрану справедливости, терпимость и инакомыслящим, свободу и политическое оформление принципа гуманности. Эти высшие идеалы, свойственные всем временам, которые однако, носят в самих себе опасности для самих же себя в

15709

H1210 – 0424

H1210 – 0425

соответствующих конституционных формах. Если с утверждением демократии на Европейском континенте такие реакционные политические деятели как князь Меттерних и его товарищи [redacted] всячески восставали против всякого духа демократии, то они это делали потому,что они в демократии усматривали только опасность и не понимали ее прогрессивного значения для человечества и ее своевременности. К сожалению,они были правы в отношении опасности,которую приносит с собой демократия. Умнейший народ из всех когда-либо существовавших, древние греки,указывали на те опасности,которые связаны с развитием демократии,которая может переродиться в тиранию посредством демагогии; почти все философские и политические мыслители, начиная с Аристотеля, до Фомы Аквинского и вплоть до нового времени указывали на опасность такого развития. Эта опасность становится тем более значительной,если демократическая свобода не появляется и не формируется органически в формальном государственно-правовом смысле, в таком случае она оказывается для народа не более не менее как случайным подарком.В истории лучше продолжать,чем начинать сначала, - сказал великий французский мыслитель. К сожалению, Германия оказалась самым первым и,я надеюсь, последним примером учреждения с помощью дьявольской демагогии тирании единоличного деспота. Так как не подлежит никакому сомнению,что гитлеровский режим представлял собой деспотию одного человека,примером которого может служить лишь Азия давно прошедших времен. Для понимания позиции каждого отдельного человека по отношению к этому режиму,т.е. не только Шахта, не только любого немца, но всякого любого человека или любого правительства в мире, которое сотрудничало с Гитлером /а также зиждящееся на доверии сотрудничества иностранных государств с Гитлером было куда более значительным,чем с любым дру-

15710

гим правительством так называемого времени междуцарствия или так называемого государства Веймарской конституции. Так для такого понимания необходимо поэтому заняться рассмотрением личности этого деспота, этого политического Крысолова, этого гениального демагога, который, как Шахт с вполне понятным волнением изложил во время своего опроса, обманул не только его, но весь германский народ, больше того - весь мир. Чтобы придать законченный характер этому обману Адольф Гитлер должен был запутать сетями обаяния своей личности помимо Шахта бесконечно большое число других умных и политически образованных лиц, находящихся вне границ Германии. Ему удалось оказать чародейственное влияние на выдающихся иностранных деятелей, на иностранцев, занимавших ведущие политические должности. Я не намереваюсь перечислять их фамилии и приводить какие-либо цитаты для доказательства этого положения. Этот факт в общих чертах известен Трибуналу, я сейчас пропущу несколько строчек и перейду к строке десятой: каким образом для Гитлера стало возможным оказывать такое воздействие на Германию и другие иностранные государства? Что же, ведь Фауст был побежден Мефистофелем. Те обстоятельства, которые здесь в процессе предоставления доказательств достаточно освещались в связи с тогдашним положением в Германии, способствовали укреплению этого воздействия. То же самое можно сказать в отношении Шахта. Полный крах парламентского партийного аппарата и обусловленная этим необходимость для тогдашнего правительства править с помощью чрезвычайных распоряжений, появившихся на свет без парламентского участия, а также необходимость учредить в качестве предшественницы гитлеровской диктатуры диктатуру министерской бюрократии, вызвали потребность в сильном руководстве. Экономический кризис и безработица, как всегда, любая нищета, толкнули широкие массы прислушиваться к дема-

15711

H1210 – 0426

H1210 – 0427

гогическим излияниям. Полнейшая летаргия и пассивный характер тогдашней левой партии и партии центра вызвали у умных и критических наблюдателей, каким был бесспорно Шахт внутреннюю готовность и желание раствориться в динамичной и активной политике. Если какой-нибудь умный и критический наблюдатель,каким был, например,Шахт,уже тогда усматривал ошибки и теневые стороны, то он верил /Шахт также верил в это,что с помощью своего активного вмешательства в движение или с помощью своего сотрудничества на руководящих государственных должностях /как это делал Шахт/ можно будет легко и быстро побороть эти теневые стороны,неразрывно связанные со всяким революционным движением.

"Когда орел поднимается,то на его крылья садятся паразиты", - ответил мне ныне покойный министр юстиции Гюртнер этой цитатой из "Пескара" Конрада Фердинанда Майера,когда я после прихода к власти НСДАП обратил его внимание на эти теневые стороны. Эти соображения сами по себе являются понятными и достоверными и что в них говорится о политической ошибке, допущенной Шахтом,не лишает их добрых намерений и основанного на порядочности мировоззрения.Ведь мы не намереваемся забывать того,что мы здесь, на процессе познакомились с сообщениями американского генерального консула Мессершмитта от 1939 года,где он радостно приветствует тот факт,что в партию стали,наконец, вступать порядочные и степенные люди,так как на основании этого факта можно было надеяться,что радикализм будет ликвидирован. Я ссылаюсь на пред'явленный обвинением документ № 1184, Л-198, который представляет собой отчет американского генерального консула Мессершмитта государственному секретарю в Вашингтоне. "С момента выборов 5 марта ряд глубокомыслящих людей в различных мних частях Германии об'единились с национал-социалистским движением в надежде смягчить ради-

H1210-0428

кализм последнего своими действиями путем работы внутри партии, чем вне ее".

То, что говорит Мессершмитт о среднем члене партии, о рядовом ее члене, является вполне понятным, если вспомнить положение, существовавшее в то время. Это высказывание Мессершмитта "mutatis mutandis" относится, конечно, и к тому, что предоставил в распоряжение Гитлера свою деятельность на руководящем государственном посту. То обоснование, которое дает президента имперского банка, а позднее Шахт своему тогдашнему решению занять должность имперского министра экономики, является поэтому вполне достоверным. Оно не включает в себе ничего аморального или даже преступного. Шахт всегда говорил о своем желании принимать активное участие в общественной жизни страны. Вначале у него нехватало интуиции правильно распознать сущность Гитлера и отдельных его телохранителей. Но это не представляет собой наказуемого действия, это также не представляет собой косвенной улики какого-либо уголовного преступления. У большинства в самой Германии и за пределами Германии нехватало этой интуиции. Интуиция не всем дается, она представляет собой дар божий, лежащий вне границ разума. У каждого человека есть свои пределы, даже у самого умного. Конечно, Шахт очень умен, но здесь у него победил разум за счет интуиции. В конце концов, эти события могут быть правильно расценены, если правильно учесть те таинственные силы, которые действуют в мире и о которых Валленштейн говорит: "Злому, но не доброму духу принадлежит земля". Об этом он говорит в том месте, где речь идет о "темных силах, которые бесчинствуют над землей". Адольф Гитлер был выдающимся представителем этих темных сил, имевшим тем более ужасные последствия, поскольку у него отсутствовало всякое сатанинское величие. Он оставался полуобразованным, лишенным всякой духовной сущности мелким буржуа, у которого, кроме того, отсутст-

15713

H1210 – 0428

H1210 – 0429

вовало всякое чувство права. С полным правом говорит подсудимый Франк о нем, что он ненавидел юристов, так как юрист казался ему подрывающим его мощь. Поэтому он мог обещать всем и вся, не сдерживая этих обещаний, так как они для него были техническими средствами власти и не означали никакого правового или морального обязательства. Шахт тогда не мог также понять всего злосчастного характера влияния, которое оказывали Гиммлер и Борман, впрочем, этого никто не мог понять. Эта тройка вырашивала все те преступления, которые составляют сейчас сущность обвинения, так как для Гиммлера политика была равнозначна убийству, так как его чисто биологическое созерцание человеческого общества усматривало в последнем конечно для племенных лошадей, но никоим образом ни социально-этическое единство. Правильно расценить личность Адольфа Гитлера и его воздействие на людей, в том числе и на таких умных людей, как Шахт, можно будет тогда / как это я уже попытался /, когда последуют за проницательной силой поэта и проникнут в такие области познания, которые недоступны человеческому разуму. Без сомнения, что все демоническое, что было свойственно Гитлеру, обратилось в несчастье для Германии и для всего мира. Чтобы быть кратким для понимания образа действий Шахта и всех остальных, кто добровольно и с чистым сердцем поставил себя на службу Гитлера, - а это является совершенно необходимым, - я процитирую одно место из нашего Гете, который в кратких словах говорит обо всем и что является откровением самого таинственного. Я позволю себе зачитать небольшую цитату из 4-ой части 20-й книги "Поэзия и правда":

"Хотя то демоническое может проявляться во всем телесном и нетелесном, и у животных оно говорит о себе особенно приме-

чательно, оно превосходно уживается и в человеке, образуя с

с ним чудеснейшую связь и силу, не всегда противоположную моральной основе мирового порядка, но подчас подрывающую ее".
Таких феноменов, которые выдвигаются с ее помощью, бесконечное множество. Ведь все философии и религии пытались в поэтической и прозаической форме разрешить эту загадку и тем самым разделаться в данным вопросом, который, однако, и впредь останется за ними. Но это демоническое становится особенно ужасным тогда, когда оно подавляюще выступает в том или ином человеке. В течение всей жизни я мог наблюдать несколько таких людей, как издали, так и в своей близи. Это не всегда превосходные люди как в отношении их интеллекта, так и в отношении талантов. Сердечная доброта им присуща редко, но от них исходит чудовищная сила. Они приобретают невероятную власть над всеми существами, даже больше - над стихиями. Где найдется тот, кто сможет сказать, как далеко распространится это воздействие. Все моральные силы, соединившись воедино, не в состоянии ничего сделать с ней. Напрасно светлая часть человечества заподозрит их как обманутых или обманщиков. Эти силы притягивают массы. Очень редко, почти никогда одновременно с этими силами не существуют равные им. Побороть эти силы невозможно; только вселенной, с которой они начали борьбу, это под силу. Очевидно, отсюда возникло то странное и чудовищное изречение: "*nemo contra deum nisi deus ipse*".

Мне кажется, что я изложил достаточно тот факт, что сотрудничество Шахта с Гитлером не может являться для него уголовным обвинением; из этого факта никоим образом нельзя делать того вывода, что он соглашался с преступными действиями Гитлера и его режима. Он считал, что такие действия являются совершенно невероятными. Поэтому в отношении Шахта нельзя го-

15715

H1210 – 0430

H1210 – 0431

верить о наличии "dolus eventualis ", наоборот, все насильственное в этом режиме, с чем он был несогласен, он надеялся устранить или воспрепятствовать проведению с помощью его вмешательства; он надеялся, ему казалось, что он сможет способствовать делу устранения этих побочных явлений, которые не находили в его лице никакого одобрения; он надеялся, что он сможет работать в своей сфере для блага Германии, для ее процветания, которое, по его мнению, было возможно осуществить мирным путем. Если же все обстояло так, то ему не должны делаться никакие упреки за то, что он не только сотрудничал с Гитлером после прихода последнего к власти, но и помог Гитлеру взять власть в свои руки. Это последнее обвинение для обоснования преступного действия или преступного "dolus " является беспредметным. Здесь также и не нужна подобная аргументация, так как в действительности Шахт не оказывал Гитлеру помощи для прихода к власти. Гитлер был уже у власти, когда Шахт начал для него работать.

Победа была уже в руках Гитлера, когда выборы в рейхстаг в июле 1932 года принесли ему не менее 230 мандатов. Это составляло почти 40 проц. всех голосов. Такой результат выборов для одной партии не имел места в течение десятилетий. Ближайшее политическое будущее было тем самым определено по правилам игры германской демократической конституции и всякой демократической конституции с помощью руководимого Гитлером правительства. Всякий другой путь был чреват опасностями гражданской войны. Само собой разумеется, что Шахт, который верил в честность политической миссии Гитлера, не желал итти по иному пути. Такой же само собой разумеющейся вещью было то, что он активно включился в политическую жизнь, так как он верил, что тем самым он сможет воспрепятствовать вредному радикализму в экономическо-политической жизни. Мудрый французский государственный деятель говорит: "Любое время ставит

перед ними задачу приносить пользу или препятствовать принесению вреда. По этой причине каждый, кто любит свою родину, может и должен, по моему мнению, служить любому правительству, которое страна сама создает себе". Шахт в то время, когда он служил Гитлеру, по его мнению, служил не Гитлеру, а своей стране. Пусть это мнение было совершенно неправильным. Что же касается личности Гитлера, то впоследствии оказалось, что это мнение было абсолютно неправильным. Но все же этот тогдашний образ действий Шахта не является чем-то уголовным ни прямо, ни косвенно. Мы также не должны забывать того, что Гитлер в 1933 году не только казался другим, чем в 1938 и тем более в 1941 г.г., но и действительно был другим. Шахт во время своего допроса указал на это изменение личности Гитлера, обусловленное ядом обожествления со стороны масс. Изменение такой личности является психологическим законом. В истории не мало таких примеров: Нерон, Константин Великий и другие. В случае с Гитлером существует много живых свидетелей, вполне достоверных, которые могут подвердить истинность этого факта. Им никогда не может быть навязано мнение понудить право возвести террор в принцип и поразить человечество агрессивной войной. Я хочу лишь указать на некоторые из них.

Я мог бы привести достаточное количество этих цитат. Лорд Ротермир в 1934 году поместил в "Дейли мейл" статью под заголовком: "Адольф Гитлер с близкого расстояния". Я цитирую лишь некоторые предложения: " Выдающаяся личность нашего времени - Адольф Гитлер;" "Гитлер стоит в ряду тех великих вождей человечества, которые редко появляются в два или три столетия"; "отрадно видеть, что речи Гитлера поддержаны его единомышленниками в Англии".

15717

H1210 – 0432

H1210 – 0433

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал отказал в том, чтобы было разрешено приводить в качестве доказательств или использовать написанное лордом Ротермиром.

ДИКС: Я понял решение Трибунала об исключении из книги документов отдельных цитат из книги Ротермира в том смысле, - и таким же образом, это записано в обвинительном заключении, что этот труд не может быть включен в доказательства.

У Трибунала имеется перевод моей защитительной речи. Прошу разрешения процитировать краткое место из Сомнера Уэллеса и затем место из книги последнего поста, которое мне кажется очень важным. Я был бы очень признательным, если бы мог процитировать оба эти места, так как я хочу доказать, что умный человек может иметь свое определенное воззрение и он вправе иметь его, но что другие умные и совершенно об"ективные люди могут также иметь аналогичное воззрение. Я потеряю существенный аспект из моего доказательства, если не процитирую два небольших места. Прошу вас выслушать: это только цитаты из Сомнера Уэллеса и Гендерсона.

15718

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Дикс, Трибунал уже указал, что он отказывается разрешить представлять это в качестве доказательства, так как он не придает никакого значения мнениям, выраженным автором. По этому мы считаем, что было бы лучше, если бы вы перешли к следующей части Вашей речи.

ДИКС. Для представления доказательств несущественно, какую точку зрения занимали Ротермир и другие, и из этого я заключил - и сейчас я считаю, что этот вывод правилен, - что в ходе аргументации, т.е. в ходе оценки я могу цитировать места из мировой литературы, поскольку они общеизвестны, для подкрепления своих утверждений. Это - не факт, который бы я хотел пред"явить Трибуналу в качестве доказательства именно потому, что это сказал Ротермир, но эти слова я хотел бы процитировать с тем, чтобы показать, что не только Шахт, но и другие умные выдающиеся люди вне Германии в первое время одинаково воспринимали личность Гитлера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не говорил ничего относительно Самнера Уэллеса. Я говорил только о том, что мы совершенно определенно исключаем сочинения лорда Ротермира по этому вопросу и считаем неприемлемым, чтобы Вы его здесь цитировали. Я не думаю, чтобы мы тем самым исключали все другие книги, на которые Вы ссылаетесь в своей речи. Поэтому, мы считаем, что Вы можете перейти к их цитированию.

ДИКС. Таким образом я цитирую из книги Самнера Уэллеса "Время для решения", появившейся в 1944 г. в Нью-Йорке: "Экономические круги в каждой отдельной Западно-европейской демократии и новом свете приветствуют гитлеризм". И правильно, если последний посол Великобритании в Берлине еще во время войны на 25 стр. своей книги заявил: "Было бы в высшей степени несправедливо не признать, что большое число кто стал

15719

H1210 – 0434

H1210 – 0435

4

на сторону Гитлера и работал для него и нацистского режима, были честными идеалистами" и, далее, очень интересно: "Возможно, что Гитлер вначале сам был идеалистом". Правительство Великобритании никогда бы еще в апреле 1935 г. не заключило морской договор с гитлеровской Германией и этим послужило причиной к модификации Версальского договора, если бы они полностью не доверяли Гитлеру и его правительству. Это, наконец, относится ко всем заключенным Гитлером международным договорам, включая договор с Россией еще в августе 1939 г. И на сегодня немного удивительно, если такой умный, стоящий на высокой ступени этики человек, как покойный британский премьер Чемберлен, еще в январе 1939 г.,то-есть во время, когда Шахт уже давно переступил темные тропы заговора, против Гитлера, вопреки событиям 1938 г., в одной из своих речей заявил, что из предыдущей речи Гитлера у него сложилось впечатление, что это вовсе не была речь человека, который ведет подготовку, чтобы ввергнуть Европу в новую войну. У меня нет никакого сомнения, что эти слова не были сказаны из тактических соображений, а передавали истинные его мысли. Таких примеров множество. Разве можно оспаривать право каждого немца в период с 1933 по 1939 г.г.,честно притти к такому же мнению об Адольфе Гитлере. Это не противоречит также тому, что Шахт вступил на должность министра экономики лишь после 30 июня 1934 г. Весь ужас этих событий становится нам понятен только теперь. В июне 1934 г. мы находились в потоке революционного движения. Во всех революциях история отмечает подобные же события. Нет необходимости останавливаться на этом подробно. Я не хочу делать это по вышеуказанным причинам. События 30 июня ни в коей мере не могли быть для Шахта основанием для того, чтобы с отвращением отвернуться от Гитлера так же,

15720

как они не помешали правительствам других стран поддерживать с Гитлером полные доверия дипломатические отношения, оказывая ему, особенно после 1934 г., большие почести и разрешая ему делать значительные успехи на международной арене. Если признать, что нельзя привлечь Шахта к уголовной ответственности за то, что он предоставил себя в распоряжение правительства Гитлера, то совершенно излишне, даже нелепо допускать здесь рассмотрение отдельных фактов, как, например, подчинение Шахта президенту империи в 1932 году или его письма, датированного тем же годом, фактов, сопровождавшихся длинными об"яснениями. Для людей, знающих жизнь, все эти факты кажутся совершенно естественными, если к ним подходить с той принципиальной позиции, которую занимал Шахт. Если же эти факты не вызывают никакого сомнения в том, что за них следует привлекать к уголовной ответственности и что их можно доказать, то нельзя выступать с такими документами в качестве аргументации виновности Шахта. Важно установить принципиальную сторону дела. То же самое относится к участию Шахта в так называемом совещании промышленников. Здесь я хотел бы только заметить /см. аффидевит Шницлера/, что Шахт не руководил этим совещанием и не ведал фондами, предназначенными для национал-социалистской партии. Здесь выступал свидетель, показания которого относятся как раз к тому периоду, когда созревало отношение Шахта к режиму Гитлера. Свидетель показал: "Шахт был ненадежным кантонистом, Шахт предал тогда дело демократии, поэтому он, свидетель, в 1943 г. отказался присоединиться к правительству, которое при участии Шахта должно было свергнуть Гитлера. Это был бывший министр Зеверинг, который, по своему собственному заявлению, оставил министерское кресло и министерский кабинет

15721

H1210 – 0436

H1210 – 0437

когда 20 июля 1932 г. к нему пришел начальник полиции Берлина с двумя полицейскими, потребовав от него ухода с должности.

Начальник полиции утверждал при этом, что он уполномочен президентом империи. Как Зеверинг сам говорил, он ушел с поля боя, чтобы избежать кровопролития. Несмотря на все мое уважение к Зеверингу и его неподкупному политическому характеру, я, к своему глубокому сожалению, вынужден именно ему отказать в умении правильно оценивать государственных деятелей, которые, в противовес ему и его правительственной коалиции, не застыли в летаргическом сне. Зеверинг и его политические друзья несут несравнимо большую ответственность, чем Шахт, за переход власти в руки Гитлера. Они несут ответственность перед историей, потому что они проявили нерешительность и, в конечном счете, политическую безыдейность. Эта ответственность возрастает в связи с тем, что свидетель уже тогда понял, что переход власти в руки Гитлера означает войну. Если верить ему, что он действительно обладает такой правильной политической интуицией, его пассивность в то время и позже, пассивность его политических друзей еще больше увеличивают их ответственность. Она становится несравнимо большей, чем ответственность Шахта. Наши немецкие рабочие, право же, не трусливее, чем голландские. Мы очень рады были слышать здесь от одного свидетеля о мужестве голландских рабочих, которые осмеливались бастовать под дулами солдат армии вторжения. Зеверинг и его политические друзья, игравшие большую роль в жизни рабочего класса Германии, не должны были бы допустить, чтобы профсоюзы были распущены, как это было в 1935 г., если бы его вожди - Зеверинг и его товарищи -

15722

действовали смелее, если бы они, по крайней мере, высказались. В конце концов, генеральная забастовка рабочих победила. Каппский путч 1923 года. В 1933 году гитлеровский режим не был еще настолько силен, чтобы не бояться истины, заключающейся в словах поэта, адресованных рабочим: "Все колеса остановятся, если этого захочет твоя сильная рука". Тогдашнее национал-социалистское правительство точно понимало это и не без основания опасалось.

Это следует из допроса Геринга от 13 октября 1945 г.' стенограмму которого цитировал здесь профессор Кемпнер 16 января 1946 г. и текст которой он передал Трибуналу. Геринг сказал: "Вы должны учесть, что в то время коммунисты развили большую деятельность и что наше новое правительство, как таковое, было не очень крепким"./Конец цитаты/. Но и сильная рука, о которой я только что говорил, нуждается в руководстве, в котором рабочему классу было отказано. Его должны были взять на себя такие люди, как Зеверинг. За свою пассивность они по праву должны отвечать не перед судьей, а перед историей. Я не собираюсь делать окончательных выводов. Я ограничусь тем, что вскрою всю эту проблематику и охарактеризую свидетеля Зеверинга, как человека, достойного уважения, как человека, который должен был действовать энергичнее. Теперь он чувствует себя призванным возлагать ответственность на других в вопросе о том, кто виновен в переходе власти к нацизму и в укреплении этой власти. Он, в противоположность Шахту, интуитивно предвидел, как развернутся события в дальнейшем. Он не должен был, ссылаясь на свои взгляды и свои бесспорно честные намерения, покорно отдаться на суд истории. Придерживаясь исторической правды,

15423

H1210-0438

H1210 – 0439

6,

мы должны сказать, что в начале господства нацистов Германию могли бы спасти только две группы, не считая интервенции: армия и рабочий класс, и та и другой при соответствующем руководстве. Здесь я должен остановиться подробнее, потому что такое компрометирующее замечание по отношению к столь безупречному и благородному человеку, как Зеверинг, может послужить поводом к несправедливым выводам по отношению к моему подзащитному. Мне было бы приятно, если бы мне не пришлось выступать против показания Зеверинга, направленного на подтверждение виновности моего подзащитного. Зеверинг вменил ему в вину политический оппортунизм. В политике граница между оппортунизмом и вынужденными действиями государственного деятеля является очень нечеткой. Прежде чем назвать поведение Шахта в период с 1932 по 1933-й год оппортунистическим, следовало бы посмотреть на его прошлое, которое, начиная с 1923 г., было связано с широкой общественностью, частично оно обсуждалось на этих заседаниях, частично оно составляло предмет открытых обсуждений.

Это прошедшее говорит намного больше за то, что Шахт то, что он считает правильным, проводит не только с большой беспощадностью, но также и с большим мужеством. Это мужество он доказал также, будучи заговорщиком против Гитлера, как это оказалось неизбежно при рассмотрении этой заговорщической деятельности и как также здесь об этом рассказал Гизевиус. Но вернемся снова к 1923 г.

Тогда Шахт стабилизировал рынок против всех заинтересованных в инфляции лиц; в 1925 году он закрыл кредиты для всех спекулянтов валютой; в 1927 году он лишил биржевиков кредитного базиса для биржевой игры. С 1925 года по 1929-й год он боролся против политики долгов и расходов коммун и этим самым.

15724

H1210 -0440

навлек на себя вражду всех бургомистров. В 1929 г. он подписал план Юнга и этим самым воспрепятствовал соперничеству кругов тяжелой промышленности и в этом направлении он боролся с 1934 года открыто против извращений и уродства нацистской идеологии и никогда не высказывал желания или приказа, который бы противоречил его совести или его правовому сознанию. Известные уступки должен делать любой государственный деятель в фанатическое время. Известные проповедники морали, которых сегодня очень много, которые требуют стальной крепости для сохранения принципов, не должны забывать, что сталь имеет два свойства: не только твердость, но и гибкость.

Я сейчас закончу, милорд, одну главу. Следующая у меня будет тянуться значительно дольше. Я буду очень благодарен вам, милорд, если бы сейчас был об"явлен перерыв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Дикс, я думаю лучше будет, если Вы будете продолжать до часа дня.

ДИКС. Господа судьи, в вашем переводе, который имеется у вас, имеется два дополнения. Я был вынужден поступить так, потому что эти части я вынужден дополнить после того, как я уже сдал в бюро переводов эту часть /что изложено в приложении № 1/. Сейчас я вынужден рассмотреть вопрос достоверности показаний свидетеля Зеверинга, поскольку мой коллега доктор Нельте коснулся достоверности показаний Гизевиуса. Я сейчас перейду к вопросу об"ективности и достоверности показаний Гизевиуса по подсудимым - Герингу, Кейтелю и другим, которые представляют собой тяжелое обвинение для этих подсудимых. По данному вопросу я не собираюсь говорить, пусть этим займется обвинение. Во всяком случае в круг моих задач это не входит. Но д-р Нельте подвергнул личную мораль критике свидетеля Гизевиуса и тем самым затронул косвенно его показа-

15 7 25

ния, касающиеся д-ра Шахта. Здесь мой долг защитника требует, господа судьи, сказать следующее: Здесь решают умы. Непреодолимая пропасть возникает между точкой зрения Шахта и точкой зрения тех, которые присвоили себе эти мысли, на основании которых д-р Нельте пытался морально дискредитировать Гизевиуса и умерших - Канариса, Остера, Небе и других.

Я должен от имени своего подзащитного заявить следующее: патриотизм означает верность родине и своему народу, враждебность - до самой крайней степени ко всем тем, кто преступно подвергает опасности свою родину, свой народ и кто ввергает народ в нищету. Такой вождь является врагом родины и его действия для родины являются более опасными, чем действия военного противника. Против такого преступного государственного руководства всякое средство является правильным. Государственная измена при наличии такого государственного руководства является высшим патриотизмом и высокоморальным поступком даже во время войны.

Кто же после того, что было выявлено в этом процессе, и после показаний Шпеера о циническом высказывании Гитлера относительно гибели германского народа, кто может еще сомневаться в том, что Адольф Гитлер был величайшим врагом своего народа, он был, короче говоря, преступником перед всем народом, к устранению которого всякие средства и всякие действия должны были считаться патриотичными. Миры разделяют Шахта от каждого из этих подсудимых, которые не признают этого. Это надо заявить для очищения атмосферы. Я не буду опровергать сейчас деталей выпадов доктора Нельте против д-ра Гизевиуса, но поскольку д-р Нельте говорит об отсутствии чувства самопожертвования в этих группах сопротивления, к которым

15726

H1210 - 0441

H1210 – 0442

принадлежал также Шахт, то здесь я хотел бороться на сотни повешенных жертв, которые последовали за 20 июня, хотел бы заявить, что Шахт относится к тому небольшому числу людей, которые остались в живых. Как известно, и он должен был погибнуть в Флоссбурге. Я указываю на сотни тысяч жертв политического судопроизводства в государстве Гитлера.

Гизевиус немедленно признал во время перекрестного допроса, который пойяльно вел мой коллега д-р Кубушок, свою ошибку по вопросу об отставке Папена, т.к. она возникла в связи с запрещением публикации по этому вопросу. Больше я не могу ничего сказать по этому поводу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас мы об"явим перерыв.

/Об"является перерыв до 14.00/

читали и внесли
поправки: Горбовская,
Жагрина

VIII-46 г.

15722

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА от 15/УП-1946г.

(Вечернее заседание).

Встать, Суд идет.

ДИКС. Господа судьи, я закончил оценкой достоверности показаний свидетеля Зеверинга и свидетеля Гизевиуса. Если я говорил о поведении Шахта, примерно, до 1935 года и теперь имею в виду период времени с 1935 до 1937 г., то я должен еще раз подчеркнуть, что я намеренно, большей частью для сокращения времени не повторяю аргументов, с которыми суд мог подробно ознакомиться при допросе, как, например, неучастие Шахта в законодательстве, которое привело к бессилию народных прав, потому что это законодательство было принято до его вступления в кабинет. Решающее событие в деле укрепления власти Гитлера, об"единение в его лице должностей рейхспрезидента и рейхсканцлера произошло также вне его соучастия и ответственности. Этим законом армия присягала на верность личности Гитлера. Рейхсканцлер имел не только, как это было до сих пор, полицейскую, но также и командную власть.

В мои задачи не входит разбирать на кого ляжет за этот закон политическая ответственность и вместе с тем историческая вина; во всяком случае не на Шахта, нет. Также и все основные антиеврейские законы возникли прежде чем как Шахт стал министром. Позднейшими Нюрнбергскими законами он был сильно потрясен. Распоряжение об исключении евреев из германской экономической жизни от

H1210 – 0443

H1210 – 0444

12 ноября 1938 года и распоряжение об использовании еврейского имущества от 3 декабря 1938 года вышли после того как он покинул пост министра экономики и поэтому без его активного сохействия; также как и закон, едва-ли притесняющий евреев – об отстранении их от службы в имперских учреждениях. Закон о смертной ~~казни~~ каре за сокрытие валюты, так называемый закон предательства народа, был направлен не против евреев, а исключительно лишь против крупной промышленности и финансовых магнатов; он возник не под руководством Шахта, а под руководством министров финансов. Шахт не хотел ради таких законов привести к расколу, так как он думал, что следует заняться решением более сложной задачи. Не в этом дело, так как Шахт по еврейскому вопросу подвергал себя опасности своими официальными речами и меморандумами к Гитлеру, в которых он ратовал за евреев, что было-бы несправедливо за это дисквалифицировать его политически и морально, не говоря уже об уголовно правовой ответственности. Я приведу здесь только в качестве примера речь. В имперском банке после антиеврейских бесчинств в ноябре 1938 года, речь, произнесенную в Кенигсберге, меморандумы от 1935 года и т.д. Шахт считался в 3-й империи самым мужественным и активным защитником евреев. Я напомню только о письме Франкфуртского торговца Мертона, переданном Суку и красочных показаниях свидетеля Гайлера. После этого

15729

Гиммлер, когда Гейлер упрекнул его за события в ноябре 1938 года возразил последнему, что виновато в конце концов экономическое руководство в том, что зашло так далеко. От такого, как господин Шахт, нельзя требовать ничего другого как то, что он в еврейском вопросе всегда тормозил и противопоставлял себя желанию партии. Джексон на мой запрос уточнил этот специфический упрек обвинения: Шахт, якобы не обвиняется в антисемитизме, а за действия, которые находятся в причинной связи с жестокостями против евреев в рамках запланированной агрессивной войны. Отсюда следует, что отрицание вины в агрессивной войне ведет к вынужденному логическому следствию, отрицанию всякой вины в жестокостях, которым подвергались евреи в этой войне. Судья Джексон некоторые фазы законодательного обращения с евреями во время министерской деятельности Шахта сделал предметом своего перекрестного допроса. Я отказываюсь от оценки этой части перекрестного допроса. Поставленные ему вопросы, на которые даны ответы, в силу Устава и упомянутой выше аутентичной интерпретации этой части обвинения судьей Джексоном, являются несущественными. Антисемитское законодательство 3-й империи и индивидуальное отношение к ней каждого подсудимого в отдельности являются по Уставу в данном деле лишь постольку существенными, поскольку они связаны с другими преступлениями, которые согласно Уставу должны караться законом, так, например, военным заговором, истреблением и т.д. По уставу они не могут быть самостоятельным преступлением, в том числе и преступлением против че-

15730

H1210-0445

H1210 – 0446

человечности. Наказуемыми являются лишь те подсудимые, в отношении которых может быть доказано их участие в планировании агрессивной войны, имевшей следствием бесчеловечные мероприятия против евреев. Однако предпосылкой для их осуждения является их сознание и стремление к этой цели и результату. Чисто об"ективной ответственности за результаты в уголовном праве не существует. По уставу наказуемым является тот, кто желал войны и тем самым связанных с ней ужасов и всегда действие, которое должно быть поставлено в вину, будет проходить в порядке выполнения такого плана. Уже это чисто правовая трактовка вопроса не исключает осуждение Шахта за зверства по отношению к евреям.

В этом месте должно быть также раз"яснено разногласие между обвинением, в особенности, доводами судьи Джексона, и мной, иначе мы будем говорить в разных плоскостях. При допросе судья Джексон неоднократно указывал на то, что подсудимому не вменяется в вину антисемитизм как таковой, не вменяется в вину его оппозиция против Версальского договора, не вменяются в вину его мысли и высказывания по поводу так называемого жизненного пространства, т.е. проблемы питания среднеевропейских народов, не вменяются в вину его колониальные притязания, - а что он обвиняется лишь постольку, поскольку все это с его ведома и согласия служило подготовке агрессивной войны.

Этим возвращением судья Джексон хотел обрезать известные вопросы и высказывания. Это было бы оправдано, и

15731

я мог бы воздержаться от подобных раз"яснений и сейчас, если бы здесь обвинение не забирало другой рукой то, что было дано одной. Ибо в порядке аргументации все это, а именно его, якобы, антисемитизм и т.д. употребляется другой рукой в качестве косвенных доказательств, в качестве улик того, что Шахт подготавливал и стремился к агрессивной войне. Все это, правда, не расценивается обвинением как самостоятельный состав преступлений, а как косвенное доказательство, как улика. Поэтому я при оценке доказательств должен коснуться также этих проблем. С еврейским вопросом я, кажется, покончил. В связи с так называемой проблемой жизненного пространства я, пожалуй, могу в целях экономии времени здесь сослаться на то, что сказал Шахт здесь в своем вопросе в оправданиесвоих относящихся сюда высказываний и своих действий в этом отношении. Колониальная проблема была предметом перекрестного допроса судьей Джексоном, постольку, поскольку он своими вопросами и упреками стремился доказать, что без мирового господства или, по меньшей мере, подготовленного военным путем морского господства колониальная деятельность Германии была бы невозможна. Отсюда в развитии этого хода мыслей, в ущерб подсудимому Шахту вытекало бы, что его стремление к захвату колоний было логически обусловлено планированием агрессивной войны. Это является ложным заключением. Я полагаю, что судья Джексон понимает здесь колониальную политику слишком империалистически. Кто желает колоний для своей страны без того, чтобы господствовать над миром или, по меньшей мере, над морями, исходит из колониальной деятельности при условии постоянного состояния

15732

H1210 – 0447

H1210 – 0448

мира по отношению к более сильным морским державам. Он должен думать о мире с этими державами. Германия с 1884 года до первой мировой войны также владела колониями. Ее торговый тоннаж обеспечивал необходимое сообщение с этими колониями. Тоннажа ее торгового флота перед этой войной также хватило бы. Вполетах" о чем ставил вопрос судья Джексон она бы не нуждалась. Ничем не доказано, что Шахт в своем стремлении к колониям ставил себе целью военное устранение иностранного чужого морского господства. И вряд ли в свете всего его поведения можно выставлять его столь безумным. Франция и Голландия также владеют колониями, морские пути которых им определенно не принадлежат. Таким образом, этот довод обвинения сомнителен. В остальном, Трибуналу известно что в год перед войной почти все государственные деятели держав-победительниц благоприятно относились к этим колониальным притязаниям Германии, как это следует понимать из их многочисленных публичных речей.: Теперь я перехожу к теме о вооружении, т.е к деятельности Шахта, как президента рейхсбанка и имперского министра экономики до 1937г. т.е. до того момента, когда лояльный государственный слуга Адольфа Гитлера сделался заговорщиком против него и вступил на темный путь хитрости и маскировки с целью подготовки покушения.

Обвинение расценивает нарушение Версальского договора, Локарнского договора и других договоров, как косвенное доказательство, т.е. как косвенную улику воинственной агрессии. Это прежде всего вызывает вопрос, имели ли вообще место об"ективные нарушения договоров, "если да, то не должны ли эти нарушения договоров в лице членов импер-

ского правительства, т.е. также и Шахта, суб"ективно рассматриваться, как улики агрессивных планов. Невозможно, да и нет необходимости, в рамках этой защитительной речи исчерпать всю проблематику, в какой степени и вообще имеют ли место об"ективные нарушения договоров. Мой коллега Хорн уже рассматривал этот вопрос в своей защитительной речи. Оно лишь краткое замечание в связи с этим должно послужить, по крайней мере, тому, чтобы вскрыть проблематику этого вопроса. Таковая опять-таки является существенной для суб"ективной оценки. Случайных договоров не существует вообще ни в области частного права, ни тем более в области международного права.

играет в области международного права, т.е. в политических отношениях отдельных людей. Следует вообще остерегаться безапелляционного перенесения принципов действующих в низинах частного права, на широкие просторы и высоту международного права. Международное право имеет свою собственную динамику. Политическое отношение наций рассматривается под иным правовым аспектом, нежели деловые и частные отношения отдельных людей. Разительным доказательством правильности этого тезиса является юридическое обоснование обвинительного акта, в особенности, поскольку он рассматривает принцип
и вместо санкции требует индивидуального наказания руководящих государственных деятелей агрессивных государств. Именно тот, кто соглашается с настоящим воззрением обвинения, признает этим самым динамику международного права и тот факт, что международное право развивается по собственным законам. История учит, что международные правовые переговоры достигают своего конца в большинстве случаев не потому, что они формально отменяются, а что они умирают в силу развития фактов.

15734

H1210 – 0449

H1210 – 0450

Они вынуждены погаснуть. В отдельном случае может придерживаться различного мнения, если это так. Это ничего не меняет в правильности этого утверждения. Конечно, милитаризация Рейнской области, а также введение всеобщей воинской повинности, вооружение в таких размерах, как это желал Шахт, добровольное присоединение Австрии к Германии, которого в принципе также желал Шахт, противоречат смыслу и тексту указанных договоров, в частности Версальского договора. Если же нарушения такого рода встречают лишь формальный протест, а в остальном сохраняются весьма дружественные отношения и даже чествование нарушающего государства, если заключаются договора, которые изменяют основные положения такого договора как, например, морской договор с Великобританией, то можно очень свободно защищать ту точку зрения, что при наличии этих фактов такой договор постепенно вступает в процесс угасания и отмирания, что, по крайней мере, такое суб"ективное воззрение находит себе оправдание. И я прошу ~~не~~ учесть, что условием для заключения договора о вооружении, как, например, морского соглашения с Великобританией, является военный суверенитет обеих государств. Отрицание последнего за Германией было, однако, одним из ведущих аспектов Версальского договора. Я не хочу здесь говорить о справедливости или несправедливости этого договора. Мне известно желание или запрет Трибунала в этом отношении и я соблюдаю его, конечно. Однако, я должен и могу говорить о юридической допустимости и тем самым уголовной безобидности суб"ективных взглядов Шахта по вопросу о нарушениях ~~договора~~ договора. Даже если, таким образом, придерживаться той точки зрения, что названные договоры не перестали быть действительными, то

нельзя подвергать сомнению суб"ективное оправдание противоположных взглядов по крайней мере в их честности. Если же она признается, то эти нарушения договоров уже не являются уликами преднамеренной агрессивной войны. Но в том то и дело. Ибо нарушение договора, как таковое, по уставу еще не расценивается как наказуемое деяние. И в этом случае Шахт может в отношении своих убеждений и добрых намерений сослаться на такой же или подобный ход мыслей руководящих иностранных государственных деятелей, у которых, следовательно, подозрение в отношении германской агрессии логически сразу же совершенно исключается. И здесь я должен ограничиться лишь некоторыми примерами, так как исчерпывающее перечисление вышло бы за рамки настоящей защитительной речи. Первым нарушением Версальского договора было бы введение всеобщей воинской повинности. Английский министр иностранных дел Саймон ответил на это мероприятие как и подобает государственному деятелю, дальновидно и об"ективно, что было опубликовано в газетах и по радио, а поэтому известно для всех, но суду известно следующее: /Начало цитаты/.

"Нет сомнений в том, что в перспективе вслед за вынужденным разоружением Германии последует общее снижение вооружений других крупных государств. "/Конец цитаты/

Это замечание, несмотря на последовавшее за ним обсуждение гитлеровского поведения, содержало подтверждение развитой мной прежде точки зрения.

То же самое можно сказать и о посещении сэром Джоном Симонсом и Антони Иденом Берлина, состаявшемся 8 дней спустя после нарушения договора, а именно 24 марта 1935 год Если бы за границей гитлеровское мероприятие было рассмотре

15736

H1210 – 0451

H1210 – 0452

-но как военно-агрессивное, это посещение не состоялось бы. Об истории обсуждения этого вопроса в Совете Лиги Наций, в связи с тем, что она известна, я могу сказать так же несколько слов. Должен ли был Шахт, будучи немцем и германским министром, рассматривать историю эту иначе, чем иностранные правительства.

Вторым нарушением договора Гитлером было занятие Рейнланда, которое произошло также в марте 1935 года. Этот акт нарушал не только Версальский договор, но и Локарнский пакт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дата оккупации Рейнской области не март 1935 года, а март 1936 года.

ДИКС. Я не могу этого установить в данный момент. Речь идет о самом ~~ф~~ факте подобного поведения, именно о занятии Рейнланда... Итак, вторым нарушением договора Гитлер было занятие Рейнланда. Этот акт нарушал не только Версальский договор, но и Локанский пакт, договор, заключенный без сомнения совершенно добровольно. Двумя днями позже мистер Балдуин заявил в произнесенной им в палате общин речи, ставшей известной широкой общественности, а следовательно и суду, что несмотря на непростительные действия Германии, все-же нет оснований считать этот акт угрозой с враждебными выпадами. Должен ли был немец и германский министр Шахт иметь другое более скептическое мнение в отношении этого акта, агрессивного характера этого намерения, чем за границей? Буквально через 10 дней он узнал о том, что также является достоянием истории и общеизвестным фактом, что после нарушения договора, державы, участники Локарнского пакта, помимо Германии, пред"явили Совету Лиги Наций, меморандум в котором они требовали ограничения германского войска в Рейнской области до 35 500 человек уменьшения

15737

числа находящихся там СС-овцев и членов СА, а также крепостей и аэродромов.

Разве этот меморандум не нужно рассматривать также как нарушение договора? Третье нарушение договора было возведение укреплений на острове Гельголанд, на которое участники договора едва обратили внимание, и о котором Иден 29 июля 1936 года в своей исторической речи в Палате Общин лишь вскользь ограничился замечанием, что не имеет смысла осложнять переговоры постановкой отдельных вопросов, подобных этому. Должен ли был германский министр Шахт занять другую, более резкую позицию? А как обстоит дело с террористическим аншлюсом Австрии, в марте 1938 года, когда Шахт уже не был имперским министром экономики. Если бы именно этот акт послужил источником, из которого иностранные державы почерпнули уверенность в подготовке Гитлером агрессивной войны, то они не отказались бы от применения силы.

Разве германский министр Шахт должен был придерживаться другого мнения, чем все остальные, и действовать не так, как все остальные? Но он имел другое мнение и был готов совместно с Вицлебеном и другими уничтожить Гитлера и его режим путем восстания, но этот патриотический заговор был нарушен, как это уже здесь говорил свидетель Гизевиус, потому что Гитлер имел возможность итти от одного политического успеха к другому. Я только напомню об одном довольно таки ясном замечании Гизевиуса о впечатлении, которое произвело мюнхенское соглашение на силу сопротивления оппозиционной группы, возглавляемой Шахтом. Я напоминаю о том, что сказал Гизевиус о предупреждениях и указаниях , которые давались за пределами германских границ ответствен-

15738

H1210 – 0453

H1210 – 0454

-ным лицам иностранных держав. Справедливо ли требовать от германского министра Шахта более резкой позиции противодействия в отношении этого политического развития, чем та, которую заняли, в его собственных интересах, оскорбленные иностранные державы.

Он занимал такую наиболее резкую позицию, как это мы знаем из показаний Гизевиуса, Фоке и из многих /аффидевитов/ показаний перед судом. С 1937 года, когда он вступил на темный путь заговорщика. Я напоминаю о первых порах его сближения с тогдашним генералом фон Клюге. Я мог бы привести еще очень много подобных же примеров. Я не критикую это поведение заграницы. Этого мне делать не подобает, несмотря на то, что я очень хорошо понимаю сложившуюся, в результате этого поведения, точку зрения пацифизма с полным сознанием своей ответственности. Но я считаю своей обязанностью указать на то, что никак нельзя приписывать Шахту воинствующих намерений, руководствуясь только его взглядами и поведением, если подобного же рода взгляды и поведение являются характерными и для заграницы.

Если за границей могли надеяться поддерживать с Гитлером и в дальнейшем мирные отношения, то нужно оставить это право и за Шахтом, поскольку он требует этого права. Он не претендует на него, по крайней мере, с 1938 года с периода времени, который для Фриче является периодом кризис Начиная с этого времени, в отличие от за границы, он ясно начинает сознавать опасность, и после показаний, данных Гизевиусом, конечно, станет отрицать, что он с величайшим риском для своей жизни и свободы один делал все, чтобы сохранить мир путем смещения Гитлера. То, что эти путчи Шахта оставались как до войны, так и с началом войны без успеха,

после пред"явленных доказательств в вину ему быть поставлено не может. Ответственность за неуспех этого германского движения нужно искать не в нем самом, а где то в пределах и за пределами германских границ. К этому я еще вернусь позднее. Итак, факт вооружения, как такового. И здесь я могу сослаться в основном на то, что сказал на допросе сам Шахт в свое оправдание. Того, что он сказал, вполне достаточно и повторение было бы излишне. Поэтому также совершенно излишне вступать в академическую дискуссию о том, была ли точка зрения, которой придерживался Шахт, правильной, т.е. правильно ли, что в целях обороны необходимо располагать достаточной военной силой, которая нужна каждому государству и которая особенно была нужна Германии, правильно ли его мнение, что несоблюдение обязанности разоружения всеми участниками Версальского договора давало Германии право на вооружение. Речь может идти только о том, были ли эти взгляды и мотивировки Шахта честными или не преследовал ли он этим вооружением в целях обороны тайных агрессивных целей. Однако против того, что эти намерения были честными, здесь не было приведено ни одного доказательства. Конечно, можно спорить о том, следует или нет придавать решающее значение выражению "Если хочешь мира, готовься к войне" или: не таит ли в себе об"ективно всякое более сильное вооружение опасность войны, потому что хорошие армии со способными офицерами, естественно, стремятся к серьезной возможности себя проявить. Конечно, можно оспаривать тезис, что моральная сила сильнее всякой вооруженной силы. Прочность английской империи и мировое значение внешней политики Ватикана могли бы послужить в данном случае в качестве

15740

H1210 – 0455

H1210 – 0456

доказательств. Все эти вопросы являются, в известной степени относительными. Во всяком случае совершенно точно, что еще и сегодня во всех больших государствах мира все чаще и чаще раздается официальный призыв быть сильным в военном отношении, чтобы сохранять мир. Народы, отклонявшие необходимость общей воинской повинности и существование постоянного сильного войска, из чувства индивидуализма к любви и свободе, делают сейчас как раз обратное и думают этим честно послужить делу мира. Возьмем, например, страну, любовь к миру которой не может быть оспариваема даже самыми недоверчивыми людьми, именно - Швейцарию. Но и эта мирная нация всегда стремилась к тому, чтобы сохранить свой народ в боевой готовности именно для того, чтобы защищать ее свободу и независимость мирным путем. Пусть эту мысль - отпугивание чужих агрессий путем содержания для целей обороны достаточного оборонного войска - академически назовут империалистичной. Во всяком случае этой точки зрения честно придерживаются все миролюбивые народы, служа этим делу мира гораздо больше, чем некоторые так называемые антивоенные и пацифистские доктрины. Эта порядочная во всех отношениях точка зрения ничего общего с милитаризмом не имеет. Кто из больших и малых народов и сейчас эту точку зрения признает правильной, тот не должен сомневаться в том, что Шахт в 1935- 1938 г. честно ее придерживался. Больше мне к этому добавить нечего. Вероятно, мне не нужно здесь приводить скучные цифровые данные и делать специальные технические выводы в доказательство того, что та часть вооружения, которую Шахт финансировал сначала в сумме 9 миллиардов, а затем очень неохотно в сумме 3 миллиар-

15741

-дов, совершенно не была предназначена для ведения агрессивной войны, ее нехватало даже для действенной обороны немецких границ. Ответы, которые были даны свидетелями Кейтеля - Боденшатцом, Мильхом, генералом Томасом, Кесселрингом и др. в их показаниях и аффидевитах лежат перед судом, были высказаны или официально доведены до сведения суда. Все они говорят о том, что Германия, даже в самом начале войны, значит и полтора года спустя после начала войны, не была достаточно вооружена для ведения агрессивной войны и что поэтому война была не только преступлением против человечества, но и против собственного, доверенного ему народа, когда Гитлер в августе 1939 года повел этот народ в наступление. Поэтому я считаю излишним дискуссировать о том, прав ли Бломберг, утверждая, что Шахт был информирован о ходе вооружения, или Шахт и Фокес, утверждающие, что таких информаций у Шахта не было.

15742

H1210 - 0457

H1210 – 0458

Я без сомнения верю в искренность высказываний Бломберга. Но все же, ввиду того, что он занимался технической стороной вооружения больше, чем имперский банк, жизненный опыт говорит за то, что на рассудок Шахта и Фокса можно в данном случае положиться больше, чем на рассудок Бломберга, для которого дело отчетности перед имперским банком было делом второстепенным. Для имперского банка было очень важно получить информацию о ходе технического вооружения, а не ограничиваться только лишь отчетами о финансировании. Это желание было для них большим делом, Но о подобных делах лучше всего помнить только как о чем-либо второстепенном. Во всяком случае, установлено, что до 1937-38 г.г. было истрачено на вооружение только 21 миллиард, из которых 12 миллиардов финансировались банком в форме кредита и что, как это говорил Йодль 5 июля, к 1 апреля 1938 года было налицо лишь 27-29 готовых дивизий, а только в 1939 году уже 73-75 дивизий. Не нужно быть специалистом для того, чтобы задачи и об"ем вооружения к началу бюджетного года, 1 апреля, признать совершенно недостаточными для начала какой-либо агрессивной войны. Того же мнения придерживался и Гитлер, когда он в своей докладной записке от августа 1936 г. врученной в 1944 г. Шпееру, позднее представленной суду, наряду с многими другими нелестными замечаниями по поводу руководства Шахта экономикой говорит, что прошло так много ценных лет, что имелось достаточно времени, чтобы в течение этих четырех лет можно было установить, чего мы не можем восполнить и что он вместе с тем приказывает 8 четыре года, т.е к 1940 г. сделать

15743

немецкую армию боеспособной.

Я хочу напомнить суду, что после отставки Шахта, как президента рейхсбанка, оба отчетных года 1938-39 и 1939-40 на вооружение было истрачено 31,5 миллиард, т.е. это значит что и без Шахта на вооружение производились затраты и затраты гораздо большие, чем при нем. В свое время Шахт писал Бломбергу о том, что он не оказывал на Бломберга в этом направлении сильное давление. Я сошлюсь только на предъявленное суду его письмо к Бломбергу от 21 декабря 1935 года. Своими просветительными докладами и речами Шахт действовал сдерживающе на офицеров военного министерства и вооруженных сил. В 1936 году, он отклонил заем для строительства ж.д. линии, предложенный в непосредственных интересах вооружения министром путей сообщения, приостановив финансирование этого строительства уже в 1937 году, разрешив этот вопрос лишь компромиссом, по которому на это строительство в последний раз поступило три миллиарда.

В декабре 1938 года он отказывает в кредите министру путей сообщения. Учреждением мефо-векселей он создал автоматический тормоз для выплаты денег на вооружение. Это предприятие, несколько смелое в финансово-техническом отношении, с юридической точки зрения было, однако, вполне терпимым.

Мефо-векселя служили финансированию вооружения, но тормозили дальнейшие траты на вооружение после срока наступления платежей, с 1 апреля 1939 года, потому что

15744

H1210 - 0459

H1210 - 0460

империя была обязана их компенсировать. Предвидения Шахта оправдались. Увеличение затрат повлекло такое повышение государственных налогов, что выкуп мефо-векселей при наступлении их срока, т.е. через пять лет, стал бы нетрудным. Показания Кейтеля доказали, что в бюджетном году, начавшемся 1 апреля 1938 года, было истрачено на вооружение на 5 миллиардов марок больше, чем в прошлом году, несмотря на то, что 1 апреля 1938 года частные кредиты имперским банком были закрыты.

Половины этих пяти миллиардов было бы достаточно для того, чтобы в начавшемся апреле месяце 1939 бюджетного года уплатить по мефо-векселям, срок уплаты которым уже подходил. Эти деньги не пошли бы на дальнейшее вооружение. Но это было именно то, чего добивался Шахт. Он ограничил срок оборота мефо-векселей с самого начала на пять лет. 1 апреля 1938 года он прекратил кредитную помощь имперского банка для того, чтобы ограничить производство вооружения. То, что Гитлер по этим векселям просто не будет платить и нарушит свое обещание уплатить по этим векселям, Шахту, конечно, не могло быть известным. Уже эти факты доказывают, что его прошения об обставке были ничем иным, как оппозицией против дальнейшего вооружения и отстранением ответственности за нее.В этом случае утверждение обвинения, что он хотел уйти от ответственности - абсолютно верно.

Никаких других причин кроме тех, которые приведены выше, у Шахта не было для того, чтобы уйти в отставку. Утверждение обвинения, что мотивом его ухода со службы была вражда к Герингу правильна в том смысле, что Шахт был

противником четырехлетнего плана, а Геринг - его вдохновителем. То, что основной причиной ухода Шахта было соперничество и вопрос о первенстве - неправда, это только одна из интерпретаций действительности, которую можно подтвердить цитатой: "Об"ясняйте бойко, не об"ясните - прибавьте столько же".

Меморандум имперского банка от ноября 1938 года, который повлек за собой отставку Шахта и большинства его сотрудников и среди них Фоке, также указывает на энергичную оппозицию Шахта против вооружения. Отставка Шахта, безусловно, должна была получить какое-либо обоснование, которого у управления имперского банка не было. Цель этой отставки была очевидной. Оттуда замечание Гитлера "Это бунт". Меморандум заканчивается требованием к рейхсбанку взять в свои руки капитал, займовую биржу, а также сбор налогов. Выполнение этих требований отняло бы у Гитлера всякую возможность тратить деньги на вооружение. Поэтому это требование было для Гитлера неприемлемым. Это было известно Шахту и его коллегам. Поэтому они этим шагом сознательно шли на разрыв. Шах-т не нес теперь больше ответственности. Шахт мог, наконец, посвятить себя всецело планам свержения группы заговорщиков, к которой он принадлежал. Он стал изменником по отношению к Гитлеру.

То обстоятельство, что он остался министром без портфеля, должно было помочь ему в получении информаций о событиях, которыми интересовалось на пути достижения своих целей его заговорщическая группа, больше, чем если бы он совсем остранился от дел. К этому пункту я

15746

H1210 – 0461

H1210 – 0462

еще раз возвращусь. Тот факт вооружения, как таковой, 20.
таким образом, не может служить утверждением обвинению доказательством того, что Шахт сознательно принимал участие в подготовке агрессивной войны.

Для производства современного вооружения необходимо также одновременно и экономическое оснащение. Немцы это узнали еще во время первой мировой войны и именно от двух очень значительных немецких евреев, а именно от создателя трассы Гамбург - Америка Альберта Баллина и немецкого промышленника Ратенау. Это - тот самый Ратенау, который во время конференции в Женеве произнес ту восхитительную речь о мире, которой так бурно аплодировали представители тех самых держав, которые еще за четыре года до того были врагами представительствуемой им страны и который вначале 20-х годов, будучи министром иностранных дел, пал жертвой антисемитизма. Надеюсь, я могу считать, что личность Альберта Баллинса суду известна. Оба эти человека уже в начале первой мировой войны сознавали ошибку, заключавшуюся в том, что экономика не была мобилизована. Ратенау организовал затем при военном министерстве так называемый отдел военного сырья. Первый генеральный уполномоченный по делам военной экономики, иначе его ничем нельзя было назвать, был таким образом, по своему мировоззрению пацифист По крайней мере с этого времени не будет планов мобилизации в стране, где чисто военное вооружение не будет итти в ногу с соответствующей экономической практической подготовкой к войне Поэтому назначение генерального уполномоченного по делам военной экономики, даже если бы он стал активным, что как это можно видеть из пред"явленных доказательств, не имело

места, а наоборот, он оставался в немилости, совершенно не говорит о его намерении вести агрессивную войну, это управление необходимо также и для производства оборонного вооружения. То же можно сказать и об учреждении имперского совета обороны, комитета обороны империи и многих других. Эти учреждения совершенно безобидны и не могут служить каким-либо доказательством обвинению. Лишь злоупотребление ими в целях агрессивной войны могло бы дать повод для обвинения. Участие в этом Шахта не установлено. Поэтому я воздерживаюсь здесь от оценки деталей. Обвинение видит, наконец, также что-то преступное в том, что ряд мер, принятых в связи с мобилизацией, некоторые, имеющие к ней отношение, учреждения, держались в секрете; оно видит нечто преступное, например, в том, что держался в секрете Второй закон об имперской обороне.

Естественный подход к этому вопросу лишает его обвинительного характера. Все нации обычно проводят мобилизационные мероприятия и мероприятия по вооружению "под секретом". Если вдуматься глубже, эта привычка оказывается совершенно излишней рутиной. Действительно, держать втайне можно вообще только планы и технические подробности. Факта вооружения, как такового, никогда не скроешь. Это ~~можно сказать~~ также и о существовании какой-либо более крупной организации, которая должна служить этому вооружению или о ее существовании станет известно, когда она придет в движение, она останется скрытой и тайной, как злополучный совет обороны, только потому, что она

15748

H1210 – 0463

H1210 – 0464

бездействовала.

Вообще, что значит "тайно".

В одном произведении мемуарного характера, принадлежащему офицеру царских времен, в котором он повествует о своих впечатлениях во время русско-японской войны, я нашел остроумное суждение (цитата): "Если я, служа в генеральном штабе, хотел, чтобы какое-нибудь событие стало известным, я заставлял писать о нем "секретно" и мое желание исполнялось. Если я имел трудно выполнимое желание, оставить что-либо под секретом, я незаметно давал этому делу совершенно открытый ход, и мое желание получас исполнялось".

Нельзя аргументировать в безвоздушном пространстве, а нужно, если мы хотим найти истину, учитывать реальные факты и опыт, чувствовать под собою твердую почву последнего. Тот факт военной активизации Германии после прихода к власти Гитлера и последовавшее вслед затем вооружение никогда не были для мира секретом. Процесс привел массу доказательств этого.

Нам известен доклад генерального консула Мессершмита, нам известно его показание под присягой от 30 августа 1945 г., представленное Обвинением под № ПС-2385, согласно которому программа вооружения (оно говорит о колоссальной программе вооружения, принятой немедленно после прихода к власти) и быстрое претворение в жизнь программы авиастроения для каждого были совершенно очевидными; нельзя было пройти по улицам Берлина или какого-либо другого крупного города Германии, не встретив

пилотов или подлежащих обучению летчиков, а на странице 8 этого показания ясно заявлено, что эта колоссальная германская программа вооружения не была никогда тайной и совершенно официально была опубликована весной 1935 г. Наряду с другими доказательствами я напоминаю о замечании посла Додда, что Шахт якобы указал на факт закупки германским правительством у одних только американских авиапромышленников дорогостоящих военных самолетов на миллион долларов, с уплатой этой суммы золотом. Если в этой детали посол Додд, возможно, и ошибся, то все в целом доказывает, что германское вооружение, будучи даже чрезвычайно преувеличенным в глазах иностранных государств, в лучшем случае было официальной тайной. Поэтому излишне упоминать о взаимных визитах начальников генеральных штабов, о которых говорили Мильх и Боденшатц, о визите начальника Британской службы разведки Кортни, о продолжительном пребывании военных атташе почти всех государств в Берлине, чтоб понять, что это так называемое "секретное вооружение" было официальным вооружением, хранящим втайне только отдельные технические вопросы, как любое вооружение любого государства. Иностранные государства знали о факте этого вооружения и считали его в течение более долгого времени терпимым в смысле поддержания мира во всем мире, чем это казалось Шахту.

15750

H1210 – 0465

H1210-0466

Мне не подобает критиковать поведение заграницы и я далек от этого. В любой роли, которую ему приходится играть в жизни, человек должен иметь особый такт. То же можно сказать о роли подсудимого и его защитника. Их задачей является защита, а не упреки и связанные с этим выпады. Я настойчиво избегаю давать повод к какому-нибудь недоразумению, будто бы я хочу выступать в роли обвинителя, критика или всезнайки. Я только ставлю вопрос в той плоскости, что представленные обвинением косвенные доказательства не являются решающими.

Далее Обвинение аргументирует тем фактом, что Шахт был членом имперского правительства и как раз с момента его отставки в январе 1938 года, когда он был министром экономики, по крайней мере до января 1943 года был министром без портфеля. Обвинение считает имперское правительство ответственным за военные нападения Гитлера и привлекает его к уголовной ответственности. Эта аргументация действует подкупающе убедительно на того, кто исходит из нормального понятия имперского правительства.

Однако, этот эффект исчезает, как только оказывается, что так называемое имперское правительство на самом деле не было таковым в обычном понимании конституционного государства. Но уголовно-судебные выводы не должны опираться на внешнее проявление и форму, на фикцию, они должны вытекать из фактических условий. Отсюда становится необходимым исследовать сущность гитлеровского режима с социологической точки зрения и решить вопрос, может ли, должен ли член имперского кабинета т.е. имперского правительства, при наличии только этого аттрибута нести одинаковую /уголовную/ ответственность как это было бы при наличии иной нормальной государственной системы, будет ли то демократическая монархия, или конституционная монархия, или абсолютистская, но все же государственно-правовая монархия, или какая-нибудь другая государственно-правовая сис-

H1210 – 0467

тема,которая носит так или иначе характер государственно-правового конституционного государства. Итак,мы можем обойтись без изучения фактической социологической структуры гитлеровского режима.

Выводы в отношении приказа вождя мы слышали здесь из уст г-на профессора Яррейса.И здесь,во избежание повторений,только с целью внести ясность,я хочу сделать следующие выводы:

Заранее,во избежание недоразумений,я должен предупредить, что,когда я здесь говорю о режиме Гитлера,я совершенно не имею ввиду сидящих на скамье подсудимых лиц,само собой разумеется, за исключением Шахта.Что касается последнего,то он не принадлежал к этому режиму,как таковому,хотя был членом имперского правительства и президентом рейхсбанка.Оставляю совершенно открытым вопрос о том,следует ли кого-либо из прочих подсудимых рассматривать как члена или носителя этого режима.Этот вопрос подлежит только решению суда при соответствующей оценке компетентного защитника.

Еще в начале моей речи я указал,что для того,кто жил в Германии при гитлеровском режиме,этот вопрос труден,только тонкая политическая ситуация помогает отличить мнимую внешнюю власть от фактической и что только люди,проживавшие за пределами Германии силою своей познавательной способности должны решить этот вопрос, что становится возможным лишь теперь во время слушания дела в Великом Суде.Мы установили здесь,что имперский кабинет,который Гитлер называл клубом пораженцев,в последний раз собрался в 1938 году и то лишь с целью выслушать сообщение Гитлера,а для делового совещания и принятия решений в 1937 году, и что Гитлер умышленно скрывал от имперского кабинета все политически важные дела,как об этом совершенно ясно говорит так называемый протокол Госсбаха от 10 ноября 1937 г. Во время этого заседания Гитлер указал присутствовавшим командующим частей вооруженных сил и присутствовавшему имперскому министру /само собой разумеется,

Шахт на этом совещании не присутствовал и узнал об этом протоколе /оссбаха только здесь/ на то, что предмет совещания имеет настолько большое значение, что в других государствах по этому вопросу было бы проведено полное заседание кабинета, на что он, однако, решился, как раз вследствие его большого значения, обсудить это дело не в кругу имперского кабинета. Соответственно этому, членов имперского кабинета, по меньшей мере после 1937 года, нельзя рассматривать как творцов и носителей политической воли империи. То же самое относится и к членам совета имперской обороны, который, как таковой, был не чем иным, как бюрократической инстанцией. Соответственно этому Гитлер весной 1939 года окончательно отстранил совет по имперской обороне от дальнейшей подготовки к/ войне, сказав: "Подготовка происходит на основе мирного законодательства". Деспотизм, тирания достигли в 1938 году своего апогея. Специфической особенностью фашистского, так же, как и национал-социалистского режима, является концентрация политической воли в руках главы партии, который с помощью этой партии подчиняет себе государство и народ и господствует над ними. Это признает также судья Джексон, когда он 28 февраля 1946 года заявляет, что пирамида власти находилась у группы властителей вне государства и конституции. Говорить при этом режиме об ответственности имперского правительства и вообще о свободных гражданах государства, которые могут влиять через какие-либо корпорации на выражение политической воли, это значит исходить из принципиально неверных предпосылок. При таком режиме на главу государства и партии всегда оказывают влияние какие-то невидимки, конечно, совершенно безответственно. Политическую волю в ее кристальной чистоте можно распознать только у самого главы государства, но вокруг него она непроницаема. Еще одной особенностью такого режима, также относящейся к внутренней лживости этого режима, является то, что за мнимым фасадом безусловного единства и единодушия между собою про-

15753

H1210 – 0468

H1210 – 0469

исходит борьба за власть нескольких групп.Гитлер не только мирился с этими противоречиями,но разжигал их,основывая на них свою власть.Если здесь один из подсудимых говорил о единстве германского народа во время войны в противоположность к первой мировой войне,я должен возразить ему,что едва ли когда-либо в своей истории германский народ был внутренне так расколот,как во время существования третьей империи.Кажущееся единство было только спокойствием кладбища,вызванным террором.Этой внутренней раздробленности германского народа,державшейся только искусственно в тайне,вследствие террора гестапо,соответствовали противоречия между отдельными высокопоставленными лицами,о которых мы здесь говорили. Чтобы дать несколько примеров,я упомяну о том,что здесь перед нами выступили противоречия между Гиммлером и Франком,между Гиммлером и Кейтелем,между Заукелем и Зельдте,между Шелленбергом и Канарисом,между Борманом и Ламмерсом,между СА и СС между вооруженными силами и СС,между СД и юстицией,между Риббентропом и Нейратом и т.д.Этот список можно было бы продлить до бесконечности. Даже в отношении идеологии сама партия была расколота на многочисленные группы,что выяснилось в начале слушания дела уже из показаний Геринга.Эти противоречия были принципиальными и Гитлер не примирял их,а усугублял.Они были клавиатурой его власти,на которой он играл.Министры не были ответственными руководителями,они были ничем иным,как профессионально обученными служащими,которые должны были слушаться указаний.Если какой-нибудь министр,как например,Шахт,не подчинялся этому,то дело доходило,как и у него,до конфликта и отставки.Министры не могли брать на себя ответственности за свое ведомство на продолжительный срок уже потому,что оно не было им полностью доверено.Министр в конституционно-правовом смысле должен,прежде всего,иметь доступ к главе государства и право внеочередных докладов.Он должен устранять вмешательство и влияние третьей стороны,не несущей ответст-

H1210-0470

венности в этом ведомстве.Ни одного из этих характерных признаков министра,мы не видим в так называемых министрах Адольфа Гитлера.Шахт был застигнут врасплох четырехлетним планом.Подобно ему,для министра юстиции были совершенно неожиданны такие чрезвычайные важные законы,как нюрнбергские законы.Министр не мог назначить самостоятельно своих чиновников.Назначение каждого чиновника должно было санкционироваться партийной канцелярией Давали знать о себе вмешательство и влияние всевозможных учреждений и лиц различных канцелярий - канцелярии фюрера,партийной канцелярии и т.д.Но это были бесконтрольные инстанции,которые стояли над министерствами.

Во всех ведомствах господствовали особые уполномоченные. Даже министры,как мы слышали здесь от Ламмерса,начальника имперской канцелярии,могли ждать аудиенции в течение месяцев в то время как господа Борман и Гиммлер имели свободный доступ к Гитлеру.Подхалимство и камарилья,это необходимое сопутствующее явление всякого абсолютизма,было всегда трудно уловимо при определении личной и общей ответственности людей за исторические события.Последнего нельзя сказать о влиянии,которое оказывалось на Гитлера со стороны третьих лиц.Иодль сообщил нам здесь,что как раз наиболее чреватые последствиями поступки Гитлера,совершенные в состоянии аффекта,об'яснялись такими влияниями совершенно неуловимых третьих лиц,т.е. чистыми случайностями,разговорами за чаем и т.д.

Из этого вытекает для установления об'ективного положения вещей то,о чем я уже говорил вначале.Ввиду этих обстоятельств для планирования такого преступления,каким является агрессивная война,внутри резко очерченного круга лиц или даже внутри так называемого имперского правительства уже об'ективно не существует никакой возможности.Но где невозможно планирование,там невозможен заговор и конспирация,важнейшей особенностью которых является совместное планирование,хотя и с распределением

H1210-0471

ролей.Давайте в наших дальнейших рассуждениях исходить из внешней стороны факта заговора.Я следую за судьей Джексоном.Всякий,кто участвует в заговоре фальшивомонетчиков,виновен в заговоре даже в том случае,если он написал только одно письмо или был письмоносцем.Всякий,кто участвовал в заговоре по ограблению банка,виновен в убийстве,если в ходе осуществления заговора не им, а третьим участником заговора было совершено такое убийство.Все время речь идет здесь об одном целом,которое способно иметь свой единый план.Ничего подобного не могло случиться с министрами Адольфа Гитлера.При Гитлере это вообще было невозможно.Поэтому в преступлениях Гитлера,которые он совершил,навязав своему собственному народу и человечеству агрессивную войну,не мог принимать участие ни один заговорщик,а только служившие Гитлеру его помощники.

При таком положении власти в третьей империи, там может быть предположено преступное соучастие или преступное пособничество, но не групповое уголовное преступление,каким является заговор. Вопрос о том,является ли каждый из подсудимых соучастником Гитлера в совершением им преступлении развязывания агрессивной войны, - может быть рассмотрен и решен индивидуально в каждом отдельном случае.Я рассмотрю его в этой плоскости только в отношении личности Шахта.Возможность осуществления коллективного преступления в форме заговора исключается после того, как становятся ясными фактические условия,которые делают заговор немыслимым и нереальным.Даже если бы это было и не в случае с Шахтом,совершенно бы отсутствовала суб'ективная сторона дела. Даже при наличии об'ективного факта заговора в какой-либо части обвинения,и даже при самой широкой трактовке понятия заговора, заговорщик должен согласиться с планом заговора и с целью заговора,хотя бы частично, в форме "dolus eventualis". Тяжесть преступления заговора становится особенно очевидной при сравнении его с кораблем пиратов.Сам по себе каждый член экипажа пиратского судна,даже если он занимае

ет самое низкое положение, находится вне закона. Но тот, кто совершенно не знал, что находится на пиратском судне, а думал, что он является пассажиром мирного торгового корабля, не виновен в пиратстве. Он не виновен также и в том случае, если он, когда ему стал известен пиратский характер судна, сделал все, чтобы предотвратить осуществление пиратства и покинуть это судно. Шахт сделал и то и другое.

Что касается последнего, то даже наука о заговоре признает невиновным того, кто до осуществления целей заговора отказался от заговора путем положительного акта и именно даже и в том случае он предварительно сотрудничал в подготовке плана заговора, чего не делал Шахт. С этой точки зрения я расцениваю также ответ судьи Джексона мне, когда я, во время допроса Шахта, предложил рассмотреть вопрос, будет ли Шахту поставлено в вину преследование евреев. Судья Джексон ответил на это утвердительно, заметив, что это будет поставлено ему в вину только в том случае, если Шахт помогал подготовке агрессивной войны до того, как он отказался от этого агрессивного плана и его группы заговорщиков и решительно перешел в оппозицию, т.е. к группе заговорщиков против Гитлера. Этот переход и был бы упомянутым мною положительным актом, благодаря которому бывший участник заговора отошел бы от него. Но эта правовая проблема совершенно не относится к личности Шахта, так как пред'явление доказательств подтвердило, что он никогда не хотел участвовать в подготовке агрессивной войны. Как уже было сказано, это обвинение в суб'ективном участии в заговоре не было подтверждено ни прямыми ни косвенными доказательствами. По вопросу о событиях, предшествовавших 1938 году, я могу сослаться на предварительно изложенное. Оказывается, что не позднее, чем с 1938 года Шахт вел такую непримиримую борьбу против всякой возможности войны, что он даже делал попытки свергнуть носителей этой военной опасности, носителей

15757

H1210 – 0472

H1210-0473

агрессивных стремлений, а следовательно и режима.

Я закончил сейчас этот раздел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об'являет перерыв.

(об'является перерыв на 10 минут).

ДИКС: Господа судьи, я остановился на оценке начала возникновения оппозиции, выразившейся в организации известных путчей. Я буду продолжать.

Для данного процесса является не существенным и второстепенным делом исследование вопроса, являются ли эти попытки путча, продолжавшиеся во время войны, с короткими или более продолжительными интервалами, действительно верным средством для достижения более благоприятного заключения мира для Германии. Для определения преступности Шахта это не имеет никакого значения.

Несомненно, что удавшийся до войны путч, насколько это можно предугадать, воспрепятствовал бы развязке войны, а вспыхнувший после начала войны и имевший успех путч, по крайней мере, сократил бы период войны. Поэтому подобные скептические соображения о политическом значении этих попыток путча не доказывают несерьезность планов и намерений путча. О них-то как раз и идет речь, при оценке уголовного преступления, так как они первым долгом доказывают то, что лицо, имевшее такие планы и намерения с 1938 года, а если подумать о попытке с Клюге, то и с 1937 года, не могло до этого иметь военных намерений. Тот, кто раньше желал войны, не будет делать попыток свергнуть режим потому что он несет в себе опасность войны. Это делает только тот, кто всеми своими действиями, даже финансированием вооружения, хотел служить миру.

Неоднократные попытки Шахта организовать путч нельзя рас-

сматривать в правовом отношении, как действие, совершенное с целью загладить раскаянием преступное поведение в прошлом, но они являются доказательством того, что его нельзя упрекнуть в сознательной подготовке к войне до 1938 года, так как это ни логически, ни психологически несовместимо с заговорщической деятельностью Шахта против Гитлера. Эти путчи доказывают, таким образом, правильность изложения Шахтом причин и целей которые побудили его быть активным членом гитлеровского правительства и финансировать вооружение в об'еме предоставленной им финансовой помощи, т.е. в размере 12 миллиардов. Они без сомнения доказывают чисто оборонительный характер этого финансирования вооружений, они доказывают правдоподобность показаний Шахта в том отношении, что он, наряду с оборонительным эффектом, хотел добиться общего тактического ограничения вооружений. Если же мы верим показаниям Шахта,- а мне кажется им необходимо верить, - то не может быть никакой речи о сотрудничестве Шахта в деле подготовки агрессивной войны.

15759

H1210 - 0474

H1210 – 0475

Правильность этого подтверждается еще и другим обстоятельством. Шахт противоречил себе, когда он давал объяснение в ответе на мои вопросы по поводу заявления Гизевиуса, которые были поставлены в одинаковой плоскости, а именно о его восхищении Гитлером, которого он считал гениальным государственным деятелем в полном смысле этого слова. Он во время своего допроса назвал это ошибочной исходной позицией, он сказал, что он с самого начала заметил некоторые слабости Гитлера и в особенности его полуобразованность. Он только надеялся, что он будет в состоянии побороть эти недостатки и опасность, которые вытекали именно из этого обстоятельства. Шахт таким образом чисто объективно затруднил свою защиту этим противоречием. Он достаточно умен для того, чтобы понять это. Таким образом, то, что он сознательно потерял и чем пожертвовал в деле опровержения представленных против него обвинений, он выигрывает при объективном, основанном на психиологическом опыте, рассмотрении доказательств в отношении их достоверности. Ибо тот достоин доверия, который своим возражением способствует установлению правды там, где неправда или частичная недостоверность технически и тактически является как бы более полезной. О руководящей деятельности Шахта в различных заговорах, которые здесь описывались Гизевиусом, не может быть никакого сомнения, ввиду правдоподобних показаний Гизевиуса. Если же судья Джексон во время перекрестного допроса предъявил Шахту фотографии и фильмы, которые с внешней стороны документируют связь его с Гитлером и его паладинами, то это могло произойти только потому, что он старался завуалировать свою активную неприязнь к Гитлеру. Поэтому мне необходимо будет коснуться этого вопроса о фотографиях и о такого рода аргументации. Судья Джексон дополнил это предъявление фотографий тем, что он цитировал речи, из которых можно сделать вывод, что Шахт был, еще во

время путча, внешне весьма предан Адольфу Гитлеру. Это пред - ставление цитат можно рассматривать в той же плоскости. Я думаю, что такая аргументация является несостоятельной и не может устоять ни перед жизненным опытом, ни перед историей. История учит нас, что как раз заговорщики, а именно в том случае, если они принадлежат к кругу избранных лиц главы государства, которому угрожает опасность, с внешней стороны стараются показать свое подобострастие. Никогда еще не наблюдалось, чтобы такие люди открывали свои намерения своей жертве путем противоречивой лойяльности. Здесь можно было бы привести массу примеров из истории. Существует весьма эффективная немецкая пьеса некоего Ноймана. В ней показывается убийство царя Павла его первым министром графом Пален. Царь до самого последнего момента верит в демонстративно подчеркнутую преданность графа Палена. Он верит Палену даже еще и тогда, когда он точит клинок для убийства. В оставленном истории документе есть указание графа Палена, данное им русскому послу в Берлине незадолго до совершения покушения, и в этом документе граф Пален все время говорит о "нашем светлейшем императоре". Характерно,что эта пьеса называется "Патриот". Есть, следовательно, более высокий патриотизм, чем такая формальная преданность государственного слуги. Поэтому куда ближе будет к психологической правде, если такую внешнюю утрированную преданность и лойяльность в этот период будут рассматривать как доказательство объективной достоверности показаний Шахта, чем наоборот. Он, как заговорщик, должен был особенно маскироваться. До некоторой степени это должен был делать каждый, кто жил в Германии при таком режиме, каждый должен был прибегать к этому средству. Что касается фотографий, то надо сказать, что это очевидно неизбежное следствие всякой социальной и таким образом и общественной принадлежности к какому-либо объединению,а именно

15761

H1210 - 0476

H1210 – 0477

то, что хорошо или плохо это, а члены объединения всегда становятся жертвами фотографов.

Если человек является членом правительства, то он не может избегать систематически встреч с определенными людьми, хотя бы с целью сфотографироваться с ними вместе. Поэтому и имеются такие фотографии, где Шахт стоит между Леем и Штрейхером, и фильм, демонстрирующий встречу Гитлера на вокзале. Лицу, рассматривающему их позднее, подобного рода фотографии не доставляют удовольствия, они не доставляют, конечно, удовольствия и Шахту. Но они ничего не доказывают. Я считаю, рассматривая эти фотографии, на основании обычного жизненного опыта, что они не имеют никакой силы доказательств, ни за, ни против подсудимого. Иностранные государства в лице своих выдающихся представителей встречались с правительствами Адольфа Гитлера и не только через свой дипломатический корпус. Позвольте мне Вас заверить, что защита была бы в состоянии предъявить еще более гротескные фотографии, которые нельзя было бы так просто объяснить себе, как фотографии Шахта с людьми, которые были его коллегами по службе в третьей империи.

Предъявление таких фотографий со стороны защиты было бы, может быть, не совсем тактичным, но если необходимо серьезно решить вопрос об истине, защитник должен взять на себя и бремя бестактности. Я думаю, что в данном случае я не должен этого делать, ибо, мне кажется, что совершенно ясно, что предъявление таких доказательств не относится к делу и бесполезно, ибо это фотографии, сделанные во время пышных празднеств в третьей империи.

И единственным обвинительным пунктом, выдвинутым представителями Обвинения, на котором, как мне кажется, мне следует остановиться, является то, что Шахт, уходя с должности министра экономики и с поста председателя имперского банка, оставался с января 1939 г. по 1943 г. министром без портфеля. Шахт

говорил о том, что это было условием, которое поставил перед ним Гитлер перед тем, как он был снят с должности в министерстве экономики. Для того, чтобы его уволили с этой должности, была необходима подпись Гитлера, как главы государства. И если бы Шахт не захотел остаться министром без портфеля, то совершенно очевидно рано или поздно был бы арестован, как личность подозрительная в политическом отношении и, таким образом, он был бы лишен возможности в какой-либо степени действовать против Гитлера. Свидетель Гизевиус говорил о том, каковы были соображения, которыми он обменялся с Шахтом относительно пребывания Шахта в должности министра без портфеля. При этом справедливо играло некоторую роль то, что Шахт мог быть полезен группе заговорщиков, по крайней мере как доверенный, как патруль в том случае, если он оставался по крайней мере внешне в имперском правительстве. И, как министр без портфеля, Шахт все же находился в сильной опасности. Как это подтверждают свидетельские показания его самого и Гизевиуса, а также и показания Олендорфа, Шахт еще с 1937 года был внесен в черный список государственной полиции. То, как Гитлер боялся Шахта, показывают его позднейшие высказывания, которые он сделал в присутствии Шпеера и о которых здесь говорилось, в особенности же его высказывание о Шахте после покушения 20 июля. Я еще раз напоминаю о меморандуме, направленном им Гитлеру в 1936 г., переданном им Шпееру в 1944 г., который показывает, что он /Гитлер/ видел в Шахте человека, способного в будущем саботировать его планы вооружения. Ламмерс показал и доказал, что Шахт позднее пытался уйти с этой номинальной должности. Ламмерсом и Шахтом, далее, доказано, что эта должность министра без портфеля не имела никакого фактического значения. Поэтому я и назвал его"майор-невидимка" это значит - майор без батальона, не имеющий права отдавать распоряжения, мнимый майор.

15763

H1210 – 0478

H1210 - 0479

Итак, Шахт не мог отделаться от этой должности без скандала так же, как от должности председателя имперского банка. Поэтому Шахт должен был маневрировать так, чтобы его выгнали. Это удалось ему, как я уже говорил, он ушел с должности председателя имперского банка из-за известного меморандума дирекции имперского банка, из-за содержащегося в нем отказа предоставить кредиты через имперский банк в ноябре 1938 года. Это ему удалось сделать и в отношении его должности министра без портфеля, чему способствовало его пораженческое письмо в ноябре 1942 года. Между тем в период с осени 1938 г. до 1944 г. он пытался подготовить государственный переворот. Путч 20 июля 1944 г. привел его в концентрационный лагерь. Обвинение уголовного порядка ему, как министру без портфеля, вообще нельзя предъявить, ибо ставшая для нас фактом заговорщическая деятельность Шахта против Гитлера, которой он посвятил все свое время, логически заставляет исключить предположение о том,что в этот период времени он способствовал военным планам и ведению войны Гитлером. Пространство остается, таким образом, только для того, чтобы уместить абстрактное политическое обвинение против Шахта в 1933-1937 г.г., да и то только безвоздушное пространство. Но это пространство полностью компенсируется чрезвычайно смелым поведением Шахта после этого периода. Для того, чтобы отдать этому поведению должное, я разрешу себе напомнить интересное показание Гизевиуса, который говорил, что и он сначала скептически относился к позиции Шахта в ранний период не в уголовном отношении, а именно в политическом смысле, но позднее он совершенно примирился с Шахтом, благодаря необычайному мужеству, которое проявил Шахт, будучи оппонентом и заговорщиком против Гитлера, начиная с 1938 года. Поэтому я считаю, что то обстоятельство, что Шахт остался на посту министра без портфеля, не является ни косвенной, ни прямой уликой; ни в коем случае нельзя считать это уликой

уголовного порядка, но и нельзя считать это морально отягчающим обстоятельством, если учесть его поведение в общем, причины такого поведения, обстоятельства и условия.

И если, наконец, Обвинение, основываясь на содержании вышеупомянутого меморандума дирекции имперского банка, аргументирует в том направлении, что из этого меморандума нельзя, якобы, сделать выводы о враждебном отношении Шахта к войне, что этот меморандум содержит лишь опасение оборонно-технического порядка, мне будет лишь необходимо по этому вопросу сослаться на мои прежние заявления и показания Фоке. И нет необходимости ссылаться на показания самого Шахта для того, чтобы опровергнуть эту аргументацию. Фока здесь, как ближайший сотрудник Шахта, совершенно твердо заявил, что Шахт имел желание ограничить и саботировать вооружение с того самого момента, как только он увидел, что объем вооружения представляет собой военную опасность. Эти показания Фоке дополняются аффидевитом Ользе и аффидевитом всех сотрудников Шахта в имперском министерстве экономики. Мне незачем цитировать каждый аффидевит в отдельности. Они известны Трибуналу. И Трибуналу не нужны к ним комментарии защитника, они говорят сами за себя. И если, наконец, Обвинение будет аргументировать содержание меморандума, который в действительности рассматривает лишь финансово-технические проблемы, то я и здесь не могу не сказать, что такая аргументация также находится в безвоздушном пространстве и не учитывает опыта истории и жизненного опыта. Само собой разумеется,- об этом я уже говорил, - дирекция имперского банка могла оперировать аргументами, находящимися у них в руках, в особенности по отношению к Гитлеру. Бьют по мешку, метя в осла. Если бы дирекция имперского банка, а с нею и ее председатель Шахт открыли бы смысл этого меморандума, а именно предотвращение военной опасности и борьбу с агрессивными намерениями Гитлера, то это лишило бы их возможности оказывать влияние на

15765

H1210 - 0480

H1210 - 0481

работу этого учреждения. Гитлер хорошо понял смысл меморандума, когда он, прочтя его, воскликнул: "Бунт!". То есть Адольф Гитлер понял, что можно сказать о Шахте. Он никогда не был бунтовщиком и заговорщиком против мира во всем мире. И, если говорить о нем, как о заговорщике и о бунтовщике, то он был им только по отношению к Адольфу Гитлеру и его режиму.

Здесь я также должен просить Трибунал обратить свое внимание на дополнение № 2, которое я здесь должен включить, так как рассматриваемый в нем вопрос был передан для перевода лишь после того, как я передал свою речь. Итак, дополнение №2.

Я сказал, что Шахт, поскольку он был заговорщиком, был заговорщиком только против Адольфа Гитлера. Как таковой, он был объектом иронического унижения со стороны генерал-полковника Йодля и г-на коллеги Нельте, для которых с именем Шахта ассоциировался эпитет "салонный революционер", "революционер во фраке". История учит,что для революционера квалификация портного не имеет никакого значения. Что же касается салонов, то шляпа перед дворцом не является революционной приметой. Я напомню только о политических салонах перед Великой Французской революцией и, например, /это один пример из многих/ об элегантном офицерском казино феодального Преображенского полка, существовавшего во время царствования нескольких царей (К ..... Если некоторые господа считают, что Шахт и его сподвижники сами должны были стрелять, то я охотно скажу - да, если бы это было так просто, Шахт охотно бы стрелял, это он высказал с большим чувством. Без власти, которая могла бы привести к смятению и от покушения к революционному эффекту, нельзя было ничего сделать. Поэтому необходимы были генералы с войсками; я не хочу воздать генерал-полковнику Йодлю тем же и поэтому не скажу - необходимое зло".

Дальнейшие упреки в недостаточном финансировании путча опровергаются социальным составом путчистов 20 июля. Для решения Трибунала все это, как я уже сказал, не столь важно. Однако мой подзащитный имел моральное право требовать, чтобы его защитник не игнорировал полемикой, попавшей в свет мировой общественности.

Резюмируя, надо сказать следующее.

После июльских выборов в 1932 году было ясно, что Гитлер должен притти к власти и захватить ее. До этого Шахт предупреждал заграницу об опасности такого развития событий,т.е. он не способствовал их развитию. После прихода Гитлера к власти для него, как и для всякого немца, оставались лишь два пути: либо отойти в сторону, либо же активно участвовать в движении. Это решение, принятое на перекрестке этих двух дорог, было чисто политическим решением, без какого бы то ни было уголовного аспекта. Точно также, как мы оцениваем все причины, которые побудили заграницу сотрудничать с Гитлером более интенсивно и более доброжелательно, чем с предшествовавшими демократическими правительствами Германии, мы и должны признать добрые намерения всех тех немцев, которые верили в то, что, участвуя в движении, т.е. будучи в партии или в аппарате государства, они смогут лучше служить своей стране и человечеству ввиду того, что им будет предоставлено более широкое поле деятельности для оказания влияния, чем если они, затаив злобу, будут стоять в стороне. Служить Гитлеру, будучи министром и председателем имперского банка, было политическим решением, политическую правильность которого можно теперь обсуждать как пост-фактум. Но оно не носит уголовного характера. Основному принципу своего решения, - борьбе против всякого радикализма, -он всегда оставался верен. Он вращался в свете,где была известна его оппозиционная линия, - нигде он не слышал сигнала предостерегающего сигнала. Он видел только то, что мир куда боль-

15767

H1210 – 0482

H1210-0483

не доверял Адольфу Гитлеру, чем он сам, и это позволяло Адольфу Гитлеру принимать почести и добиваться внешне-политических успехов, которые затрудняли работу Шахта. Эта работа в то время уже давно была направлена на то, чтобы устранить Гитлера и его режим. Он смело вел эту борьбу против Адольфа Гитлера и его режима, делая такие выводы, которые заставляют только удивляться тому, что его ранее не постигла участь пребывания в концентрационном лагере и что он не потерял свою голову по приговору народного суда или после выкрика СС. Эта судьба постигла его лишь после 20 июля 1944 года. Он умен и достаточно самокритичен для того, чтобы признать, что если рассматривать с точки зрения политики, его личность в истории, по крайней мере в ближайшем будущем, будет неправильно охарактеризована из-за игры ненависти и доброжелательства партий, таким образом, характер его личности не найдет определенного отображения. Он смиренно отдает себя на суд истории, если даже тот или другой историк скажет, что его политическая линия была неправильной. Гордый своей чистой совестью, он отдает себя на суд этого Высокого Суда. С незапятнанными руками он предстает перед своими судьями. Он предстает перед этим Трибуналом, доверяя ему, как он это и говорил в своем письме, посланном Трибуналу в начале процесса и в котором он с благодарностью приветствует то, что он имеет возможность перед этим Трибуналом, перед мировой общественностью осветить свои действия и их причины. Он предстает перед этим Трибуналом исполненный доверия, ибо он знает, что доброжелательность и ненависть партий в данном Суде не будут играть никакой роли. Сознавая относительность своей политической деятельности в такие тяжелые времена, он рассматривает выдвинутые против него обвинения уголовного порядка с чувством полного самосознания и уверенности, и он вправе делать это, ибо кто бы ни был признан виновным и несущим уголовную ответственность за эту войну и те зверства, и ту бесчеловечность, которые были совершены во время этой войны, Шахт может после такого точного установления обстоятельств дела бросить в лицо каждому виновнику те слова, которые Вильгельм Телль бросил в лицо убийце кайзера Парисиде: " Я воздеваю к небу мои чистые руки, проклиная тебя и твое деяние". Поэтому я ходатайствую о том, чтобы признать, что Шахт не виновен в предъявленном ему обвинении и что он должен быть оправдан.

15768

H1210 – 0484

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я вызываю доктора Кранцбюллер, представляющего подсудимого Деница.

/К микрофону подходит защитник Кранцбюллер/.

КРАНЦБЮЛЛЕР. Господин председатель. Господа судьи. "Война - жестокая вещь. Она влечет за собой несправедливость и преступления".

Этими словами Плутарха Гуго Гроциус начинает свое исследование вопроса ответственности за военные преступления, и они также правдивы сегодня, как и две тысячи лет тому назад. Во все времена стороны, ведущие войну, совершали действия, которые были военными преступлениями или рассматривались, как таковые, противной стороной. Но из этого факта делались выводы всегда лишь в отношении побежденного и никогда по отношению к победителю. Таким образом, право, которое здесь применялось, было по необходимости всегда правом сильного.

Если в сухопутной войне господствуют в известной степени твердые правила ведения военных действий, то в морской войне испокон веков воззрения участников в отношении международного права всегда сильно рознились. Никто лучше британских государственных деятелей не знает, в сколь большей степени эти воззрения диктовались национальными и экономическими интересами.

В отношении этого я ссылаюсь на известных свидетелей, таких, как лорд Фишер и лорд Эдвард Грей. Поэтому, если бы когда-нибудь в истории какая-либо морская держа-

ва возымела мысль предать побежденного вражеского адмирала суду и причем на основании своих собственных воззрений на военно-морское право, то вместе с обвинением был бы сказан и приговор.

На этом процессе выдвинуто обвинение против двух адмиралов за такое ведение морской войны, которое называется преступным. Таким образом, Трибунал должен вынести решение о восприятии права, которое по необходимости также противостоит друг другу, как интересы морской державы интересам сухопутной державы. С этим решением связана не только судьба этих двух адмиралов. Здесь дело идет также о честном имени сотен тысяч германских моряков, которые считали, что они служат хорошему делу и не заслужили того, чтобы их заклеймили перед историей, как пиратов и убийц. Я чувствую себя обязанным перед этими людьми, мертвыми и живыми, опровергнуть обвинение против германских методов ведения морской войны.

Каковы же эти обвинения? Они делятся на две большие группы: незаконное потопление судов и намеренное убийство людей, оставшихся в живых после потопления судна.

Сначала я займусь обвинением относительно незаконного потопления судов.

В основу этого обвинения легли два доклада господина Роджера Аллена из британского министерства иностранных дел, датированные осенью 1940 года и весной 1941 года. Я не знаю, для кого и с какой целью были состав-

15770

H1210 – 0485

H1210 – 0486

лены эти доклады. Судя по форме и содержанию, мне кажется, что они служили целям пропаганды, и уже по этой причине я мало верю в силу их доказательства. Даже Трибунал упоминает не все, а лишь одно выдвинутое там обвинение. В докладах одна пятая, якобы, незаконных нападений приписывается подводным лодкам, а четыре пятых - минам, самолетам и надводным вооруженным силам. Эти четыре пятых обвинение отбрасывает и эту сдержанность можно об"яснить тем, что использование этих боевых средств британской стороной ничем не отличается от использования их германской стороной.

Но в отношении использования подводных лодок, кажется, существует разница между принципами германского ведения морской войны и принципами ее ведения противником. Во всяком случае, в это верила общественность вражеских и многих нейтральных стран и верит, пожалуй, частично еще и теперь. Здесь господствовала пропаганда. А при этом большое количество всех этих критиков не знало ни фактов, ни того, что вообще лежало в принципе германского ведения подводной войны, ни их юридической основы.

Моей задачей будет попытаться выяснить это.

Доклады господина Роджера Аллена достигают своей кульминационной точки в утверждении, что германские подводные лодки, начиная с лета 1940 года, торпедировали все, что попадалось под их торпедные аппараты. Без сомнения, методы ведения подводной войны постепенно обост-

рились под давлением ряда мероприятий, направленных против Германии. Однако, эта война никогда не принимала формы дикой стрельбы, которая руководствовалась бы только законом целесообразности. Многое, что было бы целесообразным для подводных лодок, не осуществлялось до последнего дня войны, так как это считалось недопустимым в юридическом отношении, и все меры, которые ставятся обвинением в вину германскому ведению морской войны, были результатом развития, которое как и всякий прогресс во время войны, явилось результатом различных течений обеих воюющих сторон.

Юридической основой ведения подводной войны Германией в начале этой войны являлся лондонский протокол 1936 года. Все пункты этого постановления были дословно перенесены в статью 74-ю германских правил взятия призов, которые даже господин Роджер Аллен считает достаточно разумными и не лишенными человечности.

Эти правила о взятии призов в формулировке 1938 года были направлены двум существовавшим тогда подводным флотилиям и подводной школе и служили основой обучения командиров подводных лодок. Задержание и досмотр торговых судов рассматривались, как тактические задачи. Чтобы облегчить командирам подводных лодок в войне против торговых судов быструю и правильную оценку юридического положения по отношению к судну и грузу противника и нейтрала, были сконструированы так называемые призовые диски, которые с помощью несложного приема дают указания,

15772

H1210 – 0487

H1210 – 0488

на, какие статьи следует ссылаться в распорядке о взятии призов. В той степени, в какой для ведения подводной войны против торгового судоходства вообще были приняты какие-либо подготовительные меры, они основывались исключительно на германских правилах взятия призов и тем самым на Лондонском протоколе.

Этих юридических основ германское верховное командование действительно придерживалось при начале войны. В боевых директивах подводным лодкам от 3 сентября 1939 года содержался ясный приказ о ведении подводной войны, согласно правил взятия призов. Потопление было, согласно этому, допустимо лишь после задержания и досмотра во всех тех случаях, когда судно пыталось уйти или оказывало сопротивление. Перед Трибуналом было продемонстрировано несколько примеров, выбранных из огромного количества других, показывающих, насколько рыцарски германские командиры подводных лодок выполняли полученные директивы. В частности, забота об экипаже судов, которые были законно потоплены после задержания и досмотра, иногда проявлялась в столь широких масштабах, что это едва ли требовалось с военной точки зрения. Спасательные лодки буксировались на большие расстояния и тем самым даже немногие имеющиеся в наличии подводные лодки отвлекались от своих боевых задач. Отпускались вражеские пароходы, потопление которых было бы вполне законно, чтобы на них передать экипажи потопленных ранее судов. Поэтому верно то, что констатирует г-н Роджер Аллен, что

германские подводные лодки в первые недели войны строго придерживались Лондонского соглашения.

Почему это положение не осталось таким же и далее? Потому, что поведение противной стороны сделало невозможным применение таких методов с военной точки зрения и одновременно создало юридические предпосылки для их изменения.

Вначале я рассмотрю военную сторону вопроса. С первого же дня войны к командующим подводными лодками и в штаб военно-морских сил стали поступать сообщения подводных лодок о том, что ни один вражеский пароход добровольно не соглашался подвергнуться задержанию и досмотру. Торговые суда не удовлетворялись попыткой уйти с помощью бегства или с помощью разворота на подводную лодку и принуждения ее к погружению. Более того, о всякой замеченной подводной лодке немедленно сообщалось по радио и через короткое время она подвергалась атаке вражеских самолетов или военно-морских сил. Но основным было полное вооружение вражеского торгового флота. Уже 6 сентября 1939 года одна немецкая подводная лодка подверглась артиллерийскому обстрелу с британского парохода "Манавр" и это послужило сигнальным выстрелом для начала крупных конфликтов, которые имели место между подлодками, с одной стороны, и вооруженными, оснащенными артиллерией и глубинными бомбами, торговыми судами, с другой стороны, как между равноценными военными противниками.

15774

H1210 – 0489

H1210 – 0490

Действие всех этих мер противника я иллюстрировал несколькими примерами, которые не хотел бы повторять. Они ясно показывают, что дальнейшие действия против торговых судов на основе правил ведения войны были уже невозможны с военной точки зрения и означали самоубийство для подводной лодки. Несмотря на это, германское командование еще несколько недель не изменяло своих действий на основании правил о взятии призов. Лишь после того, как было установлено, что в отношении действий вражеских торговых судов, в частности, в отношении использования оружия, речь идет не об отдельных случаях, а об общепринятых мерах, - 4 октября 1939 года был издан приказ о потоплении без предупреждения всех вооруженных торговых судов противника.

Возможно, Обвинение будет защищать ту точку зрения, что вместо этого следовало бы прекратить подводную войну против вооруженных торговых судов. В последнюю войну на суше, а также с воздуха обеими сторонами применялись ужаснейшие средства войны. Учитывая этот опыт, едва ли сегодня можно защищать тезис о том, что в морской войне можно требовать от одной воюющей стороны отказа от эффективного военного средства после того, как противник своими мерами сделал невозможным его применение в прежних формах. Речь об отказе вообще могла итти только в том случае, если бы новая форма применения этого военного средства была безусловно незаконной. Однако в отношении использования германских подлодок против

вражеского торгового судоходства это неверно потому, что вражеские меры кроме военного положения изменили также и юридическую основу.

Германское восприятие права во всяком случае сводится к тому, что вооруженный корабль будучи в действии, не подпадает под защиту от потопления без предупреждения, которая признается за торговыми судами Лондонским соглашением. Я категорически заявляю, что тем самым не оспаривается право торгового судна вооружаться и вести борьбу. Из этого факта делается лишь вывод, отражающийся в известной формуле: "Кто прибегает к помощи оружия, тот должен ожидать его применения и с другой стороны".

Во время перекрестного допроса Обвинение назвало подобное изложение Лондонского соглашения неверным. Оно в узкой дословной интерпретации считает потопление торгового судна допустимым лишь только после того, как оно оказало активное сопротивление. Не впервые относительно толкования договора существуют принципиальные разногласия между сторонами, заключившими договор, а довольно различные восприятия значения Потсдамского соглашения от 2 августа 1945 года, - представляет собой довольно яркий пример. Таким образом, из различия мнений ни в коем случае нельзя сделать вывода, что одна или другая сторона при подписании или при более позднем истолковании договора действовала неискренне. Насколько необоснованно это обвинение также и по отношению к германскому

15776

H1210-0491

H1210-0492

истолкование Лондонского соглашения о подводных лодках,- я попытаюсь доказать.

Германское истолкование исходит из понимания двух понятий, а именно: "торговое судно" и " оказание актив-ного сопротивления".

Если я теперь займусь рассмотрением юридических вопросов, то это ни в коем случае не займет много времени. Я могу лишь наметить проблемы и должен ограничиться также, вследствие недостатка во времени, упоминанием небольшого количества научных трудов. Главным образом, я укажу на американские источники, так как морские стратегические интересы этой нации были не столь точно установлены, как интересы европейских наций и ее наука может поэтому в особой степени претендовать на об"ективность.

Как известно, текст Лондонского соглашения 1936 года основан на заявлении, которое было сделано на лондонской военно-морской конференции 1930 года. О спорном понятии "торговое судно" назначенный тогда комитет юристов высказался в своем докладе от 3 апреля 1930 года следующим образом:

"Комитет желает включить в протокол замечание о том, что под выражением "торговое судно", встречающимся в декларации, не следует понимать такое судно, которое в настоящее время принимает такое участие в военных операциях, лишающее его прав на неприкосновенность, как торгового судна".

15777

Это определение по крайней мере выясняет одно, а именно, что отнюдь не всякое судно под торговым флагом право претендовать на обращение с ним как с торговым судном в смысле лондонского соглашения. Это раз"яснение дает мало положительного, ибо вопрос путем какого участия в военных операциях судно теряет право на иммунитет торгового судна, был вновь поставлен на обсуждение отдельных партнеров по договору. Насколько, мне кажется, лондонская конференция больше не занималась этим шекотливым вопросом и, я думаю, что не ошибусь в предположении, что эта удивительная сдержанность об"ясняется опытом, которым обогатились те же самые державы в Вашингтоне 8 лет тому назад.

В период конференции в Вашингтоне в 1922 г. были еще свежи впечатления первой мировой войны и поэтому неудивительно, что мораская держава, больше всех пострадавшая от подводной войны Германии в первую мировую войну, Великобритания, попыталась вообще с точки зрения международного права запретить военные действия подводных лодок против торгового судоходства. Этой цели служила резолюция, названная по имени главного американского представителя Рута, которая в своей первой части в основном соответствует тексту лондонского соглашения 1930г. Но во второй части резолюции Рута идет дальше, предусматривая, наказание командира подводной лодки, как военного преступника и морского разбойника, если он - независимо от того, по высшему приказу или без оного - нарушит правила, установленные в отношении потопления торговых судов. В заключение признается, что борьба подводных лодок против торгового судоходства невозможна при указанных в резолюции условиях и поэтому, тем самым выражен отказ договаривающихся держав от

15778

H1210-0493

H1210 – 0494

подводной войны против торгового судоходства. Резолюция Рута называет эти принципы признанной частью международного права. Как таковые они были, правда, приняты представителями, но не были ратифицированы ни одной из пяти участвовавших морских держав США, Англия, Франция, Япония и Италия.

В связи с резолюцией Рута был поставлен на обсуждение также другой вопрос, имеющий величайшее значение для истолкования лондонского протокола, а именно, определение понятия торгового судна. Здесь ясно обрисовались два фронта, существующие в вопросе о подводной войне. На одной стороне стояла Англия, на другой - Франция, Италия и Япония, тогда, как США занимали среднюю промежуточную позицию. Судя по протоколу конференции в Вашингтоне, итальянский делегат, сенатор Шанцер встал на защиту более слабых морских держав и категорически подчеркнул, что нормально вооруженные торговые судна могут быть без всякого промедления атакованы подводной лодкой. Шанцер на другом, более позднем заседании, повторил, что итальянская делегация, под выражением "торговое судно" в резолюции понимает только невооруженное торговое судно. Он ясно говорит, что это соответствует существующим принципам международного права.

Французский делегат М. Сарро получил тогда от министра иностранных дел Бриана указание присоединиться к оговорке итальянского делегата. Он ходатайствовал затем о включении итальянской оговорки в протокол заседания.

Японский делегат Хани Хара поддержал это направление, заявив, что он считает ясным, что торговое судно, если оно оказывало военную поддержку противнику, фактически перестает быть торговым судном.

15779

Таким образом, мы видим, что в 1922 г. три из пяти представленных держав считали недопустимым и противоречащим соглашению признание вооруженных торговых судов торговыми судами. Так как эти разногласия грозили провалить всю резолюцию, то был найден выход, типичный для подобных конференций. Руд прекратил дебаты заявлением, что, по его мнению, резолюция имеет силу в отношении всех торговых судов, покуда они остаются таковыми. На основании этого компромисса была составлена формула, которая, правда, могла представлять собой временный политический успех, но которая не обладала действительным значением на случай войны. Ибо было оставлено на усмотрение каждой из участвующих держав в отдельности, будет ли она в случае войны поддерживать резолюцию в отношении вооруженных торговых судов или нет.

Я остановился подробнее на этих событиях 1922г. более подробно, т.к. в них принимали участие те же самые державы, которые участвовали в морской конференции в Лондоне в 1930г. Лондонская конференция была продолжением Вашингтонской конференции и все то, что обсуждалось и было запротоколировано... на первой конференции, сохранило все свое значение также и для второй. Также и в науке отнюдь не только в Германии, а в особенности в Американской и во Франции эта тесная связь между обеими конференциями явилась основным об"ектом для изучения, и причем именно поэтому результат, достигнутый в вопросе о ведении на

15780

H1210 – 0495

H1210 – 0496

подводной войны был об"явлен/ двусмысленным и неудовлетворительным. Я хотел бы здесь указать на доклад Вильсона о лондонском морском договоре.

Именно там, наряду с двусмысленностью понятия "торговое судно" указывается на неопределенность термина "активное сопротивление". И именно с этими словами связано лишение торгового судна его привилегий, что также неясно из текета лондонского соглашения, но несмотря на это повсюду признается. Я имею в виду торговые суда во вражеском конвое. При дословном изложении лондонского соглашения нужно было бы считать, что и торговые суда во вражеском конвое не могут ~~быть~~ быть атакованы внезапно, а что атакующий военный корабль должен сперва уничтожить корабли сопровождения, чтобы затем задержать торговые суда и провести их досмотр. Это невозможное с военной точки зрения требование, очевидно, не выдвигается также и обвинением. В неоднократно упоминаемом докладе британского/ министрерства иностранных дел сказано:

15781

"Обычно предполагается, что вражеские суда, идущие караваном, виновны в оказании силы сопротивления, поэтому они подлежат немедленному потоплению".

Стало быть здесь и обвинение допускает формулировку: "активное сопротивление", т.е. понятие, которое никоим образом не вытекает из самого договора, а просто является логическим результатом военной необходимости и вместе с тем диктуется здравым смыслом.

Тот же самый здравый смысл заставляет считать вооруженное торговое судно в такой же степени виновным в насильственном сопротивлении, как и конвоируемое судно. Возьмем какой-нибудь наглядный пример, чтобы окончательно выяснить все это. Невооруженное торговое судно в 20 тыс. тонн со скоростью в 20 узлов, конвоируемое тральщиком, скажем, с двумя орудиями и скоростью в 15 узлов, может быть потоплено без предупреждения, так как оно доверилось защите тральщика и тем самым виновно в активном сопротивлении. Но если отбросить защиту этого тральщика, а вместо того поместить на борту торгового судна два или даже 4 или 6 орудий и тем самым дать ему возможность полностью использовать свою скорость, то он разве не может быть в той же мере, как и раньше признанным виновным в активном сопротивлении? Подобный результат, кажется мне, в самом деле противоречит здравому человеческому смыслу. По мнению обвинения подводная лодка должна сначала остановить это торговое судно, далеко превосходящее ее по боевой мощи, и ожидать, пока торговое судно не даст бортовой залп по подводной лодке. И лишь только тогда она может со своей стороны использовать оружие. Но так как одно

15782

H1210 – 0497

H1210 – 0498

единственное артиллерийское попадание почти всегда 56.
смертельно для подводной лодки, а торговому судну оно, как правило, наносит небольшой ущерб, то результатом было бы определенно потопление подводной лодки.

"Если видишь гремучую змею, не ожидай, пока она на тебя бросится, а сначала уничтожь ее".

Это слова Рузвельта, которыми он оправдывал приказ американским военно-морским силам атаковывать германские подлодки. Этого основания было для него, таким образом, достаточно, чтобы приказать немедленно использовать оружие, даже не будучи в состоянии войны. Но в войне это, пожалуй, очень оригинально, имея двух вооруженных противников - одному давать право первого выстрела, а на другого возлагать обязанность ожидать первого попадания. Подобное истолкование противоречит всякому военному пониманию. Поэтому неудивительно, что при наличии таких противоречивых мнений специалисты по международному праву и после Лондонского соглашения и подписания лондонского протокола 1936 г. рассматривают вопрос об обращении с вооруженным торговым судном в войне на море, как вопрос неразрешенный. И здесь я хотел бы также указать лишь на один научный источник, который пользуется особо высоким авторитетом. Это проект соглашения о правах и обязанностях нейтральных держав в войне на море, который был опубликован в июле 1939 г. ведущими американскими профессорами международного права Ессупом, Бокхардом и Чарльзом Уорреном с обоснованием, которое дает прекрасный обзор новейших мнений по этому вопросу. Статья 54 этого проекта дословно соответствуе-

13783

тексту Лондонского соглашения 1936г. с одним важным исключением: выражение "торговое судно" заменено выражением "невооруженное судно". Затем в следующей статье говорится:

"В своих действиях по отношению к вражеским вооруженным торговым судам военные суда воюющих сторон, как надводные, так и подводные, а также военные самолеты воюющих сторон руководствуются правилами, применимыми к их действиям по отношению к вражеским военным судам".

Это мнение обосновывается историческим развитием. В те времена, когда было обычным вооружение торговых судов, т.е. до начала прошлого столетия, не было и речи о какой-либо защите торгового судна от немедленного нападения со стороны вражеского военного корабля. С изобретением брони военный корабль настолько стал превосходить по своей мощи вооруженное торговое судно, что его сопротивление стало бесполезным и вооружение их поэтому постепенно прекратилось. Эта беззащитность по отношению к военному кораблю и только она принесла торговому судну привилегию, на основании которой оно не может подвергнуться бесцеремонному нападению со стороны ведущих войну подводных лодок.

По мере того, как торговые суда теряли действенную боевую мощь, они приобретали законную неприкосновенность от внезапного нападения".

Этот иммунитет никогда не предоставлялся торговому судну как таковому, а лишь беззащитному и безопасному торговому судну. Относительно этого американский специалист по международному праву Хайд сказал в 1922 г., т.е. после конференции в Вашингтоне и упомянутой резолюции

15784

H1210-0499

H1210 – 0500

Рута о подводной войне:

"Морские державы никогда не соглашались с принципом, что торговое судно, вооруженное так, что оно способно уничтожить военное судно любого рода, не должно подвергаться нападению без предупреждения, по крайней мере когда оно встречается с вражеским крейсером, обладающим меньшей оборонительной силой".

Юридические, а также и практические соображения заставили поэтому после подписания Лондонского соглашения и вскоре после начала этой войны упомянутые американские авторитетные лица придти к мнению, что вооруженные торговые суда не защищены от внезапного нападения. При этом становится совершенно ненужным проводить грань между оборонительным и наступательным вооружением. Как известно, именно американский статссекретарь Лансинг в своей ноте союзникам от 18 января 1916г. встал на ту точку зрения, что всякое вооружение торгового судна дает ему превосходство в боевой мощи над подводной лодкой и поэтому это оружие имеет характер оружия наступательного.

При дальнейшем развитии мировой войны Соединенные Штаты изменили свое мнение и считали, что установка орудий на палубе может быть признана как доказательство оборонительного характера его вооружения. Некоторые международные соглашения и проекты, а также, в частности, британские юристы присоединились к этому мнению. Оно не соответствует практике ведения морской войны.

15785

Прежде всего, в этой войне на многих судах с самого начала устанавливались орудия на передней части судна. Так было, например, со всеми рыболовными судами. Далее, особо опасное для подводных лодок зенитное орудие часто устанавливалось на мостиках торговых судов, т.е. могло быть использовано во всех направлениях. Кроме того, различие между оборонительным и наступательным вооружением не может быть установлено, если ориентироваться только на местонахождение орудия.

Это зависит только от приказа и от настроения духа, во время применения этих орудий. Приказы британского адмиралтейства попали в неменкие руки уже вскоре после начала войны. Их представление было разрешено мне решением Трибунала. Частично они содержатся в "секретных приказах по флоту", а главным образом, в "руководстве по обороне торгового судоходства". Изданы они в 1938 году. Таким образом, речь идет не о контрмерах в ответ на незаконные германские действия, а наоборот, они были изданы в тот момент, когда в Германии подводная война мыслилась только лишь на основе лондонского соглашения. Эти указания показывают далее, что все британские торговые суда с первого дня войны действовали согласно приказам британского адмиралтейства. Вопрос о борьбе с подводными лодками обсуждается согласно следующим пунктам:

1. Сообщение о подводных лодках с помощью радиотелеграфа.

2. Использование корабельной артиллерии.

3. Использование глубинных бомб.

15786

H1210 - 0501

H1210 – 0502

Эти директивы были дополнены переданным в октябре 1939 года по радио приказом таранить все германские подводные лодки.

После такого обзора могут показаться вообще нужными рассуждения об оборонительном или наступательном значении таких приказов. Но приказы об использовании артиллерии торговыми судами делают необходимым такое различие, а именно пушки должны использоваться в оборонительном отношении до тех пор, пока противник со своей стороны придерживается принципов, на которых зиждется международное право и использоваться для наступательных целей лишь тогда, когда он нарушает эти принципы. Однако приказы о практическом осуществлении этих директив показывают, что между оборонительным и наступательным использованием вообще нет никакой разницы. Адмирал Дениц подробно осветил это при своем допросе, и я не хочу повторять этого. В действительности во всех случаях торговое судно с самого начала войны имело приказ стрелять по всякой подводной лодке, которая появлялась в сфере дальнобойности его орудий. И таким образом действовали все капитаны британских торговых судов Причину такого наступательного поведения, конечно, нельзя искать в поведении германских подводных лодок в первые недели войны, ибо даже доклад британского министерства иностранных дел признает, что их поведение было корректно.

15782

Наоборот, большое значение, повидимому, имела британская пропаганда, которая в связи с потопленным по недоразумению кораблем "Атения", имевшим место 3 сентября 1939 года, распространила через агенство "Рейтер" 9 сентября утверждение о неограниченной подводной войне и продолжала это делать и в дальнейшем, хотя действия германских подводных лодок в первые недели войны опровергло это обвинение. С опубликованием приказа от 1 октября 1939 года о том, что британским кораблям снова и совершенно фоициально было сообщено, что германские подводные лодки, якобы, больше не придерживаются существующего военно-морского права и торговые суда должны вести себя соответственно этому. При этом, мне кажется, не имеет никакого значения то, что существующее письменное дополнение к адмиралтейскому приказу было издано только лишь в начале 1940 года, ибо войной на море сегодня руководят не с помощью писем, а с помощью радиограмм. Согласно же радиограмм с 9 сентября или же самое позднее с 1 октября 1939 года британские капитаны на основании руководства адмиралтейства направили свои орудия против германских подводных лодок. Германский приказ о торпедировании без предупреждения вражеских вооруженных торговых судов, был издан только 4 октября. Таким образом, он был оправдан во всех отношениях, даже, если хотят признавать различие в обращении с судами с оборонительным или наступательным оружием.

Орудия торговых судов и приказы об их использовании

15788

H1210 – 0503

H1210 – 0504

были, однако, лишь частью широкой системы военного использования торговых судов. С конца сентября 1939 года именно наиболее быстроходные суда, которые, таким образом, сами меньше всего подвергались опасности со стороны подводных лодок, а с другой стороны особенно приспособлены для охоты за подводными лодками, получили сбрасыватели глубинных бомб, т.е. оружие, требующее разыскивания погрузившейся подводной лодки, которое тем самым надо расценивать, как типичное наступательное оружие.

Более общее значение и большую опасность для подводных лодок имел, однако, приказ немедленно сообщать тип и местоположение всякого замеченного вражеского судна. Эти сведения должны были, как говорится в приказе, использовать возможность, которая может быть больше не повторится, для уничтожения противника с помощью собственных военно-морских или воздушных вооруженных сил.

Это - недвусмысленное использование всех торговых судов для военной службы информации в целях непосредственного нанесения урона противнику. Если вспомнить, что согласно соглашениям о госпитальных судах, даже госпитальные суда теряют свой иммунитет, если они передают военные сведения подобного характера, то не может быть никакого сомнения в последствиях подобных действий торгового судна. Тот, кто выходит в море с приказом и стремлением, при всякой возможности передавать собственным военно-морским и воздушным силам военные сведения о противнике, принимает участие в течение всего своего рейса в военных действиях и, согласно упомянутому докладу комитета юристов от 1930 года не может претендовать на то, чтобы его рассматривали как торговое судно.

15789

При ином понимании этого вопроса угрожали ли непосредственная опасность для судна после сообщения о нем по радио, когда оно, часто уже через несколько минут подвергается налету авиации противника.

Из всех директив адмиралтейства следует, что британские торговые суда с первого дня войны были включены в систему британских военно-морских сил для борьбы с вражескими военно-морскими силами. Они были частью военной информационной сети британского военно-морского флота и военно-воздушных сил, их оснащение орудиями и глубинными бомбами, обучение в обращении с оружием и приказы об использовании были делом британского военно-морского флота. Мы считаем, что совершенно исключено, то, что такой торговый флот, предназначенный к используемый для борьбы, можно причислить к тем судам, которые пользуются правом защиты от внезапного нападения, согласно лондонскому протоколу. Руководствуясь этим в связи с быстро усовершенствующимся вооружением всех вражеских торговых судов, 17 октября 1939 года был издан приказ атаковать без предупреждения все вражеские торговые суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кранцбюллер! Мы можем сейчас об"явить перерыв.

/К микрофону подходит представитель британского обвинения сэр Дэвид Максуэлл Файф/.

ДЭВИД ФАЙФ. Милорд, я сожалею, что задерживаю Трибунал. Я обещал сообщить Трибуналу о 2-х показаниях представленных по делу подсудимого Зейсс-Инкварта. У нас нет возражений против них. Я обещал сообщить об этом сегодня. Я еще раз приношу свои извинения, что мне пришлось задержать Вас.

/Об"является перерыв до 10.00 16 июля/.

ап-вв.
мс-тл.
нд.

15790

H1210 – 0505

H1210 – 0506

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 16 июля 1946 года

Утреннее заседание.

Встать! Суд идет!

КРАНЦБЮЛЛЕР. Господин председатель, господа судьи!

Я хотел бы обобщить мои вчерашние заявления и сказать о действиях германских подводных лодок против вражеского торгового судоходства следующее:

Я думаю, что германское истолкование лондонского протокола от 1936 года, согласно общеизвестной в кругах специалистов позиции некоторых участвующих держав, а также согласно известному мнению многочисленных и компетентных научных работников всех стран, ни в коем случае не является мошеннническим. Если я должен говорить очень сдержанно, то я должен, по крайней мере, назвать его весьма обоснованным с юридической точки зрения и поэтому против германского военно-морского командования не может быть выдвинуто ни малейшего обвинения, если в основе его приказов лежит разумное понимание. Мы видели, что эти приказы были изданы лишь после того, как вследствие опубликованных сведений о британских мерах без сомнения были созданы те предпосылки, которые по германскому восприятию права оправдывают эти приказы.

Прежде чем закончить эту тему, я хотел бы напом - нить Трибуналу об особой защите, предоставляемой герман - скими приказами пассажирским пароходам. Они долгое время исключались из всех мер по потоплению и причем даже в тех случаях, если они следовали под вражеским конвоем и, тем самым, также согласно и британскому мнению, могли бы быть потоплены без предупреждения. Эти меры особенно ясно показывают, что обвинение в жестокости несправедливо. На пассажирские пароходы приказы, имевшие силу в отношении остальных судов, были распространены лишь тогда, когда с начала 1940 года вообще перестали существовать безобидные пассажирские пароходы, и именно эти суда вследствие своей высокой скорости и сильного вооружения показали себя особенно опасными врагами подводных лодок. Поэтому, если доклад господина Роджера Аллена упоминает потопление "Сити оф Бенарес" осенью 1940 года в качестве особо яркого примера жестокости германской подводной лодки, то этот при - мер выбран не особенно удачно, ибо "Сити оф Бенарес" было вооружено и следовало в составе конвоя.

Теперь я перехожу к обращению с нейтральными су - дами в ведении германской подводной войны и могу и здесь также указать на особенно подчеркиваемый господином Род - жером Алленом пример незаконного потопления нейтрального судна с точки зрения международного права. Речь идет о торпедировании датского парохода "Вендия" в конце сентяб- ря 1939 года. Трибунал должен помнить, что это судно было задержано, согласно общему порядку, и было потоплено тор- педой лишь после того, как оно предприняло попытку таранить

15792

H1210 – 0507

H1210 – 0508

германскую подводную лодку. Это дело повело к протесту германского правительства датскому правительству,вследствие враждебного поведения нейтрального судна.

Выяснение этого одного примера может лишь показать, насколько по-иному выглядит положение вещей, если знают не только результат, а именно потопление нейтрального судна, но и причины, поведшие к этому результату. Для германских подводных лодок до последнего дня войны существовал принципиальный приказ не атаковывать опознанные нейтральные торговые суда. Из этого приказа существовали точно установленные исключения, о которых было в нотах сообщено нейтральным государствам. Они относились,во-первых,к судам, которые вели себя подозрительно или враждебно и, во-вторых, к судам в установленных зонах операций.

К первой группе прежде всего относятся те суда, которые идут с потушенными огнями в зонах военных действий. 26 сентября 1939 года командующий подводными лодками ходатайствовал перед главным командованием военно-морскими силами о разрешении проводить атаки без предупреждения на затемненные суда в Канале. Причина была ясна. Там ночью производились перевозки вражеских войск и материалов второй волны британской экспедиционной армии во Францию. Тогда еще существовал приказ вообще не топить французские суда, но, так как ночью нельзя было отличить французские суда от английских, подводная война в выполнение этого приказа должна была бы быть полностью прекращена в ночное время в Канале. Трибунал слышал от одного из свидетелей, что таким образом один 20.000-тонный войсковой транспорт невредимым прошел перед торпедными аппаратами германской

25793

подводной лодки. Подобный результат во время войны невероятен, и военно-морской штаб поэтому, само собой разумеется, удовлетворил ходатайство командующего подводными лодками.

Обвинение особенно подчеркнуло заметку, написанную по этому поводу одним сотрудником /ассистентом/ в штабе военно-морских сил, капитаном-лейтенантом Фресдорф. Уже начальник отдела, адмирал Вагнер, не одобрил высказанные там идеи и поэтому они не повели к соответствующим приказам. Приказ о нападении на затемненные суда был отдан военно-морским штабом по радио, без всяких дополнений, и он был 4 октября распространен на весь район вокруг английского побережья и причем опять-таки безо всякого дополнения в смысле указанной заметки.

О юридической характеристике затемненных судов известный практик военно-морского права Ванзелов говорит следующее:

"Затемненное судно должно во время войны в сомнительных случаях рассматриваться как неприятельское военное судно. Нейтральное, а также неприятельское торговое судно, которое следует без огней, добровольно отказывается на время темноты от своей привилегии не быть атакованным без предупреждения". /Конец цитаты/.

Далее, я указывая на заявление Черчилля в палате общин 8 мая 1940 года о действиях британских подводных лодок в Скагерраке. Эти последние с начала апреля имели приказ атаковать без предупреждения днем все германские суда, а ночью -все суда, т.е. и нейтральные. Это означает признание изложенной юридической точки зрения. Этот приказ

15794

H1210 - 0509

H1210 – 0510

даже превышает немецкий приказ в той степени, что в этом районе моря ночью топились без предупреждения даже нейтральные суда, идущие со всеми огнями. При таком ясном юридическом положении вряд ли было бы необходимо в категорической форме предостерегать нейтральные суда от подозрительного или враждебного поведения. Несмотря на это, военно-морской штаб настаивал на том, чтобы это было сделано.

28 сентября 1939 года нейтральным правительствам была направлена первая германская нота с требованием предостеречь свои торговые суда от всяких подозрительных действий, как-то - изменение курса и использование радио при появлении в зоне видимости германских военных кораблей, затемнение, невыполнение требования остановиться и т.д. Эти предупреждения в последующий период неоднократно повторялись и нейтральные правительства передавали их своим капитанам. Все это доказано предъявленными документами. Поэтому, если с нейтральными судами обращались вследствие их подозрительного или враждебного поведения, как с вражескими судами, то в этом они должны винить самих себя. Те нейтральные суда, которые во время войны вели себя корректно, не должны были атаковываться германскими подводными лодками, и имеются сотни примеров того, что и не имело места.

Я обращаюсь теперь ко второй опасности, которая угрожала нейтральным торговым кораблям: к районам операций. Фактическое развитие, коротко, было следующим:

24 ноября 1939 г. имперское правительство направило всем нейтральным странам, имеющим торговый флот, ноту,

15725

в которой оно указало на применение торговых кораблей противника в качестве наступательных средств, а также на тот факт, что правительство Соединенных Штатов запретило своим судам появляться в строго ограниченной зоне у берегов Центральной Европы, в так называемой зоне боевых действий США. Оба эти факта, как говорится в ноте, дают имперскому правительству повод / я цитирую/:

"Снова и в категорической форме сделать предупреждение о том, что ввиду тех боевых действий, которые ведутся всеми средствами современной военной техники во все возрастающей степени в водах вокруг британских островов и вблизи французского побережья, оно не может больше гарантировать безопасности нейтрального судоходства". /Конец цитаты/.

Далее, в ноте рекомендуется установить определенные морские пути для судоходства между нейтральными государствами, которые не будут подвергаться угрозе со стороны германского военно-морского флота, а также провести законодательные мероприятия по примеру США. В конце имперское правительство заявляет, что оно снимает с себя ответственность за последствия, которые могут возникнуть,если не будут учтены эти предупреждения и рекомендации. Эта нота означала сообщение о районе операций по типу зоны боевых действий США, с тем ограничением, что в водах, в которых суда действительно подвергаются опасности в результате боевых действий с противником, больше нельзя было считаться с нейтральным судоходством.

Этого ограничения военно-морской штаб и придерживался. Нейтральные государства имели в своем распоряжении сперва свыше шести недель для того, чтобы провести

15726

H1210-0511

H1210 - 0512

мероприятия, рекомендованные германским правительством для безопасности их собсьвенного торгового флота и для перевода судоходства на установленные направления. С начала января германское командование известило, что оно устанавливает в границах района операций, о котором было сообщено ранее, вокруг английского побережья зону, открытую для боевых действий, в которой допустимо нападение на все еще курсирующие там суда безо всякого предупреждения. Трибуналу была предъявлена морская карта, на которую нанесены эти зоны. Она показывает, что постепенно были охвачены те зоны и только те зоны, в которых в результате все возраставших военных действий с обоих сторон на море и в воздухе постоянно происходили бои, и так что любое судно, направлявшееся в эту зону, находилось в непосредственной близости военных кораблей обоих противников. Последняя из этих зон была установлена в конце мая 1940 г. Об этих зонах не сообщалось и о них и не нужно было сообщать, так как все они находились в границах района операций, объявленного 24 ноября 1939 г. Расстояние этих зон от вражеского побережья составляло в среднем 60 морских миль. За пределами этих границ объявление района операций от 24 ноября не использовалось, т.е. нейтральные суда могли задерживаться и их могли топить только в соответствии с призовым порядком.

Это положение изменилось, когда после разгрома Франции летом 1940 г. Британские острова стали центром военных событий. 17 августа 1940 г. имперское правительство сообщило в ноте нейтральным правительствам о том, что весь район боевых действий США вокруг Англии без всякого ограничения объявлялся районом операций.

15797

"Любое судно, - говорится в этой ноте, - которое будет плавать в этом районе, подвергается опасности уничтожения не только минами, но и другими боевыми средствами. Германское правительство поэтому, снова и настоятельно предостерегает от плавания в угрожаемых районах".

Начиная с этого момента ~~в~~ этот район использовался в полном объеме и всем военно-морским и военно-воздушным силам было разрешено немедленно применять оружие против встреченных там судов, если не давался приказ об отдельных исключениях, о которых давались специальные указания. Все изложенное развитие событий открыто освещалось в германской прессе и гросс-адмирал Редер давал о нем интервью представителям иностранной прессы, в которых он ясно излагал германскую точку зрения. Если поэтому был нанесен ущерб нейтральным судам и экипажам в упомянутых морских районах, то они, по крайней мере, не могли жаловаться на то, что их заранее об этом категорически и настойчиво не предупреждали.

Однако только эта констатация не решает еще вопроса о том, является ли установление района операций, как таковое, допустимым мероприятием. И здесь Обвинение станет на ту точку зрения, что лондонское соглашение от 1936 г. не делает никаких исключений для районов операций и вследствие этого такие исключения также и не существуют.

Как известно, объявление районов операций является изобретением первой мировой войны. Первое заявление такого рода исходило от Британского правительства 2-го ноября 1914 г. и, согласно ему, весь район Северного моря был объявлен районом военных действий. Это заявление было

15798

H1210 – 0513

H1210 - 0514

обосновано, как репрессалия в ответ на нарушения между - народного права со стороны Германии, которые якобы имели место. Так как это обоснование, естественно, не было признано, правительство Кайзера 4.II-1915 г. ответило объявлением вод, омывающих Англию, районом военных действий. С обоих сторон последовало затем дальнейшее расширение этих районов. Я не хочу останавливаться на отдельных формулировках этих заявлений и остроумных юридических выво - дах, которые были сделаны в отношении допустимости и не - допустимости этих заявлений на основании их текста.

Называть ли эти районы зонами военных действий, запретными зонами, районами операций или угрожаемыми районами - во всех случаях смысл заключался в том, что военные корабли в установленных зонах имели разрешение топить все появляющиеся в них суда. После мировой войны общее убеждение морских офицеров, а также специалистов по международ - ному праву состояло в том, что районы операций сохранятся как средство морской войны. Таким образом, в этом отноше - нии снова подтвердилось положение, характерное для разви - тия военно-морского права, что новая военная техника тре - бует применения военных методов, которые вначале вводятся как репрессалии, но затем постепенно начинают практически применяться и без подобного обоснования и признаются за - конными.

Технические причины этого развития ясны: усовершенствование мины сделало возможным с помощью мин создавать угрозу на обширных морских пространствах. Если, однако, считалось допустимым топить с помощью мин любое судно, которое, несмотря на предупреждение, совершало плавание в

15799

объявленных угрожаемых морских районах, то нельзя понять, почему в этом же районе нельзя было применять аналогичным образом и другие военно-морские средства.

К этому добавилось то, что традиционная блокада практически была сделана невозможной в результате применения мин, подводных лодок и авиации непосредственно перед портами и побережьем противника, так что морские державы должны были искать новые пути для того, чтобы эффективно преградить доступ к побережью противника. Таким образом эта необходимость вынуждала признать районы операций. Во всяком случае не существовало никакого единого мнения относительно отдельных предпосылок, при которых объявление таких районов было допустимо, а также относительно того, какое наименование должна была им дать воюющая сторона. В этом положении ничего не изменили также и конференции от 1922 и 1930 годов. Это доказали усилия, которые также и после 1930 г. прилагали, в особенности американские политические деятели и специалисты по международному праву, для решения этого вопроса.

Сейчас, к сожалению, неподходящее время для более детального рассмотрения этих вопросов и поэтому для задач защиты достаточно констатировать, что во время вашингтонской конференции в 1922 г. и лондонской конференции в 1930 г. объявление района операции рассматривалось как известное всем державам - участникам конференций, и причем с установленными обеими сторонами в первой мировой войне последствиями, а именно, что все появляющиеся в нем суда подвергаются опасности немедленного уничтожения. Если бы это положение должно было быть ликвидировано на упомянутых

15800

H1210 - 0515

H1210-0516

конференциях, в частности в договоре от 1930 г., то,если не в тексте соглашения, то по крайней мере во время переговоров, в этом отношении должно было бы быть достигнуто единство во мнениях. Однако протокол не свидетельствует об этом. Соотношение между понятием "район операций" и лондонским соглашением осталось невыясненным.

Таким же образом этот вопрос рассматривает и французский адмирал Кастекс. Адмирал Бауэр, командующий подводным флотом в первой мировой войне, в 1931 г. высказался против применяемости лондонских правил в районе операций и это мнение было хорошо известно британскому военно-морскому флоту. В капитальном труде профессора Эрнста Шмитца, изданном в 1938 г., торговый корабль, который несмотря на общий запрет, совершает плавание в районе операций, рассматривается как виновный в "упорном отказе остановиться". Державы, участвовавшие в вашингтонской и лондонской конференциях, как в этом, так и в других случаях, сознательно избегали того, чтобы обсуждать спорные вопросы, в отношении которых нельзя было достичь единого решения. Вследствие этого каждая держава сохранила свободу для того,чтобы на практике придерживаться той точки зрения, которая соответствовала ее интересам. В этом участники отдавали себе полный отчет, и свидетелем по этому вопросу является не кто иной, как бывший министр иностранных дел Франции Бриан. В своей инструкции председателю французской делегации в Вашингтоне Сарро от 30.XII-1921 г. он заявил о том, что он в принципе готов заключить соглашение о подводной войне. Далее он однако перечисляет ряд вопросов, которые должны

75801

H1210-0517

стать существенными составными частями такого соглашения,среди них вопрос о вооружении торговых кораблей и объявлении зон военных действий. Далее в инструкции говорится:

"Необходимо рассмотреть эти вопросы и разрешить их на основании общего соглашения как в отношении надводных, так и в отношении подводных судов и авиации, в противном случае установленные правила будут неэффективными и вводящими в заблуждение".

"Неэффективные и вводящие в заблуждение", так называет Бриан правила ведения подводной войны именно также в связи с вопросом о районе операций. После этого свидетельства никто не смотет назвать позицию Германии относительно того, что судоход - ство в объявленных районах операций не находится под защитой лондонского соглашения, моленнической. Это признает даже доклад господина Роджера Аллена.

Из перекрестных допросов я вывел заключение, что Обвине - ние обрушивается, очевидно, в большей степени не на сам факт существования таких районов, а на их масштабы, и мы неоднократно слышали цифру 750.000 кв.морских миль. В отношении этой цифры необходимо, между прочим, заметить, что в нее включены террито - рии Великобритании, Ирландии и Западной Франции. Чисто морское пространство составляет только 600.000 кв. миль. Я,однако, безусловно признав, что установление районов операций в таких масштабах сильно нарушало интересы нейтральных государств. Тем знаме - нательнее то, что уже упомянутый проект конвенции от 1939 г., выработанный американцами о правах и обязанностях нейтральных государств, предусматривает значительное расширение районов операции. Такой район,называемый в проекте "зоной блокады", должен был охватить морское пространство на расстоянии до 50 морских миль от блокируемого побережья.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кранцбюллер, Трибунал хотел бы знать, что из себя представляет американский проект от 1939 г., на ко - торый Вы ссылаетесь?

КРАНЦБЮЛЛЕР. Это уже упоминавшийся мною проект американ - ских профессоров о правах и обязанностях нейтральных судов в войне на море,составленный Джессапом Орчардом и Чарльзом Уоррен и опубликованный в "Американском журнале по международному праву" от июля 1939 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы назвали Джезупа и Уоррена?

КРАНЦБЮЛЛЕР. Джессап Орчард и Чарльз Уоррен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю Вас.

КРАНЦБЮЛЛЕР. Это пространство вполне соответствует морскому пространству, в котором до 17.УШ.1940 г. было разрешено нападение без предупреждения, оно охватывает около 200.000 кв. морских миль.

Однако, мне кажется почти невозможным вообще подходить с научной точки зрения к такому чисто практическому вопросу, как расширение районов операций. До тех пор, пока этот вопрос не урегулирован в договорах, всякое практическое установление таких районов будет представлять собой компромисс между тем, что является желательным с военной точки зрения и тем, что возможно с политической точки зрения. При этом я считаю, что нормы права будут нарушены только в том случае, если одна из воюющих стран будет злоупотреблять своей силой по отношению к нейтральным судам. Имеется ли такое злоупотребление налицо, будет зависеть как от действий противника по отношению к нейтралам, так и от мероприятий самих нейтралов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту, доктор Кранцбюллер. Не зависит ли право об'явления какой-то определенной зоны, зоной операции, от той возможности, которая имеется чтобы ее укрепить.

КРАНЦБЮЛЛЕР. Я не совсем понял смысл Вашего вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы утверждаете, что любая страна, находящаяся в состоянии войны, имеет право об'явить зоной операции ту зону, которую она считает подходящей

15803

H1210 - 0518

H1210 – 0519

и отвечающей ее интересам.И я спрашиваю Вас,зависит ли право об'явления [redacted] какой-нибудь зоной операции, (зоны)
если вообще такое право существует,от возможности или способности страны,которая об'являет эту зону,укрепить эту зону для того,чтобы предотвратить вхождение туда судна,не захватывая и не подвергая его обстрелу.

КРАНЦБЮЛЛЕР. Господин председатель,в науке мне кажется, еще нет единого мнения по этому вопросу. В отличие от области блокады в классическом смысле этого слова,когда необходима полная эффективность,зона операций предусматривает только эффективную угрозу, ввиду происходящих там боевых действий и,я считаю, что как раз эта эффективная угроза имела место в германской зоне операций,и я ссылаюсь для доказательства этого на заявление президента Рузвельта о боевых зонах США,в которых запрещалось плавание в тех же самых водах ввиду того,что вследствие боевых действий судоходству постоянно угрожает всегда опасность.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да,но воззвание президента Соединенных Штатов относилось только к судам Соединенных Штатов.

КРАНЦБЮЛЛЕР. Я ссылаюсь на это обоснование германской точки зрения,что в этом районе была угроза и эта угроза,эффективная опасность,по моему мнению, является единственно необходимой юридической пред-

посылкой для того, чтобы об'явить зону операций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Можете ли Вы сказать, что воззвание имело бы силу, если бы Германия об'явила всю Атлантику зоной операции?

КРАНЦБЮЛЛЕР. Я бы сказал, господин-председатель, что в начале войны это было невозможно, ибо германские вооруженные силы не могли тогда представлять собой опасность для всего судоходства во всем Атлантическом океане. Но я считаю, что с увеличением числа подводных лодок, с одной стороны, и с другой - с увеличением и укреплением обороны противника с воздуха, угрожаемые районы с необходимостью становились все больше, и что поэтому развитие событий в этой войне логически сводилось к тому, чтобы постепенно расширить районы операций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хотите ли Вы этим сказать, что Вы считаете, что право государства на об'явление определенной зоны, зоной оперативных действий, базируется не на силе государства, которая позволяла бы ему требовать соблюдения его приказов в этой зоне, но на возможности наличия опасности в этой зоне.

КРАНЦБЮЛЛЕР. Я не говорю - "возможность" опасности, а "очевидность" опасности, г-н председатель, и о невозможности для воюющих сторон защитить нейтральные суда от этих опасностей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Могу ли я спросить Вас, какое еще может быть другое правовое обоснование для того поло-

15805

H1210 – 0520

H1210 – 0521

жения,которое Вы выдвинули сейчас,кроме принятия блокады?

КРАНЦБЮЛЛЕР. Я ссылаюсь как на юридическую основу, в особенности на практику первой мировой войны,на высказывание науки после первой мировой войны и на вообще признанные правила в районах минирования.Эти минированные районы оказались в эту войну ничем иным,как районами операций,где все суда с помощью всех средств морской войны топились без предупреждения. Я еще вернусь к этому вопросу позднее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю Вас.

КРАНЦБЮЛЛЕР.Трибунал при пред'явлении документов отклонил все те из них,которыми я хотел доказать,что и командование британского военно-морского флота не учитывало интересов нейтральных стран,если они находились в противоречии с его собственными интересами. Согласно пожеланию Трибунала,я не буду останавливаться в деталях на этих британских мероприятиях и упомяну о них в общем только постольку,поскольку они необходимы для моей юридической аргументации. Речь идет,в первую очередь,о следующем:

1. Английские постановления о военных товарах от 3 сентября 1939 года,которые сделали практически невозможной торговлю между нейтральными государствами и Германией,вследствие введения так называемой "голодной блокады".

H1210 – 0522

2. Постановление о контрольных портах для выявления военных товаров, в результате которого нейтральные корабли вынуждены были делать большой круг, при этом совершая плавание непосредственно через районы боевых действий, и которым, несомненно, следует об'яснить ряд потерь в кораблях и экипажах нейтральных стран.

3. Введение запрещения германского экспорта 27 ноября 1939 года, в результате которого нейтральные страны не могли импортировать германские товары.

4. Введение системы морских удостоверений в сочетании с черными списками, что поставило всю торговлю нейтральных стран под британский контроль и предусматривала, что корабли, которые не подчинялись этой системе, будут конфискованы и интернированы.

Я здесь не собираюсь заниматься вопросом о том, являлись ли эти английские мероприятия по отношению к нейтральным странам допустимыми с точки зрения международного права или нет? Сами нейтральные государства, во всяком случае, считали многие из них недопустимыми и, пожалуй, не было среди них ни одного, которое бы не вызвало более или менее энергичные протесты, как, например, со стороны Испании, Нидерляндов, Советской России и США. Британское правительство, со своей стороны, с самого начала избежало юридической проверки своих мероприятий с помощью того, что оно в ноте от 7 сентября 1939 года отказалось от факультативного положения постоянного международного Трибунала в Гааге. Этот шаг был обоснован необходимостью обеспечить полную свободу действий британскому флоту.

С британской стороны уже в первой мировой войне и с тех пор постоянного подчеркивалось, что, возможно, британские мероприятия наносят ущерб интересам, а также и правам нейтральных стран. Одни, однако, не подвергают угрозе ни корабли, ни команду и поэтому в моральном отношении стоят выше бесчеловеческих мероприятий Германии. Однако, как упомянуто вначале, принудительный заход в контрольные порты подвергал весьма большой угрозе нейтральные корабли и их команду. И именно поэтому нейтральные государства протестовали против этого. Кроме того, мне кажется, что фактическая разница между британскими и немецкими мероприятиями по блокаде противника основывалась не на личной морали, а на разнице в военно-морском флоте. В тех морских районах, в которых британский военно-морской флот не господствовал, а именно - в пространстве перед оккупированными нами побережьем, а также в Балтийском море, он применял те же методы морской войны, что и мы.

Официальная германская точка зрения, во всяком случае, состояла в том, что упомянутые британские мероприятия по контролю нейтралов были недопустимыми и имперское правительство обвиняло нейтральные державы в том, что они, хотя и протестовали, однако, на практике подчинялись британским мероприятиям. Это ясно выражено в воззвании в связи с об'явлением блокады от 17 августа 1940 года. Таким образом, командование германского военно-морского флота вынуждено было считаться со

15868

H1210 – 0523

H1210 – 0524

следующими фактами:

Во-первых, законной торговли нейтралов с британскими островами более не существовало. На основании ответных мер Германии на английские постановления о военных материалах и запрет экспорта, вся торговля товарами, как направлявшимися в Англию, так и вывозившимися из нее, стала контрабандной торговлей, т.е. незаконной с точки зрения международного права.

Во-вторых, нейтралы практически подчинялись всем английским мероприятиям, даже в тех случаях, если они противоречили их собственным интересам и их точке зрения на право.

В-третьих, нейтральные страны тем самым непосредственно поддерживали Англию в войне, так как, подчиняясь британской системе контроля в своей собственной стране, они способствовали тому, что британскому военно-морскому флоту не нужно было применять большое количество военных кораблей, которые, согласно существовавшим нормам международного права, должны были бы осуществлять контроль морской торговли в открытом море, а теперь могли быть использованы для выполнения других военных задач.

Исходя из этого, германское командование не видело причин к тому, чтобы при мероприятиях, направленных на прекращение нелегальной торговли с британскими островами путем установления своих районов операций, предпочитать интересы нейтральных стран своим собственным

15809

военным интересам. Тем более, что нейтральные суда, которые, несмотря на все предупреждения, продолжали совершать рейсы в Англию, хорошо оплачивались за этот риск и, поэтому, несмотря, на все опасности, видели в торговле с Англией выгодное дело.

К этому следует добавить то, что наиболее значительные из нейтральных государств сами проводили мероприятия, которые можно рассматривать только как полный пересмотр существующего военно-морского права. Все американские государства совместно об'явили о панамериканской зоне безопасности, которая представляла собой пространство, охватывавшее воды (вдоль) американского побережья на расстоянии до 300 морских миль. В этом морском пространстве, охватывавшем несколько миллионов квадратных миль, они требовали, чтобы воюющие стороны отказались от тех прав, которые, согласно существовавшим до того нормам международного права, имели военно-морские силы воюющих сторон по отношению к нейтральным странам. С другой стороны, как я уже говорил, американский президент 4 ноября 1939 года запретил своим гражданам и своим кораблям плавание в водах у европейского побережья на пространстве, примерно, в 1 миллион квадратных миль. Развитие военно-морского права, таким образом, заставляло при руководящем участии нейтральных стран, признать большие районы вне зависимости от того, необходимо ли это в целях безопасности или в целях войны.

158/10

H1210 – 0525

H1210 – 0526

При этом в воззвании американского президента морское пространство, об'явленное им запретной зоной, называется "опасным районом в связи с боевыми действиями" вследствие развития техники. Таким образом, это воззвание учитывало только современное развитие оружия, например добровольную береговую артиллерию, которая, например, легко вела огонь через Ла-Манш, изобретение локационных приборов, которые сделали возможным наблюдение за движением кораблей с суши на расстоянии десятков морских миль и, в особенности, увеличение скорости и радиуса действия самолетов.

Командование германского военно-морского флота сделало из этого развития те же выводы, что и упомянутые нейтральные государства, а именно, что в современной войне оборона и нападение должны по необходимости охватывать большие морские районы. Поэтому, не произволом, а включением в систему, признанную и другими державами также справедливой, является то, что об'явленные Германией районы операций получили такие масштабы, о которых говорит Обвинение.

Для того, чтобы проверить, соответствовали ли мероприятия Германии нормам права на практике действий противника, я прошу Трибунал вспомнить морскую карту с нанесенными на нее английскими зонами предупреждени

и зонами опасности.Эти зоны охватывают примерно 120 тысяч квадратных миль. Если это пространство и меньше, чем германские районы операций,то мне все же кажется, что разница между 100 тысячами и 600 тысячами квадратных миль не представляет собой вопрос правовой оценки,а скорее вопрос о протяженности побережья и стратегической морской обстановки. Это соображение подтверждается практикой американских действий против Японии, согласно тому,что сказал о ней адмирал Нимиц. Он говорит:

"В интересах руководства операциями против Японии район Тихого океана был об'явлен районом операций"

Этот район операций охватывает свыше 30 миллионов квадратных миль. В нем все суда,за исключением кораблей США и союзников,а также госпитальных судов,тонулись без предупреждения. Приказ об этом был издан в первый день войны,7 декабря 1942 года,когда начальник штаба ВМФ распорядился о неограниченной подводной войне против Японии.

15812

H1210-0527

H1210 – 0528

Вопрос о том, можно ли рассматривать этот приказ, изданный в первый же день войны как репрессалию и оправдать его, не мне решать. Для меня было только важно показать практику, а она совершенно ясна.

Особое обвинение строится обвинением на основании тех приказов, которые требовали проведение нападений без предупреждения в районах операций по возможности скрытно, таким образом, чтобы создалось впечатление, что корабль взорван миной. Такие приказы существовали в период январь-август 1940 г., т.е. в тот период, когда нападение подводных лодок без предупреждения было разрешено не во всем районе операций, который был установлен 24 ноября 1939 г., а лишь в особо установленных зонах вблизи английского побережья. Обвинение видит в этой маскировке доказательство нечистой совести и тем самым сознания в нарушении права. Действительные причины для этих приказов имели двоякий характер: военный и политический. Для адмиралов, которые принимали участие в операциях, само собой разумеется, военные причины стояли на первом плане, и командующий подводным флотом знал только их. Противнику должно было быть неясно, каким средствам морской войны он обязан своими потерями и каким образом должна была быть введена в заблуждение его оборона. То, что такое введение в заблуждение противника во время войны вполне оправдано, не требует пояснений. Эти мероприятия в военном отношении привели к желаемым результатам и в большем количестве случаев британский военно-морской флот направлял отряды минных тральщиков туда, где было торпедировано судно, также как и наоборот, организовывалась охота за подводной лодкой там, где потери возникли в результате подрыва на мине.

Для верховного командования, однако, решающим были, оче-

видно, не эти военные, а политические соображения. Замаскированное нападение должно было по отношению к нейтральным странам дать возможность отрицать потопление подводной лодкой и об"яснять его минами. В некоторых случаях так и было в действительности. Однако, является ли это доказательством того, что германское командование само считало атаки подводных лодок в районе операций без предупреждения нарушением норм права. Я считаю, что нет.

Учитывая обвинения, которые были выдвинуты в этой связи и в других случаях обвинением, как на основании маскировки мероприятий, так и на основании отрицания фактов, я должен, очевидно, сказать несколько слов по поводу того, существует ли вообще в международной политике долг говорить истину. Безразлично, как рассматривать этот вопрос в мирное время; во время войны, во всяком случае, нельзя признать существование долга говорить истину в том случае, если это создает преимущества для противника. Достаточно сослаться только на Гуго Гроциуса. Я цитирую: "Разумно можно скрывать истину. Скрывать истину необходимо, и это неизбежно".

Что это означало бы для военной обстановки, если бы потопление подводными лодками в рассмотренных здесь случаях не опровергалось, а признавалось? Прежде всего при этом, так как это стало известным также и противнику, мы лишились бы военных преимуществ, которые заключались в введении его обороны в заблуждение. Далее мы, и это не менее важно, помогали бы нашему противнику при некоторых обстоятельствах приобрести союзников, если не по оружию, то по крайней мере, по пропаганде. При сильной зависимости некоторых нейтральных государств от Англии, они

15814

H1210 – 0529

очевидно, не признали бы немецкой точки зрения о законности об"явления районов операций, к тому же эта точка зрения противоречила их собственным интересам. Таким образом это создало бы напряжение в политических отношениях, а при некоторых обстоятельствах могло привести к вооруженному конфликту. Единственное и непосредственное преимущество от этого имели бы наши противники. При таких обстоятельствах стремление замаскировать действия подводных лодок также и от нейтральных стран кажется мне с точки зрения права не подлежащим осуждению.

Если обвинение тем самым хочет достичь морального уничтожения, то здесь применяются масштабы, которые до сих пор не применялись для стратегии и политики никакой другой страны в мире. Именно в морской войне те же методы маскировки применялись и противной стороной. Районы операций, о которых об"явила Великобритания, у европейского побережья от Норвегии до Бискайского залива, за исключением района Бискайского залива были об"явлены как районы минирования. Однако, мы знаем из заявления Черчилля от мая 1940г., а также из показаний свидетелей, что в этих районах неограниченно оперировали подводные лодки, торпедные катеры и главным образом самолеты. Очень часто, в результате этого, ни немецкое командование, ни нейтральные государства, подвергнувшиеся нападению, не знали, понесли ли они потери в таком районе действительно в результате подрыва на мине или из-за другого средства морской войны. Таким образом вывод о том, что маскировка каких-либо мероприятий представляет собой нарушение международного права, кажется мне совершенно необоснованным.

В районе операций, об"явленном Германией, как правило, все суда подвергались нападению без предупреждения. Однако, имелись

15815

H1210 – 0530

H1210 - 0531

приказы относительно исключений в отношении некоторых нейтральных стран, так, например, вначале для Японии, Советского Союза, Испании и Италии. Обвинение усмотрело в этом стремление командования военно-морского флота терроризировать небольшие нейтральные государства, в то время как мы, якобы, не осмеливались ввязываться в дело с крупными державами. Настоящая причина для этого дифференцированного обращения указывается в заметке к докладу командующего военно-морским флотом фюреру от 16 октября 1939г., документ УК-65. Согласно этой заметке упомянутым нейтральным государствам предлагается об"явить о том, что они не будут перевозить военных товаров, в противном случае, с ними будут обращаться также, как и с другими нейтральными нациями. Таким образом дифференцированное обращение об"яснялось просто тем, что определенные государства намеревались и были в состоянии запретить своим кораблям перевозку контрабанды в Англию, в то время как другие, в соответствии с их политической позицией или их экономической зависимостью от Англии не могли или не хотели этого сделать. Таким образом, речь идет не о терроризировании небольших нейтральных государств и невоспрепятствовании по отношению к крупным нейтральным странам, а о прекращении перевозки контрабанды и о невоспрепятствовании легальной торговле. Так как не имеется никаких общих правовых установок, которые обязывают воюющие государства одинаково обращаться со всеми нейтральными странами, это нельзя осуждать с точки зрения международного права. Было бы также удивительным, если бы здесь именем гуманности было бы выставлено требование о том, что германские подводные лодки должны были топить также и такие корабли, которые они вовсе не хотели топить.

15816

Из пред"явленных Трибуналу постоянных военных приказов он мог сделать вывод о том, что в дальнейшем ходе войны именно небольшие державы, которые и остались единственными нейтральными державами, на основании соглашений о судоходстве имели право пересекать район операций по установленным путям, не подвергаясь опасности нападения со стороны германских подводных лодок.

Таким путем, например, Швеция и Швейцария, а также Турция могли проводить свою морскую торговлю во время всей войны.

За пределами об"явленных районов операций германским подводным лодкам никогда не разрешалось атаковать нейтральные суда. Здесь по отношению к нейтралам вообще отказались от подводной войны против торговых судов, так как задержание кораблей и их досмотр были слишком опасными для германских подводных лодок, вследствие контроля авиации противника.

Таким образом для нейтралов ущербу, наносимому подводной войной в районе операций, противостояло вне этого района то преимущество, что они не подвергались нападению, также и в том случае, если они везли военный груз и тем самым подлежали потоплению после задержания.

За пределами района операций нейтральное судно, следовательно, только тогда подвергалось угрозе, если оно вело себя подозрительно или враждебно или если на нем не имелось безупречных нейтральных опознавательных знаков. Командование германского ВМФ постоянно указывало нейтральным державам на эту необходимость.

В этой связи я должен упомянуть также приказ от 18/УП-1941г. которым суда США в районе операций приравнивались к судам всех других нейтральных стран, т.е. на них разрешалось нападать без предупреждения.

15817

H1210 – 0532

H1210 – 0533

Обвинение рассматривало его как особо веское доказательство того, что подводная война с нейтралами велась "цинично и оппортунистически". Если это должно означать, что она находилась также под влиянием политических соображений, я с этим охотно соглашусь. Однако, я не вижу в этом никакой вины, ибо так как война в целом является средством политики, то для нее является характерным то, что и отдельные ее периоды находятся под господством политики. Никакой вины нельзя, в частности, никоим образом усмотреть в приказах германского командования о действиях подводных лодок против Соединенных Штатов, так как именно они являются доказательством того, что существовала тенденция ни в коем случае не допустить конфликта с США.

Как известно Трибуналу из документов и показаний свидетелей, в первые годы войны для кораблей Соединенных Штатов делалось исключение при всех военно-морских мероприятиях, и причем даже тогда, когда они, вопреки существовавшим ранее американским законам, стали появляться в зоне боевых действий США, и тем самым в районе операций Германии, чтобы доставлять военные материалы в Англию. Эта политика была изменена только тогда, когда вслед за целым рядом действий, противоречившим политике нейтралитета, был отдан приказ об активных действиях американского военно-морского флота для обеспечения перевозок в Англию.

Известны высказывания президента Рузвельта, которые он делал тогда о "мосте из судов через Атлантический океан" и поддержке Англии "всеми средствами за исключением войны". Могут возникнуть сомнения в том, не являлся ли изданный тогда для авиации и флота США приказ о "реалистической позиции" уже нелегальной войной, как это сейчас утверждают в Америке.

США отказались от политики нейтралитета и заявили, что они заняли позицию "невоюющей страны", что также является совершенно новым явлением в этой войне с точки зрения международного права. Если в этой связи выдвигать обвинение о цинизме, то оно меньше всего относится к приказам, в которых сделаны справедливые выводы на основании позиции Америки.

Я постарался показать Трибуналу наиболее важные приказы и сказать кое-что об их юридическом обосновании. Конечно, без сомнения, имели место случаи, когда атаке подвергались суда, которые, согласно названным приказам, нельзя было атаковывать. Однако таких случаев немного, и о некоторых из них говорили здесь, на процессе. Самый известный случай это - потопление английского пассажирского парохода "Атения", 3 сентября 1939г. подводной лодкой "У-30", командиром которой был капитан-лейтенант Лемп. Потопление этого судна об"ясняется тем, что командир подводной лодки принял его ошибочно за вспомогательный крейсер.

Если Трибунал в этом важном пункте, широко использованном пропагандой, не верит совпадающим показаниям всех допрошенных здесь свидетелей, то это сомнение можно устранить, выяснив поведение того же командира в последующие дни и недели. Как следует из судового журнала подводной лодки "У-30" за это время, капитан-лейтенант Лемп при всех последующих операциях очень точно следил за соблюдением положения о призах, и я мог бы представить несколько примеров именно из его судового журнала в доказательство справедливого и рыцарского поведения германских командиров в тех случаях, когда они тем самым подвергали свою подводную лодку крупнейшей опасности.

Все положение дела с потоплением "Атении" стало известно

15819

H1210 – 0534

H1210 – 0535

командующему подводным флотом и главнокомандующему военно-морским флотом лишь после возвращения подлодки "У-30" с операций в конце сентября 1939г. Командир подлодки тотчас же по прибытии на базу доложил о им самим обнаруженной ошибке и был послан командующим подводным флотом в Берлин, чтобы доложить там о происшедшем.

О политической стороне этого дела будет говорить доктор Зиверс. Я рассматриваю здесь только то, что происходило по военной линии. Адмирал Дениц получил от штаба военно-морского флота сообщение:

1. Политическая разработка происшедшего будет произведена в Берлине.

2. Назначать следствие военного суда нет необходимости, потому что командир лодки действовал по самым добрым намерениям.

3. Весь инцидент непременно держать в секрете.

На основании этого указания командующий подводным флотом приказал из"ять из судового журнала подлодки "У-30" запись о потоплении "Атении" и дополнить его таким образом, чтобы из"ятие этой записи не бросалось в глаза.

Как Трибунал видел, этот приказ был выполнен не очень хорошо, повидимому, потому, что офицер, который занимался этим делом, не имел в этом никакой практики.

Обвинение представило факт изменения судового журнала, как особо преступный акт подлога. Мне кажется, что это основывается на неправильном понимании обстоятельств дела. Судовой журнал представляет собою просто военный отчет командира под-

водной лодки своему начальству. Какие события следует включать в этот отчет, а также не следует, на этот счет не имеется ни юридических, ни моральных принципов, это только вопрос военного распоряжения. Правда, судовой журнал - это секретный документ, но он, как и многие другие секретные документы, был доступен очень большому кругу лиц. Это следует хотя бы из того, что он печатался в 8 экземплярах, часть которых направлялась не в высшие штабы, а в училище и учебные флотилии. Таким образом, если какое-нибудь событие не следовало доводить до сведения многих лиц, оно не вносилось в судовой журнал, а так как в нем велись записи все время, то недостающий период надо было заполнить другой, т.е. неверной, записью. В этом факте я не вижу ничего аморального, не говоря уж противоречащего нормам права. Поскольку во время войны существует принцип сохранения отдельных документов в тайне, - а такой принцип имеется во всех странах, - он основывается на том, что нельзя всем людям сообщать все факты, для чего иногда надо выдвигать неправильные утверждения.

10821

H1210 - 0536

H1210 – 0537

На таком процессе можно было бы в инциденте с "Атенией" пред"явить обвинение в известных аморальных действиях только в том случае, если бы намечалось искажение истории на все время. Но в данном случае этого нет. Отчет командира подводной лодки о потоплении "Атении" был, конечно, должен непосредственному начальству, командующему подводным флотом и главнокомандующему военно-морским флотом в неизмененной форме, и сохранялся в обоих инстанциях.

Одно слово я хотел бы сказать еще о том, что никакого об его приказа относительно того, чтобы определенные события не вносить в судовой журнал, никогда не было. Инцидент с "Атенией" показывает далее, как выполнялись отданные приказы командирами подводных лодок. Несмотря на то, что командование военно-морского флота считало, что командир подводной лодки действовал из самых хороших побуждений, адмирал Дениц наказал его арестом, потому что при большей внимательности он, может быть мог бы своевременно установить, что перед ним не вспомогательный крейсер. И в других случаях, когда кто-либо ошибочно нарушал приказ, нарушивший его также подвергался наказанию.

Трибуналу известны телеграммы от сентября 1942 года и в которых в связи с потоплением "Монте Горбеа" командиру лодки сообщалось, что после своего возвращения он будет предан военному суду за нарушение приказов о поведении в отношении судов нейтральных стран. Это сообщение было передано командирам всех подводных лодок.

Я прошу Трибунал учесть, что значит подобная угроза для командира подводной лодки, находящейся в море. Положив в основу директивы американского справочника для военных судов,

15822

H1210 – 0538

против офицеров можно возбуждать военный про-цесс только в тех случаях, когда кажется необходимым его удаление со службы. Однако в случае нарушения приказа по ошибке это никогда не будет иметь места. Для командующего, который вместе со своими солдатами должен вести войну и добиваться успехов, чрезвычайно тяжело, а иногда прямо-таки неверно предавать военному суду командира, возвратившегося с успешной операции, за допущенную им во время этой операции ошибку.

Согласно этим принципам действует всякое военное командование. Я хочу указать на то, что капитан английского эсминца "Коссак" получил за освобождение пленных с "Альтмарка" благодарность, несмотря на то, что и на стороне англичан без сомнения сожалели о тех индидентамх, которые имели при этом место.

Я должен был остановиться на этих вопросах, чтобы опровергнуть обвинение в том, что командование санкционировало самовольное потопление кораблей командирами подводных лодок, не предпринимая после против них никаких суровых мер. Соблюдение приказов обеспечивалось именно в отношении подлодок постоянным личным контактом командиров подводных лодок с командующим подводным флотом. О всяком мероприятии противника надо было устно докладывать по окончании операции, и все предпринятые мероприятия подвергались детальному рассмотрению, одновременно с предварительным инструктированием о поведении в будущем.

Немецкие подводные лодки в этой войне провели многие тысячи боевых операций. Только в очень редких случаях при этом нарушались данные приказы. Если учесть, насколько трудно командиру подводной лодки точно определить свое местонахождение и границы района операций, отличить вооруженное судно от невооруженного, пассажирский пароход от войскового транспортного судна, судно нейтральной страны от судна противника, то незнач

#5823

-чительное количество потоплений, неоправданных и с точки зрения немцев, должно считаться доказательством особо эффективного и добросовестного руководства.

Рассмотрев фактический ход развития ведения подводной войны Германией, я должен еще остановить на обвинениях, которые были выдвинуты Обвинением на основании некоторых подготовительных соображений относительно развития ведения подводной войны.

Одновременно с боевыми директивами от 3 сентября 1939 года, в которых подводную войну приказывалось вести, строго соблюдая призовой порядок, в штабе военно-морского флота подготовлялся приказ относительно атаки торговых судов противника без предупреждения на тот случай, если они будут вооружены. Далее в первые же дни войны началась переписка с министерством иностранных дел по вопросу об об"явлении запретных зон.

Обвинение рассматривает эти два документа как доказательство намерения Германии с самого начала вести войну, нарушая нормы международного права. Я, напротив, рассматриваю именно эти документы как доказательство того, что штаб военно-морского флота был совершенно неподготовлен к войне с Англией, и только после того, как Англия об"явила войну, начал составлять простейшие планы ведения этой войны. Так как ни атака без предупреждения вооруженных торговых судов ни об"явление запретных зон не являются нарушениями международного права, то вопрос стране должно быть разрешено после начала войны изучить вопрос о том, желает ли она и когда воспользоваться этими возможностями. Как мы знаем из вышеупомянутых приказов адмиралтейства Великобритании, все возможности, выте-

15824

H1210 – 0539

H1210 – 0540

-кающие из ведения торговой войны, были подробно изучены там и практически подготовлены уже в 1938 г.

То же самое относится и к меморандуму штаба военно-морского флота от 15 октября 1939 года, документу, который Обвинение несколько раз цитировало здесь. Этот меморандум был охарактеризован как проект уже только своим заголовком: "Возможности обострения морской войны".

В соответствии с этим заголовком в документе рассматриваются военные требования, в целях ведения эффективной морской войны против Англии, и юридические возможности для выполнения этих требований. Результатом этих обсуждений явился приказ от 17 октября 1939 года, согласно которому торговые суда противника могли быть атакованы без предупреждения, оправдание которого как уже сказано, вытекает из вооружения и включения торговых судов в военную систему. Кроме того, все мероприятия, обостряющие подводную войну, рассматривались тогда, как необоснованные, и было предложено выждать, как будет вести себя противник.

Одно предложение в этом документе вызывает особое недоверие Обвинения. Там, именно, сказано, что морская война должан вестись в принципе в рамках действующих норм международного права. Однако мероприятия, от которых можно ожидать решающего в ходе войны успеха, должны осуществлять и в тех случаях, когда создаются новые правила ведения морской войны.

Разве это действительно представляет собой отказ от международного права? Наоборот. Отступление от существующих норм международного права ставится в зависимость от двух очень узких предпосылок:

1. От военной, а именно, что это должны быть операции, решающие успех войны, т.е. также и сокращающие ее продолжительность.

2. От моральной , что это должны быть новые мероприятия, которые по своей сущности могли стать составной частью нового права.

Меморандум сам говорит о том, что это возможно только в рамках солдатской боевой морали, соблюдать которую требуют строго и во всех, без исключения, случаях. При таких предпосылках не может быть сомнения в возможности создания новых норм международного права. Как сказал известный специалист по вопросам международного права барон фон Фрейтаг - Лорингхофен, это, я цитирую:

"Во все времена войны служила наиболее сильным импульсом в создании новых норм международного права. Эти импульсы были иногда положительного, иногда отрицательного (характера, они вели к развитию уже существующих) институтов и норм и к образованию новых или возвращению старых норм, иногда неудачных". /Конец цитаты/.

Как раз на настоящем процессе, который также должен служить развитию нового международного права, нельзя отрицать возможности подобного развития.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы сейчас об"явим перерыв.

/Об"является перерыв на 10 минут/.

СТАТЬ! СУД ИДЕТ!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал не будет заседать в открытом заседании после часу дня завтра - в среду, он будет заседать в закрытом заседании во вторую половину дня. И Трибунал не будет заседать в открытом заседании в субботу, он будет засе-

15826

H1210 – 0541

H1210 – 0542

-дать в закрытом заседании в субботу утром.

КРАНЦБЮЛЕР. Перед перерывом я говорил о возможностях развития военно-морского права.

Представитель американского Обвинения судья Роберт Джексон в своем отчете президенту США по этому вопросу сказал следующее / я цитирую/:

"Международное право не может развиваться законодательным путем, потому что не существует никакого постоянного международного законодательного органа. Установление новых норм и изменение старых норм осуществляется действиями правительств, обусловленных изменениями существующего положения. Международное право так же , как раньше общее право, развивается в результате решений, принимаемых время от времени с целью приспособления существующих принципов к новому положению". /Конец цитаты/

Эти слова полностью оправдывают те положения в меморандуме штаба военно-морского флота, против которых выступило здесь обвинение. А то, что союзники тоже считали допустимыми мероприятия, которые должны были явиться решающими для успеха войны, даже если они противоречили существовавшим ранее нормам международного права, доказывается применением атомной бомбы, против японских городов.

Мне важно по существу оправдать мероприятия, предпринятые командованием военно-морского флота Германии. Поэтому я не занимался здесь вопросом о том, кто из обоих обвиняемых здесь адмиралов в большей или меньшей степени несет за то или иное ответственность. Формально почти во всех случаях имелись приказы фюрера. Однако оба адмирала заявили здесь, что они полностью берут на себя ответственность за все приказы, в

связи с морской войной, которые они отдали или передали. К этому я хотел бы добавить только два замечания.

Если решающим моментом в приказах о подводной войне были соображения политического характера, главнокомандующий военно-морского флота не оказывал на составление их никакого влияния. Командующий подводным флотом даже не знал об этих соображениях, он не знал также и о политическом разрешении инцидентов, возникавших в результате действий подводных лодок.

Мое второе замечание относится к вопросу о том, в какой степени можно на военного командующего возлагать ответственность за правильность юридических соображений, которые вырабатывает не он сам, а которые представляются ему лучшими специалистами страны, не являющимися адвокатами из каких-то провинциальных городов. По отношению к командующему подводным флотом следует еще сказать, что его функции состояли только в решении тактических задач и что его штаб состоял из небольшого количества офицеров, из которых ни один не был в состоянии судить о вопросах международного права рассматриваемого здесь значения. Он должен был поэтому полагаться на то, что приказы, исходившие от штаба военно-морского флота, были проверены с точки зрения соответствия их юридическим нормам и не противоречили им. Также обстоят дела, повидимому, и во флоте любой другой страны мира. Профессиональный моряк не компетентен в вопросах права; на этом основании Трибунал запретил дальнейшие высказывания адмирала Деница по одному из вопросов права. Это обстоятельство, однако надо учитывать при применении принципа, который имперский суд Германии по делу военных преступников после первой мировой войны сформулировал

15828

H1210 – 0543

H1210 – 0544

следующим образом /я цитирую/:

"Преступник должен сознавать, что его действия противоречат нормам международного права". /Конец цитаты/.

Это кажется мне так же справедливым, как я считаю несовместимым с требованием справедливости, когда на солдата возлагается уголовная ответственность за решение правовых вопросов, которые не могут быть решены на международных конференциях и о которых горячо спорят в науке.

В этой связи я хотел бы напомнить о том, что в лондонский договор от 1930 г. не было включено положение из резолюции Рута от 1922 г. относительно уголовного преследования за нарушение правил ведения подводной войны. Пять морских держав, участвовавших в этих конференциях, пришли, очевидно, к заключению, что проблемы подводной войны нельзя разрешить средством уголовного права. Это заключение полностью верно и на сегодняшний день.

Я перехожу ко второму основному обвинению, к преднамеренному убийству экипажей потопленных судов. Это обвинение направлено только против адмирала Деница, а не против адмирала Редера.

Юридические принципы обращения с оставшимися в живых после потопления судов, на которые распространяется Лондонское согласешение от 1936.года, указаны в самом протоколе. В нем

говорится, что до потопления следует обеспечить спасение его экипажа и пассажиров. Германия так всегда и поступала. Мы расходимся с обвинением в наших точках зрения только в уже рассмотренном вопросе о том, на какие корабли это соглашение распространяется, а на какие нет.

В отношении всех судов, на которые не распространяется лондонский протокол, их потопление, рассматривается как военные действия. Юридическими принципами для обращения с оставшимися в живых, является в этих случаях Гаагская Конвенция относительно применения положений Женевской конвенции к морской войне от 18 октября 1907 года, хотя она и не была ратифицирована Великобританией.

Согласно ей, после каждого боя обе стороны должны принять соответствующие меры для розыска оставшихся в живых, насколько это допускают военные цели. В соответствии с этим немецкие подводные лодки придерживались также принципа оказания помощи экипажу тех судов, которые были потоплены без предупреждения, если тем самым

1. Подлодка не подвергалась опасности и
2. ~~если~~ не насилось ущерба выполнению поставленной ей военной задачи.

Это - общепризнанные принципы. Для примера я укажу на приказ английского адмиралтейства / я цитирую/:

15830

H1210 – 0545

H1210 – 0546

"Английские торговые суда не должны в открытом море оказывать помощь атакованному подводной лодкой судну". Далее я ссылаюсь на письменные показания под присягой адмирала Рогге, в которых он говорит, что в двух пережитых им случаях британский крейсер не предпринял ничего для спасения утопающих, потому что он предполагал, что поблизости находится подводная лодка, причем один раз это предположение было верным, а в другой раз – нет. Подводной лодке грозит большая опасность, чем другим типам кораблей, так как она особенно чувствительна к попаданиям.

И, во-втором случае, когда не следует спасать утопающих, т.е. в случае, когда может быть нанесен ущерб выполнению задания, подводная лодка находится в особых условиях. Подводная лодка не имеет места, чтобы взять на борт посторонних. Ее запас продовольствия, воды и горючего рассчитан в обрез и всякий значительный расход их влияет отрицательно на выполнение боевого задания. Для подводной лодки типично далее, то что ее боевое задание может заключаться в незаметной атаке, а это исключает долг спасения. Чтобы и в этом вопросе показать практику противника, я цитирую слова адмирала Нимица:

"Как правило, американские подводные лодки не спасали лиц, оставшихся в живых, если это означало для лодки необычную дополнительную опасность или если это мешало выполнению лодкой дальнейшего задания". (Конец цитаты).

В свете этих принципов я рассмотрю коротко спасательные мероприятия, проведенные подводными лодками до осени 1942 г. Основной приказ был издан штабом военно-морского

15831

флота 4 октября 1939г. и предусматривал спасение, если для)того представлялась возможность с военной точки зрения. Эти мероприятия были на время ограничены постоянным приказом № 154. Этот приказ, изданный в декабре 1939 г., касался тех немногих подводных лодок, которые тогда оперировали непосредственно у английского побережья. Как следует из самого приказа, во всех его разделах предусматривается бой в присутствии вражеских охранных военных сил. Последний раздел касается, таким образом, только такой боевой обстановки и служит справедливой цели защитить командира подводной лодки от опасности, которой они при господствующих там условиях во всех случаях подвергали свои подлодки при спасательных мероприятиях. Когда по окончании норвежского похода действия подводных лодок постепенно переместились в свободную часть Атлантического океана, приказ этот потерял свое значение и осенью 1940 г. был отменен.

В последующее время немецкие командиры предпринимали спасательные мероприятия, если они могли оправдать это в военном отношении. Это известно Трибуналу из многочисленных, отдельно приведенных примеров, которые вытекают из пред"явленных заявлений командира, а также военных дневников.

Такое положение изменилось в результате приказа от 17 сентября 1942 г., которым адмирал Дениц категорически запретил спасательные мерн. Решающие фразы этого приказа гласят:

15832

H1210 – 0547

H1210 -0548

"Не должно предприниматься никаких попыток к спасению членов экипажей потопленных судов. Спасение противоречит элементарнейшим требованиям ведения войны для уничтожения вражеских кораблей и экипажей".

Обвинение оспаривает, что здесь речь действительно идет о запрещении спасательных мер. Оно рассматривает этот приказ как завуалированный призыв к умерщвлению утопающих, и в прессе мира он истолковывался как приказ, приказывающий к убийствам. Если на этом процессе вообще опровергались обвинения, то, мне кажется, этим было позорное истолкование названного приказа.

Как был издан этот приказ? Начиная с июня 1942 г. потери германского подводного флота от действий союзной авиации скачкообразно возрастали и от 4-5 подводных лодок в месяц в среднем в первое полугодие 1942 г. увеличились до 10, 11, 13 ежемесячно, и, наконец, в мае 1943г. достигли 38 подлодок. В штабе подводного флота быстро следовали друг за другом приказы и мероприятия для борьбы с этими потерями. Они не имели успеха и каждый день приносил новые сообщения о воздушных налетах и потерях в подлодках.

При таком положении 12 сентября поступило сообщение о торпедировании сильно вооруженного военного транспорта "Лакония", на борту которого находилось около 1500 итальянских военнопленных и 1000 человек союзных войск, а также несколько женщин и детей. Адмирал Дениц приказал нескольким подводным лодкам прекратить выполнение текущих операций для того, чтобы спасти погибающих, не делая никакого

15833

различия между итальянцами и союзниками. При этом с самого начала им овладело беспокойство в отношении воздушной опасности со стороны врага.

В то время, как в последующие дни подводные лодки самоотверженно спасали, буксировали лодки, давали продовольствие и т.д., они не менее трех раз были предупреждены командующими о соблюдении осторожности, распределении спасенных и на всякий случай быть готовыми к погружению. Эти напоминания не имели успеха. 16 сентября одна из подлодок, буксировавшая под флагом красного креста несколько спасательных лодок, подвергалась нападению союзного бомбардировщика и была серьезно повреждена, одна спасательная лодка получила попадение и среди потерпевших крушение имели место потери. В ответ на эти донесения командующий в течение следующего дня дал 3 радиограммы с приказом в случае опасности немедленно по тревоге погружаться и ни в коем случае не рисковать своей собственной безопасностью. Снова безуспешно.

Вечером того же дня, 17 сентября 1942г., вторая подлодка сообщила, что она во время спасательных работ была застигнута врасплох самолетов и подверглась атаке бомбами.

Несмотря на этот опыт и категорический приказ главной ставки фюрера, ни в коем случе не рисковать подлодками, адмирал Дениц не приостановил спасательные мероприятия, а продолжал их до тех пор, пока потерпевшие крушение не были взяты на бот французских военных кораблей, высланных для оказания помощи.

15854

H1210 – 0549

H1210 – 0550

Этот случай был, однако, уроком. Вследствие наблюдения со стороны противника с воздуха за всем морским пространством, в дальнейшем было просто невозможно проводить спасательные мероприятия, не ставя на карту существования подводных лодок. Было совершенно бесполезно постоянно приказывать командирам спас~~ать~~ лишь в тех случаях, когда они не подвергали опасности свою подлодку. Это показал уже прежний опыт, ибо человеческое стремление оказать помощь заставляло многих командирок подлодок недооценивать воздушную опасность. Подлодке с чистой палубой необходима по меньшей мере одна минута для того, чтобы по тревоге погрузиться, время, за которое самолет проходит 6.000 метров. Это практически означает, что подлодка, занятая спасательными мероприятиями, не сможет своевременно уйти под воду от самолета, который попал в сферу ее видимости.

Это были причины, побудившие адмирала Деница непосредственно после завершения случая с "Лакония" в принципе запретить спасательные мероприятия. Эта формулировка исходила из стремления исключить всякое собственное усмотрение командира и подавить любую мысль о том, что он в каждом отдельном случае сможет все же установить воздушную опасность и затем может быть провести спасательные мероприятия.

О практических результатах этого приказа судить трудно. Начиная с 1943г. примерно 80% подлодок вели бои с конвоями, где и без этого приказа спасательные мероприятия были бы исключены.

15835

Рискнул бы в других случаях тот или иной командир когда-либо без этого приказа заняться спасательными мероприятиями, никто не может сказать с уверенностью. Как известно, с середины 1942 г. существовал приказ по возможности брать в плен капитанов и руководящих инженеров. Этот приказ почти за три последующих года не был выполнен даже десяти раз, что является доказательством того, как высоко оценивали в то время сами командиры опасность, которая грозила подлодке при всплытии.

С другой стороны для экипажей торпедированных кораблей ничего не было неприятнее, как быть взятыми на борт подводной лодки, ибо они, конечно, хорошо знали, что шансов на спасение в спасательных лодках намного больше, чем на подводной лодке, которая с вероятностью на 50 и больше процентов не возвращалась на свою базу. Таким образом, я с адмиралом Годт прихожу к заключению, что приказ о "Лаконии" стоил жизни ряду союзных моряков так же, как спас жизнь другим людям. Как бы там ни было, ввиду огромных потерь от вражеской авиации, этот приказ, как запрещение проводить спасательные мероприятия, был обоснованным. Он вполне соответствовал существующему во всех флотах принципу о первенстве собственной подлодки и собственной задачи, принципу ~~о первенстве собственной~~ относительно которого, я думаю, я на основе британских и американских приказов и практики, доказал, что он применяется всеми.

15836

H1210 – 0551

H1210 - 0552

Каким же образом Обвинение пришло к заключению, что 47. этот приказ является "приказом об убийствах"? Его исходным пунктом является разговор между Гитлером и японским послом Ошима в январе 1942 года, во время которого Гитлер высказал перспективу издания приказа своему подводному флоту об умерщвлении оставшихся в живых членов экипажей потопленных кораблей. Это сообщение, заключает обвинение, Гитлер, вне всякого сомнения, реализовал и адмирал Дениц провел его в жизнь своим приказом о "Лакони".

В действительности фюрер, в связи с докладом по вопросам подводного флота, который должны были сделать ему оба адмирала в мае 1942 года, подал инициативу о применении активных мер против потерпевших крушение в будущем, т.е. их расстреле. Адмирал Дениц сразу же отказался от таких действий, как совершенно невозможных и гроссадмирал Редер согласился с ним в этом полностью. Оба адмирала указали в качестве единственно допустимого пути для увеличения потерь среди экипажей - на усовершенствование торпед. Ввиду сопротивления обоих адмиралов, Адольф Гитлер отбросил свое предложение, и вслед за этим докладом вообще никакого приказа о потерпевших крушение, не говоря уже о расстреле потерпевших крушение, не последовало.

Уничтожение экипажей путем усовершенственного действия торпед является мыслью, которая впервые возникла во время этого разговора в мае 1942 года и снова появляется в последующих документах военно-морского штаба. Поэтому в отношении законности такой тенденции я должен сказать следующее. Согласно классическому международному праву,

15837

уничтожение сражающихся было законной целью военных действий и, напротив, в отношении не сражающихся - нет. При том развитии, которое получили последние войны, является сомнительным, имело ли еще действие это классическое учение. Первое большое нарушение этого учения я усматриваю в голодной блокаде, которая направлена, в результате прекращения доставки продовольствия, против гражданского населения, т.е. против несражающихся, число жертв среди которых во время мировой войны определяется в 700.000 человек. Если эта блокада рассматривается как недопустимая с точки зрения международного права, то на практике она привилась и тем самым является нарушением принципа о защите несражающихся при военных действиях.

Второе крупное нарушение принесла с собой воздушная война. Я не хочу рассматривать здесь неразрешенного вопроса, кто ее начал, а хочу лишь констатировать тот факт, что воздушная война по крайней мере в два последние года была направлена против гражданского населения.

Если при десятках налетов на жилые кварталы немецких городов погибали тысячи или десятки тысяч гражданских лиц, и лишь несколько десятков или сотен солдат, то никто не сможет утверждать, что гражданское население не было также целью налета. Сбрасывание на площади фугасных и зажигательных бомб не оставляет никакого сомнения в том, и так же и здесь использование атомной бомбы внесло окончательную ясность. Принимая во внимание сотни тысяч женщин и детей, которые самым ужасным образом погибли в своих домах, были засыпаны, задохлись или сгорели, я должен удивляться тому возмущению, которое Обвинение выражает по поводу гибели около 30 тысяч человек, погибших в зоне военных операций на

13828

H1210 - 0553

кораблях, которые были вооружены, везли военные материалы и очень часто бомбы, которые предназначались для налетов на германские города. Из этих людей большинство погибло в результате военных действий, которые также и с британской точки зрения являлись незаконными, а именно, из-за мин, воздушных налетов и, в частности, нападений на караваны судов.

Германское военно-морское командование рассматривает этих людей, как лиц, участвовавших в военных действиях. Британское адмиралтейство высказывает в приказах для торгового флота противоположную точку зрения. При этом, однако, самый известный английский ученый в области международного права Оппенгейм защищал еще перед началом первой мировой войны тот тезис, что судовые команды приравниваются к сражающимся. Он указывает на старую, насчитывающую столетнюю давность, практику, которой придерживалась Англия и заключалась в том, чтобы захватывать матросов торговых судов в качестве военнопленных. Он считает, что этот принцип находит свое подтверждение в 11 гаагском соглашении от 1907 года и видит в матросах торгового флота потенциальных членов военно-морского флота. Их юридическое положение при защите против военных кораблей он характеризует как "положение ~~чего~~ совершенно аналогичное положению населения неоккупированной области, которое встает за оружие для того, чтобы вести борьбу против наступающих войск".

15839

H1210 - 0554

H1210 – 0555

Согласно статье 2-й Гаагского соглашения о ведении сухопутной войны такое население, как известно, считается сражающимся и при этом не учитывается, прибегает ли отдельный житель к оружию или нет. Оппенгейм отказывается, поэтому делать различие между отдельными членами судовой команды, которые включены в военно-морской флот противника и теми, которые не входят в его состав.

Если это положение признавалось еще до первой мировой войны, то оно определенно являлось неприложным и в 1942г. когда уже больше не существовало невооруженных судов противника и когда суда нейтральных стран, которые вообще плавали в зоне военных действий, следовали исключительно под конвоем кораблей противника и тем самым точно так же, как и суда противника были прочно включены в военную систему вооруженных сил противника. Все они утратили мирный характер и были виновны в активном сопротивлении. Активное сопротивление во время военных действий не разрешается никому из тех, кто не участвует в боях и подлежит наказанию, как партизанское действие. Разве допустимо, чтобы в войне на море судовая команда претендовала на преимущества тех, кто ведет военные действия и в то же время не желала принимать отрицательные стороны такого положения? Может ли она принимать участие во всех возможных военных действиях, вплоть до обслуживания орудий и глубинных бомб, и, несмотря на это считаться не участвующей в боях? Такая точка зрения делает понятие об участвующем в боевых действиях иллюзорным. Ничего не меняется от того, что только одна

15840

часть судовой команды обслуживает оружие. Судно, как целое, представляет собою боевую единицу и на торговом судне фактически значительно большее число людей занято обслуживанием оружия, чем на подводной лодке.

Эти люди проходили подготовку под военным контролем, они стояли у орудий вместе с артиллеристами военно-морского флота и использование их оружия зависело от приказов адмиралтейства. Таким образом, судовые команды являлись участниками военных действий и поэтому законной целью, преследовавшейся при военных действиях, было уничтожать эти команды с помощью орудия.

Таким образом становится одновременно ясной фраза об уничтожении кораблей и команд, в которой обвинение видит особую косвенную улику для определения приказа о "Лаконии", как приказа об убийстве. О смысле этой фразы, как обоснования для запрещения производить спасательные меры было уже достаточно много сказано. Это предложение, будучи вырванным из общего контекста, может быть неправильно истолковано. Кто, однако, потрудится прочитать весь приказ, тот не сможет его неправильно понять. Мне кажется, однако, что решающим является то обстоятельство, что после издания этого приказа о никогда не воспринимался, как приказ об убийстве и что командиры подводных лодок также не восприняли его в таком смысле. Это доказано показаниями и заявлениями нескольких десятков командиров подводных лодок. И по общей связи, он не мог быть истолкован, как приказ об убийстве, так как в последующих пунктах этого приказа категорически предписывается по возможности захватывать определенных

15841

H1210 – 0556

H1210 – 0557

членов судовых команд в качестве военнопленных. Нужно, во всяком случае, предполагать, что военное руководство обладало все-таки достаточной сообразительностью, чтобы, издавая вообще подобный приказ об убийстве, не приказать одновременно сохранить некоторое количество свидетелей своего преступления.

В противоположность Обвинению, британское адмиралтейство совершенно очевидно не верило в такой приказ об убийстве, так как в противном случае оно бы не приказало своим капитанам и главным инженерам, чтобы они в спасательных лодках, выдавая себя за простых моряков, пытались избегнуть того, чтобы германские подводные лодки взяли бы их в плен. Такой приказ с точки зрения Обвинения означал бы, что капитан вместе со всеми членами судовой команды должен был бы расстреливаться с подводных лодок.

Затем Обвинение приводило приказ о нападении на так называемые "спасательные суда", как доказательство того, что существовало намерение уничтожить людей, оставшихся в живых после потопления судна. Но таким лицом является только тот, кто находится в воде или в спасательной лодке. Человек, участвовавший в военных действиях и переживший потопление, а затем опять оказывавшийся на борту судна, является ничем иным, как лицом, участвующим в военных действиях и тем самым законной целью для нападения. Я уже во время представления доказательств указал на то, что спасательные немецкие самолеты сбивались в целях уничтожения подобранных на воде летчиков, чтобы показать, что вражеское руководство

действовало согласно тем же установкам.

Я хочу по возможности кратко остановиться на свидетельских показаниях, на основании которих Обвинение пытается придать приказу о "Лаконии" свое истолкование. Показание старшего лейтенанта флота Хейзига, по моему мнению, в той форме, в какой это показание было дано Трибуналу, не относится к делу. Его прежний аффидевит являлся неправильным и нам известно от свидетеля Вагнера по какой причине. Здесь, перед Трибуналом Хейзиг решительно отрицал, что в обращении гросс-адмирала Деница к слушателям (Фенрихам) школы подводного флота в сентябре 1942 года вообще речь шла о том, что нужно расстреливать людей, оставшихся в живых после потопления. Он скорее сам сделал подобный вывод из услышанних им слов о том, что нужно вести тотальную войну против судов и команд и, видимо, также вследствие сделанного указания на воздушную войну. Так как он тогда находился под свежим впечатлением воздушних налетов на Любек, которне он как раз пережил, то, видимо, это истолкование следует об"яснить этим. Другие лица, слышавшие эту речь, не разделяли это мнение, им вообще в голову не пришла такая мисль. Это установлено на основании показаний трех лиц, присутствовавших во время этой речи. Другое утверждение Хейзига о том, что какой-то неизвестный офицер, при каких-то неизвестних обстоятельствах поучал его в том, что во время уничтожения лиц, оставшихся в живых, нужно отправлять команду вниз, я считаю плодом его, видимо, легко возбудимой фантазии. Если что-либо подобное действительно имело бы место, то такое

25843

H1210 – 0558

H1210 – 0559

странное и противоречащее всем принципам, на которых воспитывается военно-морской флот, событие должно было бы так запечатлеться в памяти молодого офицера, что он должен бы бы запомнить все подробности подобного поучения.

Значительно серьезнее нужно отнестись к показанию капитана 3 ранга Меле, так как последний - в этом нет никакого сомнения - по крайней мере, намекнул некоторым командирам подводных лодок, что приказ о "Лаконии" требует или, по крайней мере, одобряет уничтожение людей, оставшихся в живых после потопления. Меле узнал о таком истолковании приказа ни от самого адмирала Деница, ни от начальника штаба и не от его ближайшего сотрудника-капитана 2 ранга Гесслера следовательно, не от тех офицеров, которые имели право сообщить командиру флотилии о таком истолковании приказа.

Мне кажется, что на этом процессе не было выяснено, как, собственно, Меле пришел к такому истолкованию приказа. Он утверждает, что он пришел к этому в связи с тем, что капитан 2-го ранга Купиш рассказал ему в штабе командования подводным флотом историю подводной лодки - "У"386", командир которой по возвращении с боевой операции в штабе командования подводных лодок получил порицание за то, что он не расстрелял находившихся в надувной резиновой лодке летчиков союзников. Это описание Меле не соответствует действительности. Совершенно точно доказано на основании дневника военных действий и с помощью свидетелей, что командиру подводной лодки У-386 было сделано порицание за то, что он не взял упомянутых летчиков на борт и не доставил их в базу. Вся эта

25844

история с "У-386" произошла,кроме того, через год после случая с "Лакония" в сентябре 1943г., а капитан 3 ранга Купиш, который якобы рассказал эту историю, погиб уже в августе 1943 года, будучи командиром подводной лодки. Не моя задача размышлять над тем, каким образом Меле действительно сделал такой вывод относительно приказа о "Лакони". Одно, однако, является доказанным, а именно то, что адмирал Дениц и его штаб не способствовали тому, чтобы такой вывод был сделан и даже не знали о подобном истолковании приказа. Учитывая постоянный личный контакт, имевший место между командирами подводных лодок и штабом командующего подводным флотом, это можно об"яснить только тем, что те немногие командиры подводных лодок, которых вышеупомянутым образом инструктировал Меле, приняли его слова не всерьез.

Несет ли адмирал Дениц ответственность за то, что Меле так истолковал приказ о "Лакони"? Уголовная ответственность прежде всего предполагает наличие вины, т.е. возможность предусмотреть результат. При наличии тесного контакта со своими командирами флотилий и командирами подводных лодок, только для которых и предназначался приказ о"Лакони", адмирал Дениц не мог никак предположить, что какой-то командир флотили подобным образом истолкует приказ, не сделав никакой попытки получить от командующего подводным флотом какие-либо раз"яснения. Такой образ действий находится вне всякого здравого предположения. Тем самым отпадает, однако, и вина. Для того, чтобы привлечь кого-либо к уголовной ответственности, нужно наличие еще одного признака, а именно нужно доказать, что был достигнут результат. Но и этот

15845

H1210 – 0560

H1210 - 0561

признак полностью отсутствует. Обвинение едва ли сделало какую-либо серьезную попытку, чтобы доказать, что кто-либо из тех командиров подводных лодок, которых Мелс инструктировал вышеупомянутым образом, хоть один раз расстреляли оставшихся в живых. Насколько мне известно, в этой войне с германской стороны имел место лишь только один случай подобного рода, а именно случай капитан-лейтенанта Экке. Причем характерно, что этот случай был изложен не обвинением, а защитой, так как этот образ действий Экка не имеет ничего общего с приказом о "Лаконии" в той форме, в какой обвинение его истолковывает. Он не хотел уничтожать людей, а хотел только устранить обломки и плоты, на основании которых летчики союзников могли заключить, что в этой части моря присутствуют германские подводные лодки. За этот образ действий Экк вместе с двумя своими офицерами был приговорен к смерти и, таким образом, был наказан с такой строгостью, которая в более спокойные времена не будет понятной.

Оба изложенные Обвинением случая, в которых, якобы имели место расстрелы оставшихся в живых, с такой очевидностью непригодны для того, чтобы обосновать это обвинение, что мне не нужно заниматься больше этим вопросом. Показание относительно потопления "Порин-Мэри" носит в нескольких своих моментах отпечаток фантазии, а в случае с нападением на судно "Антонико" уже только из-за того, что атака происходила в темную ночь и всего лишь в течение 20 минут, исключается всякое намерение уничтожить оставшихся в живых.

15846

К счастью, я смог представить Трибуналу материалы военно-морского командования относительно десятка случаев, в которых, якобы союзные военно-морские силы расстреливали немцев, оставшихся в живых после потопления. Мне кажется, что каждый из этих примеров является более показательным, чем примеры Обвинения и некоторые из них довольно убедительны. Тем большее значение я придаю той трезвой позиции, которую занял военно-морской штаб по отношению к ставке фюрера, давая оценку этим случаям. Военно-морской штаб указывает, между прочим, на следующее:

Во-первых, некоторая часть этих происшествий произошла во время военных действий, во-вторых, люди, плавающие в воде легко приходят к заключению, что шальные пули предназначались им. В-третьих - до сих пор еще не доказано, что поступил от какой-либо инстанции письменный или устный приказ об использовании оружия против оставшихся в живых членов команд.

Я могу только просить, чтобы эти принципы нашли бы применение и при оценке тех примеров, которые были пред"явлены Обвинением.

В аналогичном случае военно-морское командование заявило ставке фюрера о том, что оно отказывается применять репрессалии в виде уничтожения оставшихся в живых членов команд судов противника, а именно 14 сентября 1942 года, следовательно за 3 дня до издания приказа о "Лаконии". Так как этот приказ был получен как радиоприказ военно-морского командования, он был бы несомненно отменен, ввиду той совершенно противоположной точки зрения, высказанной до

15844

H1210 - 0562

H1210-0563

этого в ставке фюрера, если бы вышеупомянутый приказ был бы понят как приказ об уничтожении оставшихся в живых. Тем самым я перехожу к положительным контрдоказательствам против точки зрения Обвинения. Эти контрдоказательства, прежде всего, основываются на том числе моряков союзников, которые были спасены. Это число, согласно заявлению Британского министра транспорта, составляло в 1943 году 87% судовых команд. Едва-ли можно совместить подобный результат с приказом об уничтожении.

Затем установлено, что гроссадмирал Дениц в 1943 году, следовательно после приказа о "Лаконии" отклонял любые соображения о том, чтобы уничтожать оставшихся в живых.

В заявлении, сделанном министерству иностранных дел 4 апреля 1943г. военно-морское командование характеризует директиву о том, чтобы подводные лодки уничтожали спасательные лодки и оставшихся в живых людей, как недопустимую, так как она противоречит морали любого моряка. В июне 1943 года гроссадмирал заявил в разговоре с капитаном 3 ранга Виттом, который докладывал ему о налетах британских летчиков на потерпевших кораблекрушение моряков германских подводных лодок, что он не допускает

15848

мысли о том, чтобы можно было нападать на противника, ставшего в ходе боя безоружным, эта мысль, мол, несовместима с нашим методом ведения войны.

Резюмируя, я глубоко убежден, что утверждение Обвинения о том, что германским подводным лодкам был отдан приказ об уничтожении оставшихся в живых людей, полностью опровергнуто. Гросс-адмирал Дениц заявил на данном процессе, что он никогда бы не допустил, чтобы из-за этих низких мероприятий, было оказано отрицательное моральное влияние на моряков подводного флота. При потерях, составлявших 70-80%, он мог пополнять свой флот добровольцами только в том случае, если бы он при всей суровости морских сражений честно проводил их. И, если Трибунал припомнит заявления 67 командиров подводных лодок, находящихся в британском плену, то он должен будет признать, что Дениц воспитал в своих людях такое поведение и такой дух, которые пережили даже поражение.

(см.сл.страницу)

15849

H1210 – 0564

H1210 – 0565

Я постарался сделать Трибуналу доклад о самых важных фактах и о некоторых юридических соображениях, связанных с ведением морской войны, для того, чтобы осветить важнейшие проблемы, которые здесь обсуждаются, с точки зрения защиты. Здесь речь идет об оценке поведения адмиралов в морской войне, и вопрос о допустимом с точки зрения международного права здесь тесно связан с вопросом военной необходимости. Поэтому, при рассмотрении этого пункта обвинения, я должен особенно сожалеть о том, что Устав этого Трибунала лишает подсудимых, офицеров, права, которое гарантировано им как военнопленным Женевской конвенцией, а именно: осуждение военно-полевым судом в соответствии с законами и положениями, имеющими силу в отношении собственных офицеров. Согласно § 3 Устава, мне не разрешается заявлять о неправомочности этого Трибунала. Поэтому я могу лишь просить Трибунал, чтобы он сам исправил несправедливость, которую я вижу в упомянутом положении Устава, тем, чтобы он, давая военную оценку и морального оправдания поведения этих германских адмиралов, применил такие же критерии, какие применили бы адмиралы их собственной страны. У солдата, на основании практического опыта ведения боя, и знания как своих, так и методов противника, развито очень сильное чутье относительного того, где кончается бой и где начинается военное преступление. Он знает, что юридическое мнение о том, что допустимо и что запрещается в морской войне, окончательно определяется интересами его страны. Такая островная держава, как Великобритания, с длинными и уязвимыми морскими коммуникациями, издавна

рассматривала эти вопросы иначе, чем континентальные державы. Позиция Соединенных Штатов Америки, начиная от отказа вести подводную войну, что было высказано в резолюции Рута, в 1922 году и кончая неограниченной подводной войной против Японии в 1941 году, показывает, как по мере изменения стратегического положения изменяются и правовые критерии. Никто не может знать в какой степени развитие военно-воздушного флота и эффективность воздушных налетов загонит военно-морской флот под воду и сделает устаревшими все существовавшие до этого взгляды на подводную войну. Для морского офицера это вполне понятные рассуждения и они должны удержать юристов от того, чтобы взваливать спорные вопросы военно-морского права и военно-морской политики на спину тех, профессиональний долг которих - командовать флотом.

Во время первой мировой войны германская подводная война сопровождалась бурей возмущения. Именно сегодня мне кажется особенно значительным то, как английский историк Белл в официальной, предназначенной только для служебного пользования в министерстве иностранных дел, книге характеризует справедливость этого возмущения. Я цитирую:

"Старое правило военной чести гласит, что никогда не надо преуменьшать заслуги врага, боровшегося долго и смело. Если бы этому правилу следовали в Англии, общественность лучше оценила бы то место, которое займет подводная война против торгового судоходства в истории стратегии и войны.

15857

H1210 – 0566

H1210 – 0567

К несчастью, крики ужаса, а также безответственные ругательства работников прессы были повторены ответственной стороной с тем результатом, что слова о пиратстве и убийстве перешли в словарный запас народа и вызвали в его сердце соответствующие чувства". (Конец цитаты).

Я должен еще разобрать отдельные другие пункты обвинения против гросс-адмирала Деница, не имеющие отношения к морской войне.

Прежде всего речь идет об обвинении в подготовке агрессивных войн. Известно насколько большое сопротивление вызвало именно это обвинение в среде профессиональных офицеров, пожалуй, всех союзных стран. Отвечая на подобные нападки в общественности, судья Джексон следующим образом сформулировал мысли Обвинения по этому пункту на пресс-конференции 4 декабря 1945 г.:

"Я об"яснил, что мы преследуем этих милитаристов не потому, что они служили своей стране, а потому, что они господствовали в ней и привели ее к войне; не потому, что они вели войну, а потому, что они привели к войне".

15852

Если взять за основу этот масштаб обвинения, то мне для защиты гросс-адмирала Деница против обвинения в подготовке агрессивных войн надо указать лишь на результат представления доказательств. К началу войны он был сравнительно молодым командиром, его единственная задача состояла в обучении и руководстве подводными лодками, он не принадлежал к генеральному штабу в смысле обвинения и не принимал участия ни в одном из совещаний, записи о которых были представлены здесь в качестве доказательств о наличии военных намерений. Обвинение в том, что он был инициатором оккупации баз подводных лодок в Норвегии, ранее опровергнуто. То же самое относится к утверждению о том, что он, якобы, предложил в 1943 г. напасть на Испанию, чтобы таким образом захватить Гибралтар. Захват Гибралтара наперекор желанию Испании в течение всей войны и особенно в 1943 г. лежал за пределами возможного и не подвергался дискуссии.

Когда адмирал Дениц 1 февраля 1943 года был назначен главнокомандующим военно-морским флотом, война для Германии перешла в стадию обороны, даже опасных контрнаступлений на всех фронтах. Этот факт может иметь значение для вопроса об участии в так называемом заговоре. Обвинению не совсем ясно, с какого именно момента оно хочет приписать подсудимому Денницу участие в этом заговоре. В индивидуальном обвинении речь идет об интимных отношениях с Гитлером с 1932 г. Однако это явная ошибка. Адмирал Дениц познакомился с фюрером лишь осенью 1934 г., явившись к нему по военным делам, а в последующие годы коротко говорил с ним всего 8 раз, всегда о военных вопросах и никогда с глазу-на-глаз. Так как подсудимый, кроме того, не принадлежал

15853

H1210 - 0568

H1210 – 0569

ни к одной организации, которая обвиняется в заговоре, я не вижу никакой связи с этим заговором до 1 февраля 1943 года.

Тем значительнее становится вопрос обратных последствий вступления в заговоре, как это раз"яснил господин британский обвинитель на примере с диверсантами на железной дороге. Эта мысль о вине, распространяющейся на предшествующие события, трудно понимаема для немецкого юриста. Континентальное восприятие права отражается в формулировке Гуго Гроциуса. Я цитирую: " Для соучастия в преступлении данное лицо должно не только знать о нем, но и иметь возможность предотвратить его". /Конец цитаты/.

Если юридическое понятие заговора в наших глазах является исключительной принадлежностью англо-саксонского права, то это особенно верно в отношении обратного действия так называемого заговора. Приговор, посягающий на [illegible] действенность в международном масштабе, который должен быть понят также и народами Европы, и, в частности, немцами, должен строиться на общепризнанных юридических понятиях. Однако это ни в коем случае не относится к так называемой обратной вине.

Если подобная юридическая конституция целесообразна для борьбы с определенными типичными формами преступления, то, мне кажется, она полностью неприменима для рассмотрения событий, которые обсуждаются здесь.

Адмирал Дениц по нормальной, совершенно аполитичной военной линии был назначен главнокомандующим военно-морским флотом. Это назначение основывалось на предложении его предшественника, гросс-адмирала Редера, для которого решающими были только исключительные способности, проявленные Дницем в

руководстве подводной войной. В каких-либо иных условиях это назначение нуждалось так же мало, как и какое-либо другое назначение на военный пост. У адмирала Деница были тогда лишь мысли, которые, пожалуй, были бы у любого офицера в таком же положении, а именно он задавал себе вопрос, справится ли он с этой задачей и сможет ли он выполнить ее на благо военно-морского флота и народа. Все иные рассуждения, которых, повидимому, ожидало обвинение от него в этот момент, а именно: о законности партийной программы и партийной политики с 1922 года, а также германской внутренней и внешней политики с 1933 г., могут быть лишь фикциями, к фактам они не имеют никакого отношения. Подобные фикции не имеют границ во времени и в фактах. Должна ли ответственность за мероприятия в прошлом распространяться при вступлении на высокий пост только на действия правящего кабинета или и на предыдущие кабинеты и до какого времени? Должна ли она охватывать только внешнюю и внутреннюю политику собственной страны или же и политику ее союзников? Подобные рассуждения логически нельзя опровергнуть, но они ведут к неприемлемым результатам и показывают, что практически нельзя использовать мысль об обратном действии так называемого заговора.

Уже и так достаточно трудно измерить точным масштабом даже соучастие в таком заговоре, если речь идет о событиях не уголовного, а военного или политического характера. Что означают понятия "добровольность вступления" и "знание преступного плана", если офицер во время величайшей нужды берет на себя задачу спасти от краха морскую войну?

15855

H1210 – 0570

H1210 – 0571

Обвинение, кажется, тоже видит это, ибо оно в соответствии с своей общей идеей пытается связать адмирала Деница с заговором политическим путем. Это осуществляется с помощью утверждения о том, что вследствие назначения на пост главнокомандующего военно-морскими силами он стал членом имперского правительства. Основой этого утверждения служит распоряжение, согласно которому главнокомандующие сухопутных и военно-морских сил получали ранг имперского министра и по распоряжению фюрера должны были принимать участие в заседаниях кабинета.

Ясно, что лицо, лишь получившее ранг имперского министра, не является в действительности имперским министром. Оно не является также членом кабинета, если оно может принимать участие в его заседаниях лишь на основании особого распоряжения. Именно это показывает, что его надо было заслушивать только по специальным вопросам, но что оно никогда не имело права собирать информацию ~~к~~ о других ведомствах, не говоря уже о советах им. Однако, без этого права нельзя говорить о политической ответственности. Для деятельности в качестве министра отсутствует также всякая юридическая основа. Согласно германскому военному закону во всех вооруженных силах существовал лишь один министр, а именно имперский военный министр. Этот пост не был занят никем после отставки генерал-фельдмаршала фон Бломберга. Дела министерства находились под руководством начальника главного командования вооруженных сил. Ни для сухопутных сил, ни для военно-морских сил не были созданы новые министерства. Таким образом, главнокомандующие сухопутными и военно-мор-

-скими силами должны были быть министрами без портфеля. Но так как каждый из них имел свой круг обязанностей, а именно - сухопутные и военно-морские силы, то такое назначение противоречило бы всем государственным обычиям. В качестве основного признака министерской деятельности должна рассматриваться задача подписывать такие законы, к которым данный министр причастен по служебной линии. Нет ни одного закона, который был бы подписан главнокомандующим военно-морскими силами. Я показал это Трибуналу на примере распорядка о взятии призов. Таким образом, даже применяя юридические масштабы демократической системы, нельзя назвать главнокомандующего военно-морскими силами членом имперского правительства, так как он не обладал никаким правом содействия при актах законодательства и никакой общей ответственностью за политику. Его задача была чисто военной и оставалась военной задачей даже, если его из соображений этикета приравняли в ранге имперским министрам.

Обвинение само признало, что в конституционном смысле имперское правительство не существовало во время войны и поэтому оно утверждает, что фактически правительство состояло из тех, кто принимал участие в обсуждении положения в главной ставке фюрера.

Как показали все допрошенные здесь свидетели, здесь речь идет о чисто военном собрании, на котором представлялись поступившие донесения, обсуждались военные меры и издавались военные приказы. Вопросы внешней политике в виде исключения упоминались лишь в тех случаях, если ~~в/ниде/ис-ключения/уже~~ они находились в связи с военными вопросами,

15857

H1210 - 0572

H1210 – 0573

но они никогда не обсуждались и не решались на этих обсуждениях обстановки у фюрера. Внутренняя политика, включая вопросы безопасности, вообще не обсуждалась. Если в этих обсуждениях принимали участие не солдаты, то они были только слушателями, получавшими информацию для своих ведомств. Рейхсфюрер СС или его представитель присутствовали в качестве командования войск СС, а в последний год войны - также в качестве представителей армии резерва.

В этих обсуждениях обстановки у фюрера гросс-адмирал всегда принимал участие, если он находился в главной ставке фюрера. О всех встречах и совещаниях главнокомандующего его сопровождающие изготовляли записи и все они находятся в руках обвинения. Но так как оно не представило ни одной единственной записи, согласно которой главнокомандующий военно-морским флотом принимал бы участие в докладе или в решении политического вопроса, можно, пожалуй, полагать, что подобных занисей сообще не существует. Но тем самым подтверждаются показания свидетелей о том, что обсуждение обстановки у фюрера не имеет ровно ничего общего с правительством в ~~политическом~~ политическом смысле, а что оно было исключительно инструментом военного руководства.

Таким образом, ни в коем случае не существует общей ответственности гросс-адмирала за все происшествия и события с 1943 года, которые были охарактеризованы на этом процессе, как преступные. Поэтому я разбираю только те отдельные утверждения, с помощью которых обвинение пыталось связать адмирала Деница непосредственно с заговором. Я считаю, что имею на это право тем более, что Трибунал недавно запретил мне допросить свидетелей по Катынскому делу на том основании,

что, ведь, никто не ставит в вину адмиралу Деницу Катынского дела. Из этого я заключаю, что ему, во всяком случае в глазах Трибунала, ставятся в вину только такие дела, в отношении которых утверждают, что он принимал в них непосредственное участие.

Это, прежде всего, относится к приказу фюрера об уничтожении диверсионных отрядов от 18 декабря 1942 года. Обвинение попыталось доказать, что этот приказ был предоставлен адмиралу Деницу со всеми возможностями против него возражениями вскоре после его вступления на пост главнокомандующего военно-морскими силами. Однако, эта попытка не удалась. В действительности он, как он сам признал, читал его осенью 1942 года, будучи командующим подводным флотом, и причем в такой форме, в какой его получили фронтовые командующие. Я не хочу здесь говорить об обстоятельствах, которые привели в главном командовании вооруженными силами к возражению против этого приказа, ибо все эти обстоятельства были не известны для получателя этого приказа на фронте. Для него речь шла только о репрессалиях против диверсантов, которые только по внешнему виду были солдатами, но вели войну не в соответствии с существующими для солдата принципами. Вопрос о том, были ли подобные репрессалии вообще допустимыми по Женевской Конвенции и в каком об"еме, таким образом, не мог быть разрешен получателем. То, что приказ о том, чтобы не давать этим людям пощады и в определенных случаях передавать их СД, сам по себе нарушает обычаи войны, признает по крайней мере, всякий высший офицер. Но так как сущностью всякой респрессалии является то, что на несправедливость

15859

H1210 – 0574

H1210 – 0575

противника отвечают несправедливостью со своей стороны, это признание ничего не говорит в пользу законности или незаконности установленных репрессалий. Если никто иной, кроме руководства государством, не имеет права издать распо-ряжение о репрессалиях, то нельзя сегодня требовать от сотен и тысяч немецких офицеров, чтобы они считали, что они также вправе обсуждать приказы, фактические и юридические основы которых были им совершенно не известны. Для фронтовых командующих в этом отношении, по крайней мере, имел силу тот принцип, что подчиненный в сомнительных случаях может положиться на отданный ему приказ.

Обвинение полагает, что адмирал Дениц через несколько месяцев после того, как он стал главнокомандующим военно-морскими силами, должен был и имел возможность осведомиться о причинах издания приказа о диверсантах. Это требование показывает непонимание задач главнокомандующего военно-морскими силами. Этот последний должен руководить войной на море. Вся германская война на море, в частности, подводная война, находилась в начале 1943 года, вследствие огромных потерь в результате действий вражеской авиации, накануне краха. Это были заботы, которыми должен был заняться новый главнокомандующий, наряду с огромным количеством новых, вставших перед ним вопросов, касающихся военно-морского флота. Как можно требовать от такого человека чтобы он, как в самые спокойные времена, занимался приказом изданным ранее, и не имеющим ни малейшего отношения к войне на море? Наоборот, военнопленные, захваченные во время войны на море, были особым параграфом ясно исключены из этого приказа.

Здесь я должен сказать несколько слов о соотношении командных инстанций. Соединения военно-морского флота подчинялись штабу военно-морского флота только в вопросах, являющихся задачами военно-морского флота, т.е. война на море и артиллерийская оборона побережья. В так называемых морских сил, а военному командующему соответствующего театра военных действий, где находилась их база. Приказы о подобных военных мероприятиях на суше издавались без сотрудничества штаба военно-морских сил и об их исполнении в штаб военно-морских сил не докладывалось. Также мало, как кто-либо может серьезно подумать о том, чтобы привлечь к ответственности генерала за германскую подводную войну, кажется мне оправданным стремление возложить ответственность на адмирала за приказы,относящиеся к сухопутной войне.

Господин Председатель, я закончил раздел..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, хорошо, но мы сейчас об"явим перерыв.

/Перерыв до 14.00/.

аП-мс
ЛТ-ВВ
нд.

15841

H1210 - 0576

H1210 – 0577

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 16 июля 1946 года

(Вечернее заседание)

Встать! Суд идет!

КРАНЦБЮЛЛЕР. Я до перерыва говорил о том факте, что части военно-морских сил не подчинялись в территориальных вопросах штабу военно-морских сил.

Этот путь приказов о территориальных задачах об'ясняет также полную неосведомленность гросс-адмирала и его сотрудников в/ штабе военно-морских сил о передаче экипажа норвежского торпедного катера МБТ-345 службе безопасности после его взятия в плен частями адмирала фон Шрадера Как следует из протоколов суда над военными преступниками в Осло, штаб военно-морских сил получил лишь сообщение о бое и о захвате торпедного катера и о количестве пленных. Во всех остальных вопросах, а именно - обнаружение материалов для диверсий и гражданской одежды на борту катеров, факт установления того, что он имел диверсионные задачи и обращение с экипажем, как с диверсионной группой согласно приказу о "командос", адмирал фон Шрадер договаривался с военным командующим в Норвегии как о территориальных вопросах. Решение о судьбе экипажа было присла-

но из главной ставки фюрера на запрос гаулейтера Тербовена. Не только нет никакого доказательства тому, что штаб военно-морских сил каким-либо образом был замешан в этом территориальном вопросе, но на основании представленных доказательств и изложенного разделения компетенций следует полагать, что это опровергнуто.

Вторую попытку обвинения установить участие в мнимом заговоре для совершения военных преступлений, я вижу в представленном протоколе адмирала Вагнера по вопросу о выходе из Женевской конвенции в начале 1945 года. Подробности становятся ясными из свидетельских показаний Вагнера. Согласно этим показаниям на обсуждении положения 17 февраля фюрер указал на то, что вражеская пропаганда о хорошем обращении с военнопленными явно производит впечатление на находящиеся на западе войска и было доложено о большом количестве перебежчиков. Он приказал рассмотреть вопрос о выходе из Женевской конвенции. Тем самым он хотел убедить собственных солдат в том, что они больше не могут рассчитывать на хорошее обращение с ними, как с военнопленными и, тем самым, он хотел уничтожить действие вражеской пропаганды. Через два дня Гитлер снова вернулся к этой мысли, но теперь на переднем плане стояло другое обоснование. Он охарактеризовал ведение войны противником на востоке и воздушные налеты на немецкое гражданское население как полный отказ от международного права со стороны противника и теперь, со своей

15863

H1210 – 0578

H1210 -0579

-стороны,хотел путем выхода из Женевской конвенции освободиться от всяких обязательств. Он вновь запросил вооруженные силы об их мнении и при этом обратился прямо к гросс-адмиралу. Гросс-адмирал не дал никакого ответа. Позиция военного руководства в этом вопросе была недвусмысленно отрицательной. Перед обсуждением положения на следующий день имела место 10-минутная беседа между гросс-адмиралом Деницем,генерал-полковником Иодлем и послом Хевелем,во время которой Дениц сообщил о своем отрицательном отношении. При этом,судя по заметке адмирала Вагнера,он сказал следующее:

"Лучше принять необходимые меры без всякого о том оповещения и хранить для внешнего мира,на всякий случай, прежнюю мину".

Обвинение видит в этом готовность и желание выдать сотни тысяч союзных военнопленных на произвольное убийство.

Сам адмирал Дениц не помнит этой фразы. Это и не удивительно,так как речь идет не о протоколе,а о резюме довольно длительного разговора в четырех фразах,которые были сформулированы лишь на следующий день после разговора и написаны адмиралом Вагнером. Этот последний сам заявляет,что гросс-адмирал не одобрял всех "нелегальных вещей",которые с самого начала ставят нас в положение лжеца,и считал только такие меры оправданными,которые в каждом отдельном случае вызывались поведением противной стороны.Так как Вагнер,как автор этой записи,сам должен

лучше всех знать, что он хотел этим сказать, то я сам не могу ничего добавить к этому заявлению. Толкование обвинения не находит опоры в остальных обстоятельствах. Содержание в секрете каких-либо мер вообще не выносится на рассмотрение. Наоборот, о них надо было об'явить, независимо от того, были ли они задуманы, как устрашение для собственных перебежчиков или как репрессалии. Но в заметке Вагнера вообще ничего не говорится о каких-либо конкретных мерах, которые должны были быть приняты, и все свидетели, участвовавшие в этом обсуждении положения у фюрера, показывают, что об этом и не было сказано ни слова. Таким образом, ни у одного из участников записанного Вагнером разговора не имелось мысли об убийстве военнопленных.

Здесь, благодаря показаниям подсудимых фон Риббентропа и Фриче, выяснилось, что Гитлер тогда, очевидно, наряду с действиями среди генералов, подгатавливал другое выступление, в котором должны были участвовать только Геббельс и Гиммлер и о котором случайно узнал также фон Риббентроп. В отношении этого выступления, кажется, обсуждался вопрос о расстреле тысяч военнопленных в качестве репрессалий за воздушный налет на Дрезден. О подобных мыслях Гитлер, однако, не сделал генералам ни малейшего намека. Эта идея дальше не/ развивалась, репрессалии проведены не были.

И, тем самым, я вновь прихожу к фактам. Это факт, что адмирал Дениц не одобрял выход из Женевской конвенции и

15865

H1210 – 0580

H1210 – 0581

что Гитлер вследствие очевидного отрицательного отношения всех военных руководителей вообще не настаивал на этой мысли. Это факт, что на основании представленного обвинением замечания не были проведены с немецкой стороны никакие меры, нарушающие международное право, и, наконец, это факт, что военнопленные вражеские моряки, находившиеся в лагере военнопленных военно-морского флота, до последнего дня войны подвергались образцовому обращению. Но тому, кто в своей собственной сфере деятельности действует так, как адмирал Дениц в отношении военнопленных военноморского флота, тому, естественно, нельзя приписывать, что он, мол, выбросил за борт все юридические и моральные обязательства по отношению к военнопленным. По свидетельству английского командира, при занятии британскими войсками лагеря военнопленных военно-морского флота, все заключенные без исключения сообщили, что с ними обращались "вежливо и с уважением". Трибунал оценит по достоинству такое единодушное высказывание после того, что стало известно на этом процессе вообще об обращении с военнопленными и причем не только с немецкой стороны.

Если я теперь перехожу к заговору для совершения преступлений против человечности, то я хотел бы сперва указать на то, что против подсудимого Деница, согласно пункту четвертому обвинения, не выдвигается обвинение в

15866

непосредственном совершении преступлений против человечности. В индивидуальном обвинении даже ничего не говорится об участии в заговоре для совершения преступлений против человечности. Повидимому, это означает признание, что, действительно, между его деятельностью и представленными обвинением преступлениями против человечности нет никакой связи. Несмотря на это, обвинение представило некоторые документы, которые внешне должны обосновать его совместную ответственность за известные преступления против человечности.

При характеристике этих документов главную роль все гда играет вопрос, в какой степени адмирал Дениц знал об этих преступлениях. Относительно этого я хотел бы выяснить одно. В течение всей войны, он жил в своей главной ставке, а именно: сперва на побережье Северного моря, с 1940 года - во Франции, в 1943 году - короткое время в Берлине, а потом в лагере "Коралл" близ Берлина. Когда он бывал в главной ставке фюрера, то он жил в местном морском штабе. Таким образом, вне службы он имел общение почти исключительно только с // офицерами флота. Может быть, это - слабость, но это - факт, подополнительно об'ясняющий его незнание некоторых событий.

Передача предложения министерства вооружения об использовании на верфях 12 тысяч человек из концентрационных лагерей в качестве рабочих, является для обвинения доказательством того, что адмирал Дениц знал и одо

15847

H1210 – 0582

H1210 - 0583

брял арест бесчисленного множества невиновных, жестокое обращение с ними и их умерщвление в концентрационных лагерях.

Фактически он знал, конечно, что существуют концлагери и он знал также, что в лагерях, кроме уголовных преступников содержатся политические заключенные. Как уже здесь было изложено, содержание политических противников в местах заключения было, по крайней мере, в годы нужды осуществлено по соображениям безопасности почти во всех государствах. Таким образом, знание о существовании подобных учреждений не может быть вменено в вину ни одному человеку. Правда, сравнительно высокое -смотря по количеству населения - количество политических заключенных может превратить режим в режим террора. Но при численности населения в 80 миллионов человек и на пятом году жестокой войны, даже двойное или тройное количество в сравнении с упомянутыми адмиралом Деницом 12 тысячами человек не явится признаком режима террора. Это едва ли будет утверждать также и обвинение. То, что главнокомандующему военно-морскими силами, а также его сотрудникам и подавляющей части немецкого народа не было известно о совершаемых в концентрационных лагерях истязаниях и убийствах, это выяснилось здесь. Все, что представило против этого обвинение, является предположениями, но не доказательствами.

Поэтому относительно этого пункта я хотел бы указать

еще только на показании бывшего министра вооружения Шпе-
ера, согласно которым заключенные концлагерей, благодаря
своему использованию в промышленности, находились в зна-
чительно лучших условиях, чем если бы они оставались в
лагерях, и всеми средствами стремились к тому, чтобы их
использовали таким образом. Таким образом, переданное пре-
дложение не представляет собой бесчеловечного акта, а как
раз наоборот.

В том же ходатайстве содержится предложение о при-
нятии энергичных мер против саботажа на норвежских и дат-
ских верфях, жертвами которого стали 7 из 8 новостроящихся
кораблей. В случае необходимости все рабочие или часть
их должны были использоваться в качестве "рабочих из
концлагерей", ибо, как сказано там, саботаж таких масштабов
возможен только при молчаливом согласии всех рабочих.
Таким образом, речь идет здесь о предложении проводить ме-
ры по безопасности с помощью того, чтобы рабочие, активно
или пассивно участвующие в саботаже, были размещены в лаге
ре на верфи и, тем самым, была нарушена их связь с вражес-
кими агентами. Я не думаю, чтобы против таких мер по безо-
пасности можно было что-либо возразить с правовой точки
зрения. Судя по практике всех оккупационных войск, в та-
ких случаях были бы оправданы даже меры коллективного
наказания.

В действительности дело не дошло до предложенных
мер, и обвинение, повидимому, представляет его только для
того, чтобы тем самым поставить в вину адмиралу Деницу
общее жестокое отношение к жителям оккупированных райо-

15869

H1210 – 0584

H1210-0585

нов. С этой целью оно ссылается также на высказывание фюрера на обсуждении военного положения летом 1944 г., гласящее, что против террора в Дании надо бороться контр-террором. Единственное содействие адмирала Деница в отношении этого высказывания заключается в том, что он слышал его и что его спутник адмирал Вагнер записал его. Военно-морской флот не был к нему причастен и не отдал никаких приказов на основании этого высказывания.

В противоположность этому методу представления доказательств со стороны обвинения, я хотел бы подчеркнуть отношение, которое адмирал Дениц действительно показал по отношению к жителям оккупированных районов. Трибунал имеет в своем распоряжении обзор приговоров военно-морских судов для защиты местного населения оккупированных районов от эксцессов со стороны членов военно-морского флота. Этот обзор основывается на рассмотрении около двух тысяч дел и некоторая часть вынесенных приговоров передана с описанием положения дел и обоснованием. Согласно этому, можно, пожалуй, сказать, что суды военно-морского флота со справедливостью и строгостью защищали местных жителей как на западе, так и на востоке и причем как их жизнь, так и их собственность и честь их женщин.

Это судопроизводство постоянно контролировалось главнокомандующим военно-морскими силами, как высшей судебной инстанцией. Согласно процессуальных норм, он ведал утверждением смертных приговоров, вынесенных по делам немецких солдат.

Недостаток времени не позволяет подробней разобрать некоторых из этих приговоров. В отношении всех их верно то, что сформулировано в одном из этих приговоров, следующим образом: все солдаты должны знать, что и в оккупированных областях жизнь и собственность других народов полностью охраняются. Это мнение господствовало повсюду в военно-морских силах и строгость вынесенных приговоров доказывает насколько серьезно оно воспринималось.

Мне надо сказать лишь несколько слов о приказе от начала 1945 года, в котором указывается как на образец на одного военнопленного немецкого унтер-офицера, так как он приказал в одном лагере военнопленных незаметно и планомерно уничтожать проявляющих активность коммунистов. В самом деле речь шла, однако, по воспоминаниям адмирала Вагнера, об устранении шпиона. Однако положение дела было завуалировано указанным образом, чтобы не дать вражеской службе информации никаких сведений о лагере и личности унтер-офицера. То, что приказ, учитывая его истинные причины, должен быть оправдан, никто не может ставить под сомнение, учитывая огромное количество политических убийств, которые были совершены с ведома или

15871

H1210 – 0586

H1210 – 0587

при поддержке участвовавших в войне правительств и то, что лиц, которые их совершили - чествуют сегодня, как героев. Однако, то, что неудачная маскировочная формулировка может быть доказательством общего плана уничтожения коммунистов, я не смогу считать серьезным утверждением. Один приговор, вынесенный в защиту коммунистов, должен показать действительное положение. Один фельдфебель скрыл в одном лазарете одеяла, предназначенные для советских военнопленных и выбил одному умершему военнопленному золотые зубы. Этот фельдфебель был приговорен военно-морским судом к смерти и был казнен после утверждения приговора главнокомандующим.

В заключение обвинение установило связи также с еврейским вопросом с помощью одного высказывания, в котором гросс-адмирал говорить о "ползучем яде еврейства". Относительно этого я констатирую:

План уничтожения еврейства был также неизвестен Деницу, как и его выполнение. Ему было известно о переселении проживавших в Германии евреев в генерал-губернаторства. Я не думаю, что подобное переселение можно проклясть в то время, когда перед глазами спокойно смотрящего мира, происходит еще в больших масштабах изгнание немцев. В связи с этим, я также указываю на один приговор, в котором двум немецким морякам устанавливаются высокие

сроки лишения свободы. Они вместе с французами грабили французских евреев. Из обоснования я цитирую опять-таки только одно предложение, которое характеризует общее положение: "То, что эти действия были направлены против евреев, никоим образом не оправдывает подсудимых".

Мне также кажется, что усилия Обвинения вовлечь адмирала Деница с помощью понятия, так называемого фанатического нациста в свою конструкцию заговора, не удалось. Он не был ни членом партии, ни проявлял себя как-либо политически до своего назначения главнокомандующим военно-морским флотом. Утверждение Обвинения, что он был назначен главнокомандующим военно-морским флотом из-за своей политической позиции, лишено всяких оснований. В качестве офицера действительной службы, которому по закону о военной службе была воспрещена какая-либо политическая деятельность, у него не было никакого повода для того, чтобы ближе заняться национал-социализмом. Однако, как миллионы других немцев, он признавал неповторимые успехи руководства Гитлера в социальной и экономической области, как и конечно в освобождении от обязательств Версаля, которые его особенно затрагивали, как солдата. Таким образом, он без всякой политической активности, но лойяльно стоял на почве национал-социалистского государства, когда он получил назначение на должность главнокомандующего.

15893

H1210 - 0588

H1210 - 0589

Благодаря этому, к его отношению к национал-социализму прибавились два новых элемента. Это был ~~прежде~~ прежде всего личный контакт с Адольфом Гитлером. Как почти все, кто лично имел дело с этим человеком, он находился под его глубочайшим влиянием. К воспитанному в профессиональном офицере уважении перед главой государства и верностью верховному главнокомандующему, прибавилось восхищение государственным деятелем и полководцем. Трудно на основании тех сведений, которые получены на данном процессе, понять такое отношение. Я не чувствую себя ни призванным, ни в состоянии оценивать такую личность, как Адольф Гитлер. Однако, одно мне кажется определенным, а именно, что он с совершенным искусством маскировки, мастерски скрывал человечески отталкивающие черты своего характера от тех своих сотрудников, которым он не решался открыть эту часть своего существа. Тот Гитлер, которого узнал тогда новый главнокомандующий военно-морским флотом и которого он почитал, был совершенно другим, чем тот, какого - справедливо или несправедливо - видит сегодня мир.

Второй новый элемент в отношении гросс-адмирала к национал-социализму заключался в том, что выполнение его военных задач с необходимостью приводило его в контакт с политическими учреждениями империи. Нужно ли было ему больше людей, больше кораблей или больше вооружения - всегда, в конечном итоге, это были политические учреждения, с которыми ему приходилось иметь дело. Для того, что-

15874

бы в своих требованиях иметь успех, он должен был с самого начала раз и навсегда исключить всякое политическое недоверие. Это он делал сознательно и требовал того же от своих подчиненных. Партия была для него не идеологическим фактором, а фактическим носителем политической власти. С ней связывала его общая цель - выиграть войну. В достижении этой цели он рассматривал ее как союзника. Однако, союзнику нужно за те преимущества, которых от него ожидают, приносить также известные жертвы, в частности, жертвы путем незамечания недостатков и замалчивания противоречий.

Созданная положением и задачами главнокомандующего морским флотом связь с фюрером и соприкосновение с партией, однако, никогда не побуждали гросс-адмирала к тому, чтобы участвовать в чем-нибудь, за что он не мог бы ответить перед своей совестью. Как раз некоторые пункты обвинения доказывают это. Фюрер требовал истребления оставшихся в живых после потопления судов людей, адмирал Дениц отклонил это. Фюрер желал выхода из женевской конвенции, адмирал Дениц отклонил это. Он упорно и с успехом противостоял влиянию партии на вооруженные силы.

15875

H1210 - 0590

H1210 -0591

Благодаря его сопротивлению "офицеры национал-социалистского руководства" не превратились в политических комиссаров, а как настоящие офицеры были лишь советниками своего командира, который сохранял исключительную ответственность за руководство своей частью. Происходившей по настоянию партии передаче политических дел против солдат из военных судов народному трибуналу гросс-адмирал Дениц препятствовал до зимы 1944-45 года, а затем вразрез с распоряжением фюрера не выполнял в военно-морском флоте. Таким образом, он никогда не отождествлял себя с партией и поэтому не может, конечно, привлекаться к ответственности за ее идеологические стремления или даже эксцессы, так же, как во внешней политике, ни одно правительство не согласилось бы принять на себя ответственность за действия своего союзника.

Я ни в коем случае не хочу создать впечатление, что адмирал Дениц не был национал-социалистом.

Напротив. Я как раз хочу на его примере доказать неправильность того тезиса, что каждый национал-социалист как таковой должен быть преступником. Этот Трибунал является единственной инстанцией, в которой авторитетные лица главных союзных держав подробно и непосредственно занимаются немецким прошлым последних 12 лет. Он является единственной надеждой очень многих немцев для устранения роковой ошибки, которая приводит малодушных из нашего народа к лицемерию и таким образом, стоит на пути политического оздоровления.

Если я после этих рассуждений еще коснусь обвинения в том, что адмирал Дениц в феврале 1945 г. из политического

15876

фанатизма оттягивал неизбежную капитуляцию, то я делаю это по особой причине. Это обвинение, которое вряд ли имеет что-либо общее с обвинением перед международным судом, особо тяжело в глазах немецкого народа. Ибо этот народ знает, какие разрушения и какие потери он понес в месяцы с февраля до мая 1945 г. Я представил заявление Дарлана, Чемберлена и Черчилля от 1940 г., в которых эти государственные деятели в критический час для своей страны призывали к отчаянному сопротивлению, к обороне каждой деревни и каждого дома. Никто из этого не сделает вывода, что эти люди были фанатичными национал/социалистами. В действительности вопрос о безоговорочной капитуляции является вопросом такого неимоверного значения для народа, что лишь после окончания событий можно собственно судить о том, правильно ли действовал государственный деятель, который был поставлен перед этим вопросом, или нет.

Адмирал Дениц же в феврале 1945 г. был не государственным деятелем, а главнокомандующим военно-морским флотом. Неужели он должен был призывать своих подчиненных к тому, чтобы сложить оружие в тот момент, когда политическое руководство государства еще считало военное сопротивление целесообразным и необходимым? Этого никто не может требовать всерьез.

Значительно труднее, мне кажется, вопрос о том, не должен ли он был на основании своего высокого доверия у Гитлера указать последнему со всей ясностью на бесперспективность дальнейшего сопротивления. Я бы лично подтвердил такой долг перед своим народом, если бы он сам в тот момент считал капитуляцию правильным шагом. Он этого не сделал и

15877

H1210 – 0592

H1210 – 0593

изложил причины этого. Капитуляция означает остановку армии и остановку населения. Германская армия на Восточном фронте, насчитывавшая в феврале 1945 г. еще свыше 2-х миллионов человек, и все гражданское население германских восточных провинций попало бы, таким образом, в руки советских армий и притом в зимний месяц с жестокими холодами. Адмирал Деница поэтому был того мнения, которое также разделял генерал-полковник Йодль, что вызванные этим потери в людях были бы значительно выше тех, которые должны были возникнуть в результате оттяжки капитуляции до более теплого времени года. Лишь в более позднем времени, когда будут доступны более точные сведения о потерях в солдатах и гражданском населении, понесенных до и после капитуляции на востоке и на западе, можно будет судить об объективной правильности этого мнения. Однако уже сегодня можно сказать, что эти соображения основывались только на серьезном сознании ответственности за жизнь немецких людей.

То же самое сознание ответственности побудило его после принятия дел главы государства 1 мая 1945г. прекратить военные действия на западе, а капитуляцию на востоке задержать еще на несколько дней, в течение которых сотням тысяч удалось бежать на запад. С того момента, когда он, совершенно неожиданно для себя самого, получил политическую задачу, он разумной рукой предотвратил угрожающий хаос, предотвратил акты отчаяния лишенных руководителей масс и перед немецким народом принял на себя ответственность за тяжелейший шаг, который, пожалуй, вообще может только предпринять государственный деятель.

15878

Таким образом, возвращаясь к исходному ~~пункту~~ пункту обвинения, он ничего не сделал для того, чтобы начать эту войну и сделал решающее для того, чтобы ее окончить.

Немецкий народ с этого момента узнал многое, чего он не ожидал и более чем один раз ему указывалось на безоговорочную капитуляцию, которую принял последний глава государства. От Трибунала будет зависеть, должен ли будет этот народ в будущем быть связан подписью этого человека, который его партнерами по договору перед всем миром заклеймен как преступник.

Я указал в начале своей речи на те сомнения, которые каждый процесс военных преступников с необходимостью пробуждает в груди юриста. Они ложатся на каждого, кто разделяет ответственность за такой процесс. Я бы не мог лучше обрисовать задачи всех ответственных лиц, чем словами одного английского адвоката о процессах германского имперского суда в 1921 году, цитирую: "Процессы военных преступников требовались скорее раз"яренной публикой, нежели государственными деятелями или войсками. Если бы общественное мнение 1919 года пошло бы своими путями, то процессы могли бы представлять собою жестокие представления, которых стыдились бы будущие поколения. Но благодаря государственным деятелям и юристам вообще вопль о мести был превращен в подлинную демонстрацию величия права и силы закона".

Да будет приговор этого Трибунала аналогичным образом представлен суду истории.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я вызываю д-ра Зиммерса, защитника подсудимого Редера.

15879

H1210 - 0594

H1210 - 0595

ЗИМЕРС (Защитник гросс-адмирала доктора Редера).

Высокий Суд! В своей защитительной речи по делу подсудимого гросс-адмирала доктора Редера я хочу придерживаться при изложении материала той же последовательности, что и в своих книгах документов и при пред"явлении доказательств. Я полагаю, что это облегчит рассмотрение дела в целом.

Редер, которому недавно исполнилось 70 лет, с 18 лет, т.е. примерно, в течение полувека и притом в период, богатый событиями, был солдатом и только солдатом душой и телом. Хотя он всегда знал только свой солдатский долг. Обвинение на этом большом процессе против национал-социализма обвиняет его не только как солдата, а именно как командующего германским ВМФ, но - и в этом состоит особенность и решающее обстоятельство его дела - как политического деятеля, как политического заговорщика и члена правительства, хотя все эти три функции в действительности ему свойственны не были. Поэтому передо мной стоит своеобразная задача: защищать Редера как политического деятеля, хотя, как я это покажу, его жизненный принцип состоял в том, чтобы быть совершенно аполитичным офицером и руководить офицерским корпусом и военно-морским флотом, которые также должны были оставаться совершенно аполитичными. Если Обвинение обвиняет Редера в таких разносторонних и тяжелых преступлениях, то основная причина этого состоит в том, что оно выдвинуло совершенно чуждую для германской армии конструкцию, а именно идею, согласно которой адмирал отвечает за ведение внешней политики и за возникновение войны. Я выступлю против этой конструкции и покажу, что она не существовала и не имела под собой никакой почвы также и в национал-социалистском государстве Гитлера. Правда, Гитлер всегда ставил

перед народом на первый план политические мотивы и пытался воспитать народ в одностороннем политическом духе. Иностранным государствам это известно и поэтому, очевидно, для них будет неожиданным то, что Гитлер в одном единственном пункте не проводил этого политического принципа. Гитлер руководил всеми учреждениями, организациями и полицейскими учреждениями согласно своим политическим принципам за одним единственным исключением - вооруженными силами. Вооруженные силы, и в особенности военно-морской флот, долгие годы, включая позднейшие этапы войны, оставались абсолютно аполитичными, и в этом Гитлер заверял не только Редера, но и обещал то же самое имперскому президенту Гинденбургу. Благодаря этому можно понять тот факт, который подтвердился и на данном процессе, что до 1944 года ни один офицер не мог быть членом партии; на тот период, когда он был в армии, он переставал быть членом партии.

Если я предпошлю эти соображения, то станет ясно, почему Редер, как показывает его допрос , отчужденно и удивленно встретил эти обвинения, которые, в конце концов, были политическими обвинениями. Ни один человек, являясь солдатом в полном смысле этого слова, не может понять того, что его внезапно вне всякой связи с его военным долгом делают ответственным за действия, которые никогда не входили в сферу его деятельности.

Само собой разумеется, я также рассмотрю и военные обвинения, за исключением обвинений, касающихся ведения подводной войны, на которых уже, в интересах унификации, остановился доктор Кранцбюллер также и по делу Редера. В отношении других военных обвинений я докажу - как, например,

15881

H1210 – 0596

H1210 – 0597

в случаях с Норвегией и Грецией, – что все еще существуют противоречия между взглядами на политику и военные дела. Редер действовал как командующий на основе военных соображений, а Обвинение привлекает его к ответственности на основе политических соображений, расценивая военную деятельность как политическую.

1.

Первый случай только что упомянутого противоречия заключается в обвинениях, которые были выдвинуты против Редера уже в связи с периодом до 1933 года, т.е. до национал-социализма. Для этого периода характерна еще та особенность, что Гитлер, глава мнимого заговора с целью ведения агрессивных войн, еще не господствовал в Германии и, несмотря на это, уже якобы существовал общий заговор между Гитлером и частью подсудимых. Это тем более неожиданно, что Редер в тот период в качестве морского офицера и с 1928 года в качестве начальника главного морского штаба не имел никакого, совершенно никакого отношения к национал-социализму, более того, даже вообще не знал Гитлера и его сотрудников в партии. Обвинения, в связи с нарушениями Версальского договора, включаются Обвинением в заговор, хотя эти нарушения осуществлялись не под руководством Гитлера, а под руководством и с согласия демократических правительств Германии того периода. Это показывает, что Обвинение на данном процессе не только, как это подчеркивалось во время войны и после поражения хочет, осудить национал-социализм, но и, кроме того, широкие круги Германии, которые

ничего не имели общего с национал-социализмом и частично даже были прямыми противниками национал-социализма.

1. Именно поэтому для меня было так чрезвычайно важно во время предъявления доказательств по делу Редера детально рассмотреть вопрос о нарушениях Версальского договора, и я питался это сделать с разрешения Суда. Я глубоко убежден в том, что мне это удалось. Мне не нужно в деталях останавливаться на всех нарушениях, которые здесь рассматривались на основании предъявленного Обвинением документа № С-32. Пожалуй, достаточно, если я сошлюсь на большое количество предъявленных мной документов, а также и на следующие факты:

Каждый пункт в отдельности был либо мелочью, либо военным мероприятием, которое исключительно, как, например, зенитные батареи и проч., основывалось на соображениях обороны.

Редер прямо признал, что имели место нарушения договора, причем, однако, уже небольшой масштаб этих нарушений показал, что эти мероприятия ни в каком отношении не могли быть связаны с планами ведения агрессивных войн. Кроме того, я хотел бы добавить только с юридической точки зрения, что нарушение договора не может ипсо фре быть преступлением. Естественно, нарушение договора между несколькими народами недопустимо так же, как и нарушение договора в торговом праве между частными фирмами. Такое нарушение, однако, не является наказуемым действием, не говоря уже о преступлении. Также и согласно аргументации обвинения, наказуемое действие имеется налицо только в том случае, если нарушение было сделано с преступными намерениями, т.е. было направлено,

15883

H1210 – 0598

H1210 – 0599

вопреки пакту Келлога, на ведение агрессивной войны. Это, однако, не может более утверждать даже само обвинение и оно косвенно признало это тем, что оно не рассматривало все эти пункты при перекрестном допросе свидетелей.

Насколько иначе обстоит дело с обвинением, которое детально развило обвинение только во время перекрестного допроса, обвинением относительно участия германского военно-морского флота в строительстве подводных лодок в Голландии. Обвинение при этом опиралось на документ № С-156 книгу капитана 1-го ранга Шуслера: "Борьба военно-морского флота против Версаля", а также на высказывания историка военно-морского флота адмирала Асмана, в его записках, в документе Д-854.

Эти документы доказывают, что германский военно-морской флот принимал участие в работе конструкторского бюро по строительству подводных лодок в Голландии, а именно в фирме "Н.Ф. Инженерскантор фон Шинсбау". Это участие относится еще к периоду, когда военно-морской флот не находился под руководством Редера. Суд вспомнит, что Редер был назначен начальником главного морского штаба только 1 октября 1928 года, в то время как участие в работе голландского конструкторского бюро относится к 1923 году и последующему периоду. Я прову, однако, учесть то, что ни в одном случае не строились подводные лодки для германского военно-морского флота и что в соответствии с этим германский военно-морской флот не купил ни одной подводной лодки и не ввел ни одной в строй. В этой связи я сошлюсь на Версальский договор, документ № 1 в первой книге документов Редера, страница 1 и

следующие. В статье 188 и следующих содержатся постановления о военно-морском флоте. Согласно статье 188, Германия взяла на себя обязательство выдать свои подводные лодки союзным странам или сдать их на слом. Это обязательство было полностью выполнено Германией. Кроме того, в статье 191 дословно сказано следующее. Я цитирую: "Строительство и приобретение подводных судов, даже в торговых целях, в Германии запрещено". (Конец цитаты)

Из этого ясного положения договора вытекает, что участие в голландской фирме не является нарушением Версальского договора. Согласно статье 191 Германии было запрещено только строительство и приобретение подводных лодок и кроме того, строго говоря, только в Германии. В действительности в Германии не было построено в нарушение Версальского договора ни одной подводной лодки. В действительности, однако, также для Германии за границей не строилось подводных лодок. Участие в деятельности иностранного конструкторского бюро не было запрещено и не в этом состоял смысл Версальского договора. Решающее значение имело только то, чтобы Германия не создавала своего подводного флота. Военно-морской флот, однако, имел право участвовать в деятельности конструкторского бюро, чтобы таким образом быть в курсе дела в области современного строительства подводных лодок и накапливать опыт на будущее и тем самым создавать основу для строительства подводных лодок, которое, возможно, снова будет разрешено в будущем, подготавливая квалифицированные кадры (см. документ № 2 из книги документов 2, стр.4, аффидевит Ломана, абзац 1).

15885

H1210 – 0600

H1210-0601

Вышеупомянутые документы, пред"явленные обвинением, доказывают, что сконструированные голландской фирмой и построенные за границей подводные лодки были использованы заграницей, а именно - в Турции и в Финляндии.

Даже, если защищать ту точку зрения, что были запрещены также и конструкторские работы, то сказанное в пункте 1 относится также и к этому, конструкторские работы ограничивались строительством только нескольких подводных лодок, так что их небольшое количество уже доказывает, что в этом не могло заключаться намерения вести агрессивные войны.

3. Даже, если Высокий суд не согласится с моей вышеизложенной аргументацией, то и кроме этого отсутствие агрессивных намерений витекает из того факта, что незначительные нарушения договора некоторым образом были компенсированы. Я позволяю себе сослаться на второй аффидевит адмирала Ломана, документ № 8 из книги документов Редера. Из этого документа вытекает, что Германия, согласно Версальскому договору имела право построить восемь "карманных" линкоров, построила же только три "карманных" линкора. И далее из этого вытекает, что она вместо 8 крейсеров построила до 1935 года только шесть крейсеров и вместо 32 эсминцев или миноносцев - только 12 эсминцев и ни одного миноносца. Фактический, таким образом, военно-морской флот в отношении действительно важных видов оружия и как раз тех, которые можно рассматривать, как наступательное оружие далеко остался позади того уровня, который был разрешен Версальским договором и причем настолько, что по сравнению с этим незначительные

нарушения в области военно-морского флота вообще не имеют никакого значения.

4. В соответствии с Веймарской конституцией германской империи от 11 августа 1919 года, статьи 47 и 50, документ № 3 из книги документов Редера Имперский президент являлся верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами. Постановления имперского президента вступали в силу только после подписания их рейхсканцлером или соответствующим имперским министром, т.е. имперским военным министром. Я цитирую: "Подписание документа означает взятие на себя ответственности" (Конец цитаты). Таким образом, с точки зрения государственного права абсолютно ясно, что ответственность лежит на имперском военном министре или на имперском правительстве и имперском президенте. Правда, правильно, что военно-морской флот до 1928 года, т.е. до того, как Редер стал ответственным начальником главного морского штаба провел некоторые мероприятия без ведома имперского правительства.

Во время пред"явления доказательств, однако, было выяснено, причем особенно благодаря показаниям бывшего имперского министра Зеверинга, что с того момента, когда Редер стал начальником главного морского штаба, вопреки утверждениям Обвинения, больше не проводилось никаких тайных мероприятий. Зеверинг подтвердил, что кабинет Мюллера - Штреземана - Зеверинга на заседании от 18 октября

H1210-0602

H1210-0603

1928 года путем допроса Редера в качестве начальника морского штаба и Гейе, в качестве начальника штаба сухопутных сил, составил себе ясную картину тайных мероприятий вооруженных сил.

Как Редер, так и Гейе, после того как они дали раз"яснения кабинету, дали обязательства, в соответствии с цитированными выше параграфами имперской конституции, в будущем не проводить никаких мероприятий без ведома имперского военного министра или кабинета. Одновременно парламентский кабинет констатировал, что тайные мероприятия, относящиеся к периоду до Редера, представляли собой маловажные действия и кабинет, вслед за этим, взял на себя всю ответственность. Если, однако, кабинет в соответствии с конституцией, взял на себя ответственность, то это с юридической и государственно-правовой точки зрения следует расценивать, как факты, которые оправдывают Редера как начальника главного морского штаба и освобождают его от ответственности. Поэтому кажется недопустимым подвергать подсудимого судебному преследованию за действия, ответственность за которые взял на себя кабинет.

Образ действий кабинета на заседании кабинета от 18 октября 1928 г. показывает далее, однако, что в основе всех этих действий не могло лежать преступного намерения вести агрессивные войны. Обвинение также не будет утверждать, что такие люди, как Штреземан, Мюллер и Зеверинг имели намерение вести агрессивные войны, а должно будет поверить Зеверингу относительно того, что Штреземан, Мюллер и он

13888

только ввиду того взяли на себя ответственность за эти нарушения, что в основе этих нарушений была заложена исключительно мысль об обороне.

Необходимо также поверить Зеверингу в том, что мысли об обороне были вполне обоснованными, так как в 20-х годах действительно существовала опасность того, что Германия подвергнется нападению, например, со стороны Польши и тогда уже не будет в состоянии обороняться теми незначительными вооруженными силами, которые были предусмотрены Версальским договором; опасность, которая была особенно сильной во время инцидентов на границе Польше с Восточной Пруссией и Силизией, а также при оккупации Вильны, и стала еще больше, когда все попытки Штреземана и Мюллера добиться выполнения обещания других держав разоружиться оказались безуспешными.

Насколько тяжелым было положение Германии и насколько справедливыми были оборонительные мероприятия, признал судья Джексон в своей вступительной речи. Он, буквально, сказал следующее, (я цитирую): "Возможно, что Германия в двадцатых и тридцатых годах находилась перед двумя чрезвычайно трудными задачами, задачами, которые оправдывали самые смелые мероприятия, но только не войну" (Конец цитаты).

Я не собираюсь итти так далеко, как судья Джексон, однако, я считаю, что рассмотренные мероприятия военно-

15889

H1210-0604

H1210-0605

морского флота, очевидно, оправдываются его собственным аргументом о "самых смелых мероприятиях".

Представитель английского обвинения мистер Эльвин Джонс во время перекрестного допроса сделал попытку доказать, что Редер не выполнял обязательство, принятое на заседании кабинета 18 октября 1928 года и именно потому, что Зеверинг, согласно его показаниям, не был информирован о строительстве малых подводных лодок заграницей для Турции и Финляндии. Этому выводу следует противопоставить два соображения:

Пункт "А". Зеверинг во время своего допроса не помнил больше о деталях, а помнил только о принципиальных и решающих вопросах и должен был, кроме этого, естественно, полагаться в отношении деталей на соответствующего министра - специалиста, т.е. имперского военного министра.

Пункт "Б". Согласно показаниям Зеверинга, 18 октября 1928 года был исключительный случай, когда начальник главного морского штаба появился на заседании всего кабинета. Редер, как начальник главного морского штаба, не был обязан докладывать всем членам кабинета, а в соответствии с конституцией был только обязан информировать имперского военного министра. Это Редер и делал. Что затем, в свою очередь, имперский военный министр сообщал остальным членам кабинета и рейхстагу, не только неизвестно Редеру, но и не относится к его ответственности. Ответственность за это несут имперский военный министр и кабинет.

В заключение я хочу указать еще и на следующее. Если представители Обвинения, несмотря на все это, хотят увидеть в нарушениях Версальского договора со стороны военно-морского флота агрессивные намерения, то ответственность за это несет социал-демократическое или демократическое правительство того времени. Таким образом, в этом пункте обвинение оказывается совершенно несостоятельным, так как привлечение к ответственности правительств того времени за намерения вести агрессивные войны означало бы привести обвинения в этом пункте к абсурду.

5. Нарушения договора в период с 1933 г. до германо-английского морского соглашения от 1935 г. дают также аналогичную фактическую и юридическую картину. И в эти примерно, два года, не имело место значительное увеличение вооружений военно-морского флота. Единственное обвинение, которое было выдвинуто в этой связи и заслуживает обсуждения, - имеется в документе Л-855, пред"явленном во время перекрестного допроса. Речь идет о докладе флотского интенданта Тиле. Согласно этому докладу, в марте 1935г. т.е. за несколько месяцев до заключения морского соглашения, было начато планирование строительства "Шарнгорста" и "Гнейзенау" с водоизмещением в 27 тысяч тонн, хотя формально в этот период и в течение последующих трех месяцев еще действовало положение Версальского договора, предусматривавшее водоизмещение в 10 тысяч тонн, в противоположность морскому

15891

H1210-0606

H1210-0607

соглашению от 1935г. предусматривавшему водоизмещение в 35 тысяч тонн.

При этом я прошу учесть то, что Германия в марте 1935 г. уже могла рассчитывать на то, что в скором времени будет заключено германо-английское соглашение, в то время как между планированием линкора и спуском его на воду проходит значительно большой период, который исчисляется не месяцами, а годами. В действительности "Шарнгорст" и "Гнейзенау" вступили в строй только через 3-4 года после заключения морского соглашения, а именно в 1938-1939 г. (смотри документ № 2 из книги документов № 1, стр.8 - аффидевит Ломана, пункт 1У).

Остальные вопросы, упомянутые Обвинением, представляют собой опять-таки мелочи, как, например, полнскание четырех или пяти торговых судов (а не строительство их, как это утверждает обвинение), см. документ № С-166 (США-48), или строительство пяти торпедных катеров по 40 тонн, см. документ № С-141, которые были построены по техническим причинам вместо 12 миноносцев по 200 тонн. Обвинение не может выводить из этого серьезно какие-либо тяжелые обвинения, тому же рассмотренные здесь отклонения от Версальского договора были также известны техническим кругам за границей или - как правильно выразился свидетель Шульте-Монтинг - были "открытой тайной".

6. Теперь я перейду к решающему юридическому соображению относительно всех событий до лета 1935 года. Для договоров, заключаемых между государствами, действительно то же право, что и для торговли любой страны:

нарушения договора рассматриваются как компенсированные и ликвидированные, если заключается новый договор. Этим новым договором в данном случае являлось "Германо-английское морское соглашение от 18 июня 1935 г.", документ № 11 из книги документов Редера № 1, стр.59. Это морское соглашение представляет собой полный отход от Версальского договора, причем как в отношении больших кораблей, так и в отношении подводных лодок. То, что было разрешено Германии этим соглашением, позволяет определить, насколько исчезающе малыми были нарушения Версальского договора, которые имели место до этого и не были зафиксированы в договорах. Вместо крейсеров водоизмещением в 10 тысяч тонн было разрешено строить линкоры до 35 тысяч тонн и вместо запрещения строить подводные лодки был введен паритет в тоннаже подводного флота. При этом Германия не ставила никаких далеко идущих требований; наоборот, правительство Его Величества в Соединенном Королевстве в ясной форме согласилось в упомянутом документе с германским предложением - я цитирую: "как с чрезвычайно важным вкладом в ограничение морского вооружения в будущем" (Конец цитаты).

Это соглашение между Англией и Германией завершило в фактическом и юридическом смысле дебаты о Версальском договоре, поскольку оно касается военно-морского флота.

Раздел II.

Это морское соглашение в свое время приветствовала как германская, так и английская сторона. Морское соглашение 17 июня 1937 г. было дополнено новым соглашением (см.документ

#5893

H1210-0608

H1210-0609

№ 14 из книги документов Редера № 1). Обвинение, в доказательство того, что военно-морской флот снова нарушил и морское соглашение в агрессивных целях, выдвинуло два обвинения:

1. В соглашении от 1937 г. оба договаривавшихся правительства дали обязательство взаимно обмениваться информацией и притом ежегодно в течение первых четырех месяцев каждого календарного года сообщать о деталях программы строительства. Согласно документу № С-23, военно-морской флот нарушил это обязательство в том отношении, что он дал преуменьшенные сведения относительно водоизмещения и осадки обоих линкоров, строившихся в то время - "Бисмарка" и "Тирпитца", в начале 1938 года, а именно: 35.000 тонн вместо 41.700 тонн. Факт этого нарушения договора был открыто признан Редером. Однако и здесь речь идет не о столь значительном нарушении, как это утверждает обвинение, т.е. не о таком нарушении, которое может послужить основанием для представления доказательств относительно преступных намерений. Это доказывают подробные данные, имеющиеся в моих документах, и в показаниях свидетелей, которых мне не нужно повторять.

Будет вполне достаточно, если я сошлюсь на те показания директора по строительству судов д-ра Зюхтинга, которые являются показаниями специалиста и поэтому вполне убедительны. Я пред"явил этот документ под № 15, книга документов Редера. Увеличение тоннажа, которое требовалось военно-морскими силами от строителей судов, преследовало лишь оборонительные цели - усилить бронирование линкоров и, таким образом распланировать переборки, чтобы линкоры были по возможности непотопляемыми. Эта оборонительная цель как это подчеркивает д-р Зюхтинг, в действительности доказала свою состоятельность при атаке и гибели линкора "Бисмарк". Но если речь идет об оборонительных намерениях, то из этого нарушения договора нельзя еще сделать вывода о существовании агрессивных намерений.

15895

H1210-0610

H1210-0611

В юридическом отношении сюда присовокупляется также то обстоятельство, что в морском соглашении от 1937 года договаривающимся правительствам в ст.ст. 24,25,26 было разрешено при определенных условиях отклоняться от отдельных пунктов соглашения, в частности, от установленного тоннажа линкоров, если другие морские державы будут строить или приобретать более крупные линкоры. Это предположение, высказанное в ст. 25, претворилось в действительность и нарушение договора состоит таким образом лишь в том, что, хотя ~~Ф~~ военно-морские силы и имели право строить более крупные линкоры, они должны были сообщить Англии о том, что Германия хочет в данном случае воспользоваться этим правом. Так что в данном случае имеется лишь нарушение обязательства обмениваться информацией. Насколько это мероприятие было незначительно, доказывает факт изменения германо-английского морского соглашения на основании Лондонского протокола от 30 июня 1938 года, который я пред"явил в первой книге документов под номером Редер - 16.

Уже 31 марта 1938 года, т.е. 6 недель спустя после даты, обозначенной в документе С-23, Англия со своей стороны сообщила, согласно Лондонскому протоколу от 30 июня 1938 года, что она должан использовать право, согласно ст. 25, и сделала предложение увеличить тоннаж линкоров с 35 тысяч тонн. Это соглашение было затем подписано обеими странами 30 июня 1938 года, и нарушение договора, которое вытекает из документа С-23, - стало иллюзорным.

2. Второе обвинение было пред"явлено представителями американского обвинения во время перекрестного допроса с

помощью документа Д-854. Это - сделанные адмиралом Ассманом записки для своего исторического труда, где на стр. 15 он говорит о том, что Германия в области строительства подводных лодок меньше всего придерживалась границ германо-английского морского соглашения; до 1938 года могло быть предусмотрено строительство 55 подводных лодок; в действительности же было построено или находилось в стадии строительства 118. Это заявление Ассмана на самом деле является неправильным. В действительности Германия в области строительства подводных лодок строго держалась положений германо-английского морского соглашения. В морском соглашении от 1935 г. Германия, несмотря на заверения в равноправии, добровольно ограничилась 45 процентами; но за ней было оставлено право повысить с помощью дружественного соглашения с Англией это количество в любое время.

Процесс представления доказательств выявил /это показывают показания Редера и Шульте-Ментинга/, что в декабре 1938 года между британским адмиралом лордом Чаннингхэмом и гросс-адмиралом Редером состоялись соответствующие переговоры, во время которых правительство Его Величества одобрило увеличение до 100 процентов. Во время представления доказательств еще было неясно, было ли это соглашение оформлено в письменном виде, как это следовало предполагать. За это время я мог установить что был пред"явлен какой-то документ, и причем из только что упомянутого мною документа Ассмана Д-854, где на странице 169 /в связи со стр. 161/ упоминается это письмо

15897

H1210-0612

H1210-0613

от 18 января 1939 года. В заключение я хотел бы сказать, что упомянутое Ассманом число - 55 подводных лодок - соответствует количеству 45% , а число 118 подводных лодок соответствует количеству в 100% и таким образом, как Ассман, так и Обвинение заблуждаются в этом случае; в действительности нет вообще никакого нарушения военно-морского соглашения в вопросе о подводных лодках.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зиммерс, так мы сейчас получили... получили копию Вашей речи, мне кажется, что Вы могли бы читать немного быстрее. Может быть Вы бы смогли договориться об этом с переводчиками.

Трибунал об"являет перерыв.

/Перерыв 10 минут/.

1/. ЗИММЕРС: Конечно, господин Председатель.

Встать! Суд идет!

III.

ЗИММЕРС. Сейчас я перехожу к обвинению против гросс-адмирала Редера в том, что он, якобы, принимал участие в заговоре для ведения агрессивных войн и что он, в частности, поддерживал Гитлера и национал-социализм, несмотря на то, что он должен был знать, что Гитлер с самого начала намеревался вести агрессивные войны.

1. Как Редер пришел к Гитлеру, мог ли он или должен был он в то время предполагать, что у Гитлера были агрессивные намерения?

Как я уже упомянул, доказано, что Редер до 1933 года не имел ничего общего ни с национал-социализмом и не знал ни Гитлера, ни работников партии; он позна-

-комился с Гитлером 2 февраля 1933 года, когда он в числе других командующих был представлен Гитлеру бароном фон Гаммерштейном. Для Редера, как военно-морского штаба был лишь один начальник, а именно, рейхспрезидент Гинденбург, который согласно конституции и воинскому закону был верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами. Гинденбург как рейхспрезидент назначил Гитлера рейхсканцлером и вследствие этого непроизвольно между Гитлером и вооруженными силами установилась связь. Так что о каком-нибудь решении со стороны Редера не могло быть и речи. Будучи подчиненным Гинденбургу, он должен был с любым политическим решением, которое принимал Гинденбург, как солдат, примириться, как рейхспрезидент. Основное положение, предусмотренное конституцией, в отношении вооруженных сил не изменилось ни в коей мере вследствие того, что к власти пришел Гитлер. Редер, будучи начальником морского руководства, не принимал никакого участия при вынесении этого политического решения, так же, как и в прошлом, когда он не принимал никакого участия в назначении на пост рейхсканцлера Мюллера от социал-демократической партии или Брюнинга от партии центра.

У Редера не было никакого повода оставить свой пост в связи с вынесением этого внутриполитического решения, ибо Гитлер во время первого совещания 2 февраля 1933 года , а также по поводу первого доклада о положении в военно-морских силах, состоявшегося в тот же месяц, заявил военным лидерам, в том числе и Редеру, что в вооруженные силы никаких изменений не внесено /

15899

H1210-0614

H1210-0615

будет и что вооруженные силы и впредь должны будут остаться согласно конституции и воинского закона аполитичными. Во время доклада по морским делам, как это было подтверждено в свидетельских показаниях Редера и Шультe-Монтинга, Гитлер развивал свои основные мысли относительно мирной политики, он заявил, что для этого необходимо, несмотря на желаемый им мирный пересмотр Версальского договора, притти к разумному договорному соглашению с Англией об увеличении военно-морских сил в связи с общими ограничениями морских вооружений. Во время этой беседы Гитлер дал ясно почувствовать, что он не будет устраивать никаких гонок вооружения в военно-морских силах и что дальнейшее строительство военно-морского флота должно производиться лишь при дружественном согласии Англии. Это была мысль, которая полностью соответствовала основным идеям Редера и всего военно-морского флота. Было бы совершенно невозможно при таком положении вещей, чтобы Редер пошел к своему начальнику Гинденбургу и заявил, что он не может больше руководить военно-морскими силами из-за Гитлера.

Обвинение, конечно, думает, что тогдашние руководящие деятели в Германии знали из книги Гитлера "Моя борьба" о действительных намерениях Гитлера. Обвинение приводило в качестве доказательства различные цитаты из пропагандистской книги Гитлера от 1924 года, частично вырывая эти цитаты из общего контекста. Эти аргументы обвинения кажутся неправильными, а именно потому, что Гитлер написал эту книгу как частное лицо, как член оппозиционной партии. Также и на этом процессе многократно указывалось на то, что высказывания иностранных частных

лиц являются не относящимися к делу, даже в том случае, если эти иностранцы имеют известные имена и впоследствии, подобно Гитлеру, заняли в правительстве определенный пост. Редер, как и любой другой, мог рассчитывать на то, что Гитлер в качестве имперского канцлера не будет защищать все те партийные доктрины, которые он несколько лет тому назад выдвинул из чисто оппозиционных соображений, тем более, что высказывания Гитлера в военной области противоречили этим более ранним идеям партии. Для военно-морского флота помимо этого всегда решающим было отношение к Англии, и как раз в этом отношении Гитлер заявил даже в своей книге "Моя борьба" на странице 154 следующее:

"Для такой политики в Европе существовал лишь один единственный союзник: Англия".

Кроме того, нужно возразить против представленных обвинением цитат, что все они были взяты из издания за 1933 год и что генеральный секретариат, несмотря на все усилия достать более ранние издания, в частности, первое издание 1925 и 1927 г.г., не сумел это сделать. Известно, что Гитлер сам в более поздние годы изменил свою книгу во многих местах по различным пунктам, поэтому цитаты из издания 1933 года не могут быть положены в основу безо всяких оговорок.

2. Мог ли Редер в последующие годы понять, что Гитлер хочет отклониться от описанного основного принципа политики взаимопонимания с Англией и можно ли согласится с обвинением в том, что Редер должен был отказаться от дальнейшего сотрудничества на каком-либо этапе до 1939 года?

15901

H1210-0616

H1210-0617

Я придерживаюсь той точки зрения, что на этот вопрос нужно ответить отрицательно и что необходимость дачи такого отрицательного ответа вытекает совершенно ясно из сопоставления различных фактов, которые приводились обвинением и защитой в рамках представления доказательств.

а/ 2 августа 1934 года умер Гинденбург, и представитель обвинения вменяет Редеру в вину то, что он после этого принес присягу и, в частности то, что он в этой присяге заменил родину фюрером.

Это обстоятельство было достаточно раз"яснено во время представления доказательств. Поэтому мне нужно только указать на то, что обвинение ошиблось в своем утверждении; оно само пред"явило документ Д-481, из которого ясна служебная присяга, которой Гитлер требовал от солдат вооруженных сил. В этом документе речь идет о законе, который был подписан Гитлером, Фриком и Бломбергом. В соответствии с этим ясно, что не Редер заменил родину Гитлером, а что Гитлер потребовал, чтобы эту присягу произносили ему все солдаты, как верховному главнокомандующему вооруженными силами. До того, как было высказано требование о принесении этой присяги, умело выдуманной Гитлером и ставшей впоследствии столь роковой, Редер не был осведомлен о ней и не знал текста этой присяги; ему просто приказали явиться в имперскую канцелярию, не зная, однако, о чем шла речь.

Вопрос о том, какую присягу приносит солдат, является опять-таки политическим вопросом, вопросом законодательства, на которое Редер, как солдат и главнокомандующий военно-морским флотом, не оказывал никакого влияния.

б/ Обвинение вменяет Редеру в вину то, что он был осведомлен о многочисленных политических решениях и в качестве главнокомандующего военно-морским флотом проводил старатегическое планирование и делал приготовления в связи с этими политическими мероприятиями. Речь идет о выходе Германии из Лиги Наций 14 октября 1933 года, об оккупации Рейнской области 7 марта 1936 года, о присоединении Австрии в марте 1938 года, о включении Судетской области в состав империи осенью 1938 года и о создании протектората Богемии и Моравии в марте 1939 года.

В основном речь идет о подробно указанных в примечании документах, которые я в этой связи буду рассматривать все вместе.

Для всех этих решений обще то, что Редер в политическом отношении не содействовал принятию ни одного из этих решений. Редера никогда предварительно не спрашивали и он в качестве главнокомандующего военно-морским флотом не обладал правом содействовать принятию подобных решений. Редер не сделал ничего другого, кроме того, что он принимал эти документы и сообщения и затем отдавал те распоряжения, которые необходимо было предусмотрительно отдать с военной точки зрения на случай, что могли бы возникнуть военные осложнения. Совершенно непонятно, как можно вменять в вину главнокомандующему одной из составных частей вооруженных сил то, что он проводил стратегическую подготовку на случай политических осложнений. Мне кажется, что во всем мире существует одно и то же положение, заключающиеся в том, что адмирал не принимает участие в политических решениях, но обязан предусмотрительно проводить

H1210-0618

H1210-0619

определенные подготовительные меры, если государственное руководство приняло соответствующие политические решения. Здесь опять-таки речь идет об упомянутом мною противоречии связанном... с должностью военного главнокомандующего, которую Обвинение рассматривает как политическую, в то время как в действительности речь идет о чисто военной должности. Не может быть сомнения в том, что в то же самое время военные командования иностранных держав, которые были затронуты соответствующими политическими решениями или были заинтересованы в определенных политических решениях, также предусмотрительно осуществляли военное планирование.

Являлись ли эти политические решения Гитлера преступлением или только нарушением международного права, об этом не мог судить военный главнокомандующий, особенно в том случае, если он никогда не привлекался для совещания. Ни выход Германии из Лиги Наций, вследствие не-удавшейся попытки разоружения всех держав в духе Версальского договора, ни оккупация Судетской области, ни создание протектората Богемия и Моравия не могут являться для непричастного к этим актам командующего преступными действиями в смысле обвинения. Безусловно, эти действия являлись отклонением от Версальского договора, даже сам Главный Обвинитель от Великобритании сэр Хартли Шоукросс заявил 4 декабря 1945 года в этом Трибунале, что "некоторые возражения против Версальского договора, может быть, были обоснованными".

И даже судья Джексон, как выше цитируется, заявил, что для ревизии Версальского договора " были оправданы все самые смелые меры, то только не война".

В действительности все эти упомянутые мероприятия со стороны Германии были проведены без войны, и следова - тельно, они попадают в число тех мероприятий, которые судья Джексон считает оправданными, тем более, что заграница в молчании терпела все эти мероприятия или, даже как, например, при включении Судетской области в состав империи, сделала это на основании договорного соглашения, а именно, Мюнхен- ского соглашения от сентября 1938 г.,или, заключила согла- шение с данной страной, как в случае с Австрией. Если Об - винение в случае с Австрией и с созданием протектората Богемия и Моравия, смотря объективно, безусловно, по праву указывает на то, что Гитлер применил при этом весьма сом - нительные и, может быть, даже преступные средства, то это не имеет для главнокомандующего военно-морским флотом ни - какого значения, так как установлено, что он не был осве - домлен об этих действиях, не говоря уже о примененных средствах. В частности, установлено, что Редер не узнал ни о подробностях относительно присоединения Австрии и ни о методах переговоров, которые привели к соглашению с прези- дентом Гаха. Он не был осведомлен о переговорах с Гаха, а также и об угрозе относительно бомбардировки Праги, причем я при этом ссылаюсь на показания свидетелей Редера и Шульте-Ментинга. Для Редера, следовательно, все эти меро - приятия были допустимыми с точки зрения международного пра- ва действиями или такими договорами, которые не могли по - будить к вмешательству или к тому, чтобы обратиться с зап-

15905

H1210-0620

H1210-0621

россом к Гитлеру, уже не говоря о том, что военный главнокомандующий вообще не обладает таким правом.

Кроме того, если бы даже возникли осложнения, то с военной точки зрения дело шло бы лишь только об операциях на суше, что вытекает совершенно ясно из географического положения данных стран. Невозможно, чтобы вообще непричастный к данным делам главнокомандующий военно-морским флотом интересовался этими вещами, хотя не говорилось почти ни о каких приготовлениях со стороны военно-морского флота. Припомните лишь случай с Чехословакией, в связи с которым в документе 388-ПС лишь военно-морскому флоту лишь приказывается, что он будет участвовать в возможных операциях сухопутных сил путем введения в действие дунайской флотилии, которая с этой целью будет подчиняться главнокомандующему сухопутными силами; это была флотилия, состоявшая из мельчайших кораблей и, если я правильно припоминаю, из немногих канонерок.

Затем я, в целях приведения аргументов, цитирую в этой связи слова сэра Хартли Шоукросса от 4 декабря 1945 года относительно германо-польского пакта о ненападении от 1934 г.:

"Гитлер, заключая это соглашение, убедил очень многих людей в том, что его намерения были действительно мирными".

В соответствии с этим и Редер должен был быть убежден в этом.

Правильно, что Редер принадлежал к созданному в феврале 1938 года тайному совету министров, но также правильным является доказанный, между тем, факт, что тайный

совет министров представлял собой чистый фарс, поэтому излишне обсуждать этот пункт, которому Обвинение прида - вало сначала такое большое значение.

Таким же образом опровергнуто утверждение Обвинения о том, что Редер являлся членом правительства и им - перским министром. Упомянутое утверждение Обвинения было с самого начала непонятным. Из представленного Обвинением документа 2098-ПС следует с абсолютной ясностью только то, что главнокомандующий сухопутными силами фон Браухич и главнокомандующий военно-морским флотом Редер -цитирую- "приравниваются в ранге к имперским министрам". Тем самым доказано, что Редер не являлся министром, а лишь только по соображениям этикета приравнивался в ранге к имперским министрам. Из этого следует, что Редер и на основании этого указа Гитлера не получил никакой политической задачи, как это хотелось бы Обвинению. К тому же он, на основании этого указа, не получил даже права по собственному желанию принимать участие в заседаниях кабинета министров, а лишь, как пишет в упомянутом документе Гитлер, мог присутство - вать на упомянутых заседаниях лишь - цитирую - "по моему распоряжению". Это означает не что иное, как то, что Редер мог привлекаться к заседаниям кабинета министров по распоряжению Гитлера тогда, когда на заседании кабинета министров обсуждались военно-морские технические вопросы. В действительности этот гипотетический случай, предусматривающий аполитичное участие, никогда не имел места.

Точно также нельзя рассматривать принадлежность к имперскому совету обороны на основании документа 2194-ПС, как отягчающее обстоятельство. С одной стороны, речь идет,

15907

H1210-0623

как следует из текста, лишь только о -цитируя - "мероприятиях по подготовке обороны империи", следовательно, здесь не говорится ни о политической деятельности и ни о деятельности, которая имела бн что-либо общее с агрессивнми войнами в политическом смнсле.

Кроме того, Редер, вопреки утверждению Обвинения, вовсе не принадлежал, согласно документу 2018-ПС, более позднему указу фюрера от 13 августа 1939 года к созданному затем Совету Министров по обороне империи,и причем просто потому, что он не был министром. С другой стороны, и другие страны создавали Советы по обороне империи или комитеты по обороне империи. Я напоминав о том известном факте, что при Британском правительстве уже задолго до 1-ой мировой войны существовал комитет по обороне империи, который имел значительно большое значение, чем соответствующий институт в Германии.

В качестве последнего отдельного момента в этой связи я хочу указать на то обстоятельство, что утверждение Обвинения о том, что Редер являлся членом партии, оказалось необоснованным. Редер, правда, получил от Гитлера золотой почетный значек; но это означало ничего иное, как награждение орденом, и не могло означать ничего другого, т.к. солдат не мог принадлежать к партии. Это следует совершенно недвусмысленно из параграфа 36 закона о военной службе, согласно которому солдаты не должны заниматься политической деятельностью и им запрещается быть членами политических объединений.

По остальным вопросам я сослався на представление доказательства, из которого с достаточной ясностью следует,

что Редер никогда не поддерживал связи с партией, что он, напротив, очень часто имел разногласия с партийными кругами и из-за своей позиции по политическим и особенно церковным вопросам; встречал отрицательное отношение со стороны типичных национал-социалистов. Например, на Геббельса он действовал, как красная тряпка на быка.

Да это и не удивительно, потому что Редер, с одной стороны, все время препятствовал тому, чтобы партия приобрела влияние на офицерский корпус военно-морского флота, и, с другой стороны, он в противоположность партии широко поддерживал церковь и заботился о том, чтобы в основе духовного воспитания моряков лежали христианские принципы. Разрешите в этой связи сослаться на типичное для национал-социализма заявление Бормана. Я цитирую:

"Национал-социалистские и христианские идеи несовместимы". Конец цитаты.

В том же документе Борман, как столь часто в идеях против культурных настолько резко высказывался против христианства, так сильно пропагандировал искоренение всех христианских идей, что это партийное отношение с достаточной ясностью доказывает, что Редер, как убежденный христианин, никогда не смог бы поддерживать отношения с партией.

з/ Я уже изложил, что Гитлер в 1933 году заявил, что основа его политики будет заключаться в том, чтобы мирным путем опять превратить Германию в здоровое и сильное государство; и что для мирного развития совершенно необходимо признать господствующее положение Англии и договориться с Англией о размере германского флота и по возможности даже заключить с ней союз. Эти мысли совпадали с основной

15909

H1210-0624

H1210-0625

позицией Редера, которую последний подробно изложил во время его допроса.

В рамках моей защиты можно не решать этот вопрос, когда и расстался ли вообще Гитлер с этой основной мыслью. Во всяком случае по отношению к Редеру Гитлер всегда подчеркивал эту основную мысль и доказывал ее на действиях; все время возвращающаяся основная мысль проходит красной нитью через все годы, вплоть до начала войны. Претворение в жизнь этой мысли привело ко второму германо-английскому морскому соглашению в 1937 г., к соглашению по вопросу о подводных лодках с лордом Кэнингхэмом в 1938 г. и к лондонскому протоколу от 30 июня 1938 г. по вопросу о линкорах. Таким образом в течение всех лет господствовала одна идея в области расширения германского флота, а именно идея о том, чтобы быть едиными с Англией, признавать преимущественное положение Англии и избегать всяких разногласий, которые могли бы привести к разрыву с Англией. Теперь, когда познакомились со всеми документами и всеми фактами, которые были доказаны на этом процессе, можно, может быть, утверждать, что Гитлер в какое-то время, вероятно в 1938 г., изменил свои собственные идеи и стал тем самым виновным в трагической судьбе Германии. Но для оценки предъявленных Редеру обвинений не имеет решающего значения то, что следует признать задним числом при знании всех фактов объективно правильным; решающим является лишь то, знал ли Редер об этой измене Гитлера своим собственным идеям и мог ли он вообще узнать об этом. Во всяком случае, это не так. Редер не мог предполагать, я уже не говорю знать, что Гитлер когда-нибудь изменит своим политическим идеям, которые он подчеркивал и верность которым он доказывал, и вызовет тем самым ужасную опасность второй мировой войны.

15520

Редер не мог предполагать и знать, что Гитлер и в последнее время перед началом войны говорил ему не то, что думал, причем говорил не то, что делал. Как раз в области военно-морского флота относительно медленное увеличение германских военно-морских сил показывало на то, что Гитлер хотел остаться верным изложенным идеям. Нельзя было предусмотреть изменения позиции Гитлера в этом вопросе ибо такое изменение имело бы своим последствием то, что он стал бы значительно интенсивнее увеличивать военно-морские силы, чем он это делал. Он должен был бы по крайней мере использовать все возможности, которые представлялись ему германо-английским морским соглашением. По морскому соглашению тоннаж германского флота мог равняться 420.595 тонн. В действительности эти размеры не были достигнуты. Даже в вопросе о линкорах Германия не до конца использовала возможности морского соглашения, что имело своим последствием то, что в первый год войны линкоры "Бисмарк" и "Тирпиц", а также и при оккупации Норвегии, еще не находились в распоряжении германских войск:, "Бисмарк" был закончен лишь в августа 1940 г., а "Тирпиц" - в 1941 году.

По морскому соглашению Германия могла иметь одинаковый с Англией тоннаж подводных лодок. В действительности же строительство подводных лодок продвигалось так медленно, что Германия к началу войны в 1939 году, как это показал процесс представления доказательств,

15911

H1210-0626

H1210-0627

имла в своем распоряжении лишь минимальное количество подводных лодок, способных совершать атлантические плавания. Число их равнялось 26. Далее, согласно документу Л-79, так наз. "малому Шмундту" в конце мая 1939 г. было установлено, я цитирую, что "в программе строительства судов ничего не изменяется".

Все эти вещи должны были пробудить у главнокомандующего военно-морским флотом с его точки зрения и в его специальной области твердую веру в то, что Гитлер будет придерживаться своей основной линии - не допустить того, чтобы дело дошло до войны.

Эта твердая вера Редера - и это кажется важным - в самом широком масштабе подкреплялась поведением иностранных государств;

Уинстон Черчилль в 1935 году в своей книге "Великие современники" писал:

"Невозможно дать справедливую оценку какой-либо личности в общественной жизни, которая достигла необычных размеров личности Адольфа Гитлера, прежде чем перед нами не будет всего жизненного труда этого человека ... Мы не можем сказать, явится ли Гитлер тем человеком, который еще раз развяжет мировую войну, в которой цивилизация невозвратимо шагнет назад, или он войдет в историю как человек, который восстановил честь и миролюбие великой

15912

германской нации и ввел ее в первые ряды европейской семьи народов сильной, жизнерадостной, готовой к помощи другим".

Через год на олимпийских играх в Берлине в 1936 году появились все представители иностранных государств, которые приветствовали Гитлера таким образом, что многим скептически настроенным немцам это одобрение, даже воодушевление, было непонятно. В последующее время крупные иностранные политические деятели и члены правительств посещали Гитлера и находили с ним общий язык, и, наконец, осенью 1938 года с Чемберленом и Галифаксом было достигнуто соглашение, которое сильно укрепило позиции Гитлера и с помощью которого Гитлер пытался доказать немцам, как правильны были все его действия, если они были признаны иностранными государствами. Нельзя переоценить значения программного заявления, которое сделали Чемберлен и Гитлер в Мюнхене 30 сентября 1938 года. В этой связи я хотел бы процитировать из этого заявления два первых самых важных предложения:

"Сегодня у нас состоялась еще одна беседа и мы пришли к единодушному мнению, что вопрос англо-германских отношений имеет для наших двух стран и для всей Европы первостепенное значение. Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение и германо-английское морское соглашение, как символ, выражающий желание наших народов

15913

H1210-0628

H1210-0629

никогда не вести войну друг с другом".

Мне кажется, что этой цитаты вполне достаточно и я спрашиваю: можно ли требовать, чтобы гросс-адмирал, который никогда не был политиком и всегда был солдатом, был более дальнозорким в оценке Гитлера, чем великие британские государственные деятели Чемберлен и Черчилль?

Мне кажется, что сама постановка вопроса заключает в себе отрицательный ответ на него.

3. Обвинение могло серьезно противопоставить этим многочисленным точкам зрения только небольшое число документов, которые могли говорить за то, что Редер знал об агрессивных планах Гитлера. Обвинение, правда, пред'явило бесконечное число документов, относительно которых Обвинение указало на то, что военно-морской штаб или Редер получил один экземпляр. В отношении большого количества документов обвинение не могло указать на то, что кроме того факта, что Редер получал один экземпляр, в то время, как деловой связи не существовало, не утверждало, что она была налицо. Само собой разумеется, что никаких чудес в том нет, что военные документы, в целях единства, шли во все части вооруженных сил, если даже в том или ином случае отдельные части вооруженных сил не имели или почти не имели к ним отношения. Действительно уличающими из всех этих документов по делу Редера могут быть лишь 4 документа, которые были охарактеризованы Обвинением в силу их значимости как ключевые документы. Имеются в виду

четыре речи Гитлера перед главнокомандующими, от 5 ноября 1937 года, 23 мая 1939 года, 22 августа 1939 года, 23 ноября 1939 года.

Обвинение утверждает, что из всех этих речей вытекает факт участия в заговоре, и что из этих речей совершенно ясно видно, что Гитлер хотел вести агрессивные войны. По этой причине я хотел бы подробно остановиться на каждом документе и показать почему и эти документы не могут опровергнуть правильности представленной мной общей картины.

Без сомнения, эти ключевые документы имеют самое важное значение для последующей исторической констатации того, какие мысли руководили Гитлером, поскольку это высказанные Гитлером мнения, несмотря на большое количество захваченных письменных материалов, почти не имеется письменных записей самого Гитлера. К тому же вначале подкупает мысль о том, что содержание должно быть истинным, поскольку там идет речь о высказываниях, которые делались перед небольшим кругом лиц, перед которым Гитлер естественно более широко раскрывал свои намерения, чем в своих публичных речах. Я признаю всю ценность этих документов, но, несмотря на это, мне, кажется, что Обвинение сильно переоценивает значение этих четырех документов.

15915

H1210-0630

H1210-0631

Конечно, в определенной мере эти документы представляют собой ключевые документы, поскольку они дают нам ключ для познания Гитлера с психилогической точки зрения и понимания его методов. Но эти документы не дают нам ключа для раскрытия истинных планов Гитлера, они нам также не дают никаких масштабов для определения выводов, которые должны были по мнению Обвинения сделать из них слушатели. Чтобы полностью понять значение этих документов в этом направлении, я заранее хотел бы разобрать некоторые общие пункты, которые в равной мере относятся ко всем этим четырем документам. Все эти пункты дают ограничение доказательной ценности этих документов, так сильно переоцененной Обвинением.

Пункт А. Ни одна из этих речей не была записана стенографически, значит, мы не располагаем подлинным текстом ни одной из речей. Соответственно этому Хоссбах в записи о 5-м ноябре 1937 года правильно избрал косвенную речь, также как и генерал-адмирал Бем в своей записи о речи 22 августа 1939 года.

К удивлению и не совсем корректно Шмундт в записи о 23-м мая 1939 года избрал прямую речь, хотя эта запись и не является дословной; но он все-таки был осторожным и вначале записи заявил, что высказывания Гитлера

переданы "по смыслу". Самые слабые документы, а именно обе записи о речи от 22-го августа 1939 года, которые пред'явило Обвинение, написаны в прямой речи, и составители этих документов, имена которых неизвестны, даже не посчитали нужным сделать такую оговорку, которую сделал Шмундт. Как бы то ни было, при рассмотрении этих документов следует исходить из того, что в данном случае не имело место дословное изложение и что поэтому достоверность речи зависит от способа работы и от позиции составителя документа и, в частности, от того, делало ли и если делало, то какие записи эти лицо во время речи и когда оно сделало эту запись. В этой связи кажется важным то, что ад'ютант Хоссбах сделал свою запись только спустя 5 дней, а именно только 10 ноября, как показывает документ ПС-386, в то время, как речь была произнесено 5 ноября. В записях Шмундта вообще отсутствует дата составления, также как и в обоих документах Обвинения о речи от 22 августа 1939=года. В последних документах отсутствует также и подпись, так что нельзя даже сказать, кто вообще несет ответственность за эту запись. То же самое относится к документу о речи 23 ноября 19 1939 года, сколько формальных ошибок, столько же сомнений относительно доказательной ценности и надежности документа.

По другому дело обстоит с документом Бема, который в своем аффидевите показывает под присягой, что он за-

15917

H1210-0632

H1210-0633

писывал речь Гитлера во время ее произнесения, а особенно важные места записал дословно, и который далее заверяет, что он в тот же вечер окончательно отредактировал запись в том варианте, как она здесь пред'явлена. Если во всех этих документах нет дословного текста, то совершенно ясно, как важно, чтобы было по крайней мере точно установлено, что запись производилась одновременно с речью или была сделана в тот же самый день, не а так как в случае с Хоссбахом, пять дней спустя. Даже при наличии прекрасной памяти самый лучший ад'ютант, которому ежедневно приходится иметь дело с новыми лицами и новыми делами, не может пять дней спустя сделать абсолютно точную запись речи.

Пункт В. Столько же важен и второй пункт, а именно тот факт, что в противоположность прочим военным документам, здесь речь идет не об официальных письмах с указанием адресатов, т.е. не о таких документах, которые поступали к заинтересованным лицам, потому, что документы не дошли до Редера, было установлено во время представления доказательств им и свидетелем Шульте-Ментингом, независимо от того, что это ясно уже из факта отсутствия расчета рассылки. Но как раз этот пункт мне кажется особенно значительным. Прослушанные один раз речи, - а как известно, Гитлер говорил очень быстро, - не в такой степени побуждает слушателя делать какие-либо выводы, как если бы он имел

15918

протокол этой речи, на основании которого он потом мог бы повторяя убеждаться в ее содержании. Мы, познакомившиеся с этими речами на этом процессе в письменной форме и все время прибегающие к их тексту, который у нас имеется под руками, естественно, воспринимаем отдельные слова и выражения значительно серьезнее, чем мы могли бы это сделать во время быстро произносившейся речи. Кроме того, все мы сейчас склонны считать отдельные выражения более важными, так как с теперешней точки зрения, и благодаря нашим большим познаниям, мы лучше видим общую картину, так как в качестве документов мы располагаем не только одной речью, а одновременно всеми, а также дополнительно всеми многочисленными документами, показывающими историческое развитие. При обсуждении этих документов необходимо не упускать из виду то обстоятельство, как различно реагируют на каждое сказанное слово отдельные слушатели и как часто уже несколько часов спустя отчеты различных слушателей уже сильно отличаются друг от друга.

Обвинение усматривает в этих речах Гитлера основу заговора и представляет это таким образом, будто бы Гитлер по этому поводу совещался с главнокомандующими и затем пришел вместе с ними к определенному плану заговора и к определенному решению. Обвинение это должно

15919

H1210-0634

H1210-0635

утверждать, так как в этом заложена основа всякого заговора, о котором можно говорить лишь в том случае, если совместно составляется какой-либо план. В действительности же не собиралось никакой влиятельной группы нацистов, как утверждает обвинение с тем, чтобы изучить положение и принять решение, а скорее имело место одностороннее выступление Гитлера, после которого не было никакой дискуссии и никакого обсуждения. Не принималось также никакого решения; Гитлер скорее говорил в общих чертах - я цитирую:- "О возможностях дальнейшего развития событий". Если вообще можно говорить о решениях, то здесь речь идет только о решениях самого Гитлера. Все это противоречит настоящему заговору. Вообще у меня сложилось такое впечатление, что обвинение в отношении заговора с целью ведения агрессивных войн нарисовало себе самому абсолютно ложную картину о действительных взаимоотношениях в национал-социалистском государстве. Оно, по моему мнению, не понимает сущности диктатуры и действительно трудно понять невероятную диктаторскую власть Гитлера, если самому не прожить в течение целых 12 лет в Германии и не наблюдать за ее развитием с самых первых дней вплоть до того момента, когда она превратилась в диктатуру, действовавшую при помощи ужасного и жестокого террора. Такой диктатор, как Гитлер,

имевший сверх того со всей очевидностью невероятную, захватывающую силу внушения, не являлся президентом парламентского правительства. У меня сложилось такое впечатление, что обвинение при оценке общего положения никогда не могло освободиться полностью от идей парламентского правительства и никогда не учитывало бескомпромиссную деятельность диктаторов.

Насколько сущность Гитлера противоречит идее заговора между ним и членами кабинета или между ним и главнокомандующими, выявилось в ходе процесса, при допросе многочисленных свидетелей. С особенной очевидностью это было доказано показанием крупного шведского промышленника Далеруса, который благодаря хорошим и одновременно обширным связям с Англией и Германией мог составить себе с течением времени об'ективное представление об Англии и Германии и который с особой отчетливостью распознал разницу между парламентским британским правительством и германской диктатурой Гитлера во время своих переговоров с Чемберленом и Галифаксом, с одной стороны, и Гитлером и Герингом, с другой. Из показаний Далеруса вытекает со всей убедительностью, что между этими двумя системами существовало непреодолимое различие. Когда он говорил о Чемберленом и Галифаксом, само собой разумеется, перед принятием окончательного решения происходило совещание с кабинетом. Напротив того, когда Далерус в ночь с 26 на 27

15921

H1210-0636

H1210-0637

августа 1939 года имел решающее совещание с Гитлером, на котором присутствовал только Геринг, Гитлер сделал ему немедленно шесть предложений, не говоря ни одного слова ни с одним членом кабинета, ни с одним военным главнокомандующим, даже не совещаясь с Герингом, который молчаливо присутствовал при этом. Кроме того, эти предложения точно не совпадали с теми, что он незадолго до этого сам заявил сэру Невилю Гендерсону. Более сильного аргумента против заговора с главнокомандующими или членами кабинета не может быть, разве что так же важный тот факт, добавленный свидетелем Далерусом, что Геринг в продолжении этих двух с половиной часов не решился сказать ни единого слова и что было унизительно видеть, какую покорность требовал Гитлер от Геринга, как от своего ближайшего сотрудника.

Все эти речи Гитлера полны противоречий. Вследствие подобных противоречий теряется ясность мыслей и они отнимают у отдельных подчеркиваемых мыслей их значение. Если читаешь документы полностью, то видишь все эти противоречия, на которые указывал свидетель, адмирал Шульте-Ментинг во время допроса и перекрестного допроса. Именно эти противоречия и часто нелогичные мысли снижают доказательную ценность этих документов, ибо следует понять, что для военного ад'ютанта, например, Хоссбаха или Шмундта,

15922

очень трудно записывать неясные и полные противоречия мысли, и далее необходимо понять, что в таком случае военный ад'ютант склонен внести в них возможную ясность и тем самым он поддается искушению приподнести в более сильной форме понятые им мысли, чем они в действительности были изложены в речи. В этому следует добавить очень меткое замечание Редера, которое указывает на только на проиворечия, но и на чрезвычайно пылкую фантазию Гитлера и в этой связи назвал его "мастером блефа".

Сверх того, в подобных ~~~~~ речах Гитлер всегда преследовал определенную тенденцию, он преследовал определенную цель и именно имел в виду произвести особый эффект на всех или отдельных слушателей. Либо, сознательно преувеличивая, либо преднамеренно представляя вещи безобидными, смотря по тому, какую цель он имел ввиду, Гитлер говорил соответственно моменту. Как говорит Шульте-Ментинг, он не придерживался своего конспекта. Он думал вслух и хотел захватить слушателей, но он не хотел, чтобы его ловили на слове. Я думаю, что со мной согласятся, что ~~~~ подобная привычка и такие речи, в которых слова подчеркивались соотвественно цели, не могут служить абсолютно твердой опорой для суждения о действительном мнении Гитлера в данный момент. Сверх того, еще одно соображение, касающееся всех этих документов. После речи 23 мая 1939 года ("Малый Шму-

15923

H1210-0638

H1210-0639

ндт") Редер имел с Гитлером беседу с глаза на глаз и обратил его внимание на противоречия, содержавшиеся в этой речи, и с другой стороны, на противоречие к тому, что обычно говорилось ему лично Гитлером, а именно что он при всех обстоятельствах урегулирует конфликт с Польшей мирным путем. Гитлер успокоил Редера на этот счет и сказал ему, что в политическом смысле эти вещи полностью находятся у него в руках. Так заявил свидетель Шульте-Монтинг и добавил, что Гитлер успокоил Редера, приведя в пример противоречие между речью от 23 мая 1939 года и его прочими заявлениями. Он заявил ему, что у него (Гитлера) имеется три рода тайн: первое-беседа с глазу на глаз; второе - мысли, которые он, Гитлер, оставляет при себе, и третье - мысли, которые он и сам не додумывает до конца.

Мне кажется, что подобный характер мышления Гитлера лучше всего показывает, как мало, в конечном итоге, можно было положиться на те слова, которые Гитлер высказывал в узком или широком кругу. Вследствие этого мне кажется понятным, что Редер в своих размышлениях не придерживался ни общих речей Гитлера, ни обсуждавшихся здесь речей Гитлера перед главнокомандующими, а придерживался исключительно того, что сказал ему Гитлер наедине. Но в этом отношении показания Шульте-Монтинга, Бема и Альбрехта единодушно доказывают, что Гитлер неоднократно в 1939 г. настойчиво заверял Редера в беседе наедине, что дело не дойдет до войны, и это он делал всегда, когда Редер по каким-либо причинам был озабочен и обращал внимание Гитрела на опасности. 15924

Итак, суммируя, я считаю, что могу сказать, что так называемые основные документы чрезвычайно интересны для психологической оценки Гитлера, но представляют собой очень обусловленную и слабую ценность для доказательства действительных намерений Гитлера. Нельзя ожидать, что Редер руководствовался тенденциозными и целеустремленными, объясняемыми моментом, речами Гитлера, но что он опирался исключительно на то, в чем его заверял Гитлер в интимной беседе, и на то, что эти заверения до лета 1939 года, до начала войны полностью соответствовали фактам и действиям Гитлера, а именно - четырем морским соглашениям и согла - шению в Мюнхене. Совершенно понятно, что Редер не позво - лял поколебать себя в своем принципиальном отношении этими определенно сомнительными речами перед главнокомандующими, а твердо верил в то, что Гитлер его не обманет. И если мы теперь узнаем, что Гитлер, в конечном счете, все-таки об- манул Редера в своих беседах с глазу на глаз и на основа- нии своих специальных, вышеупомянутых тайн второй и треть- ей степени, то из этого нельзя сделать заключения о вине Редера, но можно лишь притти к выводу о вине Гитлера. При наличии обширного доказательного материала нельзя также усматривать в этом намерения Редера вести агрессивную войну, которое будто-бы имелось у него в 1938-1939 г.г. и которое само по себе противоречит международному праву, но в этом следует усматривать противоречащее международ - ному праву намерение Гитлера вести агрессивную войну. После того, как я в общих чертах рассмотрел основные докумен- ты, я, с разрешения Трибунала, изложу несколько пунктов относительно каждого отдельного документа, которые Обвине-

15925

H1210-0641

ние использует все время в качестве доказательства суще - ствования заговора.

а/ Беседа 5 ноября 1937 года в имперской канцеля - рии.

Нельзя не признать сомнительность положений этого документа, а эти положения неоднократно цитировались Об - винением. В противоположность этому, при рассмотрении данного документа необходимо учитывать то, что Геринг и Редер одинаково показали, что Гитлер предварительно объя- вил о том, что будет говорить с определенной тенденцией. Геринг был недоволен мероприятиями фельдмаршала фон Блом- берга и в особенности генерал-полковника фон Фрича, глав- нокомандующими сухопутными силами, и находил, что воору - жение войск происходит слишком медленно. Поэтому Гитлер намеренно преувеличивал факт, о котором было известно только Герингу и Редеру, так что совершенно понятно, что эта речь произвела на Нейрата, не имевшего никакого поня- тия об этой тенденции, совершенно другое, тревожное впе - чатление. Интересно, что по всей вероятности Гитлер не совсем достиг того, чего он хотел, так как оба последних абзаца документа говорят о том, что Бломберг и Фрич в из- вестной степени распознавали намерения Гитлера и не под - давались обману. Хотя Гитлер в подобных случаях и не до - пускал никаких дискуссий, Бломберг и Фрич вмешались в этом случае и указали на необходимость того, чтобы Англия и Франция не выступили в качестве противников Германии. Бломберг обосновал свое возражение, и Фрич в предпослед - нем абзаце документа достаточно ясно показал свое скепти- ческое отношение к словам Гитлера, указав на то, что в

таком случае он не может поехать в отпуск заграницу, ко - торый у него начинается 10 ноября. Далее, характерно,что Гитлер возразил на это и, в противоположность своим прежним словам, заявил, что он убежден во невмешательстве Англии и не верит поэтому в военное выступление франции против Германии. Несостоятельность мнслей Гитлера в этом документе вытекает далее из того, что в основу своих высказываний он положил абсолютно фантастическую идею, а именно итало-франко-английскую войну и такую же фантастическую гражданскую войну во Франции. Противореча сам себе, Гитлер говорил в этой речи, с одной стороны, о применении силы и, с другой - о выступлении Польши против Восточной Пруссии, что могло относится только к мысли об обороне,а в отношении Чехословакии он заявил, что,видимо, Англия и Франция втихомолку уже списали Чехословакию со счета. Од - нако, это указание говорит за то, что Гитлер хотел вести переговоры, и за это говорит также действительное разви - тие событий. Он говорит о поражении Австрии и Чехословакии, но в том же самом году, в марте 1938 года, так и в сентябре 1938 года, он ведет переговоры и улаживает оба эти вопроса без войны. Как раз этот факт кажется важным, ибо он показал Редеру в ходе дальнейшего развития, что он по праву не придал особого значения резким словам Гитлера 5 ноября 1937 года, так как действительные переговоры Гитлера впоследствии не соответствовали этим словам.

Далее, во время своего допроса Редер по праву указал на то, что как раз за несколько месяцев до того было заключено второе широкое морское соглашение с

15927

H1210-0642

H1210-0643

Англией и поэтому он не мог предполагать, что Гитлер серьезно отойдет от избранной им линии.

И последняя точка зрения следующая: во всем этом документе речь идет, с одной стороны, о политических вопросах, и, с другой стороны, о возможных операциях на суше.

Редер ничего не имел общего с политическими вопросами, так как он не политик, в то время, как Нейрат, естественно, значительно серьезнее принимал эту политическую установку Гитлера, ибо он был министром иностранных дел. Также важен тот факт, что Нейрат, согласно его показаниям, на основании этой речи также в свое время в интимной беседе спросил Гитлера о его личной позиции и отказался дальше оставаться на посту министра иностранных дел, так как Гитлер заявил ему, что это и есть его истинные намерения. Мне кажется типичным для Гитлера то, что одному, а именно Нейрату, он заявил, что он будет вести войну, в то время, как другому, Редеру, сказал, что он ни при каких обстоятельствах не будет воевать. Эта различная позиция очевидно основывалась на том, что он к этому времени уже не ценил Нейрата, как министра иностранных дел, так как он знал, что Нейрат не будет во внешней политике таким уступчивым, как намечавшийся им преемник - Риббентроп. С другой стороны, к этому времени он хотел во что бы то ни стало удержать Редера на посту главнокомандующего морским флотом. И здесь видно целеустремленное поведение Гитлера, который всегда, без всякого внутреннего колебания следовал принципу: "Цель оправдывает средства".

в/ Речь Гитлера от 23 мая 1939 года, так называемый "Малый Шмундт".

Гитлер говорил и здесь так же сомнительно, как только можно себе представить. Он говорит об агрессивной программе, о подготовке планомерного нападения и о решении напасть на Польшу. Я ни в коем случае не недооцениваю того, что Обвинение по праву рассматривает этот документ, как особенно хорошее средство доказательства. Однако я считаю, что в деле Редера, при учете многочисленных изложенных мною точек зрения, мы должны придавать этому документу значительно меньшую доказательную ценность, чем этого хотело бы обвинение и как на первый взгляд это мог бы позволить текст редакции Шмундта. Шмундт, повидимому, старался формулировать противоречивые, фантастические и путаные заявления Гитлера соответственно своему точному военному мышлению. Благодаря этому документ получил ясность, которая не соответствует речи Гитлера. Мы не знаем, когда Шмундт составил этот документ, а, кроме того, Шмундт не показал составленной им записи остальным участникам собрания. Свидетель адмирал Шульте-Монтинг во время допроса и при прекрестном допросе указал на имеющиеся именно в этом документе противоречия, которые я не считаю нужным повторять. Еще более важным является решающий пункт, а именно противоречия между этими словами и словами, которые Гитлер в то же время говорил Редеру и которые всегда соответствовали той же прежней линии что он, мол, не намеревается вести войну и что он не поставит никаких преувеличенных требований. Редер был в ужасе от этой речи и был успокоен только беседой, которую он имел наедине с Гитлером после этой речи. Он поверил Гитлеру, когда

15929

H1210-0644

H1210-0645

последний заверил его в личной беседе, что он при всех обстоятельствах урегулирует мирным путем и инцидент с Польшей, и он должен был предполагать, что Гитлер на столь ясный вопрос скажет ему правду. Я напоминаю о точном показании по этому документу во время допроса Редера и во время допроса свидетеля Шульте-Монтинг. В частности я указываю на приведенное Шульте-Монтингом сравнение Гитлера, который указал на то, что не пойдешь в суд, если ты уже получил 99 пфенингов, а спор шел об одной марке, и вывел из этого заключение, что он уже получил то, что он хотел иметь в политическом отношении, и поэтому не может допустить войны из-за последнего политического вопроса, а именно из-за польского коридора.

То, что сам Редер ни при каких обстоятельствах не хотел агрессивной войны и что в этом отношении он полагался на заверения Гитлера, доказывают все пред"явленные мной показания свидетелей и не в последнюю очередь показание Деница о том, что Редер, выступая в июле 1939 года по поводу маневров подводных лодок в Балтийском море, выразил свое твердое убеждение в том, что никакой войны не будет. К тому же Редер знал, что военно-морской флот ни в коем случае не может вести морской войны с Англией, что он это неоднократно раз"яснял Гитлеру; он доверялся тому, что Гитлер, согласно своим словам, будет вести переговоры и по польскому вопросу и, - как говорит показание свидетеля Дареруса, - действительно вел такие переговоры и к тому же сначала чрезвычайно успешно. Вопрос о том, почему в конечном итоге эта попытка потерпела неудачу и почему дело дошло до второй мировой войны, свидетель Далерус подробно осветил

в своем показании и тем самым показал весь ужасный трагизм этих событий. Мне кажется важным то обстоятельство, что еще в августе 1939 года не только свидетель Далерус, но и Чемберлен верили в добрую волю Гитлера. Поэтому и здесь тот же вопрос и тот же ответ: нельзя требовать, чтобы Редер, как солдат, был более дальновидным и мог распознать опасные идеи Гитлера, если такие люди, как Чемберлен, Галифакс и Далерус, в то время еще не поняли истинных намерений Гитлера.

Если я сам указал на сомнительность этого документа и на отягчающие данные, то я прошу учесть, что отягчающие данные так же, как и данные документа от 5 ноября 1937г., относятся к политическим вопросам. Я, как защитник главнокомандующего военно-морским флотом, должен судить о положении дела не с политической точки зрения, а с точки зрения военной. Однако с военной точки зрения нельзя ни при каких обстоятельствах согласиться с аргументацией обвинения, так как военные не имеют права участвовать в решении вопроса о войне и мира, а лишь обязаны проводить те военные приготовления, которые сочтет нужными политическое руководство. Ни один адмирал ни в одной стране мира не может судить о том, является ли возможная война, к которой он ведет подготовку, агрессивной или оборонительной. Решение вопроса о том, будет ли вестись война, ни в одной стране мира не находится в руках военных, а повсюду относится к компетенции политического руководства или законодательных органов. В соответствии с этим статьей 45-й имперской конституции **устанавливается**, что имперский президент представляет империю в международно-правовом отношении, и далее сказано./Я цитирую/:

15931

H1210-0646

H1210-0647

"Об"явление войны и заключение мира производятся имперским законом". (Конец цитаты).

Итак, вопрос о том, ~~кто~~ должна ли вестись война против Польши, относился к компетенции рейхстага, а не военного руководства. Профессор Яррайс уже заявил, что в государственно-правовом развитии национал-социалистского государства это право было исключительно у Гитлера. С точки зрения дела Редера совершенно безразлично, можно ли было рассматривать Гитлера правомочным с точки зрения государственного права единовластно начинать войну, что он в действительности потом и сделал осенью 1939г. Решающим является только то, что во всяком случае военное руководство ни фактически, ни согласно конституции не должно было принимать участия в принятии этого решения. Не выдерживает критики та мысль, что обвинение любое военное планирование, которое имело место в Германии, хочет рассматривать как преступление, так как военное руководство, которое только получает приказ, разработать определенный план, не правомочно и не обязано судить о том, будет ли при проведении его плана в жизнь речь итти об агрессивной или оборонительной войне. Известно, что военное руководство союзников по праву защищает ту же точку зрения. Ни один адмирал или генерал союзных вооруженных сил не был согласен бы, если бы кто-либо поставил им в вину то военное

15932

планирование, которое проводилось и союзниками задолго до войны. Я считаю излишним останавливаться более подробно на этом вопросе. Мне кажется, будет достаточно, если я сошлюсь на документ Риббентроп № 221. Речь идет о секретном документе, который, судя по заглавию, касается "второй фазы франко-британских переговоров генеральных штабов". Из этого документа видно, что происходила разработка точных планов относительно союзных вооруженных сил для войны, которая бы охватывала многие страны; планов, которые в соответствии с этим документом распространялись на войну в Европе и на войну на Дальнем Востоке. Там категорически заявляется, что французский и британский главнокомандующие на Дальнем Востоке разработали (я цитирую) "совместный план операций" (Конец цитаты). Там ясно говорится о значении оккупации бельгийской и голландской государственных областей, как исходного пункта для наступления на Германию, и, мне кажется, решающим для этого военного параллельного случая то обстоятельство, что этот документ датирован тем же месяцем, как и обсуждавшаяся речь Гитлера перед главнокомандующими, а именно маем 1939г. Документ имеет дату: "Лондон, 5 мая 1939г.".

Я перехожу к обращению Гитлера к главнокомандующим 29 августа 1939г. в Оберзальцберге.

Относительно доказательной ценности обоих, представленных Обвинением документов - ПС-1014 и ПС-798, - я с целью сокращения, в первую очередь хочу сослаться на мои прежние высказывания, которые я

H1210-0648

H1210-0649

сделал в зале суда, когда представлял официальное ходатайство исключить документ ПС-1014. Хотя Высокий суд и не одобрил этого ходатайства, я все-таки считаю, что мои высказывания по меньшей мере имеют значение вследствие того, что оба эти документа и в особенности документ 1014-ПС, имеют чрезвычайно незначительную доказательную ценность. Представитель американского обвинения в свое время при пред"явлении этого документа указал на то, что Трибунал должен учесть это в случае, если защита сможет пред"явить более точную редакцию этой речи. Соответственно этому я в документе Редер № 77 представил редакцию, автором которой является свидетель генерал - адмирал Бем, и считаю, что я в рамках пред"явления доказательств показал, что здесь действительно речь идет о более точной редакции, чем редакция документа Обвинения. Вслед за этим сэр Дэвид Максуэлл Файф представил два документа, в которых очень тщательно редакция Бема сопоставляется с документами ПС-1014 и ПС-798, что значительно облегчается для всех нас сравнение этих документов. Для того, чтобы со своей стороны облегчить высокому Суду и Обвинению такое сравнения, я попросил генерал-адмирала Бема с его стороны сравнить представленные редакции и притом, используя вышеназванное сравнение британского обвинения. Результат этого мы можем найти в аффидевите Бема.

Если рассмотреть весь этот материал, то можно притти к выводу, что документ ПС-1014 является чрезвычайно неполным и неточным, тем более, что кроме его чисто формальных недостатков, он изложен всего на полуторах

страницах и уже по этой одной причине не может представлять собой полное изложение 2½ часовой речи.

Документ ПС-798 несомненно лучше, но и он содержит в себе большое количество неправильностей, как показывает аффидевит Бема. Здесь не играет роли каждая фраза. Здесь важно, однако, то, что как раз некоторые самые важные фразы, на основании которых ~~бб~~ скорее всего можно обвинить главнокомандующего, судя по показанию Бема, данному под присягой, фактически не были сказаны. Согласно аффидевиту Бема неверно то, что Гитлер будто-бы заявил, что он уже в начале 1939 года решил выступить сначала против Запада, а потом против Востока. Гитлером также не были употреблены и слова: "Я только боюсь, что мне в последний момент какая нибудь свинья сделает предложение о посредничестве. Политическая целеустановка идет дальше". Но самым решающим является то, что не были употреблены слова: "На первом плане уничтожение Польши. Целью является уничтожение живой силы, а не достижение определенной линии", а Гитлер говорил только о разгроме военных сил.

Эти различия в отдельных словах и оборотах речи имеют большое значение, потому что различия заключаются именно в тех резких выражениях, на которые много раз указывало обвинение и из которых можно сделать вывод о намерении вести войну в нарушение международного права и даже о намерении совершать убийства гражданских лиц. Если бы эти фразы действительно были сказаны, то главнокомандующим, которые там присутствовали, заслуженно

15935

H1210-0650

H1210-0651

можно было бы бросить упрек в том, что они вели войну по приказу Гитлера, несмотря на такую преступную целеустановку. Если же эти фразы сказаны не были, а как показывал под присягой свидетель Бем, говорилось лишь то, что касалось военных целей, то обвинение не может вменять присутствовавшим главнокомандующим в вину то, что они остались на своих постах. Никто не может всерьез требовать от адмирала, чтобы он за несколько дней до начала войны покинул свой пост и тем самым ослабил бы военную мощь своего отечества. Для меня совершенно ясно, что по крайней мере поведение Гитлера в период после Мюнхенского соглашения до начала войны с Польшей дает основания для тягчайших обвинений, однако, и это является решающим для дела Редера, - не против военного руководства, а исключительно против политического руководителя. Мы знаем, что Гитлер и сам признал это, а потому решил избегнуть ответственности путем самоубийства; нисколько не заботясь в годы войны и в особенности в конце войны о жизни и благе немецкого народа.

Я перехожу к речи, произнесенной Гитлером перед главнокомандующими 23 ноября 1939 года, о которой я скажу только вкратце. Господин председатель, если вы мне разрешите, то я зачитаю эту часть. После этого следует более крупный раздел, перед ним я остановлюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

Д-р ЗИММЕРС. Я думаю, что мне достаточно будет вкратце остановиться на этом последнем из основных документов. Это еще один документ без подписи, так что

автор его неизвестен и без даты, которая показала бы время, когда была сделана эта запись. Он не является официальным протоколом; в нем опять-таки проявляется особая тенденция. В начале ноября 1939 года имели место большие разногласия между Гитлером и генералами, потому что Гитлер хотел немедленно начать наступление на западе, в то время как генералы придерживались другой точки зрения и, повидимому, надеялись на то, что удастся все-таки избегнуть возникновения настоящей мировой войны. Неудовольствие и досада Гитлера, вызванные генералами, совершенно очевидны. Вследствие этого он стремится путем перечисления всего сделанного им раньше показать, что им было достигнуто и, кроме того, показать, что он всегда был прав. Это очень типичная речь Гитлера, похожая на его публичные выступления, в которых он также любил хвастаться и восхвалять самого себя, как гения. Гитлер принадлежал к людям, которые всегда считают, что они правы и пользуются каждой возможностью, чтобы доказать это. Далее он воспользовался этой возможностью для того, чтобы угрозой подавить в зародыше сопротивление военной верхушки, о котором ему стало известно, и таким путем укрепить свою диктатуру. Очень показательно, что он, как значится в документе, говорит дословно следующее: "Я не отступлю ни перед чем и уничтожу каждого, кто будет мне противиться". Это было признано также руководящими иностранными военными кругами. Я ссылаюсь, в частности, на официальный доклад генерала Маршалла, который говорит о "недостатке широкого военного планирования" и о том, что немецкое

15937

H1210-0652

H1210-0653

верхонное/командование не имело всестороннего стратегического плана и в связи с этим указывает на то, что "престиж Гитлера достиг такого уровня, когда никто не осмеливался противоречить высказанному им мнению".

В заключение необходимо, в связи с этим последним документом указать еще на то, что к этому времени война была уже начата и что военным не может быть поставлено в вину то, что они во время войны при составлении всех планов стремятся достичь победы. Планы одновременно составлялись и союзниками. Я ссылаюсь на документы: Риббентроп, документ № 222 и Редер документ № 34. Первый документ, датированный 1 сентября 1939 года, является секретным письмом генерала Гамелена к Даладье, основная мысль которого заключается в том, что необходимо вторгнуться в Бельгию для того, чтобы вести войну за пределами французской территории. Второй документ также содержит военные планы и является секретным письмом генерала Гамелена на имя военного атташе при французском посольстве в Лондоне генералеЛелонга от 13 ноября 1939 года, в котором говорится о намеченных союзниками операциях в Голландии и Бельгии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас мы об"явим перерыв.

(Об"является перерыв до 17 июля, 10.00).

лт-вв
ап-мс.

15928

H1210-0654

Страницы просчитал
23/XII-46. М.Воскресенский